

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

5

*Под редакцией
К.Д.МУРАТОВОЙ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1 9 6 0

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем выпуске «Литературного архива» публикуются письма, освещающие жизнь и деятельность известных писателей конца XIX—начала XX в. — Л. Андреева, И. Бунина, Н. Гарина-Михайловского, А. Куприна, К. Тренева, В. Шишкова, К. Бальмонта, В. Брюсова.

Так, например, письма Л. Андреева к Н. К. Михайловскому и В. С. Миролубову значительно расширяют представление о начальном периоде творческой работы писателя и его взаимоотношениях с М. Горьким; письма К. Тренева и В. Шишкова позволяют проследить за творческим развитием этих писателей; письма Н. Гарина-Михайловского дают богатый материал для изучения биографии и творческой работы писателя над отдельными произведениями; письма В. Брюсова помогают осветить малоизвестный эпизод биографии поэта — редактирование им литературного отдела журнала «Русская мысль», и т. д.

Публикуемые письма в то же время представляют несомненный интерес для изучающих историю русской журналистики. В них приведены материалы, характеризующие историю развития ряда журналов конца XIX—начала XX в. — «Русского богатства», «Журнала для всех», «Ежемесячного журнала», «Русской мысли».

В подготовке к печати и комментировании публикуемых текстов принимали участие: А. Ф. Бритиков, В. Я. Гречнев, Н. И. Желтова, А. Н. Михайлова, А. Б. Муратов, К. Д. Муратова, Н. Т. Панченко, П. П. Ширмаков.

Рукописи публикуются по новой орфографии, но с соблюдением всех характерных особенностей языка документа; пунктуация подновлена лишь в некоторых случаях, особо не оговариваемых, для лучшего понимания текста. Пополнения слов и восстановленные даты даются в ломаных скоб-

как < >; если в текст вводятся зачеркнутые и пропущенные автором слова, то они заключаются в прямые скобки[]; иностранные слова и фразы снабжаются русским переводом под текстом. Документы сопровождаются реальным комментарием, а также пояснительными заметками. Фонды без обозначения места хранения находятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

В сносках даны: под буквами алфавита курсивом — примечания публикатора, под звездочками — переводы с иностранных языков, под римскими цифрами — подстрочные примечания, имеющиеся в публикуемом документе; арабские цифры в тексте соответствуют порядковым номерам примечаний комментария.

- - -

«РУССКОЕ БОГАТСТВО»

Н. Г. ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ

**ПИСЬМА к Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ
и А. И. ИВАНЧИНУ-ПИСАРЕВУ**

(1892—1904)

Письма и телеграммы Н. Г. Гарина-Михайловского к редактору журнала «Русское богатство» Н. К. Михайловскому и сотруднику (заведующему редакцией) этого журнала А. И. Иванчину-Писареву знакомят с разносторонней деятельностью писателя, выступавшего не только в качестве литератора, но и инженера, специалиста сельского хозяйства, земского деятеля и т. д.

Кроме того, письма Гарина-Михайловского дают яркое представление о роли этого писателя в деле создания и творческой жизни журнала «Русское богатство». Многие мы из писем о самом журнале и задачах, которые ставила перед собой редакция «Русского богатства».

Журнал «Русское богатство» был создан в 1876 г. в Петербурге. С 1879 г. он возглавлялся кружком писателей демократического направления и пользовался успехом у читателей. Однако начавшиеся разногласия между сотрудниками привели «Русское богатство» к упадку. В 1882—1892 гг. журнал принадлежал Л. Е. Оболенскому, который превратил его в умеренно-прогрессивный ежемесячник без ясно выраженной общественно-литературной позиции. До перехода в руки группы писателей во главе с Н. К. Михайловским этот печатный орган влачил жалкое существование и буквально терял одного подписчика за другим.

Литераторы-народники — Н. К. Михайловский, А. И. Иванчин-Писарев, С. Н. Кривенко и др. — познакомились с Гариним в 1891 г. (они прочли рукопись произведения Гарина «Несколько лет в деревне»). Тогда же возникла идея привлечь Гарина-Михайловского к покупке журнала «Русское богатство».

Согласившись принять участие в покупке «Русского богатства», Гарин-Михайловский заложил свое имение. На вырученные деньги и был приобретен (за 11 тыс. руб.) этот журнал. Официальным издателем «Русского богатства» стала жена Гарина — Надежда Валериановна Михайловская, фактическим же редактором (а несколько позднее и официальным издателем) сделался Николай Константинович Михайловский.

В одном из писем этого времени Гарин писал своей жене: «Новая редакция составила. Во главе Н. К. Михайловский, его помощник С. Н. Кривенко, хозяйственной частью заведует А. И. Иванчин-Писарев...

«Просил меня Н. К. Михайловский принять участие в редакции, брать на просмотр рукописи, но я отказался наотрез за неимением времени. Тенсрь подписка обеспечена, есть и новые пайщики. Таким образом, журнал поставлен на ход, но чего это стоило ой-ой-ой» (ф. 69, № 10).

Произведения Д. Мамина-Сибиряка, В. Короленко, А. Куприна, К. Станюковича и др., а также критические и публицистические статьи Н. К. Михайловского, который, по выражению В. И. Ленина, «горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета...» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 99), — все это вместе взятое в 1892—1894 гг. выдвинуло «Русское богатство» в число наиболее передовых журналов. «В Киеве „Русское Богатство“ имеет колоссальный успех и уже оставило за собой „Русскую Мысль“, — писал А. Куприн 20 ноября 1894 г. Иванчину-Писареву (ф. 114, оп. 2, № 244).

О том, что журнал занимал передовые позиции и много беспокойства причинял стоящим у власти, свидетельствуют не только современные критические отклики, но и одно из секретных донесений Цензурного комитета в Главное управление по делам печати. В обоснование «пагубности» идейной направленности «Русского богатства» в этом донесении давался пересказ некоторых статей, которые Цензурный комитет счел нужным запретить.

«Одна статья, — отмечалось в донесении, — говорит о том, что русский народ гибнет от голода, холеры и других общественных бедствий...»

«Другая статья рисует голодовку целой семьи: случайная помощь ничтожна...»

«В третьей — картины жизни мужика на Урале: он живет только лесокрадством... вывозит лес на жене, вместо лошади...»

«В пятой — исторической — позор королей, низость высших классов, которыми народ доведен до скотского состояния, и восхваление республиканских идей». («Русское богатство», 1917, № 11—12, стр. 61).

Гарин-Михайловский и материально и своим творчеством во многом способствовал успеху «Русского богатства». В этом журнале было опубликовано немало его рассказов и очерков (например, цикл очерков «Деревенские панорамы», «В усадьбе помещицы Ярыщевой» и т. д.), а также бо́льшая часть тетралогии — «Детство Тёмы», «Гимназисты» и «Студенты».

Однако активное участие в творческой жизни журнала и довольно близкие, дружеские отношения с Н. К. Михайловским, А. И. Иванчиным-Писаревым и другими вовсе не означали, что Гарин всецело разделял народнические взгляды, которые высказывались на страницах «Русского богатства».

Собственный опыт ведения сельского хозяйства, закончившийся полным крахом, помог Гарину разглядеть призрачность, нежизненность теорий народников. Ему стало ясно, что кризис в деревне не вылечить теми лекарствами, которые предлагали теоретики народничества. Он был убежден в том, что нужны коренные земельные преобразования. Не мог согласиться с народниками Гарин еще и потому, что, будучи инженером, он прекрасно видел и понимал, что историческое развитие России не может пойти и не пойдет так называемым «самобытным» путем, минуя капиталистические отношения. Гарин ратовал не за возвращение к патриархальному хозяйству, а за строительство железных дорог, элеваторов и т. д.

И если первое время (1892—1895 гг.) Гарин еще надеялся, что идейные расхождения с народниками не помешают ему печатать свои художественные произведения в «Русском богатстве», то после нескольких лет

совместной работы Гарину стало ясно, что разрыв с редакцией журнала неминуем.

Письма Гарина к Н. К. Михайловскому и А. И. Иванчину-Писареву весьма отчетливо показывают, как намечался и произошел раскол между Гариним и редакцией «Русского богатства». Если в начале сотрудничества Гарин весьма терпимо относился к замечаниям, которые высказывали ему Михайловский, Иванчин-Писарев и др., и даже просил их вносить исправления в свои рукописи («Главы не расставлены, можете вычеркивать и сокращать сколько душе Вашей угодно»), не найти в его письмах этого периода и критических высказываний в адрес народников, то уже менее чем через год Гарин настаивает на присылке ему корректур. В частности, публикация рукописи без его дополнительной правки вызвала телеграмму: «С болью в сердце прочел исковерканную и бесцветную работу...» Более четко и открыто начинают звучать в его письмах и антинароднические замечания и высказывания. Иногда это беспокойство по поводу обесценения хлеба, причину чего он видел в «отсутствии путей сообщения, отсутствии кредита» и т. д., иногда довольно откровенная и острая критика теорий и схем народников, причем нередко тех писателей и критиков, которые сотрудничали в «Русском богатстве». Так, сообщая Иванчину-Писареву, что он (Гарин) познакомился со статьей Н. И. Карышева, который вел научно-литературное экономическое обозрение в «Русском богатстве», Гарин отмечал: «Читаю Карышева за Август и ругаюсь: ограниченный народник со всем бессилием и слабостью мысли народника, наивен так, что стыдно читать».

Критика в адрес «Русского богатства» и более требовательное отношение к своим рукописям — свидетельство того, что Гарин изменился, возмужал как художник, созрел и сформировался идейно.

Правда, следует помнить и о том, что «Русское богатство», в свою очередь, не оставалось неизменным. Если в начале 90-х годов этот журнал был наиболее передовым из существующих органов печати, то во второй половине 90-х и начале 900-х годов в нем со всей ясностью обнаружилось нежизненность и схематизм теорий народников.

Именно этот журнал сплотил вокруг себя таких ортодоксальных народников, как С. Южаков, В. Воронцов и др., чьи работы подверглись уничтожающей критике В. И. Ленина. Отметив как одно из характерных явлений общественной жизни того времени «вырождение народничества в мещанский оппортунизм», В. И. Ленин определил теоретические воззрения «Русского богатства» как «жалкую попытку склеить обрывки народнического учения с признанием капиталистического развития России...» (В. И. Ленин, Сочинения, т. I, стр. 255—256).

В годы ожесточенной борьбы народников с марксистами редакция «Русского богатства» стала более нетерпима в своих оценках. Это коснулось и Гарина. Ранее многие его произведения (нередко остро антинароднические) без особых исправлений помещались на страницах «Русского богатства», теперь же Гарину часто не прощаются и малейшие отступления от народнических догм. Как видно из переписки, писатель понимал, что отношение к нему изменилось, но он понимал и другое — направление журнала стало иным. Незадолго до окончательного разрыва с «Русским богатством» (1897) Гарин писал Н. К. Михайловскому: «... журнал такой, точно не в этом году, а 25 лет тому назад составляли номер, следующий будет может быть еще дальше от жизни».

В период своего отхода от «Русского богатства» Гарин принял активное участие в создании первой легальной марксистской газеты «Самарский вестник», а позднее сделался постоянным сотрудником журналов легаль-

ного марксизма «Начало» и «Жизнь». Известно также, что Гарин помогал деньгами большевистским газетам.

М. Горький писал о Гарине: «Я думаю, что он считал себя марксистом, потому что был инженером. Его привлекала активность учения Маркса... Марксов план реорганизации мира восхитил его своей широтой, будущее он представлял себе как грандиозную коллективную работу, исполняемую всей массой человечества, освобожденного от крепких пут классовой государственности» (М. Горький, Собрание сочинений, т. 17, М., 1952, стр. 77).

Письма Гарина-Михайловского воссоздают своеобразие его писательского облика. Гарин непрерывно был в разъездах: если он не строил железную дорогу, не разъезжал с докладами для земств, то со всей присущей ему страстью отдавался сельскому хозяйству или же, всё бросив, уезжал в кругосветное путешествие. «Я веду самый излюбленный образ жизни, — писал Гарин в письме к Иванчину-Писареву, — шатаюсь с изысканиями по селам и высям, езжу в города, к себе в деревню, участвую в земских собраниях, агитирую свою дешевую дорогу, веду дневник». Такой образ жизни, естественно, оказывал влияние на характер творчества писателя, определял тематику его произведений и вызывал некоторую небрежность в работе: Гарину нередко приходилось писать что называется «на облучке», в дороге, в первом попавшемся трактире, гостинице.

М. Горький удивительно тонко и глубоко почувствовал и передал оригинальность этого художника в своем мемуарном очерке «О Гарине-Михайловском». «Он был по натуре поэт, — читаем мы у Горького, — это чувствовалось каждый раз, когда он говорил о том, что любит, во что верит. Но он был поэтом труда, человеком с определенным уклоном к практике, к делу» (там же, стр. 77).

Талантливый писатель, Гарин был не менее талантливым инженером. Литературное творчество у него было неразрывно связано с изыскательской работой инженера. Энергичный, увлекающийся «разносторонне, порусски даровитый» (М. Горький), Гарин чувствовал себя в своей стихии лишь тогда, когда вокруг него кипела жизнь, шла борьба, бушевали страсти. В одном из писем к Иванчину-Писареву мы находим следующее высказывание: «Свежий ветер, подвижная жизнь, смена впечатлений и работ — все это моя обстановка, и я чувствую себя прекрасно». «Разве в том дело, чтобы пройти в жизни так, чтобы никого не задеть? — спрашивает Гарин в другом письме. — Задеть, сломать, ломать, чтоб жизнь кипела».

Несмотря на то, что очень часто Гарину приходилось писать о вещах грустных: о тяготах нищенской жизни крестьянства, безотрадной доле русской женщины, о бездушии, заскорузлости чиновников и т. д., — он тем не менее был человеком, глубоко уверенным в будущем своей страны. В отличие от многих современников он не вздыхал о том, что ему не дожить до радостных дней торжества свободы и разума, а по мере сил, практически трудился во имя этого будущего: строил железные дороги, экспериментировал в области сельского хозяйства, писал художественные произведения, в которых намечал пути решения насущных вопросов современности.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 181, оп. 1, № 453; ф. 114, оп. 2, № 97). Из сохранившихся 61 письма и телеграммы печатаем 42. Пунктуация значительно исправлена.

1

<6 сентября 1892>

Дорогой Александр Иванович!

Главы не расставлены, можете вычеркивать и сокращать, сколько душе Вашей угодно.¹ Хотел было Вас вывести, но взял только крупинку, чтоб более идейно и на более широкой почве остальным. Вашим осветить темные мотания моего забулдыги Артемия Карташева.² Крепко Вас целую. Спасибо Вам без конца, что погостили. Любящий Вас

Н. Гарин.

Датируется в связи с письмом Н. В. Михайловской, жены писателя, которое является продолжением письма Гарина.

¹ Речь идет о первых главах второй части семейной хроники Гарина-Михайловского — «Гимназисты». Она была опубликована в «Русском богатстве» (1893, №№1—4, 9, 11—12). Какие изменения были внесены Иванчиным-Писаревым в присланную рукопись, установить не удалось.

² Артемий Карташев — основной герой тетралогии Гарина, воплотивший многие типические черты молодых людей 80—900-х годов.

2

Многоуважаемый Николай Константинович!

Посылаю Вам продолжение.¹ Надеюсь Ал<ександр> Ив<анович>² разберется в моих каракулях. Сегодня еду в Нижний, а завтра из Нижнего выезжаю в Казань, деревню, Самару и назад на второй день праздника. Желаю Вам всего хорошего. Думаю, что с посылаемым впечатлением полнее будет. С искренним уважением и преданностью.

Н. Михайловский.

P.S. Передайте пожалуйста прилагаемое письмо А<лександр> И<ванович>.

Москва, 16 дек<абря> <18>92 г.

¹ Имеется в виду продолжение повести «Гимназисты».

² Александр Иванович Иванчин-Писарев (1846—1916) — журналист, участник народофильского движения 70-х годов. В 1892—1912 гг. заведующий редакцией «Русского богатства».

3

Многоуважаемый Николай Константинович!

Послал я Вам из Москвы конец на Генварь,¹ а дорогой взяло меня раздумье насчет того места, где Берендя занялся Гегелем, Кантом и пр. Мне кажется, это место надо выбросить, так как выходит что-то неправдоподобное для гимна-

зиста. И без Канта и Гегеля трудолюбие Беренди ясно. Если же оставить это место, то необходимо прибавить, что такие его переводы, отличаясь точностью, были настолько туманны по смыслу, что в голове переводчика при всех усилиях ничего кроме оторванных фраз не оставалось. Гораздо успешнее были его труды по истории и пр.² Извините, что позволяю себе так бесцеремонно навязывать вам эту работу. Я думаю у Вас и времени нет: может быть Ал<ександр> Ив<анович>³ будет так добр.

Сегодня выезжаю в Казань — 28° морозу — не совсем приятно.

Видал Вл<адимира> Гал<актионовича>,⁴ видал нескольких знакомых: у всех большая симпатия к Рус<скому> Бог<атству> и акции его высоко стоят в Нижнем.⁵ Содействую как могу тому же.

Всего хорошего.

Преданный Вам

Н. Михайловский.

17 дек<абря> <18>92 г.

Нижний Нов<город>.

Отрывок из письма опубликован в Собрании сочинений Н. Г. Гарина-Михайловского (т. I, М., 1957, стр. 513).

¹ «Конец на Генварь» — окончание повести «Гимназисты», которое было опубликовано в «Русском богатстве» (1893, № 12).

² Берендя — соученик Карташева по гимназии. «Это место», как и хотел того Гарин, было исключено. В журнальном тексте «Гимназистов» нет упоминаний ни о Гегеле, ни о Канте. Не говорится и о переводческой деятельности Беренди. Приводятся лишь философские размышления этого гимназиста и отмечается, что он читал Берне, Гейне, Гете и журналы «прежних годов и последних дней».

³ Александр Иванович Иванчин-Писарев.

⁴ Владимир Галактионович Короленко (1853—1921). С января 1892 г., т. е. со времени, когда журнал перешел в руки группы писателей во главе с Н. К. Михайловским, имя Короленко упоминается в числе постоянных сотрудников журнала. С 1895 г. он вошел в редакцию «Русского богатства».

⁵ С переходом «Русского богатства» в руки Н. К. Михайловского (1892) в этом журнале стали помещать свои произведения такие писатели, как Н. Гарин-Михайловский, Д. Мамин-Сибиряк, К. Станюкович, В. Короленко и др. Лицо журнала качественно изменилось. И это, разумеется, не осталось незамеченным для читателей.

4

<Февраль—начало марта 1893>

Многоуважаемый Николай Константинович!

Очень совестно и очень неприятно мне возвращаться к уже поконченному делу, но что с ним прикажете делать:

Александрович
Михайловскому

Помань в Коши
из Москвы ко-
мисс на Тевварь,
я думаю, будет
моя рудубе
машин, того
машин, что
Береанда, замиди
Тевварь, Коши
и из. Коши на-
решит что ма-
шо надо. Востра-
сити, маш как
выведити что
шо мешавдана -
датель для ми-
нашита. И те

Письмо Н. Гарина к Н. Михайловскому от 17 декабря 1892 г.

оно как некое плавающее тело, — пока его погружаешь и держишь рукой — погружается, оставишь держать и оно опять всплыло. Третьего дня я был удручен, и сегодня уехали Вы и я в еще более удрученном настроении. Не знаю может быть я ошибаюсь, но все мое генварское писание¹ представляется мне плетением кружев из паутины. Нужно слишком осторожное наслоение впечатлений, чтоб из этого плетения в общем получился бы определенный узор, заменяющий собою впечатление самой жизни. И без того я клал минимум баласта, уделяя может быть и слишком много места ажурности. Теперь произошло вот что: цензор прорвал паутину, выбросил груз — то есть ценный материал, и оставил порванную паутину, то есть и художественная сторона исчезла. Поломанная вещь, прорванный ажурный платок будет испорченной вещью и требует по крайней мере починки. Какую починку можно сделать, если ни одного слова нельзя прибавить?

Я понимаю и сам болею душой, что задержится книга, но мысль, что я выйду в таком искалеченном виде, с дыркой на колене повергает меня в полную тоску и апатию. В прошлом году я начал было «Письма из деревни».² Так же цензор выбросил, и я так же вышел изуродованным. Помимо того, что от своих знакомых я выслушал много неприятного, но это на меня так подействовало, что я до сих пор не могу равнодушно вспомнить о своих «Письмах» и все их изорвал — все продолжение. То все-таки была публицистика, а от Тёмы³ такая же история, знаю по опыту, кончится тем, что я его возненавижу. Это не каприз, и доброго чувства много потрачено было, чтобы успокоить себя. Но чувствую, что бесполезно и это выжметя в конце концов так, что и Тёмы не будет. Еще раз прошу Вас очень верить, что во мне говорит сильнее меня самого то чувство, которое не позволяет появляться с разорванным коленом.

Радость костюма нового заменяется тоской и унижением, таким удрученным чувством, от которого бы я был счастлив отделаться. Если б все было сдано уже в редакцию, я бы и на это не обратил бы внимания, но надо писать дальше, писать под мыслью, что через неделю появишься с недостатком, который разбивает весь рассчитанный эффект, может быть в общем и неудачной, но для меня сложной и ответственной за впечатление работы.

Простите еще раз, что беспокою Вас, дорогой Николай Константинович, и страшно не хотел бы злоупотреблять Ва-

шей деликатностью. Мне кажется, надо в духе цензуры переделать немного испорченное место, — залатать, как можно, пожертвовав даже красками. Если Вас убедило мое письмо, пришлите мне текст и через несколько часов я пришлю Вам с поправкой, постараюсь соблюсти все, что можно. Еще раз извините. Искренно уважающий Вас

Н. Михайловский.

Отрывок из письма опубликован в Собрании сочинений Н. Г. Гарина-Михайловского (т. I, М., 1957, стр. 513). Датируется в связи с содержанием письма.

¹ Удрученное настроение у Гарина и у главного редактора журнала Н. К. Михайловского было вызвано тем, что цензор весьма сильно исковеркал «генварское писание» — очередные (XIII—XVIII) главы повести «Гимназисты» («Русское богатство», 1893, № 3). Как видно из письма, Гарин хотел исправить (в корректуре) то, что испортил цензор («плетение кружев из паутины... цензор прорвал...»). Однако на это не мог пойти и не пошел редактор журнала, так как существенные исправления в корректуре грозили задержать очередную книгу «Русского богатства».

² «Письма из деревни» — цикл статей, который Гарин-Михайловский начал печатать в 1892 г. («Русское богатство», № 1), но после появления первой же статьи прекратил публикацию. Причину этого проясняет данное письмо: статья вышла изуродованной и Гарин «изорвал все продолжение».

³ Артемий Карташев (см. примечание 2 к письму 1).

5

<26 марта 1893>

С болью в сердце прочел исковерканную и бесцветную работу; моя манера писать мазками; мазки и блики дают картину; одни мазки — только мазня, обесцвеченная цензурой и корректурой; мало сказать — бездарно, оставляя даже интересы автора, для журнала неприлично помешать такую недостойную работу. Необходима в дальнейшем моя корректура.¹ Я в полном отчаянии. Михайловский.

Телеграмма Н. К. Михайловскому из Сергиевска. Опубликовано в Собрании сочинений Н. Г. Гарина-Михайловского (т. I, М., 1957, стр. 514). Дата телеграфного бланка.

¹ Несмотря на неоднократные просьбы Гарина выслать ему корректуру, редакция «Русского богатства» опубликовала очередные главы «Гимназистов» без авторской правки. По ознакомлении с журнальным текстом Гарин и послал эту телеграмму.

6

<4 сентября 1893>

Просьба не выбрасывать из сентябрьской книги,¹ так как на многих мелочах построена октябрьская, которую на днях высылаю. Прикажите магазину выслать папирос. Просьба высылать в Сергиевск Соктору Муханову журналы за мой счет, если высылка была Вами прекращена.

Михайловский.

Телеграмма А. И. Иванчину-Писареву из Сергиевска. Дата телеграфного бланка.

¹ Речь идет об очередных главах повести «Гимназисты».

7

Дорогой Александр Иванович!

Посылаю Вам «Гимназистов».¹ Если что-нибудь в цензурном отношении можно выпустить, так разве тираду Беренди, когда они идут с Корневым и он говорит о здании на песке, и то не выпустить, а смягчить,² — остальное я считаю настолько цензурным, что если цензор не согласен, то передайте в цензурный комитет, а если там не пропустят, то тогда ничего больше не остается, как прекратить печатанье, — я вовсе не желаю являться пред публикой в роли какого-то полупомещанного, который лепечет что-то, побрякивает, блестит, а в общем ни одной мысли связной и цельной. Это мое последнее и окончательное решение. Тогда уж лучше так: издать отдельно и разослать подписчикам как приложение, — это обойдется редакции по 60 к. или 50 к. на экземпляр журнала, но даст такую солидность, которая окупится сторицею при новой подписке.

В общем я доволен посылаемыми «Гимназистами», хотя писал их под гнетом цензуры,³ под гнетом замалчивания (прочел отзывы В<естника> Е<вропы> и Р<усской> М<ысли>),⁴ наконец под гнетом хозяйства, — хлеба груды, но он обесценен до невозможного, — благодаря отсутствию путей сообщения, отсутствию кредита, т. е. элеватора, цена на рожь у нас 24 к., а в Самаре 50, в Рыбинске 72. Т<аким> о<бразом> извоз до Самары станет дороже хлеба, в то время как при дешевой дороге вместо теперешних 26 к. за извоз заплатили бы 4 к. Проклятое положение дел. Да и за эту цену подвод не найдешь, так как скот распродан почти весь. К тому же земство Бугурусланское отказалось взять на себя хло-

поты по суду на хлеб и повинности берут деньгами. Цены еще упадут, дойдут до 20 к. за пуд и через месяц у населения не будет ни хлеба, ни денег, — ни у населения, ни у государства, но у скупщиков будет и то и другое. У нас 50 т<ыс.> пудов хлеба и пуд нам обошелся по 28 к. Нам предлагают теперь за него 10 т<ыс.> р., то есть то, что только истрачено на уборку и молотьбу. К будущему посеву нужно столько же затратить. Долги прежние, жизнь целого года: у мужиков же один ужас, — хуже голодного года. Крепко вас всех целую.

Ваш
Ник. Мих<айловский>.

23 сент<ября> 1893 г.

Отрывки из письма опубликованы в Собрании сочинений Н. Г. Гарина-Михайловского (т. I, М., 1957, стр. 514).

¹ Предпоследняя часть повести «Гимназисты» («Русское богатство», 1893, № 11).

² «Тирада Беренди» в журнальном тексте была воспроизведена без рассуждений о «здании на песке». Он говорит: «...корабль без якоря. Работа без устоев. Кучка возится, строит, а пришла волна мрака и все к черту, колесо белки, нет фундамента образования достаточного, чтобы противустоять напору этой волны» («Русское богатство», 1893, № 11, стр. 198).

³ «Гнет цензуры» был ощутителен для всех журналов и газет, издававшихся в то время в России, но «Русскому богатству» особенно «не повезло» в этом отношении. Уже в момент перехода подцензурного журнала в руки группы издателей во главе с Н. К. Михайловским (ноябрь 1892 г.) в Главное управление по делам печати поступило секретное донесение Петербургского цензурного комитета, в котором говорилось о «неблагонадежности» лиц, взявшихся издавать этот журнал. В частности, указывалось, что при переговорах с цензором Н. Г. Михайловский (Гарин) и другие «довольно бесцеремонно объясняли, в чем состоит характер и направление журнала „Русское богатство“... цели их — „мирный переворот“ в государстве; направление журнала... оппозиция Правительству» («Русское богатство», 1917, № 11—12, стр. 61).

Вплоть до 1905 г. журнал не мог избавиться от «предварительной цензуры». «Гнет цензуры», который упоминает Гарин-Михайловский в письме, хорошо дает почувствовать опубликованная выше телеграмма писателя к Иванчину-Писареву.

⁴ Повесть «Гимназисты» печаталась в «Русском богатстве» (1893, №№ 1—4, 9—11) в течение почти целого года, первый же критический отзыв о ней появился лишь в ноябре («Русская мысль», 1893, № 11), хотя в библиографических отделах многих журналов регулярно давались критические обзоры периодических изданий, в том числе «Русского богатства». Не получили оценки в то время и другие произведения Гарина. Так, ни единым словом не обмолвился критик «Русской мысли» (1893, № 8) о талантливом рассказе Гарина «Сочельник в русской деревне», опубликованном в рецензируемом сборнике «Путь-дорога» (1893).

8

〈Январь—начало февраля 1894〉

Многоуважаемый Николай Константинович!

Так как Борис Маркович¹ взялся сделать это без задержки, то в Диком² в последних четырех строчках я переставил темные слова. Прежде рассказ упирался в следователя, лицо второстепенное, а теперь трубит сам Дикий и впечатление не ослабляется таким образом.

С уважением и преданностью

Ваш

Ник. Мих<айловский>.

Датируется в связи с публикацией рассказа.

¹ Сотрудник редакции журнала

² «Дикий человек» — рассказ из цикла «Деревенские панорамы», опубликован в «Русском богатстве» (1894, № 2).

9

Многоуважаемый Александр Иванович!

Нам надо серьезно поговорить. Из Вашего вчерашнего разговора я вижу, что Вы склонны сводить мое неудовлетворение к таким нелепым мелочам, которыми можно только себя морочить и никого больше. Суть же дела заключается не в этих мелочах. Мелочь — она и будет мелочь, но суть заключается в том, что в двусмысленном положении я до 42 лет не был, — не буду и впредь. Моя собственная вина, что, имея полную возможность и право оградить свой интерес и достоинство так, как это наиболее мне кажется подходящим, я этого не сделал. Вследствие этого установились отношения можно сказать единственные в своем роде. А именно: закройся сегодня журнал — и ответственность материальная вся на мне. Умри Вы или то таинственное лицо на чье [имя] кладутся деньги в банке — и опять я ничего не знаю. Я никогда не видал кассовой книги, а между тем я ответственен перед пайщиками. Мало того: мой поверенный изрекает мне ультиматумы, доходящие до того, что, не посоветовавшись даже, заявляет накануне получения гонорара, что я его не буду получать. В то время, когда я рассчитывал на него. При пяти тысячах подписчиках я *единственный* третий год не получаю гонорара. А между тем, я третий год не служу, так же как и все сотрудники. Но я издатель. Но если при пяти тысячах долг увеличивается, то и дальше так будет и на мою долю и впредь при-

дется таскать каштаны и за право издательства и сотрудничества быть счастливым тем дурацким положением, которое Вы, лицо поставленное женою моею между литераторами и издателями, пожелаете мне навязать. Действительно: только ахнут, как роль и издателя и сотрудника может создавать такое удобное положение.

Полноте, Александр Иванович! Если я хозяин дела не посягаю на свою законную роль, то не для того же в самом деле, чтобы позволить кому бы то ни было посягать и на мои права. Вы мне отказываете в гонораре и говорите при этом: «в следующем номере вы не пойдете. Не удобно же Мамин¹ да Гарин». И Вы сами выбираете выбросить Гарина, которому и платить к тому же не надо, а Мамину надо. Для Гарина денег нет, потому что в кассе нет, — казалось бы если нет, то давайте сотрудников, которые могут ждать. Нет, возьмем тех, которыми платить надо! Очень логично и хозяйственно!

Вы может быть скажете: но талант Мамина... вспомните, как Вы и другие доказывали мне, что талант Мамина и пр. Может быть Вы скажете, что Мамину нужны деньги. Но Мамин пишет везде, а я, по Вашему же настоянию, ограничился «Рус<ским> Бог<атством>» и поистине у меня один талант и тот так прекрасно снимается, что выходит вот что: как капиталист в журнале я по принципу так и должен страдать, как сотрудник я имею право на ушко выслушивать «серьезные похвалы», но в печати их слышат те, которые «гораздо ниже» стоят по таланту. Все это конечно все то же ужасное самолюбие, о котором уже так много говорил мой однофамилец инженер.² Поддерживать это теперь вовсе просто. И на здоровье, но из унижительной роли я выхожу. Как литератор я постараюсь занять положение не милостию друзей, а милостию того, что во мне, и потому выхожу из журнала. Материальное положение в журнале свое я тоже огражу так, как найду это наиболее удобным для себя.

Просил бы Вас, если будете говорить с другими и приводить свои соображения относительно меня — читать им в то же время и это мое письмо. Что до меня, то ни с кем никаких разговоров я вести не буду и только вынужден буду к тому неправильными толками.

Затем в остальном всем за исключением Вашего неумения держаться добровольно в надлежащих рамках в деле журнала, позвольте Вам как человеку и как лицу искренно расположенному ко мне и сделавшему мне много неоценимых услуг — выразить мое искреннее уважение и сердечную при-

знательность. Не сомневаюсь, что определенные рамки и впредь сохраняют между нами, если Вы того пожелаете, вполне добрые отношения.

Н. Михайловский.

29 марта <18>94 г.

¹ В 80—90-е годы Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852—1912) — активный сотрудник журналов «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русское богатство», «Русская мысль» и др.

² Речь идет об инженерере Михайловском (см. письмо 10).

10

Дорогой Александр Иванович!

Я не сомневаюсь в Вашей любви, но сомневаюсь в уважении и причина этому та, что во многих случаях Вы хотите видеть меня не таким, каким я в действительности, а таким, каким Вы желали бы, чтоб я был. А в силу этого я и выхожу в Ваших глазах чем-то таким, что довольно пальцем пошевелить и нет меня.

Вы пишете: «Я мог бы заговорить языком очень злого и для всех, кроме Вас, убедительного оппонента».

Это мне напоминает слова нашего инженера В. Н. Жукова (и талантливого и идеального, но вечно праздновавшего труса перед *всеми*), сказанные мне лет 10 тому назад в громадном обществе инженеров по поводу моего спора с инж<енером> Михайловским: ¹ «Если бы вас не жалеть — вас можно было бы в порошок истолочь».

И это было и для него и для всех очень убедительно, так же убедительно, как и то, что чрез 10 лет они все теперь исполняют все до одного слова то, о чем я тогда говорил; так же убедительно, как и то, что чрез 10 лет они также усердно будут исполнять то, что я говорю теперь.

Отсюда убедительность *всех* — далеко не довод, и имейся хоть горчишное зерно этого страха перед кем бы то ни было, кроме своей совести, я повесил бы себя, как пса негодного. Очень рад, что Вы, наконец, хотите поговорить со мной серьезно. Для сведения сообщаю распределение моих дней: в пятницу у нас Свербеев и его общество. В субботу я в Техническом общ<естве>, ² в воскресенье днем с Масловым, вечером у меня Подруц и его товарищи. Пон<едельник> у Глуховского, а вт<орник> пока свободен (и вторник собст<венно> у Перцовых, но это не важно). Среда в об<ществе> промыш<ленности>. ³ Уведомите заблаговременно.

Буду очень рад установить отношения, при которых Вам не придется подписываться А. Сырченко, а мне Превосходительства Вашего Шут гороховый.

30 марта <18>94 г.

¹ Михайловский Константин Яковлевич — инженер, начальник работ по постройке Самаро-Златоустовской железной дороги.

² Русское техническое общество.

³ Общество для содействия русской промышленности и торговле.

11

Пермь 28 июня <1894>

Дорогой Александр Иванович!

Посылаю Вам *всю* деревню: ¹ вот мы! Я доволен: желал бы, чтоб и Николаю Константиновичу и Вам понравилось. По моему необходимо (а то не станут и читать меня) и для журнала и моей репутации целиком в августовскую пустить: иначе никакой цельности впечатления не будет: это отдельный островок из многотомного писания, где кое-что выплывает и потом опять надолго расплывается в море житейском. Терять этот случай потому нельзя, что читающей публике ясно станет, что не мелочи меня интересуют и не в сторону тянет, а действительно необходимо в нашей мелочной жизни терпеливой рукой собирать их по свету: здесь отчет этих мелочей бьет кое-какими выводами запертых, сжатых, беспочвенных условий жизни.

Чтобы прошло это место в цензуре, где тексты евангелия, нужно сделать (главы указаны) более обширные выписки, чтоб расплылся смысл, а затем после цензора выбросьте их. Это необходимо сделать, иначе вычеркнут, и главное цензору весь смысл станет ясным, а без текстов будет тоже бледно и бессильно. Остальное не замедлю. Крепко целую Вас всех, всего лучшего.

Ваш
Н. Мих<айловский>.

В августе еще тем хорошо, что как раз и молодежь возвратится с каникул.

Отрывок из письма опубликован в Собрании сочинений Н. Г. Гарина Михайловского (т. III, М., 1957, стр. 626).

¹ Очевидно, речь идет о рассказах и очерках, примыкающих по содержанию к «Деревенским панорамам». К этому циклу могут быть отнесены такие произведения, как «На ходу» (1893), «Сочельник в русской деревне» (1893), «Карандашом с натуры» (1894), «Коротенькая жизнь» (1894) и ряд других.

12

10 июля <18>94 г.

С. Гундуровка

Дорогой мой Александр Иванович!

Я веду самый излюбленный образ жизни: шатаюсь с изысканиями по селам и высям, езжу в города, к себе в деревню, участвую в земских собраниях, агитирую свою дешевую дорожку, веду дневник. Работы по горло, урожай громадный и все дорогой хлеб — подсолнухи. У нас гостей много. Понемногу отделяваю свои прежние работы. Сегодня отсылаю «Сибирские очерки»¹ в «Русскую жизнь». Их выйдет листов пять. В общем это будет и содержательная и беспритязательная вещь (я ее значительно ждал). Ввиду солености «Деревенских панорам»² я считал бы очень полезным в отдельное наше издание поместить и эти «Сибирские очерки» под тем же общим названием «Деревенские панорамы». Мне кажется, это просто необходимо, чтобы избежать упрека в предвзятости и в однообразии. В смысле разнообразия чтения от этого прибавления книга много выиграет. Чтобы дешевле вышло, нельзя ли войти в соглашение с «Русской жизнью», чтобы набор не пропал, — тогда осталась бы только верстка. Дорогой мой, сделайте это для меня. Не поленитесь поехать переговорить и наладить дело. Если даже печать будет немного розниться, то что с этого? В крайнем случае пусть Вольф³ наново наберет по фельетонам «Русской жизни» эти «Сибирские очерки». Тогда выйдет одна очень содержательная книга о деревне.

Целую Вас крепко и Лидию Валериановну⁴ и Николая Константиновича.⁵

Весь Ваш

Ник. Мих<айловский>.

Отрывок из письма опубликован в Собрании сочинений Н. Г. Гарина-Михайловского (т. III, М., 1957, стр. 644—645).

¹ «Сибирские очерки» — цикл очерков «Карандашом с натуры». Несколько очерков из этого цикла было опубликовано в газете «Русская жизнь» (1894, №№ 209, 217, 221, 230, от 8, 17, 21, 30 августа). В дальнейшем публикация была прекращена: Гарин отказался сотрудничать в «Русской жизни» (см. письмо 14). Не появилось продолжение «Сибирских очерков» и в других изданиях, так как Гарин считал, что этот цикл ему не удался.

² Цикл «Деревенские панорамы» объединил рассказы: «Бабушка Степанида», «Акулина», «Дикий человек», «На селе», «Матренины деньги». Эти рассказы впервые опубликованы в «Русском богатстве» (1894, №№ 1—3, 5).

В 1895 г. вышел второй том «Очерков и рассказов», куда вошли «Деревенские панорамы». Гарин не включил «Сибирские очерки» в это издание.

³ Вольф Евгений Маврикиевич (1870—1909) — сын известного книгопродавца-издателя М. О. Вольфа (1825—1883). Один из директоров книгоиздательского товарищества М. О. Вольф в Петербурге.

⁴ Лидия Валериановна — жена А. И. Иванчина-Писарева.

⁵ Николай Константинович Михайловский.

13

<Июль—август 1894>

Дорогой Александр Иванович!

Посылаю Вам конец;¹ мне кажется, что бесправная личность Немальцева, его, моя и всех нас немножко вырисовалась.

Желаю Вам всего лучшего. Весь Ваш Ник. Мих<айловский>.

Р. С. Пожалуй вместо «Бурлаки» лучше назвать «Гамид». Или «Старый Амзя»?²

Голубчик! Выбросьте вон «Карандашом с натуры»,³ а вставьте «Гамида», да «Рассказ солдата»,⁴ да «Коротенькую жизнь»,⁵ — так хоть книга будет, которую не стыдно и издать.

Право же: поверьте мне.

«Солдата» напечатайте непременно в декабре (попросите Ник<олая> Кон<стантиновича>). Не пожалеет журнал. Что-то новое в нем есть и зовет энергию в туманную даль нашего будущего.

Целую Вас всех.

Отрывки из письма опубликованы в Собрании сочинений Н. Г. Гарина-Михайловского (т. III, М., 1957, стр. 645, 652—653). Датируется в связи с публикацией рассказа «Коротенькая жизнь».

¹ Рассказ «Немальцев» в «Русском богатстве» напечатан не был. Под названием «Жизнь бессловесная» опубликован в журнале «Мир божий» (1896, № 1).

² «Старый Амзя» — рассказ, который при публикации был назван «Бурлаки». Впервые опубликован в журнале «Мир божий» (1895, № 1).

³ Очерк «Карандашом с натуры» впервые опубликован в газете «Самарский вестник» (1897, № 55, 9 марта).

⁴ «Рассказ солдата» — «Немальцев».

⁵ Рассказ «Коротенькая жизнь» впервые опубликован в газете «Волжский вестник» (1894, № 241, 23 сентября).

14

Дорогой Александр Иванович!

В «Русской жизни» моего ничего нет. Я привез в Самару «Сибир<ские> очерки», чтоб отправлять их, и там прочел об отказе редакции. Само собой ничего не послал, и таким обра-

зом все само собой кончилось. Жаль только, что пропадет тысячи полторы денег, — сумма всего того, что уже было написано плюс окончание. Ну да бог с ним. Прилагаю письмо г. Петерсону. Это в то же время и вежливое заявление мое об отказе сотрудничать в «Русской жизни». Вы его пожалуйста напечатайте, если Н<иколай> К<онстантинович> ничего не имеет против, в октябрьской книжке «Русского Богатства».¹

«Сибирские очерки» пришло уже из деревни.

Теперь же занят концом изысканий. Всех изысканий 420 верст. Урожай прекрасный и главное дорогой хлеб — подсолнухи.

Буду у Вас к Рождественским праздникам, раньше не развяжусь с докладами. К 1-му ноябрю пришло Вам исправленных «Гимназистов».² «Студентов» начал.³ 23 сентября в «Волжском Вестнике» мой рассказ «Коротенькая жизнь», на днях в «Самарской газете» (вероятно уже напечатано) «Она победительница»; посылаю киевским студентам один рассказ.⁴ Только что от Нади получил телеграмму: родила благополучно дочку. Вероятно вследствие этого высылка на декабрьскую книжку конца «Деревенских панорам» дней на десять задержится.

Дела всякого очень много: и изыскания, и беллетристика, и публицистика, и доклады в пяти земствах. Заставил Казанское земство снова пересмотреть вопрос: 29 у них заседание. Все ко мне очень хорошо относятся и постройка дороги обеспечена: уделы энергично примкнули, дали 140 т<ыс.>, свое содействие, согласие на обложение их земель по два рубля с десятины, князь Оболенский был у меня — дал 110 т<ыс.> и содействие. Рооп⁵ пишет и просит посетить в Петербурге его, чтоб привлечь Военное министерство. С Островским,⁶ братом бывшего министра, нас водой теперь не разольешь. Шульц,⁷ вице-директор сельскохозяйственного департамента, мой бывший противник — теперь уже мой. Но венец победы в деле дешевых дорог — это, конечно, комиссия у Витте,⁸ о которой я пишу в письме в редакцию.

Всего два года пальбы в печати и большое общегосударственное дело сделано, а раньше 15 лет боролся со всякой дрянью и только изнывал от бессилия и раздражения.

Свежий ветер, подвижная жизнь, смена впечатлений и работ — все это моя обстановка, и я чувствую себя прекрасно. В настоящий момент буря, не перевозят за Каму — и я сижу в Чистополи, читая Карышева за Август,⁹ и ругаюсь: ограниченный народник со всем бессилием и слабостью мысли на-

родника. Наивен так, что стыдно читать. Не тот путь и не так налаживается эта громадная махина нашей жизни: неужели не видно? До каких же пор будем петь сказки, которым сами не верим, а не будем давать людям оружие борьбы. «Знание, знание, знание!» Дура! На что ему знание, когда не одним словом не обмолвливается о разнообразии культуры (рожь простая, правда, 20 к., но подсолнух 1½ р., конопля 1½ р., льняное семя 1 р. 20 к., столовая чечевица 1 р. 20 коп., крупный горох 1 р. Вальдендоржская рожь 75 к. — какое же тут пере-производство и обесценение? — *Некультурность*), ничего не говорит о железных дорогах (в Берлине рожь 68 к., а у нас 15 к., а будь сеть дорог, мы получили бы 43 к. вместо 15 к. — к чему же замалчивать и кого кроме себя морочить?!), молчит об элеваторах (а сведения Министерства земледелия уже напечатали: разница сортированного и несортированного хлеба на пад 16 к., а отбросов всего 2%, т. е. на ½ к.: из-за чего 15½ к. теряется. Что это — незнание, непонимание или самоморочение? Дитя наивное и глупое). Даже кредит отвергает, шут гороховый. Указывает на Ворон<ежское> земство: все-где разошлось 56 т<ыс.>, будущности-де не имеет. Не имеет?! В уездном Сосножском земстве крестьяне в три дня разобрали 300 т<ыс.> и разберут еще миллиона два, только дайте. Обозреватель! Курица безмозглая.

Вот говорит надел увеличить да аренду поменьше заставить брать. Сказки ведь: не хуже любых сказок о золотой грамоте и где тут дорога к торжеству? Наш, говорит, крестьянин в подневольном состоянии, а вот во Франции так там лучше: там не скрутишь. Сам же говорит: так вот ему и путь *заставить*. А не тот путь, который он отстаивает — пустырь; который добрый человек хотел взять под крупчатку (путь проф. Карышева: обращение к земскому начальнику, чтоб наложил veto на решение мира, обращение к полиции с заявлением, что предприниматель еврей (позорный срам! Паскудник!). Я живу в деревне, я счастлив был бы отдать под крупчатку даром, сам бы платил, потому что с крупчаткой на гривенник цена поднялась бы на пуд, а их миллион пудов, без округления 100 т<ыс.> р., по нынешним ценам это 100 т<ыс.> пудов в карман.

У нас 250 мил. удобной земли, а 100 мил. жителей. На человека 2½ д<ес.>, а в Америке один работник обрабатывает 40 д<ес.>, и там урожай сам-20, а у нас сам-4. Выходит у нас 1 производительный работник кормит 99 лодырей. Там 40 т<ыс.> пудов везет паровоз и 5 человек, а у нас 2000 ло-

шадей и 1000 людей. Т. е. 5 производительных работников тащат своей работой 2000 ненужных лошадей и 995 рублей. Пьяная, узкая голова Карышева поймет ли, что дело в *обесценении труда*, в связанных руках, в подневольной общине и в подневольном труде, в той каторге, в которой изнывает Россия?! Дьявол! Отупелая, очумелая дура!!! Привязывайте покрепче руки к земле, обесценивайте еще больше труд, оставляйте второй этаж пустым (пшеница 30 к., а крупчатка 1 р. 60 к. (рубль лишний), кудель 1 р., а конопля 6 р. (три рубля лишних), рабочий 20 к., а пуд железа 2 р. 50 к., рожь 15 к., а пуд говядины 4 р.), но жизнь насмеется над *малоголовыми*.

Дорогой голубчик Александр Иванович, что ж молчите Вы, Ник<олай> Кон<стантинович>.

То ли обещал он, выступая против В. В.¹⁰ и Юзова?!¹¹ Бейте же этих самобытников, упершихся в стену и мошеннически отвлекающих ваше внимание: Южакова¹² читать нельзя, от Карышева рвет — ведь это общий вопль. А когда кончит Мамин? Дайте ему лучше <нрзб.> — пять, десять тысяч. Право же, вся эта компания годится для выпивки, но не для дела нового, а ведь старое провалилось. Ничего нет свежего, и жизнь идет своим путем и не заглядывает к нам в журнал, как солнце в затхлый погреб.

Крепко вас целую.

Весь Ваш

Ник. Мих<айловский>.

Р. С. Что молчит Короленко?

Напишите мне в деревню.

26 сент<ября> 1894.

Чистополь.

Отрывок из письма опубликован в Собрании сочинений Н. Г. Гарина-Михайловского (т. III, М., 1957, стр. 644).

¹ Петерсен В. — военный инженер. Выступил со статьями «Ребячливые исчисления», «Зачем лгать?» («Гражданин», 1894, №№ 230 и 233), в которых пытался доказать непрактичность узкоколейных железных дорог, пропагандируемых Гариным-Михайловским, и попутно высказал несколько живых замечаний о личности последнего (в частности, что Н. Г. Михайловский ратовал за постройку узкоколейки из корыстных соображений).

В ответ на это Гарин опубликовал письмо в редакцию «Русского богатства» (1894, № 10), в котором опроверг измышления своего оппонента.

Если до публикации этого письма Гарина газета «Русская жизнь» поддерживала его выступления в защиту узкоколейных дорог: например, в ней была помещена статья Гарина-Михайловского «Дешевая узкоколейная дорога» («Русская жизнь», 1894, № 223, 23 августа), а также статья от редакции «Инженерные разногласия» (там же), в которой доказывалась несостоятельность позиции инженера В. Петерсена, то в дальнейшем, после

изменения состава редакции, газета отказалась поместить открытое письмо Гарина В. Петерсену, и писатель, как сказано выше, вынужден был опубликовать его в журнале «Русское богатство». Это и послужило, как пишет Гарин, «вежливым заявлением... об отказе сотрудничать в „Русской жизни“» вообще.

² После того как последняя часть «Гимназистов» была напечатана в журнале «Русское богатство», Гарин задумал опубликовать эту повесть отдельным изданием. Он дополнил некоторые главы («Гимназия», «Экзамены») и внес ряд исправлений и сокращений. Вместо первоначально опубликованных тридцати трех глав в повести осталось двадцать четыре. Издание было осуществлено в 1895 г.

³ Первая часть повести «Студенты» была напечатана в «Русском богатстве» (1895, № 1).

⁴ О каком рассказе идет речь, неизвестно.

⁵ Рооп Христофор Христофорович (род. 1831) — генерал-лейтенант, член Государственного совета.

⁶ Островский Андрей Николаевич (1846—1906) — член Совета крестьянского поземельного банка.

⁷ Шульц Павел Антонович — член Совета министров.

⁸ Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — государственный деятель. С 1892 по 1903 г. — министр финансов.

На протяжении многих лет Гарин-Михайловский в газетах и журналах вел борьбу за постройку Сибирского пути, пропагандировал преимущества узкоколейных железных дорог, писал о необходимости передать в руки государства все строительство железных дорог и т. д. Эта общественно-публицистическая деятельность Гарина получила широкий отклик и сыграла положительную роль (был разработан дешевый проект постройки Сибирской дороги). Кроме того, Гарину-Михайловскому удалось получить разрешение на строительство узкоколейной Кротовско-Сергиевской железной дороги, что и составило «венец победы» у министра финансов Витте, о котором упоминается в данном письме.

⁹ Карышев Николай Александрович (1855—1904) — профессор политической экономии и статистики. С 1893 г. постоянный сотрудник журнала «Русское богатство». По своим взглядам — народник, отстаивавший самобытность исторического пути развития России. В «Русском богатстве» Карышев вел научно-литературное экономическое обозрение: «Народно-хозяйственные наброски».

«Читаю Карышева за Август» — Гарин имеет в виду статью «Народно-хозяйственные наброски. (Летние впечатления. — Падение хлебных цен)». В этой статье Карышев привел примеры того, как развитие капитализма разрушает деревенские устои. Выход из положения для все более и более нищавших крестьян автор видел в укреплении сельской общины (предлагал запретить крестьянам продавать и сдавать в аренду землю). Карышев пытался доказать бесполезность и даже вредность для крестьянского хозяйства кредитов, строительства железных дорог, элеваторов и т. д. «И сверх всего этого, — говорилось в статье, — знание, и знание, и знание, должествующее стать центральным узлом земледелия... Только знание может поднять производительность хозяйства» («Русское богатство», 1894, № 8, стр. 71).

¹⁰ В. В. (Василий Павлович Воронцов, 1847—1918) — экономист и публицист, один из идеологов либерального народничества. Сотрудничал в «Вестнике Европы», «Русском богатстве» и других журналах. Наиболее известны его работы — «Судьбы капитализма в России» (1882), «Крестьянская община» (1892) и др. Эти работы, как и сочинения других народни-

ков (Южакова, Юзова), подверглись уничтожающей критике В. И. Ленина в трудах: «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «К характеристике экономического романтизма», «Развитие капитализма в России» и многих других работах.

¹¹ Юзов (Иосиф Иванович Каблиц, 1848—1893) — публицист и экономист, один из идеологов народничества. Участник «хождения в народ». Впервые выступил в 70-х годах в газете «Неделя». Основные работы: «Русские диссиденты» (1881), «Основы народничества» (1882).

¹² Южаков Сергей Николаевич (1849—1910) — публицист, экономист и социолог народнического толка. Активно сотрудничал в журнале «Русское богатство»: вел хронику внутренней жизни, помещал статьи (например, «Вопросы экономического развития в России» — 1893, № 11—12) и т. д. Печатался также в журналах «Вестник Европы», «Русская мысль» и др.

15

16 октября <18>94 г.

Дорогой Александр Иванович!

Я сижу в угаре сельскохозяйственных распоряжений.¹ Организовывается торговля с Петербургом: птицей, свиньями, маслом, подсолнухами. Идет закупка товару, откорм их, сортировка хлеба, расчеты за летние работы, на всех хуторах постройки, гнем полозья, выделяваем сани, устраиваем канатную фабрику и пр. Завтра выступаю на изыскания (последние) Кротовка-Сергиевск, целая контора чертежников.

Выправляю «Гимназистов»² и исправляю переписку «Старого Амзи».³ Этого вышлю через неделю, а теперь посылаю начало «Гимназистов» — пока первую книгу (я их исправил уже три, но две переписываются). В неделю две почты, и с каждой буду посылать Вам по выправленной книге. Следовательно, к 1 ноября вышло всех «Гимназистов». Надя и я довольны «поправкою». Я хотел бы «Гимназистов» издать вместе с «Детством Тёмы», а то «Посредник»⁴ нас подрезал своими изданиями. Затем мне кажется, что необходимо, если издавать, чтоб в начале декабря книжка вышла: кое-что купят перед праздниками, а там пойдут «Студенты». Что касается «Деревен<ских> пан<орам>», то с ними лучше подождать немного.

Вышла книжка Струве⁵ и делает много шуму в провинции. Не пройдет и нескольких лет, как теория экономическая займет в России (в сознании) настолько доминирующее положение, что о разных «нутряках», «субъективистах», народниках-самобытниках и народниках-западниках и речи не будет. Бог даст, и мы наконец хлынем после сорокалетней запруды по естественному руслу: от земли отстанут *неспособные* и из дворян и из крестьян. Такова сила вещей, и ничего с ней не по-

делаешь. И будем утешаться, что все идет к лучшему. Ведь и теперь снование принято, — есть только оговорки: экономической стороной не все исчерпывается — конечно; гегелианизм экономического учения, но никто не мешает и действовать. И их действует много.

Целую Вас крепко и всех

Ваш весь

Н. Мих<айловский>.

Надя хочет назвать «Детство Тёмы» и «Гимназистов» одним названием: «Артемий Карташев». «Детство Тёмы» I часть, «Гимназисты» II, «Студенты» III и пр.

Больше тысячи экземпляров не стоит издавать.

Черкните мне в деревню, что у Вас делается?

Отрывок из письма опубликован в Собрании сочинений Н. Г. Гарина-Михайловского (т. I, М., 1957, стр. 516).

¹ Письмо из имения Гарина — Гундуровки Самарской губ., которое он приобрел в 1883 г., когда задумал бросить службу и заняться сельским хозяйством. Неудавшееся хозяйничанье в этом имении писатель описал в очерках «Несколько лет в деревне» (1892).

² Речь идет о подготовке отдельного издания «Гимназистов» (1895).

³ Рассказ «Бурлаки» (см. примечание 2 к письму 13).

⁴ Имеется в виду издательство «Посредник», в котором были опубликованы отдельные главы повести Гарина «Детство Тёмы» (1894).

⁵ Струве Петр Бернгардович (см. стр. 258).

В письме Гарина говорится о первой крупной работе П. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894).

16

Дорогой Александр Иванович!

Пышляю Вам на Декабрь «Старого Амзю».¹ Я ручаюсь за одно: я добросовестно передал зеркало нашей интеллигентной жизни среди землевладельцев. Это не карикатура: действительность хуже. Уровень так понизился. . .

Я касаюсь здесь больных вопросов. Во-первых, без них какой интерес кому в моем писании.

Во-вторых, нельзя обходить действительной жизни.

В-третьих, высказываются мои герои, а не я, и я как автор всей постановкой вопроса прихожу, кажется, к более широкой программе, чем каждый из моих героев. Точек на i нигде не ставлю.

Мне и Наде кажется, что «Амзю» хороший конец для «Деревенских панорам», и их можно выпускать теперь отдельным изданием.² Местами недостаток художественности, но мысль тверда и выдержана.

«Сибирские очерки» — ну их к черту: не стоит. Я заплачу Вольфу, но пусть уничтожит их.³ На следующей неделе вышло всех «Гимназистов». Хорошо бы «Гимназистов»⁴ выпустить в Декабре, а «Панорамы» в Генваре.

Крепко целую Вас, Лидию Валериановну, Ник<олая> Констант<иновича>.

Весь Ваш
Н. Михайловский.

2 ноября <18>94 г.

Отрывок из письма опубликован в Собрании сочинений Н. Г. Гарина-Михайловского (т. III, М., 1957, стр. 653).

¹ Рассказ «Бурлаки» (см. примечание 2 к письму 13).

² «Деревенские панорамы» Гарин-Михайловский включил во второй том «Очерков и рассказов» в издании «Русского богатства» (1895).

³ См. примечание 1 к письму 12.

⁴ Отдельное издание повести «Гимназисты» вышло в свет в 1895 г.

17

<10 ноября 1894>

Надя выезжает. Посылаю с ней конец «Сибирских очерков»¹ и всех «Гимназистов».² На декабрьскую книжку журнала выслал раньше. Принимаюсь за «Студентов».³

Михайловский.

Телеграмма А. И. Иванчину-Писареву из Сергиевска. Дата телеграфного бланка.

¹ См. примечание 1 к письму 12.

² Для отдельного издания (1895).

³ См. письмо 14.

18

10 ноября <18>94 г.

Дорогой Александр Иванович!

Сегодня отправляю второй транспорт своих: следующий будет — гуси, индюшки, свиньи, быки, подсолнухи и я.

Посылаю Вам конец «Гимназистов»¹ и «Сибир<ские> оч<ерки>». Не хотел я было их («Сиб<ирские> оч<ерки>»), но, если Вы находите полезным, то бог с ними. А по моему слабовато. Не знаю, как Вам «Амзя»² понравится: я пять месяцев с ним бьюсь. Первому впечатлению не поддавайтесь. Конечно, проще писать «Ярыщеву»,³ вещь, которая всех удовлетворяет, но ведь разве в том дело, чтобы пройти

в жизни так, чтобы никого не задеть? Не в этом счастье. Задеть, сломать, ломать, чтоб жизнь кипела. Я не боюсь никаких обвинений, но во сто раз больше смерти боюсь бесцветности. И вещь, про которую молчат, говорит мне невыразимо тяжелее о забвении и смерти, чем если бы я никогда не брался за перо. Ах, мы русские так боимся всего нового во всем: и в политической жизни, и в экономической, и в наших мировоззрениях, хотя и знаем хорошо законы смертности и новой нарождаемости.

Дорогой мой, отнеситесь, пожалуйста, помягче к моему «Амзе». Я ведь никаких точек на *i* не ставлю. Этот «Амзя» все-таки свежим веет, это из жизни, и у наших марксистов выдергивает немного почву.⁴ Нам нельзя закиснуть на старом, ибо иначе порастем травой забвения.

Ну довольно, а теперь о делах. У меня все деньги в товаре и в земстве за изыскание. За то и другое деньги получу в конце декабря, а теперь у меня их нет, и потому я с большой к Вам просьбой: все остатки денежные, какие есть, передайте Наде: то, что есть от продажи книги, то, что осталось весной из 2700 р. за «Ярыщеву» и, если возьмете «Амзю», то и за Амзю. Следовало бы и с Пороховщикова⁵ получить, но бог с ним: пусть пропадают.

Спасибо за письмо. Крепко целую Вас.

Ваш

Ник. Мих<айловский>.

Привет Лид<ии> Вал<ериановне> и Ник<олаю>
Кон<стантиновичу>.

Отрывок из письма опубликован в Собрании сочинений Н. Г. Гарина-Михайловского (т. III, М., 1957, стр. 653—654).

¹ «Конец „Гимназистов“» — последняя часть повести, которую Гарин перерабатывал для отдельного издания (1895).

² «Старый Амзя» — рассказ «Бурлаки» (см. примечание 2 к письму 13).

³ Рассказ «В усадьбе помещицы Ярыщевой» впервые опубликован в «Русском богатстве» (1894, № 11).

⁴ Очевидно, имеется в виду положение марксистов, выдвинутое в споре с народниками, что сельская община, с проникновением капитализма в деревню, стала терять свое былое значение и все больше превращалась в орудие кулаков. Гарин же в своем рассказе «Старый Амзя» («Бурлаки») полемизирует с этим марксистским положением, показывая, как благодаря силе коллектива, сплоченности сельской общины деревенские жители противостоят засилью кулаков.

⁵ Пороховщиков Александр Александрович (1834—1917) — редактор-издатель газеты «Русская жизнь», в которой Гарин начал было публиковать цикл очерков «Карандашом с натуры», но не закончил (см. письма 12, 14 и примечания к ним). Гонорар за эти несколько очерков и имеет в виду Гарин.

⟨15 ноября 1894⟩

Прогресс в области производства и прогресс в области распределения — работа созидательная и разрушительная, как сама жизнь, идут рука об руку и требуют соответственной всесторонней теории.

Ваш ответ Струве¹ блестящий по форме, но не полный по существу. Нужен целый ряд статей талантливого, европейски образованного, с широким взглядом, беспристрастного публициста, каковой чувствуется мне в дорогом для нас русских Николае Константиновиче. Горячо поздравляю с рождением. Желаю многих лет творческой производительной работы в освещении нам выходов.

Михайловский.

Телеграмма Н. К. Михайловскому из Самары. Дата телеграфного бланка.

¹ В «Русском богатстве» (1894, № 10) была опубликована остро полемическая статья Н. К. Михайловского («Литература и жизнь»), в которой содержалась критика книги П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (вып. 1, 1894). В телеграмме от 25 мая 1896 г. Гарин дал также высокую оценку статьи Михайловского «Литература и жизнь», опубликованной в «Русском богатстве», 1896, № 5.

Дорогой Александр Иванович!

Не могу сам быть, потому что спина заболела и поставил горчишники. Посылаю Вам корректуру «Студентов». Я принял во внимание замечания Н⟨иколая⟩ К⟨онстантиновича⟩ и сделал все, что мог, чтобы ослабить значение Мар⟨ии⟩ Вас⟨ильевны⟩, но без такого типа не будет ни правды, ни жизни. Если кто захочет придраться с куриными головками, то бог с ними. Но и не к чему: окончательно не к чему. Карташеву я прибавил три моих страницы (прибавка по корректуре к 12 стр., — там крестиком обозначено). Это очень важные стран⟨ицы⟩ для Карташева. Я отнял у него решительный тон в разговоре с Корневым, и теперь это ближе к истине, что его оттолкнули нетерпимостью. Во всяком случае это сохранит некоторые симпатии к Карташеву, а его отчаяние о неразвитии подымет весь вопрос о студентах и гимназистах выше кружковщины: выходит (для меня по крайней мере), что прямо выгодно для общества уже в гимназии да-

вать людям устойчивое развитие, а иначе одного толкнет в одну крайность, другого — в другую, а руля все-таки (истинного развития) ни у тех, ни у других нет: отсюда те побегут в Сибирь, а другие пропадают от разврата.

К Вам большая просьба: пусть Миша¹ отправит с посылным два пакета — один И. А. Ососкову, другой Тейтелю.² Если Тейтеля уже нет, то надо переслать его письма в Москву по московскому адресу, написанному на одном из конвертов. Корректуру «Гимназистов» я сдал Анне Михайловне,³ ей бедной заработок, а Вас, если Ваша ласка будет, дорогой мой, прошу читать, чтоб в лице Вашем был у меня критик. Лидии Валериановне ручки целую, Еве Галактионовне⁴ тоже, Елене Александровне скажите, что царяпины ее до сих пор не зажили и одновременно я и взбешен и унижен и чувствую к ней большой интерес и симпатию, но и не думаю быть влюбленным, потому что окончательно и навсегда влюбился в свою жену, дошел до последней степени падения: езжу с ней <крзб.> и прочее.

«Гимназистов» привезет Вам сегодня Анна Мих<айловна>. Целую Вас.

Ваш весь

Ник. Мих<айловский>.

13 фев<раля> <18>95 г.

Отрывки из письма опубликованы в Собрании сочинений Н. Г. Гарина-Михайловского (т. I, М., 1957, стр. 514—515; т. II, стр. 544).

¹ Миша — служащий в редакции «Русского богатства».

² Тейтель Яков Львович — известный судебный деятель, с которым Гарин познакомился в Самаре.

³ Анна Михайловна — переписчица.

⁴ Ева Галактионовна Короленко — сестра писателя.

Дорогой Александр Иванович!

Теперь Шурка — Шурка, а то раньше выходило их две: сначала Шурка, а потом какая-то Мария Ивановна.¹ Я восстановил слова «горсть аромата» вместо «струя». Струя это что-то не то: горсть. . .

На Июль «Студентов» скоро пришлю, но сейчас же корректуру высылайте в г. Яранск, потому что с приездом в Москву и Петербург могу запоздать и поэтому лучше не рисковать. А на Август привезу, когда приеду.²

Крепко Вас целую, Лидию Валериановну, Надя кланяется.

Весь Ваш Ника.

Выезжаем завтра.

8 июня <18>95 г.

Р. С. Если надо мой адрес: Московско-Ярославская ж. дорога, инженеру Михайловскому, — перешлют.

¹ Шурка Неукротимая и Мария Ивановна — персонажи повести «Студенты».

² В августовском (8) номере «Русского богатства» последующая часть «Студентов» не была напечатана. Очередные главы публиковались в №№ 9—11 «Русского богатства» за 1895 г.

22

<6 июля 1895>

Нивелир до зарезу нужен. Если есть у Рихтера или Робе без реек, то вышлите в Макарьев инженеру Снежко; вышлите ему же еще один ганиометр и ленту. Вышлите в Макарьев Надежде Ивановне Поляковой за мой счет «Детство Тёмы» и «Гимназистов». На Август «Студентов» отправил в деревню для переписки. Когда выслали в Ветлугу ганиометр? Сердечный привет.

Михайлов<ский>.

Телеграмма А. И. Иванчину-Писареву. Дата телеграфного бланка.

23

Дорогой Александр Иванович!

Искал Вас в последний день по всему Петербургу и так и не нашел.

«Студентов»¹ оставил у Вольфа. Выходило очень мало (много выбросил) для одной книжки и я прибавил главу <нрзб.>. Мне необходима корректура: вышлите ее ко мне в имение. Я сейчас же ее возвращу. То, что переписшет переписчик, тоже отправьте в деревню.

Мой костюм прикажите портному поторопиться и выслать по почте в г. Самару, гост<иница> Батулина, мне. Если там что-нибудь будет не совсем, поправим, когда приеду. Непременно пусть вышлет.

Затем вышлите первый том моих сочинений князю Александру Борисовичу Голицыну, Владимирской губ., почтовая станция Сима.

Все три тома моих сочинений Наде в деревню и Николаю Семеновичу Стромилу в г. Александровск, что ли, там, где была слобода, где жил Иван Грозный. Какую он мне прекрасную историческую тему дал: я осенью буду у него, и он ознакомит меня с источниками. Бедный, он скоро умрет.

Ну-с, а затем целую Вас в Ваши губки и желаю всего лучшего. Видите, не телеграмму, а письмо посылаю.

Мой адрес до 10 Макарьев, до 15 Вятка, до 20 Самара, до 1 деревня, а затем Петербург. Если будет кто спрашивать, так и извещайте.

Весь Ваш

Ник. Мих<айловский>.

7 авг<уста> <18>95 г.

¹ Продолжение «Студентов» было опубликовано в «Русском богатстве» (1895, № 9).

24

1 сен<тября> <18>95 г.

Гундуровка.

Дорогой Александр Иванович!

Посылаю Сентябрьскую корректуру: на днях же высылаю и конец.¹ Благодарю неизвестного корректора. Следующую корректуру прошу его же в таком как эта виде прислать тоже ко мне.

Прочел в «Русской Мысли» отзыв о себе:² много правды, но в общем он (рецензент) производит впечатление человека с расстроенными нервами, который сознательно или бессознательно валит с больной головы на здоровую: разве трудно понять, к какой части общества относится «эгоизм наших дней» и чем именно деморализовано это общество? Общество и общество: одному вечное проклятие, другому вечная слава.

И Вильгельм Мейстер³ великого Гете и Карташев⁴ ничтожного Гарина — они гибнут и находят свое обновление, конечно, не на луне и не вне общества. Мне кажется, что этот рецензент с такими отталкивающими ужимками ухватился за идею взять под свою опеку «бедного Макара», что «книжника и фарисея» ему удобнее повернуть к своей расстроенной особе. А может быть, он просто вдруг потерял свое мирозерцание, хватается за свою идею и кричит обществу, как один мой разорившийся подрядчик, оставив десятнику Зайчи-

кову выворачиваться как ему угодно, на отчаянные телеграммы последнего прислал ответ: «Бодришь Зайчиков: денег нет». Крепко целую всех. Сентябрем доволен и жена.

Весь Ваш

Ник. Мих<айловский>.

Отрывок из письма опубликован в Собрании сочинений Н. Г. Гарина-Михайловского (т. II, М., 1957, стр. 545—546).

¹ Корректуру — продолжение «Студентов» («Русское богатство», 1895, №№ 10 и 11).

² В журнале «Русская мысль» (1895, № 8, стр. 415), в библиографическом отделе (без подписи), был помещен отзыв о повести «Студенты». Назвав повесть «чрезмерно затянувшимся и чрезмерно скучным и бессодержательным» произведением, автор в ответ на утверждение Гарина (в «Студентах»), что привилегированному обществу свойствен «ужасный эгоизм», т. е. заботы о собственном благополучии и равнодушие к ближнему, заметил, что такого рода «эгоизм» в одинаковой степени свойствен и простому народу.

³ Персонаж из произведения Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера».

⁴ Артемий Карташев (см. примечание 2 к письму 1).

25

Дорогой Александр Иванович!

Посылаю в догонку три листа, подправленных еще в дополнение к первой корректуре. Будьте любезны вставьте их.¹

Весь Ваш

Ник. Мих<айловский>.

2 сент<ября> <18>95 г.

¹ Очередные главы повести «Студенты».

26

<28 сентября 1895>

Не понимаю постановления комитета.¹ Вопрос принципиальный. Допустим, автор живет своим трудом и вместо гонорара получает счет расхода на печатание его статьи. Если и ее печатание обошлось дороже, то как определить, сколько содействует успехам того же журнала? Какова практика <в> таких случаях <в> таких журналах? Что значит: «половину принимать на себя»? Если это подарок, я его не желаю от семи человек хозяев журнала, если это то, что у журнала нет наличных, то ведь у жены лежат же деньги, без процентов могу дать еще. И вообще вопрос здесь для меня не в деньгах.

Корректуру мне вручили только потому двенадцатого вечером, потому что дал 25 руб. наборщикам. Иначе по первому заявлению Вольфа корректура не могла успеть 14-го <с> таким адресом. Два дня проезда из Нижнего считать нельзя, и следовательно меньше чем за три дня никто конечно не справился бы с такой корректурой. На что же тогда рассчитывала редакция, печатая <в> наборе статью.² Ввиду всего изложенного прошу пересмотра постановления комитета в моем присутствии. В каком положении теперь «Студенты» мои?

Михайловский.

Телеграмма А. И. Иванчину-Писареву из Сергиевска. Дата телеграфного бланка.

¹ Имеется в виду заседание редакционного комитета.

² Очевидно, имеются в виду очередные главы «Студентов».

27

<22 ноября 1895>

До первого декабря мой адрес Кострома. «Студентов» вышлю вовремя. Привет всем.

Гарин.

Телеграмма А. И. Иванчину-Писареву из Москвы. Дата телеграфного бланка.

28

Посылаю Вам, дорогой Александр Иванович, две главы «Студентов».¹ Остальные не замедлю: пишу день и ночь, и, кажется, в ударе. Мне необходимо прочитать корректуру. Я буду в Москве первого Декабря утром. Пришлите с курьерским через кондуктора мне в Северную гостиницу. Пусть Вольф работает ночью, за мой счет, но это необходимо.² Если б успели Вы и Ник<олай> Кон<стантинович> прочесть и сделать свои пометки. Три корректуры пришлите: с пометками Вашими, другая с Ник<олая> Кон<стантиновича>, третья чистая. Пришлите и ноябр<ьскую> книжку «Рус<ского> Богат<ства>». Остальное не замедлю выслать. Корректуру остальную с такими же пометками в трех экземплярах вышлите Нижний Венцовскому.

Крепко целую всех.

Дела идут хорошо.

Платкову телеграфировал.

Весь Ваш

Ник. Мих<айловский>.

26 нояб<ря> <18>95 г.

Отрывок из письма опубликован в Собрании сочинений Н. Г. Гарина-Михайловского (т. II, М., 1957, стр. 542).

¹ Очередные главы повести, которые печатались в «Русском богатстве» (1895, №№ 10 и 11).

² См. письмо 30.

29

<Конец ноября 1895>

Корректуру сегодня выслал.¹ Не сердитесь. Все время работал и всю ночь в дороге. Лидию Валериановну, Вас крепко целую.

Гарин.

Телеграмма А. Иванчину-Писареву из Нижнего Новгорода. Дата на телеграфном бланке отсутствует.

¹ Корректуру повести «Студенты».

30

<1 декабря 1895>

Изыскание и «Студентов» кончил. Сегодня выезжаю в Москву. Встречать Надю послезавтра третьего. Она привезет вам рукопись.¹ Посылаю с ней своего человека Сергея. Он дожидается корректуры, она бесконечно необходима, тогда будет хорошо. Попросите Вольфа всю типографию третьего занять под мою рукопись, чтоб Сергей вечером мог уже выехать. Я третьего уже выезжаю из Нижнего и, где меня настигнет Сергей, там продержу ее и с Сергеем отправлю обратно. Иначе я с праздников не справлюсь с своими делами. Крепко всех целую. Листа два с половиной рукописи.

Гарин.

Телеграмма А. И. Иванчину-Писареву из Костромы. Дата телеграфного бланка.

¹ Повесть «Студенты».

31

Голубчик

Александр Иванович!

Пожалуйста не сердитесь: я все время работал. Посылаю Вам всю корректуру:¹ я не виноват, что молс вырвал кусок, — там важного ничего нет. Завтра пришлю с Сергеем (молчите о приезде Сергея) отдельно рассказ о Сибири и встрече с каторжниками: он больше удался, чем этот преж-

ний.² Там я вставил слова доктора о глупостях: ради бога не забудьте вычеркнуть.

Крепко целую Лид<ию> Вал<ериановну>, вас всех.

Весь Ваш

Ник. Мих<айловский>.

15 дек<абря> <18>95 г.

¹ Повесть «Студенты».

² О каких рассказах идет речь, неизвестно.

<26 декабря 1895>

Только что узнал, что в Декабре «Студентов» нет.¹ Враги мстят и рассчитывают на нервы, но друзья, забывающие о нервах своих друзей, — они хуже врагов. Вы должны были известить меня. Ваше неизвещение ставит меня лицом с невозможными, может быть, по существу догадками. Что это? Канибальская жертва писателя, месть в дружеском лагере, нелепая, жестокая, не имеющая ни прав, ни оправданий в прошлом; месть только за то, что два дня лишних, сидя день и ночь, держал корректуру? Причины ноябрьские, но тогда часть — не все же, ну точка. Дай бог, чтоб я ошибся, но в таком <положении> я никогда не был. Так с быком нельзя поступать мясникам. Ради бога, поймите же хоть теперь мое состояние и отвечайте срочно. Поймите, что, зная роковым образом свою натуру, без полного удовлетворения от вас ли или если вами не удовлетворюсь обращением к суду публики не выеду из Вятки. Гостиница Александрова. Остаюсь здесь с 7 часов утра двадцать седьмого декабря. Пять срочных ответов успеют.

Гарин.

Телеграмма А. И. Иванчину-Писареву из Вятки. Дата телеграфного бланка.

¹ Как видно из предшествующего письма, Гарин задержал корректуру последних глав повести «Студенты». Не желая опаздывать с выпуском очередной книги журнала, редакция не поместила окончание «Студентов» в декабрьском номере. В ответ на телеграмму писателя Иванчин-Писарев телеграфировал 26 декабря 1895 г.: «Надо было выбирать между двумя скандалами. Выйти без Вас или <в> январе. Выбрали первое. Вам еще можно поправить. Объясним на словах» (ф. 114, оп. 2, № 98).

<После 26 января 1896>

Сегодня вечером я наконец буду у себя в деревне в Казани. Читал в пользу женских курсов.¹ Дал хороший сбор и

получил очень тронувший меня горячий прием и проводы у студентов ветеринаров. Отказался, к сожалению, за недостатком времени читать, но обещал университету и им читать на будущий год. Телеграфируйте, как мои «Студенты». Привет всем. То, что я читал, помещено двадцать четвертом «Волжского вестника».²

Гарин.

Телеграмма А. И. Иванчину-Писареву. Дата на телеграфном бланке отсутствует.

¹ Благотворительный вечер состоялся 25 января (см. заметку в «Волжском вестнике», 1896, № 26, 28 января).

² В «Волжском вестнике» (1896, № 24, 26 января) был напечатан рассказ Гарина «Горе и счастье».

34

Дорогой Александр Иванович!

Я еду в Москву за деньгами и во вторник привезу: дайте Христа ради до вторника 1¹/₂ т<ыс.> р. — нужно деньги для нашей Кротовской дороги, деньги для которой получу только к концу будущей недели, а если сейчас не начну заготовку — ничего не успею до ледохода сделать!¹

Отдайте моему помощнику В. А. Бруку, а я сам еду в Министерство.

Весь Ваш

Н. Мих<айловский>.

2 марта <18>95 г.

¹ Просьба Гарина была удовлетворена.

35

7 февраля 1897 г.
Москва.

Многоуважаемый Николай Константинович!

Я сегодня приехал в Москву, получил Ваше письмо и спешу ответить.

Прежде всего запальчивость и горячность своих телеграмм признаю неуместными, не идущими к делу. Эта горячность, как дым, ест глаза и мешает видеть, где горит и где надо следовательно тушить. «Русск<ое> Бог<атство>» дорого Вам, дорого и мне по очень многим и, думаю, понятным причинам. Уйти из него для меня — это уход из родного гнезда и когда, когда совьешь себе новое. Я думал для себя век его не

вить, — в роли беллетриста, следовательно художника прежде всего, я думал, что мог бы, внося новую, может быть, жизнь, не трогать в то же время известных публицистических устоев.¹

Так я думал и думаю, — насколько верно думаю? Чтоб договориться до чего-нибудь, надо быть искренним прежде всего. И слишком много у нас прожито в том же деле, чтобы лишать друг друга этой искренности.

Вы пишете: «очень жаль, что с самого начала Вы не оговорили, что *ставите* свою драму² в условия независимости от мнения редакции». Тогда бы и выяснилось, что не только для драмы, а и для какой бы то ни было и чьей бы то ни было работы этих условий принять нельзя.

Прежде всего не я *ставлю*, а Вы ставили иначе вопрос прежде, чем теперь его ставите.

И «Гимназисты», и «Панорамы», и «Студенты», и «Тёма» писались к каждой следующей книжке, и читали Вы их уже в последней корректуре. Я неоднократно просил Вас быть строгим судьей. Вы отвечали:

— «Нет уж, дрызгайте...»

И я дрызгал. Люди шаблона очень ругались, ареопаг непогрешимых, но бездарных, к сожалению, ареопаг шаблона не переставал шептать Вам и делать Вам язвительные вопросы:

— Гарин талант?

Это все действовало на Вас, Вы чувствовали, что тут есть какая-то правда, но чувствовали в то же время, что за этим дрызганьем, небрежностью, за слабыми страницами есть и другое что-то. Может быть жизнь, правда жизни, может быть иная постановка, иная точка зрения и что-то выходило: самая плохая вещь «Студенты», но издай я их, и они разойдутся. Плохонький «Сам<арский> Вест<ник>» говорит:

— Дайте Ваше имя только.

— Ничего не выйдет.

— Вы увидите.

И в два месяца «Сам<арский> Вест<ник>» имеет уже две тысячи иногородних подписчиков. Это пишу не для хвастовства и не себе лично приписываю, но хочу сказать, что у Гарина своя почва есть. И это прежде Ник<олай> Кон<стантинович> чувствовал и мирился с минусами этого Гарина: инстинкт заставлял его мириться, в то время как Иванчин-Писарев понимал это не инстинктом, а критическим даром. И выходило, что один из самых выдающихся своего

века писателей уступил в этой оценке человеку, который почти ничего не написал.

На сцену является В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненский³ — мужи богобоязненные, начитанные и твердые в вере. Ересь — гнать. Не потерпим беспорядка. Порядок, чинность, корректность и нишкни!

На заседании, — первом, где твердая рука прошла по моим несчастным «Студентам», В. Г. Короленко так отчитывал мне мои вины:

— Согласитесь, Николай Георгиевич, что так нельзя же работать: на облучке... на дуге... Это профанация... Я, я не понимаю... не понимаю этого!

И он делал богатырское движение, тряс бородой, — я любовался этим типом старовеера, понимал, что он не понимает, и думал: «а посади меня в условия вот этого непонимающего, что бы вышло из меня?» И отвечал себе: «да ничего не вышло бы, так же итссяк бы, как и этот посадивший себя на рогатину своих пониманий».

Хорошо! Этот висящий на кресте своих утопий богочеловек и этот бегающий в жизни и не желающий отказываться от этой жизни ради каких бы то ни было утопий, — один пишущий на дуге и другой за пятьюдесятью замками в тишине монастыря, — ведь это две противоположности. В силу вещей, в силу натуры они не поймут друг друга. Не поймут? Но как же судить они будут?

Оба художники — талант творческий, диаметрально противоположный критическому таланту. И не было еще путного критика, совмещавшего в себе творчество. Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой с одной стороны и Белинский, Добролюбов и пр. с другой.

Короленко не критик. За прошлый год нет уже беллетристики, в этом году журнал такой, точно не в этом году, а 25 лет тому назад составляли номер, следующий будет может быть еще дальше от жизни. Прочтите в февральской книге «Мира Божьего» критический отзыв о Куприне.⁴ 10 тысяч народу по всей провинции говорят мне то же: журнал превращается в уважаемый исторический манускрипт и новым людям уже трудно разбираться все в том же набившем оскомину шаблоне прекрасных времен. Я говорю о беллетристике. У самого Короленко с этим шаблоном, кроме креста, ничего не выйдет. И литература здесь является уже собиранием исторических манускриптов, в свое время не увидевших свет. Может быть в моих словах Вы увидите злобу,

но клянусь правдой, что это правда. Короленко не годится быть заведующим беллетристическим отделом. Прекрасная комбинация Иванчина⁵ и Вас неизмеримо выше: она создала успех журналу. Короленко тяжел и привалит и порвет своей тяжестью прекрасный узор художественного отдела: он подает публике только подогретые блюда старой кухни. Прилив свежих сил необходим. Из состава редакции — я совсем вышиблен, Иванчину уже вбит кляп в рот. Дойдете и до большего порядка, то публика разбежится, кроме, конечно, старой гвардии.

Хотите соберите редакционное собрание, и на собрании все это скажу. Это говорил месяц тому назад Мягкову, писал в письме Вам, да забыл его в Самаре задолго до ответа по поводу драмы. При таких условиях нет больше веры у меня в журнал. Если ничего изменить нельзя — каждый останется при своем, — время покажет, кто здесь прав, — мы разойдемся, — я с полным уважением к людям, которые по-моему неумело повели дело и не хотели больше считаться с одним из равноправных членов редакционного комитета. При таких условиях нельзя оставаться в деле.

А что до драмы... Вы видите, ни одного слова нет о ней пока, а положение вещей выяснено. Вы пишете, драма слабая. Больше ста человек ее слушали, делали много замечаний, но прибавляли обязательно:

— Очень сильная.¹

Может быть Вы правы, может быть — нет. «Чайку» Чехова окончательно забраковали, но и после этого «Русская Мысль» ее напечатала, и все в один голос твердили: «слабо, слабо», но никто и не подумал упрекнуть «Русскую Мысль», что она напечатала. Требовать выдержанных шедевров — это верный путь печатать только слабый шаблон.

Хороша драма — она и без «Рус<ского> Богатства» будет жить, плоха — не спасет ее и «Рус<ское> Бог<атство>». Но кончая письмо, должен еще раз сказать, что, конечно, горячиться не следует.

Мне кажется так, соберем заседание, поговорим и тогда, если ничего нет больше между нами, разойдемся на почве дела без обиды и гнева.

Я завтра буду в Петербурге и пробуду несколько дней. Если захотите устроить заседание, известите в Царское⁶ меня.

¹ Станюков<ич>, очень требовательный ко мне, говорит: «Очень хорошая вещь».

Искренно уважающий Вас и всей душой преданный Вам
Н. Мих<айловский>.

Р. С. Как ни странно, в таком письме я не могу не сказать, что лично Вас люблю от всей души и меньше всего хотел бы огорчить Вас.

¹ «Публицистические устои» — теоретические взгляды народников, которые не разделялись Гариним уже к моменту приобретения журнала «Русское богатство» (1892) и началу совместного сотрудничества с Н. К. Михайловским и другими писателями-народниками. Некоторое время Гарину казалось, что идейные расхождения с народниками не помешают ему публиковать в этом органе свои произведения, не затрагивающие основу основ народничества. Очерки и рассказы, в которых содержалась острая критика народнических иллюзий, писатель, как правило, отдавал в другие журналы и газеты, например, «Несколько лет в деревне», «На ходу» — ярко антинароднические произведения — были помещены в «Русской мысли» (1892, №№ 3—6) и в научно-литературном сборнике «Путь-дорога» (1893).

Однако к началу 1897 г. и Гарину и Н. К. Михайловскому стало ясно (данное письмо — лучшее тому свидетельство), что разрыв неминуем. Гарин окончательно порывает с «Русским богатством» и становится сотрудником и пайщиком «Самарского вестника» (1896). Он начинает печататься в таких журналах, как «Мир божий», «Жизнь», а в начале 900-х годов — в «Сборниках товарищества „Знание“».

² Драма «Орхидея» впервые опубликована в журнале «Космополис» (1898, № 9).

³ Анненский Николай Федорович (1843—1912) — журналист и общественный деятель, близкий друг В. Г. Короленко. В 1895—1912 гг. — активный сотрудник «Русского богатства».

⁴ В «Мире божьем» (1897, № 2, отдел «Критические заметки») напечатан анонимный отзыв о повести А. Куприна «Молох». Автор, назвав «Молох» «... вполне литературным произведением», тем не менее отмечал: «... с начала и до конца рассказ написан по шаблону, и, прочитав несколько первых страниц, можно сказать, что будет дальше» (стр. 87).

«Горячность», которую признавал и сам Гарин, не позволила ему по достоинству оценить повесть А. Куприна «Молох». Недостаточно объективен был Гарин и в своем отзыве о беллетристическом отделе «Русского богатства», возглавляемом (после 1895 г.) В. Короленко. Несмотря на то, что Короленко стремился отбирать для «Русского богатства» произведения, близкие по духу народническому журналу, было бы несправедливо часто зачеркивать значение беллетристического отдела. Достаточно сказать, что в 1896 г. на страницах «Русского богатства» появились произведения В. Короленко, В. Вересаева, А. Куприна, С. Елпатьевского, Е. Чирикова и др.

⁵ А. И. Иванчин-Писарев.

⁶ Царское Село, ныне г. Пушкин.

Многоуважаемый Николай Константинович!

Говоря о «Рус<ском> Б<огатстве>» как о своем гнезде, я понимал только орган, существование которого и его на-

стоящая организация без меня вряд ли бы осуществилась. Имея возможность делать революции, я их делал не для своего «я». Вы, избранный мною руководить делом, своими последними письмами определенно даете понять, что я для дела «Р<усского> Б<огатства>» никогда и не представлял никакого значения. Очень жалко в таком случае, что раньше не знал этого и смотрел на редакционный комитет (основанный в одну из революций, членом которого был и я) не так, как теперь он понимается Вами.

С этой точки зрения никаких «периодических попыток насилия» я себе не позволял, а высказывался на основании нашей конституции. Это — так, между прочим, чтобы не получить упрека в некорректности, а по существу вполне признаю Вашу теперешнюю постановку вопроса.

Чтоб не делать шума, поставим вопрос по Вашей редакции: «даст, так даст».

Что до жены, то она сама Вам напишет.

Я очень рад, что наши личные отношения сохраняются. От всей души желаю Вам всего лучшего.

Уважающий Вас, искренно и глубоко ценящий Ваше громадное дарование, Ваши заслуги — руководителя своего поколения, любящий Вас всей душой.

Н. Михайловский.

11 февраля 1897 г.

37

Многоуважаемый Николай Константинович!

Я очень, очень был бы Вам благодарен, если бы Вы написали мне свои замечания относительно драмы,¹ Вашими замечаниями я очень и очень дорожу.

Преданный Вам

Н. Мих<айловский>.

14 фев<раля> 1897 г.

¹ «Орхидея» (см. примечание 2 к письму 35).

38

Глубокоуважаемый Николай Константинович!

Начал было Вам писать — письмо вышло большое, и все-таки многое не сказано. Живая речь лучше. Вопрос очень важный, и мне кажется лучше всего собрать собрание пайщи-

ков «Рус<ского> Бог<атства>» (литературных, конечно, потому что денежных, кажется, не существует больше). Вопрос очень и очень тяжелый в отношении К. М. С.,¹ и чем скорее его решите, тем лучше. Я в Петербурге до среды 15 декабря, 6 ч. вечера.

С глубоким уважением и преданностью

Н. Михайловский.

11 декабря <18>99 г.

¹ Станюкович Константин Михайлович (1844—1903) — известный беллетрист. Имеются в виду недоразумения, которые возникли у Станюковича с редакцией «Русского богатства» на почве денежных отношений.

39

1 марта <1900>

Дорогой Александр Иванович!

Заезжал к Вам проститься и жалею, что не застал Вас дома. С своими «За десять лет»¹ не задержу Вас и 1 мая привезу все до конца. Был вчера в общ<естве> союза писателей и удрал, так как увидел там Станюковича, человека, с которым после всего случившегося мне невыносимо тяжело встречаться.

Желаю Вам всего лучшего. На Ник<олая> Кон<стантиновича> смотрел вчера с удовольствием. Я лично очень рад этому. Весь

Ваш

Ник. Михайловский.

¹ Цикл очерков «В сутолке провинциальной жизни». Впервые опубликован в «Мире божьем» (1900, №№ 2—4, 9, 11—12).

40

Дорогой Александр Иванович!

Я переживаю отвратительный период, который закончится тем, что должен буду опять поступить на службу. Но, чтобы поступить, надо приехать в Петербург, а пока и это еще не устроено. Здесь же, кроме полного неурожая, мой поверенный продал на 16 тысяч рублей заготовленного леса и с деньгами сбежал.

Ну, словом, пока плохо, и я к Вам с большой просьбой: если накопилось что-нибудь, отошлите угол Воскресенского

и Сергиевской, дом № 38, Надежде Валерьяновне, — там очень нужны деньги. Если бы можно было 1000 р. — я бы по приезде, получив свое кротовское жалование,¹ рассчитался бы. Крепко целую Вас, всем сердечный привет.

Ваш
Ник. Михайловский.

15 февраля 1902 г.

¹ В 1900—1902 г. Гарин снова попробовал заняться сельским хозяйством. Поселившись в своем имении, он засеял подсолнухами, чечевицей и маком несколько гектаров земли. Получив обильный урожай, Гарин и на следующий год посеял эти культуры. Год выпал неурожайный, и он потерпел полный крах. Гарину вновь пришлось поступить на службу. «Кротовское жалование» — деньги за строительство Кротовско-Сергиевской узкоколейной железной дороги. В 1903 г. Гарин уехал в Крым на строительство Южнобережной железной дороги.

41

5 октября 1903 г.

Ялта
Садовая, дача Розанова.

Дорогой Александр Иванович!

С начала постройки,¹ а это, вероятно, будет с февраля или марта, Вашего сына с величайшим удовольствием возьму. Оклад не меньше 2400 р. О подробностях переговорим при свидании в ноябре в Петербурге.

Изыскания подходят к концу. Вполне удачно, работал много. Насчет литературы плохо: писать хочется, а времени нет. Сельское хозяйство возмутительно: опять неурожай. Бросаю.

За четыре года 14 000 десятин с доплатой по 30 р. на десятину, итого

420.000 р., не считая
140.000 аренды с %
— 80.000
итог 600.000 р., — итого. . .

Ну, ничего. Жаль только времени. А все мечты о даче на Средиземном море и яхте «Русского Богатства»! Хорошо все-таки осуществить их. Кто знает?

Погода у нас чудная. Какие бы ни были мрачные мысли — все исчезнут в этом небе, в этом солнце, в этом море.

Познакомился и полюбил Чехова. Плох он. И догорает,

как самый чудный день осени. Нежные, тонкие, едва уловимые тона. Прекрасный день, ласка, покой, и дремлет в нем море, горы, и вечным кажется это мгновение с его чудным узором дали. А завтра. . Он знает свое завтра и рад и удовлетворен, что кончил свою драму «Сад вишневый».

Жена Горького здесь — очень хороший человек.² Милые Елпатьевские.³ Хорошо здесь. Вечно мой самый сердечный привет всем.

Любящий Вас Ника.

¹ Строительство Южнобережной железной дороги в Крыму, которое Гарину не удалось довести до конца: когда изыскания были окончены, последовало объявление войны с Японией. Постройку дороги отложили, Гарин уехал на Дальний Восток. Указанные в письме цифры приведены по подлиннику.

² Екатерина Павловна Пешкова (род. 1878).

³ Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854—1933) — известный писатель.

42

2 февраля 1904 г.

Дорогой мой Александр Иванович!

Посылаю Вам корректуру.

Так и не попал я на могилу Николая Константиновича.¹ Приготовил и речь, за которую мне пожалуй не поздоровилось бы. Но доклад затянулся до 4 часов. Потом я уж узнал, что и в 4 было бы еще не поздно.

Как-то переживаете Вы невзгоду. Всем нам дорог, очень дорог был Николай Константинович, а для Вас это потеря. .² Осталась одна Лидия Валерьяновна,³ а потом я. Крепко Вас, мой дорогой, милый мой целую.

Любящий Вас всей душой Ника.

P. S. Сына я в счет не положил — сын — сын.⁴

¹ Николай Константинович Михайловский скончался 28 января 1904 г.

² А. И. Иванчина-Писарева и Н. К. Михайловского связывали узы многолетней дружбы и совместной творческой деятельности: Иванчин-Писарев активно участвовал в деле приобретения журнала «Русское богатство» (1892), а затем, когда Н. К. Михайловский стал главным редактором этого журнала, Иванчин-Писарев заведовал редакцией «Русского богатства».

³ Жена А. И. Иванчина-Писарева.

⁴ Речь идет о сыне Иванчина-Писарева.

Л. Н. АНДРЕЕВ

ПИСЬМА к Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

(1901—1902)

Письма к редактору журнала «Русское богатство» Н. К. Михайловскому относятся к начальному периоду литературной деятельности Л. Андреева.

Выступления в газете «Курьер» в качестве фельетониста отнимали много сил и мешали работе молодого автора над художественными произведениями. Л. Андреев мечтает в эти годы покинуть газету и начать активное сотрудничество в ежемесячных органах печати.

Приглашение в «Русское богатство», возглавляемое известнейшим критиком, сочувственно встретившим издание первой книги начинающего писателя, Л. Андрееву было очень дорого. Однако идейная позиция журнала была ему чужда, и он вскоре покинул его.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 181, оп. 1, № 18).

1

Многоуважаемый
Николай Константинович!

Как и все поколение, к которому я принадлежу, я учился мыслить «по Михайловскому», и с этим именем у меня связывается так много хорошего, светлого и честного. Я не могу подумать о начале своей сознательной жизни без того, чтобы тотчас же не вспомнить Вас. Вы были одним из самых дорогих моих учителей, указывавших мне настоящую дорогу, и Ваше одобрение¹ бесконечно дорого мне. Оно свидетельствует о небесплодности моей работы и подымает силы для нового труда.

Как к высокой чести, отношусь я к участию в «Русском Богатстве». Но вот беда: я газетный работник, заедаемый злободневщиной,² пишу рассказов мало и в большинстве плохо. Если мне удастся написать что-нибудь порядочное, я немедленно и с радостью пошлю вещь на Ваше усмотрение.

Постараюсь написать — очень мне хочется поработать в Вашем журнале.

Глубоко уважающий Вас
Леонид Андреев.

31 октября 1901 г.

¹ В сентябре 1901 г. в издательстве «Знание» вышла первая книга «Рассказов» Л. Андреева, вызвавшая широкий отклик в печати.

Н. К. Михайловский сразу же обратил внимание на молодой талант. По свидетельству Н. Телешова, он написал автору «большое, очень хорошее письмо», в котором «пророчил ему будущность и обещал написать о нем серьезную статью» (Н. Телешов. Записки писателя. М., 1952, стр. 116). Статья эта появилась в ноябрьском номере «Русского богатства»

Характеризуя Андреева как большой оригинальный талант, критик писал: «У него есть рассказы истинно превосходные, в которых ни прибавить, ни убавить, ни передвинуть ничего нельзя («Жили-были»), но есть и растянутые («Рассказ о Сергее Петровиче»). Не удаются ему дети («Ангелочек», «Валя»). Но, повторяю, везде и всегда он — „сам“, не только в смысле отсутствия подражательности в содержании и форме изложения, а и в смысле отсутствия той распушенности, которая побуждает большинство авторов „рассказов“ плавать „без кормила и весла“ по безграничному и бесконечно разнообразному морю жизни («Русское богатство», 1901, № 11, стр. 61).

В то же время Михайловский остановился и на некоторых отрицательных сторонах творчества Андреева. Он писал по поводу рассказа «Ложь»: «Этот странный рассказ представляется мне маленьким темным облаком на светлом будущем Л. Андреева как художника. Вопрос в том, — разрастется ли это облачко в мрачную тучу, которая весь горизонт закроет, или, набежав на мгновение, рассеется в пространстве» (там же, стр. 73).

² Л. Андреев имеет в виду свою работу в прогрессивной газете «Курьер».

2

<Начало апреля 1902>

Многоуважаемый

Николай Константинович!

Женился, съездил в Крым,¹ только что вернулся и вплотную сел за работу. Рассказ, предназначенный для «Р<усского> Б<огатства>» (называется «о. Василий»), написан, остается отделать.² Пришлю его к 15—20 Апреля, а может быть и раньше — как позволит газетная канитель.³

Чем больше читаю я все то, что обо мне пишут (образец — статья М. Протопопова в «Р<усской> М<ысли>»),⁴ тем выше поднимается Ваш отзыв. Искренно говорю — лучшего я во всю жизнь не получу.

Очень о многом хотел бы побеседовать с Вами и посоветоваться, но в письме этого не сделаешь.

Искренно уважающий Вас
Леонид Андреев.

Датируется в связи с возвращением Андреева в Москву в начале апреля 1902 г.

¹ Свадьба Л. Андреева и Александры Михайловны Велигорской состоялась 10 февраля 1902 г. Андреевы посетили Крым во второй половине марта 1902 г. (Н. И. Гитович. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., 1955, стр. 702—703).

² Работа над рассказом «Жизнь Василия Фивейского» была завершена лишь в ноябре 1903 г. (см. датировку «19 ноября 1903 г.» в Полном собрании сочинений Л. Андреева, т. III, СПб., 1913, стр. 86).

Сведения о работе Л. Андреева над этим произведением в 1902 г. приведены в воспоминаниях М. Горького «Леонид Андреев»:

«— Я напишу о попе, увидишь! Это, брат, я хорошо напишу! И, грозя пальцем кому-то, крепко потирая висок, улыбался.

«— Завтра еду домой и — начинаю! Даже первая фраза есть: „Среди людей он был одинок, ибо соприкасался великой тайне...“

«На другой день он уехал в Москву, а через неделю — не более — писал мне, что работает над попом, и работа идет легко, „как на лыжах“. Так всегда он хватал на лету все, что отвечало потребности его духа в соприкосновении к наиболее острому и мучительным тайнам жизни» (М. Горький, Собрание сочинений, т. 22, изд. 2-е, М. — Л., 1933, стр. 95).

В августе 1902 г. Л. Андреев сообщил В. Вересаеву, что написал большой рассказ под заглавием «Жизнь Василия Фивейского». Замысел «важный, но выполнение мизерное — придется поработать еще» (Реквием. Сборник памяти Л. Андреева. М., 1930, стр. 149).

В 1903 г. Л. Андреев отдал этот рассказ М. Горькому для публикации в первом «Сборнике товарищества „Знание“», (СПб., 1904).

В письме К. П. Пятницкому от 21—22 августа 1903 г. М. Горький писал: «Андреев читал Шаляпину свой рассказ для сборника — „Жизнь о. Василия“. Шаляпин говорит: „Удивительно сильная вещь, я ревел, как баба“. Это — вероятно, я знаю тему» (М. Горький. Письма к К. П. Пятницкому. М., 1954, стр. 130). Высокая оценка этого произведения была дана самим Горьким в письме Пятницкому от 7—8 октября 1903 г. (там же, стр. 138).

³ Имеется в виду работа в газете «Курьер».

⁴ Статья М. Протопопова «Молодые всходы» опубликована в «Русской мысли» (1902, № 3, стр. 187—202). Критик не отказывает Л. Андрееву в таланте, но в то же время определяет этот талант как ненадежный, тревожно-болезненный. Рассказы Л. Андреева, пишет М. Протопопов, это «авторские беглые штрихи и субъективные авторские настроения». В то время как Н. К. Михайловский, указав на пессимистические нотки в рассказах Л. Андреева, признал лишь рассказ «Ложь» произведением, близким к декадентской литературе («Русское богатство», 1901, № 11, стр. 73), М. Протопопов отмечал воздействие декадентства на все творчество молодого автора. Критик писал: «По основному свойству своего дарования он реалист, но червоточина декадентства очень заметным образом испортила его» (стр. 198).

3

2 мая 1902 г.

Многоуважаемый

Николай Константинович!

Послал Вам «Буяниху»,¹ а предварительно прочел ее — плохо. Нужно сильно сократить (оставить, напр<имер>),

только одну порку), смягчить ненужные резкости, а Данкова с его страхом за домишко — развить. И все-таки будет неважно.

Еду на днях на дачу и буду очень ждать Вас. Приготовлю «Попа»² и другие штучки. Мой адрес теперь: Царицыно, Моск<овско>-Кур<ской> ж. д. Воздушный сад, а в самом конце его дача Санина.

Искренно уважающий Вас
Леонид Андреев.

¹ «Буяниха» в печати не появилась. В судьбе этого произведения решающую роль сыграло его обсуждение в литературном кружке «Среда». Н. Телешов вспоминает: «Однажды Андреев прочитал рассказ под названием „Буяниха“ и получил такой дружный отпор, что при жизни автора рассказ этот нигде не был напечатан. Как-то, лет через семь или восемь, когда Андреев был уже знаменит, я просил его дать для одного благотворительного сборника, в чем он мне никогда не отказывал, какую-нибудь вещь, а у него в то время ничего готового не было. Я вспомнил тогда про „Буяниху“, когда-то единодушно отвергнутую „Средой“, и написал ему об этом. Он отвечал мне следующим письмом:

«„Рассказ я для тебя напишу, клянусь в этом потрохами того гуся, который спас Рим, но сделать это раньше октября не могу. «Буяниха» — та, которую ты, к сожалению, не забыл, есть позорнейшее явление в литературе, стыд и срам и поношение человеку...» (Н. Телешов. Записки писателя. М., 1952, стр. 113—114).

² «Жизнь Василия Фивейского».

4

23 мая <1902>

Многоуважаемый
Николай Константинович!

С величайшей радостью прочел Ваше письмо, и все эти дни, в которые приблизительно будет Ваш приезд, буду ждать Вас в Царицыне.¹ На Волгу я поеду не раньше половины Июня, и теперь свободен совершенно. Свидание с Вами будет для меня великою радостью; есть вопросы и есть планы, о которых очень хочется поговорить с Вами. Дома я весь день, и с каким поездом Вы ни приедете, <нрзб.> обязательно застанете меня.

Искренно уважающий Вас
Леонид Андреев.

¹ И. А. Белоусов сообщает следующее о пребывании Андреевых в Царицыно и о приезде туда Н. К. Михайловского в июне 1902 г.: «На лето Леонид Николаевич с женой Александрой Михайловной и со всей семьей...

перебрался на дачу в Царицыно, верстах в 20 от Москвы по Курской ж. д. Дача находилась на самом краю царицынского парка. Жили Андреевы просто и скромно. Туда, как-то проездом через Москву, заглянул к нему Николай Константинович Михайловский. В письме от июня 1902 года Леонид Николаевич писал мне: „Третьего дня был у меня Н. К. Михайловский. Хо-ороший старик!“» (И. А. Белоусов. Литературная среда. М., 1928, стр. 141—142).

5

<Август 1902>

Многоуважаемый

Николай Константинович!

Пишу Вам в СПб., так как думаю, что Вы, вероятно, вернулись уже с Кавказа.¹ Я сам недавно только возвратился с Волги² и очень много работаю — стараюсь наверстать потерянное.

Был я в Арзамасе у Горького и слышал его новую драму: «В ночлежном доме» или «На дне» (он еще не остановился на том или другом заглавии). Сам Горький сильно изменился в сторону бодрости и подъема духа, а его новая драма — нечто неожиданное по силе, смелости и красоте. Такою, по крайней мере, показалась она мне³ (здесь в Москве я слышал, что Чехову драма не понравилась — это не меняет моего взгляда).⁴ Берет Горький все тех же своих босяков и бывших людей, но есть нечто совершенно новое в сильно изменившемся и, я сказал бы, просветленном взгляде автора. Из романтика со всею бессознательною, хоть и красивою ложью романтизма, он словно превратился в философа, настойчиво и мучительно ищущего смысла бытия. Он нагромоздил гору жесточайших страданий, бросил в одну кучу десятки разнохарактерных лиц — и все объединил жгучим стремлением к правде и справедливости. И я не знаю, хотел ли он того, или уж это случилось так, но драма его лежит на широчайших социальных основах. А написана она хорошо, так хорошо, что я послушал, послушал — да и запустил к черту свою начатую драмищу.⁵ Почувствовал, как я еще молодо-зелено. И «Мещане» его — в подметки не годятся!⁶

С работою моею мне не повезло — одновременно с этим письмом я имел расчет послать Вам «Бунт на корабле», да не вышло. Дело в том, что стал я писать для В. С. Миролубова, написал длинный, потратил много времени и труда, а когда прочел — оказалось слабо.⁷ Пришлось тотчас же писать другой, а тут Курьерская работа. Кончил и второй,⁸

но еще отделяваю. А после него тотчас «Бунт», а после «Бунта» — тотчас в клиники. Таковы мои планы, ибо опять развинтились нервы и никуда не годится сердце.

Недоволен я собою, Николай Константинович! И мыслей еще много, и работаю — да все не клеится что-то. Не хватает силы изобразить то, что хочу.

Глубоко уважающий Вас
Леонид Андреев.

Отрывок из письма опубликован С. Д. Балухатым в журнале «Искусство и жизнь» (1939, № 6, стр. 25). Датируется в связи с содержанием письма.

¹ В июне—июле 1902 г. Н. К. Михайловский отдыхал в Кисловодске (см. письма А. И. Иванчина-Писарева к Н. К. Михайловскому от 8 июня и 16 июля 1902 г. — ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, № 272).

² Л. Андреев вернулся с Волги в конце июля 1902 г. Впечатления Андреева (Джемса Линча) от летней поездки отражены в его фельетоне: Мелочи жизни. (О поездке по Волге и Каме). «Курьер», 1902, № 199, 21 июля.

³ Л. Андреев (Джемс Линч) выступил в печати с оценкой пьесы «На дне»: Мелочи жизни. «Курьер», 1902, № 234, 25 августа.

⁴ Развернутую оценку пьесы А. П. Чехов дал в письме к М. Горькому от 29 июля 1902 г. (А. П. Чехов, Полное собрание сочинений и писем, т. 19, М., 1950, стр. 314).

⁵ Речь, видимо, идет о драме Л. Андреева, о которой Горький писал Пятницкому 15 февраля 1903 г.: «Драму свою он написал не только немело, но и — бездарно, что, впрочем, сам понимает. Мы ее забраковали — я и Алексин — он согласился с нами и уничтожил. Это хорошо» (М. Горький. Письма к К. П. Пятницкому. М., 1954, стр. 120).

⁶ Развернутый отзыв Л. Андреева (Джемса Линча) о пьесе «Мещане» был опубликован в «Курьере» (1902, № 89, 31 марта).

⁷ См. письмо на стр. 94.

⁸ Видимо, рассказ «В тумане».

6

<Август—сентябрь 1902>

Многоуважаемый

Николай Константинович!

Честное слово — я отношусь к Вам с такой горячей симпатией и преданностью, что для меня день напечатания какой-нибудь вещи в «Русском Богатстве» будет праздником. Беда в моей кропотливости и неурегулированности работы.

Написал я очень быстро, в одну неделю, рассказ на два печатных листа, кажется, недурной, но должен отдать его В. С. Миролубову, которому обещан он чуть ли не два года. Возможно, что по размерам и по теме (убийство гимназистом

Многоуважаемый

Николай Константинович!

Пишу Вам в СПб., так как думаю, что Вы, вероятно, вернулись уже из Кавказа. Я сам не могу больше вытерпеть с Вами и очень много работаю - стараюсь повернуть концы.

Вы же в Арзамасе у Тарского и сидели по новой драме: "В потешном роде" или "На дне" (она еще не окончена по форм и по драматическим законам). Размещая Тарский сидел у меня и сговором Водружия и подвешивая, а по новой драме - и по неопределенности по силе, силе и красоте. Какое же крайнее и при этом находится она тут (скажет в Москве и сибиряки, что Тарскому драме и коррекции - да, но инициалы моего взгляда). Берите Тарский во имя его своей Водружия и Гаврилы и др., но все же инициалы все же и сидел у меня и др., я скажу Вам, инициалы моего взгляда автор. Убого романиста со всем Водружия и др. и красоте и др. романиста он сидел и превращая в философию.

проститутки) он не подойдет к «Журналу»,¹ тогда я пришлю его на Ваш просмотр и решение. Сейчас сажусь за работу для Вас и предельный срок половина Сентября — пришлю Вам «Бунт»² или «Три жизни»³ (повесть о горделивом попе).

Вероятно, в пересказе «<Русскими> В<edomostями>»⁴ драмы «На дне» есть неправильности. Пьеса написана с величайшим и даже удивительным тактом, и ненужных ужасов и дергающего нервы кровопролития и крика в ней нет. В первом акте умирает больная жена рабочего Клеща, и смерть ее так тиха, незаметна, так подготовлена предыдущим, что в общей картине жизни ночлежки является лишь правдивой подробностью. Такова же и смерть актера в четвертом акте. Он давится за *кулисами* и на сцене смерть его отмечают только таким незатейливым и кратким диалогом:

— Братцы, актер удавился.

— Эко дурак, всю музыку испортил!

(Компания пила водку и пела песни).

Центральное место: убийство Костылева в драке — написано прекрасно, с изумительным соблюдением меры. Драка большею своею частью происходит за сценой; самое убийство совершается в закоулке, опять-таки не на глазах зрителя. Правда, и при этих условиях впечатление ужасное, но оно, так сказать, обусловлено и необходимо.

Других смертей и ужасов нет. В четвертом акте много смешного — да и во всей пьесе юмору достаточно.

Здоровье мое скверно, и в Октябре хочу ложиться в клиники. Последнее время от усиленной работы на всех парах начались сильные головокружения — и сейчас бумага пляшет перед глазами.

Горячее спасибо Вам за доброе ко мне отношение.

Искренно уважающий Вас

Леонид Андреев.

Отрывок из письма опубликован С. Д. Балухатым в журнале «Искусство и жизнь» (1939, № 6, стр. 25). Датируется в связи с содержанием письма: упоминанием отзыва в газете «Русские ведомости» (1902, № 223, 14 августа) и обещанием автора написать рассказ в середине сентября.

¹ Рассказ «В тумане». Напечатан в «Журнале для всех» (1902, № 12).

² «Бунт на корабле» (см. примечание 2 на стр. 88).

³ «Три жизни» — вариант заглавия «Жизнь Василия Фивейского».

⁴ Имеется в виду сообщение «Новая пьеса Горького» («Русские ведомости», 1902, № 223, 14 августа), о котором, видимо, писал в своем письме Н. К. Михайловский.

〈Сентябрь—октябрь 1902〉

Многоуважаемый

Николай Константинович!

Беда мне теперь с моими рассказами — пишу их много, а в печати увижу не скоро: по договору с немецким издателем должен я до напечатания в России печатать рассказы в Германии.¹ Той же участи подлежит и посланный вам рассказ «Иностранец». Если он годится для Вас, напечатать его можно будет *не раньше Декабрьской* книжки, если выходит она в середине Декабря — а если в начале, то в Январской. Нарушение этого условия грозит мне расторжением договора, очень, само по себе, для меня выгодного. Когда уже рассказ послал Вам, увидел, что конец его нужно кое в чем изменить — сделаю это в скором времени.

Боюсь я насчет цензуры. Осторожно обходил я все камни, но на один все-таки наткнулся. Фраза: «А тебя Райко в Сербии — не пороли?»² Чем заменить, не знаю, а если вычеркнуть — здорово напортит рассказ.

Очень рад, что удалось мне хоть немного искупить свою вину перед Вами, и очень рад буду появиться на страницах «Русск<ого> Богатства». Везет мне, Николай Константинович! Жаль перстня нету, а то бросил бы его в Москву реку.³ Сегодня год, как я выпустил книжку,⁴ а уже идет четвертое издание — восемнадцатая тысяча! А на днях еще радость получил — новую, неожиданную и великую: ездил в Смоленск на вечер читать⁵ и так был встречен молодежью, что с некоторым стыдом подумал: за что? Нужно будет написать хорошую штуку для этой молодежи, такой горячей, такой честной, такой жадной к свету и правде.

Здоровье несколько лучше. Лечусь дома под строгим надзором жены.⁶ Не так мучаюсь и сомнениями и опять начинаю любить свою работу! Хладнокровно отношусь и к ругательствам. Неожиданно попало мне на орехи и за Вас. В одной из здешних газет был фельетон с такой милой подробностью:

«В последней книжке „Revue“ Савич посвящает статью Л. Андрееву. Савич относится к этому молодому писателю очень сурово и его известность приписывает в значительной мере критическому взгляду Н. К. Михайловского, которому Л. Андреев попался под руку в одну из благодушных минут».⁷

Вот задача: и не похвалят беда и похвалят беда. А промолчат — еще хуже!

Очень кланяются Вам мать и жена.

Глубоко уважающий Вас
Леонид Андреев.

Москва Сред<няя> Пресня, д. Гвоздевой.

Р. С. Будьте добры, многоуважаемый Николай Константинович, уведомьте, подойдет для Вас «Иностранец» при всех этих условиях.

Датируется в связи с выступлением в Смоленске.

¹ С января 1902 г в Германии начал действовать новый закон об авторском праве, один из параграфов которого предусматривал сохранение прав любого иностранного писателя при условии, «если немецкий перевод с иностранного оригинала напечатан в Германии в один день с оригиналом или раньше оригинала» (К. Пятницкий. Тревожные слухи. В кн.: Литературно-художественный сборник «Красной панорамы». Л., 1928, сентябрь, стр. 56). К. П. Пятницкий, опираясь на этот параграф, содействовал изданию в Германии произведений русских писателей, в том числе Л. Андреева, издательскими фирмами Мархлевский и К° и Г. Штейниц.

² Упомянутой фразы в опубликованном тексте рассказа нет («Русское богатство», 1902, № 12).

³ Л. Андреев намекает на легенду о счастливице Поликрате, правителе о. Самоса. Сюжет легенды использован в литературе. См., например, балладу Ф. Шиллера «Поликратов перстень».

⁴ Первая книга Л. Андреева вышла в сентябре 1901 г.: Рассказы. (Большой шлем. Ангелочек. Молчание. Валя. Рассказ о Сергее Петровиче. На реке. Ложь. У окна. Жили-были. В темную даль). «Знание», СПб., 1901. Книга вызвала большую критическую литературу.

⁵ Речь идет о вечере, который состоялся 21 сентября 1902 г. в зале дворянского собрания Смоленска в пользу заднепровской библиотеки. Л. Андреев прочитал рассказ «Молчание» (сообщение о вечере см.: «Смоленский вестник», 1902, № 207, 21 сентября).

⁶ Жена — А. М. Велигорская.

⁷ G. Savitch. Un nouveau romancier russe Léonide Andréïeff. «La Revue (ancienne Revue des Revues)», Paris, 1902, v. XLII, p. 681—690.

8

<Октябрь 1902>

Многоуважаемый
Николай Константинович!

Очень, очень рад, что Вам понравился «Иностранец» — на этот раз наши вкусы совпали: мне рассказ не то чтобы нравился, а вызывает он во мне чувство какой-то весьма приятной теплоты. Отсюда не следует, однако, чтобы конец рассказа я так и оставил — в его несколько искусственном и излишне тенденциозном виде. Постараюсь исправить и исправленное пришлю Вам в конце Октября.¹

Удастся ли мне дать до конца года другой рассказ, не знаю, но в том году в начале дам рассказ «Три жизни» (о попе, пытающемся воскресить бедняка).²

Положение мое по отношению к немцам таково: я должен давать им рассказы, которые мое домашнее жюри³ признает лучшими, причем права мои в России каким-то манером остаются вполне гарантированными от посягательств. Так говорит Пятницкий,⁴ и я ему вполне верю. Сам я ничего вообще не понимаю по части издательства, но знаю по всему, и по опыту и по человеку, что ничего кроме хорошего от Пятницкого ожидать я не могу. Ведь он меня совокупно с Горьким вырвал из когтей Сытина, купившего у меня книжку за 350 р.! (а в «Знании» я получил за год 6000 р.). И без них я сейчас погибал бы за каторжной газетной работой.⁵ На днях фирма наша (я даже фамилий не помню, что-то вроде «мернефлюндт») выпускает мою книжку по-немецки; это будет уже второе отдельное издание рассказов⁶ — первое выпущено без моего разрешения какой-то фирмой в Штутгарте с довольно неудачным подбором рассказов: В тем-
<ную> даль, Валя, Жили-были, Сергей Петрович, Ложь и Молчание. Валя и Ложь положительно лишние.⁷

Искренно благодарю Вас, дорогой Николай Константинович, за Ваше сердечное ко мне отношение. Оно утешает меня в ругани, которая теперь отовсюду бочками льется на меня,⁸ и дает мне веру в себя — а она очень необходима мне, до глупости мнительному и слабодушному. Большая к Вам просьба: нельзя ли выслать мне за счет будущего гонорара «Русское Богатство» за текущий 1902 г. По библиотекам трудно бывает достать новые журналы, а на выписку все как-то потрохов не хватает.

Глубоко уважающий Вас
Леонид Андреев.

Датируется в связи с содержанием письма.

¹ Судя по письму 9, Л. Андреев не исправил конец рассказа

² «Три жизни» — «Жизнь Василия Фивейского».

³ Домашнее жюри — жена и мать Л. Андреева.

⁴ См. примечание 1 к письму 7.

⁵ См. примечание на стр. 85.

⁶ В 1903 г. в Германии вышла книга: L. Andrejew. Der Gedanke und andere Novellen. Aus dem Russischen übersetzt von Elisawetinskaja und Jorik Georg. Verlag für Literatur und Kunst, München, 903, 168 s.

На экземпляре книги, хранящемся в библиотеке ИРЛИ, имеется автограф Л. Андреева, датированный 17 апреля 1903 г. В книгу вошли рассказы: «Мысль», «У окна», «Смех», «Ангелочек»

В 1903 г. немецкой фирмой, связанной с изданием произведений русских авторов, был опубликован еще один сборник Андреева: L. A n d r e j e w, *Der Ausländer und andere Geschichten. Deutsch von Anna Czubinow. Hugo Steinitz Verlag, Berlin. 1903, 128 s.* Сюда вошли рассказы: «Иностранец», «В подвале», «В темную даль», «Валя».

⁷ Речь идет об издании: *Erzählungen von Leonid Andrejew. Aus dem Russischen übersetzt von Elisawetinskaja und Jorik Georg. Deutsche Verlags Anstalt, Stuttgart und Leipzig. 1902, 156 s.*

В письме Андреев сетует на подбор рассказов в немецком издании, хотя все они входили в сборники рассказов, составленные самим автором. Андреев, видимо, желал подчеркнуть, что считается с мнением Михайловского, который дал в своем отзыве сдержанную оценку рассказов «Ложь» и «Валя», а затем написал на одной из своих книг: «Л. Н. Андрееву от любящего, несмотря на „Ложь“ и „Стену“, автор» (А. Измайлов. Литературный Олимп. М., 1911, стр. 250).

⁸ См. примечание на стр. 92.

9

<Октябрь 1902>

Многоуважаемый

Николай Константинович!

Все собирался исправить конец «Иностранца», да так и не собрался. Последние месяца полтора почти непрестанно болею и дошел до такого состояния, дальше которого уже некуда было идти. Взятся решительно за лечение: бросил всякую работу (только рисую), никуда не хожу, к себе людей не пускаю, лечусь водой — и вот уже 3 недели совсем не курю. После семнадцати лет курения, когда я прокоптился, как пенковая трубка, и вдруг сразу — ни единой папиросочки — тяжело! И характер на глазах портится: стал я злой, придирчивый, раздраженный — и глупый. Трудно говорить, а писать прямо невозможно.

Посему пусть «Иностранец» остается как есть: нужны в конце только частичные поправки, для которых достаточно будет корректуры. Пожалуйста, пришлите ее, и в тот же день я отошлю обратно.

Что карточку я Вам послал — то это удовольствие прежде всего для меня. Говорю совершенно искренно и очень, очень серьезно. И мне хочется получить еще большее удовольствие: у меня есть Ваши книги — нельзя мне послать Вам одну из них, чтобы Вы надписали на ней: такому-то?

Жена очень кланяется Вам. Не удивляйтесь бесчисленному множеству штемпелей на бумаге:¹ это жене очень нра-

вится ставить штемпеля, и она уверяет, что ставит их лучше меня, а это неправда — у нее почти все косо выходит. И у меня косо, но не так (последняя фраза вынуждена женою).

Глубоко уважающий Вас
Леонид Андреев.

Датируется в связи с предшествующим письмом (8), в котором Л. Андреев обещал в конце октября прислать рассказ «Иностранец», предварительно его исправив.

¹ На первой и третьей страницах письма поставлен штемпель: Леонид Николаевич Андреев. Москва, Средняя Пресня, д. Гвоздевой.

«ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ»

Л. Н. АНДРЕЕВ

ПИСЬМА к В. С. МИРОЛЮБОВУ

(1899—1907)

В 1895 г в Петербурге стал выходить иллюстрированный «Журнал для всех», предназначенный для народного чтения в верноподданническом понимании. Основное место в нем занимали религиозно-нравственный отдел, заполняемый житиями святых и жизнеописаниями деятелей церкви, и отдел сельского хозяйства. Журнал был лишен права вести обозрения внутренней и зарубежной жизни, отдел хроники был разрешен при условии публиковать ее «без обсуждения» сообщаемых фактов.

Журнал влачил жалкое существование, когда на него обратил внимание В. С. Миролюбов, решивший испробовать свои силы в журнально-издательском деле.

Виктор Сергеевич Миролюбов, в то время уже известный певец (театральный псевдоним Миров), не был удовлетворен своей деятельностью. Соприкоснувшись еще в студенческие годы с общественным движением, он увлекся народническими идеями и решил посвятить свою жизнь служению народу. Журнал, который Миролюбов хотел создать, должен был в отличие от официозных изданий для народа дать массовому читателю здоровое и полезное чтение.

В связи с трудностью добиться разрешения на издание популярного литературного и научного журнала Миролюбов решил взяться за перестройку уже имеющегося органа. В конце 1897 г. редактор «Журнала для всех» Д. Генке передал право на издание преподавателю театрального училища П. В. Голяховскому, ставшему номинальным редактором. Миролюбов тотчас же принял за реорганизацию журнала, первый номер под его редакцией вышел в октябре 1897 г.

2 сентября 1898 г. министр внутренних дел «разрешил издателю-редактору „Журнала для всех“ г. Голяховскому принять в соиздатели этого журнала личного дворянина Виктора Сергеевича Миролюбова» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, № 58, л. 12); 25 февраля 1899 г. право на издание перешло в «единоличную собственность» Миролюбова.

Новый редактор быстро проявил себя как талантливый организатор, тонкий ценитель литературы и вдумчивый воспитатель литературной молодежи.

Не заявляя официально о расширении слишком узких рамок журнала, Миролюбов фактически сразу же отверг разрешенную цензурой программу. В «Журнале для всех» появился большой научный отдел (исто-

рия, естествознание — геология, астрономия, и др.), отдел библиографии, была введена публицистика (статьи и иностранное обозрение, которое вначале вел В. А. Поссе под псевдонимом «Вильде»), совершенно изменился также характер художественного отдела. За баснословно дешевую цену — рубль в год — журнал давал читателю ежемесячно до шести печатных листов содержательного чтения. Такая дешевая подписка могла быть сохранена лишь при большом тираже, а он в значительной мере зависел от того, кто будет работать в журнале. Миролюбов уделял этому вопросу серьезное внимание. Он привлек к сотрудничеству в «Журнале для всех» крупных ученых, известных критиков, писателей. Уже в декабре 1897 г. он просит поддержать журнал М. Горького (письма последнего к Миролюбову опубликованы с комментариями в книге: М. Горький. Материалы и исследования, т. III. Л., 1941, стр. 21—102), а в сентябре 1898 г. пишет А. П. Чехову: «Я не знаю, слышали ли Вы, что я теперь вожусь над созданием дешевого и содержательного журнальчика для большой провинциальной публики. Он называется „Журнал для всех“. Я его, кажется, Вам выслал. Цена в год рубль. Всем сотрудникам платим, как в толстых журналах. Есть рассказы Горького, Станюковича... Потрудитесь для бедного человека, дайте рассказ, заплачу 150 р. Подписчиков у нас около 15 000, когда мы его купили, было около 5000. Следующий год буду печатать 25 000 экз. Публика наша пишет больше одобрительных писем, чем ругательных. На днях получил письмо с просьбой высылать журнал, написанное каракулями так: „Посылаю рупь, ежели выдет нехватка еще пришло. Газета добрая“. Не поможете ли Вы нам сделать ее еще добрее» (Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина, фонд Чехова, № 52. 10).

Попытка создать дешевый журнал для широких кругов демократических читателей — интеллигенции, передовых рабочих и крестьян — вызвала самый сочувственный отклик у писателей демократического лагеря. «Спасибо за журнал, — писал А. И. Эртель 30 июня 1898 г. — Он очень приличен и поразительно дешев» (ф. 185, оп. 1, № 1290). «Хорошее Вы дело затеяли и умеете его вести», — отмечал в своем письме от 21 июля 1898 г. В. Поссе (там же, № 950, л. 13).

Миролюбов пытался привлечь в свой журнал писателей-народников, но они, понимая, что журнал не станет ратовать за пропаганду народнических идей, уклонились от сотрудничества. Так, П. Якубович писал в ответ на приглашение: «...преклоняюсь перед той задачей, которую ставит себе Ваш журнал, от души желаю всякого добра Вашему подписчику, но... не чувствую себя способным для него работать. Опять-таки *натуры* не переделаешь, а жизнь сделала мою натуру такой узкой, кружкой (не закрываю глаз на это и с горечью сознаю в этом), что для *Вашего* подписчика писания мои (и тем паче — стихотворения), наверное, были бы совершенно непонятны. Да это и не моя только мысль: про мой стихотворный сборник все единогласно говорят, что большой публике он мало понятен и потому мало интересен. Друзья у моей поэзии есть, и даже не в меру горячие, но круг их очень ограничен» (там же, № 1300, л. 4).

Активную поддержку журнал получил со стороны В. Г. Короленко, приславшего в его редакцию произведения, которые не соответствовали программе художественного отдела «Русского богатства», но могли представлять интерес для читателей миролюбовского органа.

Отзываясь одобрительно о журнале, Короленко писал 27 февраля 1901 г.: «...пропагандирую „Журнал для всех“ среди авторов и уже несколько вещей (по-моему, подходящих) направил к Вам» (там же, № 645, л. 5). Эта поддержка осуществлялась Короленко и в 1902 г.

Сочувственно отнеслись к новому органу и молодые писатели-реалисты, объединившиеся в литературном кружке «Среда». 17 апреля 1899 г. В. Вересаев известил Миролюбова: «... мне очень нравится Ваш журнал и по целям и по содержанию, и я с величайшим удовольствием готов в нем сотрудничать» (там же, № 357).

Писатели-реалисты поддерживали «Журнал для всех» и своим активным сотрудничеством, и своими откликами на его деятельность в печати. Так, в октябре 1898 г. М. Горький выступил с высокой оценкой преобразованного журнала. «Можно с уверенностью сказать, что он строго выполняет одну из своих задач, — писал Горький, — давать читателю за дешевую цену здоровую пищу для ума и духа. Десять вышедших книжек журнала ясно свидетельствуют о серьезном и вдумчивом отношении к делу со стороны редакции, — каждая книжка выходит в свет лучше — интереснее и обильнее» («Нижегородский листок», 1898, № 287, 19 октября). О «Журнале для всех» писал и Л. Андреев («Курьер», 1901, № 5, 5 января).

«Журнал для всех» скоро приобрел широкую аудиторию, тираж его быстро рос. В 1903 г. он достиг уже 80 тыс. экз. Несмотря на сниженные гонорары, писатели и ученые демократического лагеря, сочувствуя деятельности Миролюбова, охотно печатались в его органе.

Изменение лица журнала долгое время не привлекало внимания Цензурного комитета. Он заинтересовался им всерьез впервые в связи с публикацией рассказа Л. Андреева «В тумане» («Журнал для всех», 1902, № 12). Переписка между Главным управлением по делам печати и С.-Петербургским цензурным комитетом (см. примечание 1 к письму 26) вызвала смену цензора, читающего материалы журнала, и осторожность по отношению к нему. С января 1903 г. цензора уже бдительно следит за «Журналом для всех». Вначале она проявляла особую строгость к статьям на общественные темы и хронике, затем нередко стала запрещать и беллетристику. Так, например, в 1903 г. была запрещена публикация в сентябрьском номере рассказа А. Франса «Дом без греха», так как он, по утверждению цензора, «представляет собою в сущности краткое, но ясное и общедоступное изложение социалистических идей. Эти идеи развивает перед рабочим-каменщиком монах брат Джiovанни». Одновременно были запрещены и два стихотворения В. Башкина. Цензор считал недопустимым публиковать произведения, в одном из которых говорилось, что у рабочего сердце «кипит по неволе» от нанесенных ему обид («Обида»), а в другом мать убеждала сына «идти всегда прямым путем». В этих стихотворениях цензор также усматривал социалистическую пропаганду (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, № 58, л. 25).

«Журнал для всех» не обладал ярко выраженной политической программой, раздел публицистики был в нем чрезвычайно сужен. Однако стремление редактора превратить журнал в литературно-общественный ежемесячник было угадано цензурой.

30 января 1904 г. цензор А. Андрияшев в специальном докладе обратил внимание Цензурного комитета на несоответствие «Журнала для всех» утвержденной ранее программе. «Ознакомившись с несколькими книжками „Журнала“, — писал цензор, — я убедился, что нынешняя редакция совершенно устранила все те пункты программы, которые придавали ей народный характер, и пользуется лишь теми, которые присущи всякому литературно-политическому журналу» (там же, л. 37). Но применить к «Журналу для всех» специальный циркуляр об издании народных изданий от 8 мая 1895 г. оказалось невозможным, так как журнал возник ранее (в марте 1895 г.). В связи с этим Главное управление по делам

печати было вынуждено рекомендовать лишь усилить цензорский надзор за журналом.

Попытки Миролюбова получить специальное разрешение на расширение программы журнала не увенчались успехом.

Вместе с тем общественное лицо «Журнала для всех» не оставалось неизменным на всем протяжении его существования. Он отдал большую дань увлечению своего редактора в 1901—1904 гг. религиозно-философскими вопросами. Это увлечение было вызвано и некоторым разочарованием Миролюбова в народнической доктрине, и тяжелыми личными переживаниями в связи с обострением туберкулеза и потерей чудесного голоса.

Деятельность Религиозно-философских собраний, активным членом которых стал Миролюбов, подвергалась суровой критике со стороны М. Горького (Собрание сочинений, т. 28, М., 1954, стр. 211—212) и В. Короленко. Оба стремились помочь Миролюбову понять реакционную сущность религиозно-философских исканий декадентов — основных учредителей и членов этих собраний. 12 февраля 1902 г. В. Короленко писал Миролюбову: «Боюсь я, что в Вашем религиозном обществе много разных хороших вещей, только нет одной — правды. Вы разбираете разные тонкости, „оцениваете“ разных богословских мушек и не замечаете, какие реки слез и, прямо, крови льются от рук ваших елейных собеседников» (ф. 155, оп. 1, № 645, л. 9 об.).

Вскоре Миролюбов отказался от активного участия в делах Религиозно-философских собраний (см. его письмо в Совет Религиозно-философских собраний — ф. 185, оп. 1, № 164). Но разочарование в деятельности этих собраний не повлекло за собой пересмотра Миролюбовым своих религиозно-философских воззрений. Особенно ярко это проявилось в подборе новых сотрудников «Журнала для всех». В конце 1903 г. Миролюбов пригласил работать в журнал литературного критика Волжского (Александра Сергеевича Глинку, 1878—1940), тяготевшего к символистскому лагерю. Характеризуя в автобиографии свое идейное развитие, Волжский писал, что юношеское преклонение перед Н. К. Михайловским довольно быстро сменилось у него страстным увлечением Ф. Достоевским: «В Достоевском и в том, что за ним и около него, я пережил свой собственный личный кризис рационализма и сознательно и свободно пошел к подлинной религии, не чураясь метафизики и не боясь мистики. Достоевский влек меня, конечно, не в социально-политических моментах своего творчества, а в религиозно-философских озарениях. Это самый большой гиб в моих душевных переживаниях. Поскольку мог, он отразился в моих литературных работах и статьях» (Фонд Венгерова, № 916, л. 4).

Предлагая Миролюбову свое постоянное сотрудничество, Волжский предупреждал, что он является сторонником религиозного идеализма и что это безусловно найдет отражение в его критических статьях. Данная позиция встретила сочувствие Миролюбова.

Появление первой же статьи Волжского: «Литературные отголоски. По поводу книги Г. Булгакова» («Журнал для всех», 1903, № 12), сочетавшей проповедь религиозного идеализма с выпадами против марксизма, сильно встревожило как сотрудников, так и читателей журнала. Так, например, в конце декабря 1903 г. М. Горький получил письмо от А. Малиновского (Богданова), советовавшего ему публично заявить о своем несогласии с новым направлением журнала. В неотправленном письме к А. Серафимовичу Миролюбов с горечью заявлял, что Горький, встретившись с ним в обществе чужих ему людей, осудил публикацию статьи Волжского (ф. 185, оп. 1, № 159, л. 2).

В 1904 г. в «Журнале для всех» (№№ 1 и 2) появилась новая статья Волжского: «О некоторых мотивах творчества М. Горького», также встревожившая читателей журнала. В письме к Миролюбову автор статьи заявлял, что смотрит на Горького «как на огромное морально-философское бродило, но отношение к положительному содержанию его художественной философии» у него «в общем отрицательное» (там же, № 417, л. 37).

В начале 1904 г. Миролюбов получил коллективный протест, подписанный В. Вересаевым, Л. Андреевым, А. Серафимовичем, В. Дмитриевой и И. Белоусовым (последний не являлся активным сотрудником «Журнала для всех»), в котором было сказано, что статья Волжского «с проповедью бога и злорадною отходною над направлением, имеющим глубокие жизненные корни в современной русской жизни, глубоко возмутила всех нас» (История русской литературы, т. X. Л., 1954, стр. 507).

Этот протест взволновал Миролюбова своим содержанием и тоном. Уход группы ведущих сотрудников «грозил» гибелью журналу. Редактору предстояло сделать выбор между *критиком Волжским и писателями, он стал искать компромиссное решение. В феврале 1904 г. Волжский поехал в Москву для встречи с Л. Андреевым и В. Вересаевым. Убедившись в серьезности возникшего конфликта, Волжский сообщил Миролюбову, что может уступить в вопросе о марксизме, но «исключение религиозного элемента из предметов обсуждения» для него неприемлемо (ф. 185, оп. 1, № 417, л. 20); неприемлемо это было и для Миролюбова (см. его письмо к Л. Андрееву в примечании 1 к письму 38).

Новые взгляды редактора не замедлили сказаться на содержании «Журнала для всех». Научный отдел начинает хиреть, а затем совсем исчезает из журнала, отдел критики приобретает философско-идеалистический характер, в художественном отделе все чаще публикуются произведения символистов. Активизирует свою деятельность К. Бальмонт, делают попытки стать активными сотрудниками журнала З. Гиппиус и Д. Мережковский. Изменяется и внешность журнала, в нем появляются изысканные рисунки и виньетки, в отделе искусства пропагандируется модернистская живопись. Символисты мечтают завладеть журналом, пользующимся в отличие от их органов большим распространением. Критики символистского лагеря, относившиеся ранее к «Журналу для всех» пренебрежительно, теперь начинают говорить о нем поощрительно.

17 августа 1904 г. З. Гиппиус писала Миролюбову: «Видела и читала Ваш номер. Невольно радуешься его росту на глазах. Пожалуй, это первый пример такого явного культурного развития журнала. Об этом у нас даже будет замечка» (ф. 185, оп. 1, № 415, л. 6).

«Замечка» о «Журнале для всех», появившаяся в «Новом пути» (1904, сентябрь) одобрила «отвагу» редактора «Журнала для всех» в связи с разработкой в нем религиозных тем (см. примечание 3 к письму 38).

О старом «Журнале для всех» продолжали напоминать главным образом хроника, освещающая внутреннюю жизнь России в оппозиционном духе, и часть художественного материала, затрагивающего социальные проблемы. Цензор Андрияшев писал 19 октября 1904 г., что, судя по этим отделам, настроение журнала «нельзя признать спокойным. Правда, журнал как издание подцензурное не подвергался никаким цензурным карам, но по числу статей, вызывавших цензурные затруднения, я полагаю, „Журнал для всех“ занимает далеко не последнее место» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, № 58, л. 76).

Но в целом «оппозиционность» журнала в конце 1903—1904 гг. была значительно снижена.

Перемены, происшедшие в журнале, были неодобрительно встречены его основными читателями. Подписка стала падать, Миролюбов получил множество писем, в которых подписчики весьма отчетливо выражали недовольство журналом в связи с сокращением раздела науки и чрезмерным увлечением декадентской литературой и вопросами искусства.

Пересылая деньги от солигалических подписчиков, Ф. Каллиостов просил: «не портите журнал декадентщиной... 1904 г. прямо испорчен... Отказываются и читать и выписывать» (ф. 185, оп. 1, № 1313, л. 7).

Читатель из Ветлуги, благодаря за дешевый журнал, дающий интересное и полезное чтение небогатому средствами подписчику, в то же время указывал: «За прошедший (1904) год не было совсем статей по естествоведению, между тем как статей по искусству было таки порядочно» (там же, л. 16).

Служащие фабрики бр. Мамонтовых, высылая 14 руб., в свою очередь сообщали: «Убедительно просим вернуться к прежнему направлению. Некоторые из прошлогодних подписчиков отказались, а многие подписались в надежде на исправление» (там же, № 1011).

Эти «сигналы» не могли не быть учтены Миролюбовым, было ясно, что вопросы, волнующие отдельных сотрудников и самого редактора, не представляют интереса для большинства читателей журнала. Рост общественного движения в стране говорил о том, что Миролюбов не понял истинных запросов своих подписчиков. В конце 1904 г. Миролюбов делает попытку вернуть журналу его былую славу и снова привлечь к работе в нем писателей-реалистов. В письме к В. Вересаеву от 6 февраля 1905 г. Андреев сообщил о примирении Миролюбова с знаньевцами, за исключением Горького.

Это примирение встревожило недавних соратников Миролюбова по религиозной пропаганде. С. Булгаков писал Миролюбову, что воспринимает удаление Волжского как подчинение редактора трибуналу московских «беллетристов» и что теперь журналу придется в угоду им вести поход против религии. Булгаков пытался убедить Миролюбова в том, что такая позиция не отвечает требованиям читателей «Журнала для всех» и что не следует гнаться за издательским успехом «при помощи модных „беллетристов“» (письмо от 11 октября 1904 г. — ф. 185, оп. 1, № 336). Однако Миролюбов располагал достаточным количеством свидетельств об отрицательном отношении своих подписчиков к изменению направления «Журнала для всех»; в 1904 г. Волжский вынужден был покинуть журнал.

События 1905 г. благотворно воздействовали на общественно-политическую позицию «Журнала для всех». Он становится в ряд с наиболее прогрессивными демократическими журналами тех лет. На его страницах появляются статьи о рабочем движении, стачках, революционных событиях. Большое внимание журнал уделяет жизни деревни. В октябре 1905 г. Миролюбов перестал представлять в цензуре очередные номера журнала. Усиление общественного протеста вызвало сочувственные отклики читателей. Так, в январе 1906 г. Миролюбов получил письмо из с. Лукино, в котором сообщалось: «Не нарадуемся и не надивимся бодрости и смелости вашей борьбы с отжившим порядком. Работайте по созиданию нового — мы на Вашей стороне. Подписчик и читатели» (ф. 185, оп. 1, № 1313, л. 5).

Появление в журнале бесцензурных статей на современные темы, в которых осуждалась политика царского правительства, немедленно вызвало репрессии со стороны цензуры. Осенью 1906 г. «Журнал для всех» был закрыт в административном порядке, а редактор его был привлечен к суду.

Эти карающие меры не устроили Миролюбова. В конце 1906 г. (ноябрь—декабрь) он, умалчивая о своем участии в издании, возобновил журнал под новым заглавием «Народная весть». Издателем его числился М. П. Арцыбашев. Несмотря на довольно умеренный оппозиционный тон журнала, он был приостановлен в том же году. На смену ему пришел журнал «Трудовой путь», просуществовавший всего только год (СПб., 1907—1908, № 1). Последней попыткой продолжить издание был выпуск в феврале 1908 г. первого и единственного номера «Нашего журнала» (издателем был назван А. П. Чапыгин). Журнал подвергся аресту за тенденциозность сообщений во внутреннем обозрении и за сочувственное изображение революционного движения в деревне. Главное управление по делам печати предписало уничтожить вышедший номер «Нашего журнала». «Дело, с таким трудом поставленное, было разбито», — писал Миролюбов (там же, № 1321, л. 6).

Цензура обратила особое внимание на настойчивые попытки Миролюбова продолжить издание «Журнала для всех» под новыми заглавиями. Она боялась возобновления столь популярного в провинции журнала. Однако аресты отдельных номеров и быстрая приостановка выхода журналов не могли не сказаться на их распространении. Подписка на миролюбовские журналы уже не превышала 10—15 тыс. экз.

В 1908 г. в связи с привлечением к судебной ответственности за свою издательско-редакторскую деятельность В. С. Миролюбов уехал за границу.

«Журнал для всех», созданный им, вошел в историю русской журналистики как первый общедоступный литературно-общественный и научный ежемесячник.

«Журнал для всех» был первым журналом, который обратил внимание на начинающего писателя Л. Андреева и содействовал успеху его творческих выступлений.

Предложение сотрудничать в «Журнале для всех» было передано молодому автору М. Горьким. В лице В. С. Миролюбова и М. Горького он нашел друзей, которые помогли ему «войти» в большую литературу. В 1898—1899 гг. Л. Андреев еще неизвестный писатель, в 1902 г. о нем говорят как о крупном современном литераторе.

Знакомству с Миролюбовым молодой автор придавал большое значение. Оба они — и Миролюбов, и Горький — заставили Л. Андреева серьезно задуматься над своим литературным призванием и определить свою общественную позицию. В первых письмах к Миролюбову Л. Андреев сближает его имя с именем Горького, «вообще я не разобщаю Вас», — пишет он в апреле 1900 г.

Заботливое и в то же время весьма требовательное отношение Миролюбова к Л. Андрееву — сотруднику «Журнала для всех» сыграло значительную роль в творческом развитии писателя и повысило его веру в свои силы. «Судите строго и немилосердно», — просил Л. Андреев своего редактора. Миролюбов широко пользовался этим правом, не считаясь с литературной известностью того или иного автора. Его принципиальность высоко ценилась писателями. Когда в январе 1905 г. редактор «Журнала для всех» забраловал рассказ «Вор», Л. Андреев «примирился» с этим решением и предоставил затем журналу новый рассказ — «Христиане».

Публикуемые письма дают богатый материал не только для изучения творческой биографии Л. Андреева, но и для восстановления сложной истории развития «Журнала для всех» и его взаимоотношений с членами кружка «Среда» (письма 35—38).

После закрытия «Журнала для всех» активная переписка Л. Андреева с Миролубовым прекращается, но дальнейшие встречи их по-прежнему носят дружеский характер.

В архиве Миролубова хранится еще одно письмо Л. Андреева, относящееся к периоду первой мировой войны, в котором он приглашает больного Миролубова пожить у него на даче в Финляндии.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 185, оп. 1, № 227).

1

30 Июля <1899>

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Простите, что я так не скоро отозвался на любезное предложение работать в Вашем журнале, переданное мне Алексеем Максимовичем¹. Виною тому была моя болезнь,² вследствие которой я три месяца не брался за перо и начал работать только в Июле. Прошу Вас, не отнеситесь строго к предлагаемой вещице,³ главное достоинство которой то, что она готова, тогда как другой рассказ, который я специально начал для Вашего журнала,⁴ находится еще только в начале и будет кончен, при моей медлительности, вероятно не скоро. Во всяком случае, поверьте моей всегдашней готовности и удовольствию работать с Вами.

С истинным уважением

Леонид Андреев.

Письма адресуйте мне пожалуйста на редакцию «Курьера», Петр<овские> линии.

¹ В 1898 г. «Нижегородский листок» подвергся цензурной каре — приостановке на три месяца (с 9 февраля по 9 мая).

Издатели «Нижегородского листка» договорились с издателем новой московской газеты «Курьер» об обслуживании своих подписчиков в этот период. В числе этих подписчиков был и М. Горький. Рассказ Л. Андреева «Баргамот и Гараська», опубликованный в пасхальном номере «Курьера» (1898, № 94, 5 апреля), тотчас же привлек внимание Горького. По его словам, от этого рассказа «повеяло крепким дуновением таланта» (М. Горький, Собрание сочинений, т. 22, М., 1933, стр. 89). Горький запросил Н. П. Ашешова, сотрудничавшего в «Курьере», об адресе Леонида Андреева, а затем написал письмо автору рассказа «Баргамот и Гараська». Внимательно следя с этих пор за немногочисленными художественными выступлениями молодого писателя в газете, Горький советовал В. С. Миролубову привлечь Л. Андреева к сотрудничеству в «Журнале для всех» (См., например, письмо: М. Горький, Собрание сочинений, т. 28, М., 1954, стр. 22). В апреле 1899 г. Горький предложил Андрееву послать рассказ в «Журнал для всех» (см. письмо Горького в «Литературной газете», 1957, № 73, 18 июня).

² Л. Андреев заболел в связи с напряженной работой в газете «Курьер». «Рабочий день мой большей частью включает в себе 10—15 рабочих часов, редко 6—7. Нет и праздников», — писал он в одном из писем конца 90-х годов (Н. Фатов. Молодые годы Леонида Андреева. М., 1924, стр. 156).

³ Рассказ «Петька на даче».

⁴ См. примечание 2 к письму 3.

2

2 Ноября 1899 г.

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Не знаю, как показался Вам мой рассказ «Петька на даче»,¹ если он Вам понравился, я могу прислать еще, у меня один небольшой рассказик намечен, и я в несколько дней могу написать его. Деньги за напечатанный рассказ покорнейше прошу Вас выслать по адресу: *Москва, Горбатый мост, Продольный пер., д. Глеб-Кошанского*, Леониду Никол. Андрееву.

Мне также хотелось бы узнать Ваше мнение по такому вопросу. Я уже два года состою судебным корреспондентом,² и на моих глазах прошло несколько довольно интересных дел — интересных конечно, не по количеству пролитой крови, а по той или иной бытовой окраске, которую они на себе носят. Если эти дела подвергнуть некоторой литературной обработке — в строгих, конечно, пределах факта, они могут, мне кажется, дать интересное и небесполезное чтение. Если Вы согласитесь со мною, я пришлю Вам для просмотра несколько таких дел в обработке.

Позвольте мне затем еще раз поблагодарить Вас за доставленную мне возможность работать в Вашем журнале.

С истинным почтением

Леонид Андреев.

¹ Рассказ «Петька на даче» опубликован в «Журнале для всех» (1899, № 9).

² В 1897 г. Л. Андреев получил предложение от адвоката П. Н. Мянтовича писать судебные отчеты («Из зала суда») для газеты «Московский вестник». Молодой юрист отказался от сухой, протокольной формы судебных хроник. Живое изложение судебных заседаний и интерес к психологии совершивших преступление обратили на Андреева внимание других хроникеров. Вскоре он был приглашен вести судебный отдел в новой прогрессивной газете «Курьер» секретарем ее И. Д. Новиком (И. Д. Новик и к. Л. Н. Андреев. Первые шаги его литературной деятельности. «Вестник литературы», 1919, № 12, стр. 4—8).

В одном из писем конца 1897 г. Л. Андреев шутиливо писал: «Я состою судебным репортером в двух самых важных газетах: „Московском вестнике“ и „Курьере“. Кроме неувядаемой славы приобретаю 4 коп. со строчки» (Н. Ф а т о в. Молодые годы Леонида Андреева. М., 1924, стр. 147).

Предложение публиковать в «Журнале для всех» литературно обработанные судебные хроники не было принято Миролюбовым.

3

10 Ноября <1899>

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Очень благодарен Вам за высылку денег и нахожу оценку моего труда преувеличенной. Я был бы вполне удовлетворен, если бы Вы заплатили мне по 6 к. за строчку — это вполне соответствовало бы плате, получаемой мною в других местах. Считаю нужным сказать Вам об этом и потому, что не корыстные расчеты привлекают меня к участию в Вашем журнале, участь которого, как и всякого хорошего начинания, интересует меня и помимо каких-либо личных видов.

Простите, если я снова попрошу Вас высказать Ваше мнение относительно моего предложения (о некоторых судебных делах).¹ Если Вы найдете его неприменимым, я немедленно вышлю Вам рассказ, уже написанный мною и нуждающийся только в некоторой отделке. Я уже давно послал бы его Вам, но не знаю, окажется ли он подходящим по сюжету (история одного пьянчужки),² и я колеблюсь между ним и другим, также готовым, рассказом на тему из детской жизни.³

В ожидании Вашего ответа остаюсь с истинным почтением

Леонид Андреев.

Адрес мой: Горбатый мост, Продольный пер., д. Глеб-Кощанского, кв. № 1.

¹ См. примечание 2 к письму 2.

² Возможно, имеется в виду рассказ о пьянчужке «Гостинец», опубликованный позднее в газете «Курьер» (1901, № 90, 1 апреля).

³ Рассказ «Мать», публикуемый в дальнейшем под заглавием «Валя» («Журнал для всех», 1900, № 2).

4

23 Марта <1900>

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Посылаю Вам рассказ «На реке»¹ и прошу Вас судить его поостроже. Признаться я предпочел бы еще немного порабо-

тать над внешней отделкой, которая во многих местах не удовлетворяет меня, но в настоящую минуту решительно не имею времени на это. Четыре дня промаялся с флюсом, а теперь принужден писать рассказ для «Курьера»,² причем написание его грозит мне осложнениями. Времени остается всего неделя, а у меня даже и сюжета нет. А самая большая моя беда — никак не могу отвязаться от рассказа «Сер<гей> Петрович» (помните, о ницшеанце?),³ который преследует меня днем и ночью и каждую свободную [минуту] тянет к себе.

Еще раз благодарю Вас, Виктор Сергеевич, за доброе отношение ко мне и к моим литературным начинаниям. Вообще судьба не гладила меня по головке, но на этот раз она удивляет меня: с самого начала я встретил такую поддержку, как в Вас и Алексее Максимовиче.⁴ Если я теперь собьюсь с панталыку, то уже не люди будут виноваты.

Еще раз прошу Вас: судите строго и немилосердно. Не должно быть милости в литературном суде, а одна только правда.

С истинным уважением
Леонид Андреев.

¹ Рассказ «На реке» опубликован в «Журнале для всех» (1900, № 5).

² Рассказ «Праздник» («Курьер», 1900, № 99, 9 апреля).

³ См. примечание 2 к письму 5.

⁴ О роли М. Горького в своей писательской судьбе Л. Андреев неоднократно говорил и в своих письмах, и в своих публичных выступлениях. В частности, 12 мая 1902 г. он сообщил К. П. Пятницкому: «В чешском Revue вышла статья обо мне с коротенькой автобиографией, где между прочим я указываю на благотворное воздействие Горького на направление моей литературной деятельности. Пробудил во мне дух самокритики, заставил строже относиться к себе и т. д. Воистину! — тысяча раз спасибо Алексею, люблю его до чертиков» (Архив А. М. Горького). О значении встреч с Горьким Л. Андреев говорил и в годы охлаждения их дружбы. Так, в автобиографии 1910 г. он писал: «... знакомство с Максимом Горьким я считаю для себя, как для писателя, величайшим счастьем, и если говорить о лицах, оказавших действительное влияние на мою писательскую судьбу, то я могу указать только на одного Максима Горького — исключительно верного друга литературы и литератора» (Русская литература XX века, т. II, ч. 2. Под ред. С. А. Венгерова. М., 1915, стр. 245). Часть переписки М. Горького и Л. Андреева, рисующая их взаимоотношения, опубликована в сборниках: «М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Л., 1934; Letters of Gorky and Andreev. 1899—1912. London, 1957, 200 p.

С большой теплотой вспоминал всегда Л. Андреев и о В. С. Миролубове, заботливо относившемся к литературной молодежи.

5

<Апрель 1900>

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Простите, что не тотчас ответил, но опять был болен и последние два дня импровизировал рассказ для «Курьера».¹

Рассказ о Ницшеанце² я посылаю с этой же почтой к Алексею Максимовичу, которому я его обещал, и мне почему-то кажется, что и живете Вы вместе с ним, и вообще я не раз-общаю Вас.

Крепко жму Вашу руку
Ваш Леонид Андреев.

Второй экземпляр, исправления посылаю в редакцию.

Датируется в связи с содержанием письма.

¹ Рассказ «Праздник» («Курьер», 1900, № 99, 9 апреля).

² «Рассказ о Сергее Петровиче» был опубликован в журнале «Жизнь» (1900, № 10), близкое участие в редактировании которого принимал М. Горький.

6

17 Августа <1900>

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Настало мне время воспользоваться Вашим обязательным предложением насчет некоторого аванса. Делал попытку летом отдохнуть и даже странствовал, весьма мало соорудил для «Курьера» пятаковых строчек¹ и теперь, перебираясь с дачи в Москву, осаждаем всякого рода потребностями безотлагательного свойства. Если это Вас не затруднит, то будьте добры ссудить меня 50 рублями.

Заезжал я между прочим и в Ялту, но А<лексея> М<аксимовича> не видал, он был на Кавказе.² Недавно получил от него письмецо, говорит, что мой ницшеанец — читали Вы его? — будет вероятно напечатан в «Жизни».³ За лето набросал вчерне несколько рассказиков, один из коих в половине Сентября пришлю Вам на просмотр и буде годится, на потребу. Один рассказ «Молчание» — уже отделанный, послан по совету друзей, в «Бирж<евые> Вед<омости>», на конкурс,⁴ уж очень захотелось деньгу заработать, да и гордость обуяла.

Жаль только, что начавшееся с Августа ежедневное строение в «Курьере» не дает работать и выматывает силы. Иной раз не на шутку подумываю уйти куда-нибудь на службу, уж

очень тяжело становится обходить подставляемые ножки и вытягивать из себя строчки, строчки...

Жму Вашу руку

Ваш Леонид Андреев.

Квартиры в Москве у меня пока не имеется и адрес мой таков: Москва, Арбат, дом Королева, Павлу Николаевичу Малянтовичу⁵ для передачи Леон. Ник. Андрееву.

Датируется в связи с упоминанием о литературном конкурсе.

¹ Начиная с 1900 г. Л. Андреев становится одним из основных сотрудников «Курьера». На его страницах он выступает и как беллетрист и как публицист (фельетоны: «Москва. Мелочи жизни», подписи: James Linch и Джемс Линч; «Впечатления», подпись: Л.-ев).

² В конце мая—первой половине июня 1900 г. М. Горький предпринял поездку на Кавказ вместе с А. П. Чеховым, В. М. Васнецовым, А. Н. Алексиным и Л. В. Срединым.

³ См. примечание 2 к письму 5.

⁴ См. примечание 1 к письму 7.

⁵ Павел Николаевич Малянтович — известный адвокат, впоследствии министр юстиции Временного правительства.

Малянтович привлек Л. Андреева к сотрудничеству в «Московском вестнике» (см. примечание 2 к письму 2). 9 сентября 1903 г. Малянтович выступил в Московском окружном суде по делу Л. Андреева, обвиняемого по статье 1048 Уложения о наказаниях. Дело это было возбуждено против Л. Андреева как распорядителя благотворительного литературного вечера (12 декабря 1902 г.), на котором Скиталец прочел свое стихотворение «Гусляр» в редакции, не разрешенной цензурой. Окружной суд оправдал Андреева. В связи с протестом прокурора дело это вновь слушалось в 1904 г., и Андреев был приговорен к 25 руб. штрафа.

7

30 Августа <1900>

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Намереваясь послать рассказ на конкурс¹ (я еще не посылал его), я совершенно не думал о том, что во главе его стоит Ясинский.² Работаю я в литературе недавно, знакомство мое с литературскими репутациями очень слабо, а особенно с репутациями литераторов петербургских. Знал я, что Ясинский пишет донос, или что-то в этом роде, под названием романа «1 Марта», знал, что он не из тех людей, которым приятно подать руку, но совершенно не знал, что он именно издает «Биржевые». Может быть и знал даже, да забыл, так как редко вижу «Биржевые». Потом, уже узнав о редакторстве Ясинского, я, быть может наивно, безусловно отделил конкурс от его личности и был убежден, что судьями явятся почтенные литераторы, явиться перед которыми не стыдно.

Ваше письмо удивило меня и заставило искать разъяснений у себя в редакции, где мне и сообщили подробности о Ясинском и о *его* конкурсе. Того, что я узнал, было совершенно достаточно, чтобы я бросил всякую мысль о конкурсе. Два дня тому назад я получил письмо от Алексея Макс<имовича>, в котором он почти дословно повторяет то, что сказали мне Вы, и мне было очень приятно, что это письмо застало меня уже с вполне сложившимся решением не посылать рассказа. Я очень благодарен Вам, что Вы откровенно написали мне о Вашем сожалении и предохранили меня от крупной и неожиданной неприятности.

Большое спасибо Вам за аванс; рассказ пришлю 15—20 Сентября, сейчас прямо-таки разрываюсь за злободневщиной.³

Уважающий Вас
Леонид Андреев.

Переселился на квартиру: Владимир-Долгоруковская ул., д. Георгиевской, кв. 29.

¹ 14 августа в «Биржевых ведомостях» (1900, № 221) были опубликованы условия литературного конкурса, итоги которого должны были быть оглашены 1 ноября. Предполагалось присудить 15 премий: первая в 1000 руб., вторая — в 600 руб., третья — в 500 руб. и т. д. Состав жюри, в который входили Д. Л. Мордовцев, Вас. И. Немирович-Данченко, К. Случевский, Е. А. Салиас, И. И. Ясинский, не был объявлен.

Рассказ «Молчание» был впервые опубликован в «Журнале для всех» (1900, № 12).

² Иероним Иеронимович Ясинский (1850—1931) — писатель, имя которого в 90—900-е годы служило синонимом реакционной литературы. Писатели демократического лагеря отказывались сотрудничать в одних органах с Ясинским. Непримируемую позицию по отношению к нему занимал Горький. В 1911 г., говоря о причинах, вызвавших отрицательное отношение к Л. Андрееву, Горький назвал в числе их приветственную телеграмму последнего в связи с 40-летием литературной деятельности Ясинского. «Леонид Андреев, ласкающий Иеронима Ясинского, — это, брат, картина мрачная. Хоть реви!» — писал Горький (Собрание сочинений, т. 29, М., 1955, стр. 193).

После Октября И. Ясинский отказался от своих реакционных воззрений и активно работал в Пролеткульте.

³ Имеется в виду фельетонная работа в «Курьере».

8

<Сентябрь 1900>

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Расплачиваюсь за излишне выпитую водку и лежу в постели совершенно больной. К вечеру надеюсь мало-мальски

справиться. Думал много об этом своем рассказе «Молчание»¹ и хочу сегодня вечером еще раз перетолковать с Вами.

Что там однако ни говорить, ни писать — во всех смыслах выхожу я виноват перед Вами.

Ваш Леонид Андреев.

Датируется в связи с последующими письмами.

¹ По свидетельству Н. Д. Телешова, Андреев прочел свой рассказ на одном из заседаний «Среды» (см. примечание 1 к письму 15) в присутствии приехавшего в Москву В. С. Миролюбова.

Последний настаивал на появлении этого рассказа в «Журнале для всех». Однако Андреев не сразу согласился на публикацию, считая «Молчание» достойным более высокой оплаты, чем существующая в «Журнале для всех». В результате переговоров с Миролюбовым рассказ был опубликован в «Журнале для всех» (1900, № 12).

9

<Начало октября 1900>

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Мне ужасно совестно всего того, что я делал и говорил за наши свидания с Вами. От трижды проклятой водки я был в каком-то обалделом состоянии, перешедшем затем в болезнь, которая не кончилась и до сего дня. Пишу Вам поэтому очень мало — тоска думать, говорить, писать. В Среду 27-го я два раза заходил к Вам, оба раза не заставши Вас, в Четверг и Пятницу я не выходил из суда (дело Ульдрих) и там же узнал, что Вы уже уехали.

Только обалдением объясняю я себе мои дикие колебания относительно «Мол<чания>». Эти нелепые разговоры о «выгодности» до сих пор заставляют краснеть меня. Я прошу Вас взять этот рассказ с одним *обязательным* условием: не сердиться на меня за прошлое. Напишите мне два извиняющих словечка.

Весь Ваш Леонид Андреев.

Рассказ будет послан завтра, сейчас он на руках.

Датируется в связи с упоминанием дела Е. Ульдрих и П. Грюнберг (обвиняемых в покушении на убийство), которое слушалось 29—30 сентября 1900 г.

10

10 Октября <1900>

Многоуважаемый
Виктор Сергеевич!

Ваше письмо доставило мне великую радость. До получения его я все еще не мог отделаться от досадливо-совестливого чувства, какое охватило меня при мысли, что я нелепым и некрасивым своим поведением доставил огорчение и нанес обиду Вам, человеку хорошему, искренне мною уважаемому и более того — внушающему мне самую живую и горячую симпатию. Не сердитесь, что я так пишу; правда, откровенность считается у нас заслугой только тогда, когда нужно сказать что-нибудь неприятное, обругать — но ведь можно же изредка позволить себе сказать правду — не обидную, а хорошую. И если бы я сейчас поддался своему чувству, я много наговорил бы о том, какое *очищающее* душу действие оказал на меня Ваш последний приезд. Признаваясь по совести, я кажется несколько поддался влиянию довольно-таки практичной Курьерской среды, и вид человека, который так горячо, так бескорыстно отдается своему делу, как Вы, подействовал на меня отрезвляюще (во всех смыслах). Ей-богу, Вы очень хороший человек, и получить такое письмо, какое я получил от Вас, от хорошего человека — большая и *редкая* радость.

Теперь о деле. (Простите, что промедлил с своим письмом, в эти «боборыкинские» дни ¹ не было свободной минуты). Денежные условия, которые Вы мне предлагаете, не только хороши, но, по правде, я не имею на них и права и принимаю их только по отношению к первому рассказу, а там — видно будет. Что Вы хотите прочесть рассказ на Субботе, это очень приятно, но если и не придется почему-нибудь прочесть, беды никакой не будет.² Зато есть у меня к Вам большая просьба: нельзя ли вставить: «посвящается Е. М. Добровой».³ Особа, которой я хочу посвятить (любви здесь нет), принадлежит к семье, которая страшно много сделала для меня в нравственном отношении и до сих пор служит сильной и даже единственной поддержкой во всех горестях жизни. Короче сказать, не будь на свете этих Добровых, я или был бы на Хитровке,⁴ или на том свете — а уж в литературу не попал бы ни в коем случае.

Относительно поправок. Место о самоубийстве мне хочется оставить в его настоящем виде; дело в том, что я убежден в целесообразности и художественности именно этой формы и чувствую себя даже *не в праве* изменять. *Струч* я заме-

нил; «казалось» — выкинул; подчеркнутое Вами «переводили Колокола» — провинциальное, но мне кажется выражение это близко и образно передает похоронный звон. Насчет «непрерывного тления», правда, вычурно, но решительно не могу придумать другого более близкого к факту выражения. Вместо «рвется» я пробовал поставить «разрывается», но им нарушается *необходимо быстрый* в данном случае темп речи. Если это и представит трудности, я очень хотел бы получить корректуру, которую продержу у себя не более одного дня.¹

Псылаю Вам рассказ в окончательной редакции. Нужно еще написать кое о чем, но сейчас ночь и очень устал. Напишу на днях. А пока, еще раз крепко благодарю Вас и крепко жму Вашу руку.

Ваш Леонид Андреев.

¹ В октябре 1900 г. отмечалось 40-летие литературной деятельности П. Д. Боборыкина. Сотрудники «Курьера» принимали активное участие в организации юбилея. 10 октября в Эрмитаже состоялся обед в честь Боборыкина; 14 октября в Московском литературно-художественном кружке был организован литературный вечер и банкет в его честь. В связи с одной из речей юбиляра, в которой тот отметил недооценку своих произведений читателями, Л. Андреев (Джемс Линч) посвятил Боборыкину один из фельетонов. Фельетон этот заканчивался словами: «Горька бывает порой, очень горька участь русского писателя, — но великое счастье быть им!» («Курьер», 1900, № 286, 15 октября).

² Многие общественно-литературные журналы устраивали по определенным дням собрания, на которых читались еще не опубликованные произведения сотрудников. Таким днем в «Журнале для всех» была суббота.

³ Доброва Елизавета Михайловна — сестра будущей жены Л. Андреева — А. М. Велигорской. Писатель был очень дружен с Е. М. и ее мужем — врачом Филиппом Александровичем Добровым. Впоследствии в семье Добровых воспитывался второй сын Л. Андреева — Даниил.

Рассказ «Молчание» появился в журнале с посвящением Е. М. Добровой.

⁴ Хитровка — район Хитровской площади в Москве, в котором были сосредоточены ночлежные дома — пристанища босняков.

⁵ Читая корректуру, Л. Андреев, очевидно, внес новые поправки в текст рассказов. Одна из фраз в окончательном тексте читалась: «... на колокольне перезванивали колокола». Фраза «предметы издавали тонкий запах непрерывного тления» была сохранена.

11

21 Октября <1900>

Дорогой
Виктор Сергеевич!

Я очень боюсь, что Вы не получили моего заказного письма со вложенным в него вторым экземпляром рассказа, ис-

правленным и дополненным. Послано было письмо 12 Октября.¹

Все эти дни я собирался продолжить свое письмо, но сегодня только первый вечер, когда я сижу дома и относительно свободен. И все же говорить нужно так много, что ограничусь сегодня частью, именно просьбами, которых набирается целых четыре. (Это доказывает, с какой свободой я хочу воспользоваться Вашим добрым ко мне отношением). Первая просьба — вставьте пожалуйста после заголовка рассказа: «посвящается Е. М. Добровой».² Это мне очень нужно — очень важно, по причинам, которые я изложил в первом письме (может, Вы его и получили). Вторая просьба: так как из всех живых существ, которые я знал, только одно не закладывало своей шубы — и это был кот, то я очень попрошу Вас, если конечно почему-либо это не окажется стеснительным, — сейчас доплатить мне за рассказ. Взято мною 50 р. и остается дополучить около 30 р. Третья просьба: не укажете ли Вы мне имени какого-нибудь петербургского издателя, который мог бы взять на себя издание моих рассказов, т<ак> к<ак> Я. А. Фейгин³ положительно не внушает мне доверия своими обещаниями издать меня, хотя сам предложил это и очень хорошо доказывал своевременность издания. Четвертая просьба принадлежит уже Фейгину: он просил справиться, не допустите ли Вы к участию в Вашем Журнале некоей «Макс Ли», по-настоящему Хренниковой?⁴ Я читал некоторые рассказы этой девицы (печатавшиеся в «Курьере») и некоторые были очень недурны.

Ну, слава богу, просительная часть закончена. Корректуру я получил сегодня и завтра же заказной бандеролью высылаю на Ваше имя. Я уже исправил все, что заметил, но положиться на точность своих исправлений не могу, так как, по совести, рассказ мне надоел до чертиков.⁵ Начал писать новый рассказ,⁶ но боюсь, что ничего не выйдет, так как приходится писать один вечер в неделю — теряется и цельность построения, да и самый интерес к рассказу. Чувствую себя в настоящее время хорошо (не пью) и обязан этим почти целиком Вам и Алек<сею> Максимовичу — мне все еще, при моем застарелом пессимизме, не верится, что оба Вы — действительность, а не фикция. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Леонид Андреев.

¹ Л. Андреев имеет в виду предшествующее письмо, датированное 10 октября.

² См. примечание 3 к письму 10.

³ Фейгин Яков Александрович — редактор газеты «Курьер».

⁴ Хренникова О. Н. (Макс Ли) активно сотрудничала в «Курьере». В «Журнале для всех» ее произведения не появились.

⁵ Речь идет о рассказе «Молчание».

⁶ Видимо рассказ «В темную даль», опубликованный затем в «Курьере» (1900, № 357, 25 декабря).

12

Дорогой
Виктор Сергеевич!

Занят и растрепан, как собака. В двух словах: могу ли я в своих «Впечатлениях» расхвалить «Журнал для всех», или же соображения политики оную похвалу воспрещают? ¹ Ответьте. Очень скучно так долго не видеть вас.

Ваш Леонид Андреев.

9 Декабря <1>900 г.

¹ В. С. Миролюбов, видимо, прислал положительный ответ, так как Л. Андреев опубликовал в своих заметках «Впечатления» развернутый отзыв о журнале и его январской книжке. Отметив дешевизну журнала, привлечшего к сотрудничеству крупных писателей, Л. Андреев писал: «Несомненно, что как и появление „Журнала для всех“, так и его вполне определившийся в настоящее время успех представляют собой не только узко литературное, но и общественное явление» («Курьер», 1901, № 5, 5 января).

13

<До 20 февраля 1901>

Дорогой
Виктор Сергеевич!

Спасибо за деньги (75 р.). Получил их, находясь в клинике, куда поступил 25-го Января, и где пробуду вероятно месяца полтора. Здоровье мое найдено в состоянии близком к полному разрушению, так что помедли я еще немного с лечением, и было бы уже поздно рассчитывать на поправку. Чувствую себя пока довольно плоховато. Работать много не велят, да и не совсем удобно: я нахожусь в общей палате и день мой разбит на кусочки: водою, электризацией, обедами, прогулками, чаями и ужинами. При навыке работать сразу по многу часов трудно приноровиться к этим полуторачасовым кускам.

Был у меня здесь Н. И. Тимковский,¹ сообщил неважные сведения о состоянии Вашего здоровья, Вашей поездке в Италию ²—а также и о том, что «Ж<урнал> для в<сех>» нуждается в беллетристике. Последнее сообщение усилило

мое желание написать для Вас вещицу — что при первой возможности сделаю. У меня уже был готов один рассказ, и я бы с большою радостью отдал его Вам — да не годился он для Журнала (только не по тем причинам, которые высказывал я когда-то относительно «Молчания»).³ Вы вероятно прочтете его на днях в «Курьере» и сами увидите, что это за постыдно-декадентская штука.⁴

Вся наша компания (Телешов, Тимковский etc.*)⁵ довольны тем, что я написал о Журнале у себя в газете.⁶

Если какой-нибудь добрый ветер занесет Вас в Москву, не обойдите, голубчик, посещением Вашего болящего сотрудника. Адрес мой: *Девичье поле, клиника проф. Черинова*, прием по Четвергам и праздникам от 2-х до 4-х. С Голоушевым⁷ можно проникнуть во всякое время.

Ваш Леонид Андреев.

Датируется в связи с пребыванием в клинике.

¹Тимковский Николай Иванович (1863—1922) в самом начале 900-х годов был близок к Л. Андрееву, который, по свидетельству М. Горького, однако, не был высокого мнения о его даровании (М. Горький. Письма к К. П. Пятницкому. М., 1954, стр. 207).

²В. С. Миролубов неоднократно ездил в Италию в связи с обострившимся процессом туберкулеза и болезнью горла.

³См. примечание 1 к письму 8.

⁴Рассказ «Ложь» («Курьер», 1901, № 50, 20 февраля), включенный затем в первый сборник рассказов Л. Андреева (Рассказы. СПб., 1901), вызвал критические оценки, совпадающие с авторской.

⁵Имеется в виду кружок «Среда» (см. примечание 1 к письму 15).

⁶См. примечание 1 к письму 12.

⁷Голоушев Сергей Сергеевич (Сергей Глаголь, 1855—1920) — художественный критик, сотрудник газеты «Курьер», близкий друг Л. Андреева. Письма Л. Андреева к нему 1911—1917 гг. опубликованы в книге: Реквием. Сборник памяти Л. Андреева. М., 1930, стр. 89—136.

<Март 1901>

Дорогой Виктор Сергеевич! Сижу сейчас в клинике — в ординаторской комнате — держусь рукой за зубы, которые болят от проклятой погоды, смотрю в окно на эту самую проклятую погоду — снег вперемежку с дождем — и строчка за строчкой нанизываю рассказ для Вашего журнала.¹ Оторвался от него на минуту, чтобы побеседовать с Вами.

Поправился я здесь за два месяца потки — изрядно. Поте-

* И так далее (лат.).

рял живот и много жиру, взамен приобрел довольно хороший сон и настроение. Полной поправке помешала работа — главным образом для «Курьера», срочная и неприятная — оторваться от которой я не мог по соображениям денежного свойства. И то спасибо Горькому, к <отор>ый устроил издание моих рассказов у «Знания», выдавшего мне аванс.² Без него — прямо бы беда. Согласно с тем, что пишете Вы, доктора находят теперешнюю поправку только толчком к выздоровлению и настоятельно рекомендуют летний отдых.

Люди здесь меня не забывали, так что скучать не приходилось. Часто захаживал Н. И. Тимковский.³ Выхожу из клиники на днях: дальнейшее пребывание, при относительно тяжелых впечатлениях от больных и их смертей, врачи признают бесполезным. Во всяком случае я доволен. Главное, что меня мучало и страшило, как угроза скорой смерти — болезнь сердца признана неважной: порока сердца нет, а все болезненные явления, ныне сократившиеся до *minimum*'а, обязаны своим происхождением нейрастении.

При обратном проезде через Москву пожалуйста известите меня. Мне очень хочется повидаться с Вами и потолковать. Хорошо, если бы здоровье Ваше основательно поправилось в милой Ялте, которая живо и завистливо вспоминалась мне при получении Вашего письма. Коли придется, поклонитесь от меня Чехову⁴ — если он забыл меня, то скажите: поклон от человека, у которого не было бороды, а потом стала борода.

Рассказ для «Журнала» готов будет дня через три — сообщите, куда его посылать, к Вам, в Ялту, или в Петербург. Напомню свой адрес: Владимиро-Долгоруковская, д. Георгиевской.

Крепко жму руку.

Ваш Леонид Андреев.

Датируется в связи с пребыванием Л. Андреева в клинике.

¹ В клинике Л. Андреев писал рассказ «Жили-были», который был опубликован затем в журнале «Жизнь» (1901, № 3).

² В безуспешных поисках издателя первой книги своих рассказов Л. Андреев начал вести переговоры с И. Д. Сытиным, предложившим ему баснословно низкий гонорар. Узнав об этом, М. Горький прислал Андрееву телеграмму: «Не заключайте договор, вашу книгу берет „Знание“. Высылаю авансом 500 рублей» (В. Львов-Рогачевский. Две правды. Книга о Леониде Андрееве. Пб., 1914, стр. 43). Одновременно Горький писал К. Пятницкому о грабеже, который хочет устроить Сытин и который следует устранить (М. Горький. Письма к К. Пятницкому. М., 1954, стр. 19).

³ Л. Андреев высоко ценил участие, проявленное издательством «Знание» (М. Горьким и К. П. Пятницким) к нему как начинающему писателю.

7 января 1910 г. он писал К. П. Пятницкому: «...я приношу „Знанию“ мою искреннюю благодарность за бескорыстную и дружескую поддержку, которую оно оказало мне в первые, наиболее трудные годы моей литературной деятельности» (Архив А. М. Горького).

³ См. примечание 1 к письму 13.

⁴ Первые личные встречи Л. Андреева и А. П. Чехова произошли в Москве в октябре—декабре 1900 г. Интерес к творчеству молодого писателя был возбужден у Чехова первой книгой его «Рассказов». 7 декабря 1901 г. Чехов писал О. Л. Книппер: «Леонида Андреева я читал еще в Москве, затем читал его, едучи в Ялту. Да, это хороший писатель; если бы он писал чаще, то имел бы больший успех. В нем мало искренности, мало простоты, и потому к нему привыкнуть трудно. Но все-таки рано или поздно публика привыкнет, и это будет большое имя» (А. П. Чехов, Полное собрание сочинений, т. 19, М., 1950, стр. 187).

15

<Апрель—май 1901>

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Приготовил я Вам еще рассказ для «Журнала», да вышла у меня с ним заминка. Прежде чем послать, прочел я рассказ знакомым¹ и те единогласно решили: скверно. И скверно потому, что перемудрил.

По-видимому, приговор их справедлив — и самому мне рассказ показался неладным. Работал я над ним много и этим, кажется, его испортил. Нет непосредственности и красоты, а есть одна сушь и лукавое мудрствование. Теперь я отдал рассказ² Тимковскому³ — что он скажет.

Тимковский был на днях у меня в Царицыне, передал, что виделся с Вами, я очень жалел, что и на мою долю не выпало кусочка свидания с Вами. Помимо удовольствия просто повидать Вас и поболтать, как с одним из первых моих литературных друзей, сердечным и искренним, мне нужно было потолковать с Вами об очень неприятном вопросе — о деньгах, черт бы их побрал.

Дело в том, что на лето мне предписан безусловный отдых, да и без предписания докторов я чувствую в нем крайнюю необходимость: последнее время работаю для «Курьера» из последних сил и опять начинаю страдать бессонницей и прочим, от чего на время избавился. План у меня такой — недельки на две в Нижней, к Горькому, а потом с Николаем Ивановичем Т<имковск>им на Рижское побережье.⁴ Так как запасов у меня нет никаких, то вся надежда на авансы. Курьер может дать очень мало — сам сидит без денег — вот я и

приурочил свои надежды к Вам. За мною уж есть некоторый долг, который едва ли полностью будет погашен первым посланным рассказом, и я сугубо работал над вторым — все-таки не так было бы неловко идти к Вам за деньгами с пустыми руками. К сожалению, расчет мой не оправдался.

Денег хотел я попросить у Вас от 150 до 200 рублей. Возможно это или нет? Предупреждаю Вас, дорогой Виктор Сергеевич, и убедительно прошу быть со мною таким же откровенным, как и я, и если состояние кассы не дает возможность ссудить меня, то нисколько не стесняться отказом. Я прекрасно понимаю, что не всегда желание совпадает с возможностью, и ни в каком случае не хочу допускать, чтобы денежные счета могли бросить какую бы то ни было тень на наши отношения. И мне дьявольски противен разговор о деньгах — но что поделаешь, когда вся моя жизнь отравляется заботами о гроше, когда даже поработать для себя (беллетристику я совершенно выключаю из своих соображений, как источник дохода) мне не удастся, а приходится вместо того писать какую-нибудь срочную ерунду для газеты. Беллетристика для меня отдых — и как счастлив в этом отношении был я в клиниках, где тайком от «Курьера» и в полном спокойствии я писал свое. Тайком п<отому> ч<то> узнай они, что перо держится у меня в руках, они заставили бы меня писать фельетоны. Они и на лето подговариваются к тому же — мука!

Будьте другом, и о результатах моей просьбы сообщите мне по возможности скоро, т<ак> к<ак> в случае неимения свободных денег у Вас мне нужно будет пуститься на поиски таковых. Работу в «К<урьере>» я кончаю Маем.

По-моему совету, послал к Вам свой рассказ и некто Борис Зайцев.⁵ Он студент, и на мой взгляд очень талантливый малый; знаю его я очень мало, но судя по посланному и по другим, даже неудавшимся ему рассказам, которые он мне читал, нужно думать, что из него будет прок. Он очень волнуется в ожидании, и просил меня узнать у Вас, пойдет его рассказ или нет.

Если в половине Июня, когда я рассчитываю тронуться в Ригу, Вы еще будете в Петербурге, я постараюсь завернуть в Питер.

Пока крепко жму Вашу руку

Ваш Леонид Андреев.

Мой адрес: Моск<овско>-Курская жел. дор., станция Царицыно, дача Бурлакова.

Датируется в связи с упоминанием о пребывании в клинике и работе в «Курьере».

¹ В конце 90-х годов по инициативе Н. Д. Телешова (1867—1957) был организован кружок писателей «Среда», ставящий целью дружеское общение и обсуждение еще не опубликованных произведений своих членов. «Основное условие было — высказываться совершенно откровенно, основное требование — не обижаться ни на какую критику» (В. Вересаев. Воспоминания. 3-е изд., М., 1946, стр. 448).

В кружок входили: И. Бунин, Н. И. Тимковский, И. А. Белоусов, В. А. Гольцев, С. А. Найденов, А. С. Серафимович, В. Вересаев, М. Горький и др. При наездах в Москву его охотно посещал А. П. Чехов.

Собрания кружка при его возникновении происходили по средам, отсюда его наименование.

Многие члены «Среды» работали в газете «Курьер», большую роль в которой играл В. Гольцев, а затем Л. Андреев. Позднее М. Горький привлек основных членов кружка к сотрудничеству в «Сборниках товарищества „Знание“» (начали выходить в 1904 г.).

Л. Андреев был введен в кружок М. Горьким. 20 ноября 1900 г. он писал Н. Д. Телешову: «Видите ли Андреева? Хочется мне, чтоб Вы поближе к себе привлекли его — славный он, по-моему, и — талантливый» (М. Горький, Собрание сочинений, т. 28, М., 1954, стр. 141). Вскоре после этого Горький, по свидетельству Телешова, привез Л. Андреева на собрание кружка. С этих пор Л. Андреев часто бывал на «Средах» и читал там почти все свои новые вещи. Несмотря на резкую порою критику, Л. Андреев очень дорожил мнением своих товарищей.

Без обсуждения в «Среде», писал он Н. Телешову, «никакую свою вещь не могу считать законченной» (Н. Телешов. Записки писателя. М., 1943, стр. 53). Под влиянием дружеской критики Л. Андреев продолжал работу над прочитанными рассказами.

² Речь, видимо, идет о рассказе «Бунт на корабле», работу над которым Л. Андреев продолжал и в следующем году. В письме к К. П. Пятницкому М. Горький писал в конце июля 1902 г.: «У него почти готов новый, преинтересный рассказ „Бунт на корабле“ и еще „Сила воли“» (М. Горький. Письма к К. П. Пятницкому. М., 1954, стр. 95).

³ См. примечание 1 к письму 13.

⁴ Впечатления от поездки на Рижское побережье нашли отражение в фельетонах Л. Андреева (Джемса Линча) «Москва. Мелочи жизни» («Курьер», 1901, №№ 207, 214, 221, от 29 июля, 5 и 12 августа).

⁵ Зайцев Борис Константинович (род. 1881) — писатель, примыкавший к декадентскому лагерю. Начал печататься в газете «Курьер» в 1901 г. После Октябрьской революции — эмигрант.

Л. Андреев ввел Б. Зайцева в кружок «Среда» (Н. Телешов. Записки писателя. М., 1943, стр. 151). В автобиографии, присланной С. А. Венгерову, Б. Зайцев писал: «Первые шаги в литературе проходят под покровительством Леонида Андреева, в то время члена редакции газ-
<еты> „Курьер“. В начавшейся тогда борьбе модернистов с представителями дореволюционной литературы, стоял за первых и участвовал преимущественно в их изданиях, но держался несколько в стороне. В складе мировоззрения наибольшую роль сыграл Владимир Соловьев» (ф. 377, 2-е собрание, № 270). Воспоминания Б. Зайцева о Л. Андрееве опубликованы в сборнике: Книга о Леониде Андрееве. Пб.—Берлин, 1922, стр. 77—90.

В. Миролубов привлек Б. Зайцева к «Журналу для всех» лишь в 1906 г. (№ 4, рассказ «Завод»).

16

5 Июня <1901>

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Простите, что я напоминаю Вам о своей просьбе относительно денег, ибо, в случае неполучения денег от Вас, мне придется тотчас же пуститься в поиски за ними. Поэтому-то, рискуя быть невежливым, я и решаюсь вторично писать Вам. Притом для меня вопрос: получили ли Вы первое мое письмо? Если нет, то в коротких словах просьба моя в следующем: для поправки здоровья мне необходим отдых и морские купанья, а для последнего нужны деньги в размере, приблизительно, 200 р. Вот я и решаюсь обратиться за ними к Вам — найдутся, хорошо; нет — и суда нет.

Тимковский послал к Вам мой рассказ (без заглавия). Готовил я его для Вас, но вышел он, на мой взгляд, так плох, что печатать его не следует. Николая Ивановича я не успел предупредить, чтобы он рассказа не посылал (ему рассказ, кажется, понравился), и теперь прошу Вас, дорогой Виктор Сергеевич, уничтожьте рукопись.¹ Напишу Вам другой рассказ, получше, а этот — ну его к шуту.

В довершение всех бед ко мне привязалась царицынская болотная лихорадка, и я теперь слаб, как младенец.

Весь Ваш Леонид Андреев.

Адрес мой: ст. Царицыно, Моск<овско>-Курская ж. д. дача Бурлакова, мне.

Датируется в связи с предшествующим письмом.

¹ Речь идет, видимо, о рассказе «Бунт на корабле».

17

24 Сентября <1901>

Дорогой

Виктор Сергеевич!

С особенной радостью шлю Вам свою книжку, зная, что Вы разделите и мою радость и мои опасения. Как-то публика встретит ее — боязно.¹

Давно собирался написать Вам — да анафемски занят в «Курьере» — буквально минутки свободной не выберешь. Хуже всего, что беллетристика моя в застое — некогда.

«Кусака»,² к удивлению моему, очень нравится друзьям-литераторам и читателям. Я, признаться, этого не ожидал и теперь удивлен.

Получили ли Вы мое письмо (еще в Июне посланное) с просьбою не печатать присланного Вам мною рассказа (без заглавия)? Пожалуйста не печатайте его — плохой рассказ, который подорвет мой кредит у читателя.³ Взамен постараюсь в Октябре, а то и раньше дать Вам новый, сортом выше. Ей-богу, не обману, ибо очень люблю и Вас и Ваш журнал.

Напишите пожалуйста два словечка о себе: как здоровье, настроение и дела. А то, показалось мне, Вы как будто за что-то сердиты на меня.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Леонид Андреев.

Датируется в связи с выходом первой книги Л. Андреева «Рассказы» («Знание», СПб., 1901) в сентябре 1901 г.

¹ «Рассказы» Л. Андреева, вышедшие с посвящением М. Горькому вначале тиражом в 4 тыс. экз., были быстро распроданы. Критика в целом дала высокую оценку творчеству молодого автора.

В статье «Русская литература в 1901 году» В. Шулятиков писал: «Леонид Андреев, недавно выступивший так блестяще со сборником рассказов, почти единодушно встречаемый самыми громкими похвалами со стороны литературной критики», заявил «себя бесспорно одним из крупнейших современных художников слова» («Курьер», 1902, № 1, 1 января). В подписке 1902 г. на «Журнал для всех» имя Л. Андреева уже упоминается среди имен известнейших русских писателей.

Л. Андреев связывал успех своей книги с изданием ее в «Знании». В письме к К. П. Пятницкому он писал 30 января 1902 г.: «Знаете, почему Михайловский прочел мои рассказы? Увидал фирму „Знание“ и заинтересовался. Сам мне говорил» (Архив А. М. Горького).

Книга Л. Андреева получила положительную оценку и в среде писателей, в том числе у А. П. Чехова, Л. Н. Толстого и М. Горького. «Слежу за успехом Андреева и — ликую! Кому ни дашь книжку, все хвалят, и хвалят хорошо, толково», — писал М. Горький К. Пятницкому (М. Горький. Письма к К. П. Пятницкому. М., 1954, стр. 38—39).

² Рассказ «Кусака» опубликован в «Журнале для всех» (1901, № 9).

³ Речь идет, видимо, о рассказе «Бунт на корабле». Вместо него Л. Андреев прислал рассказ «Случай».

18

<20 октября 1901>

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Хочу дать Вам хороший (!) рассказ под заглавием «Старый студент» — наполовину готов.¹ «Случай» (который между прочим я намеревался озаглавить «Держите вора!») был к моему пушему горю перепечатан «Нижегородским» листком.²

Очень большая просьба: долг мой «Ж<урналу> для в<сех>» погашен и денег у меня нет и шуба заложена: не ссудите ли 50 рублей? Ужасно нужно. Предлагают кое-откуда авансы, да не хочу залезать и обязываться.

Ваш Леонид Андреев.

Книжка, кажется идет.³

<На закрытом письме>

С. Петербург

Редакция «Журнала для всех» Знаменская 36.

Виктору Сергеевичу

Миροлюбову.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В объявлении о подписке на «Журнал для всех» Миролюбов сообщал о предполагаемой публикации рассказа Л. Андреева «Старый студент». Однако рассказ этот, видимо, не был закончен (см. следующее письмо).

² Рассказ «Случай» до выхода октябрьского номера «Журнала для всех» появился в «Нижегородском листке» (1901, № 283, 16 октября).

³ «Рассказы» (см. примечание 1 к письму 17).

19

18 Ноября <1901>

Простите, дорогой Виктор Сергеевич, за нескорый ответ: находился в колебаниях и размышлении по поводу Вашего предложения. С одной стороны очень оно для меня заманчиво, а с другой — не могу я им воспользоваться.¹

Зарабатываю я в «Курьере» в среднем рублей 200 в месяц (не считая беллетристики, которая дает гроши), всегда сижу без денег и в долгах. Самая работа — фельетонная — донельзя противна мне и враждебна всему моему складу — неторопливого и глубокомысленного беллетриста. И в этом смысле я с удовольствием променял бы ее на более подходящую работу у Вас.

Но — я не могу уехать из Москвы. Думал, думал — нет, не могу. 1) Привязан к Москве семьей — одни учатся, другие служат; ² 2) (между нами) девушка некая, на которой я весной женюсь и с которой, ей-богу, расстаться не могу — здесь в Москве на курсах. Будь она уже моей женой, я мог бы увезти ее, а теперь — ничего не поделаешь.

Вообще положение мое дрянное. Хуже всего то, что за злободневной работой, отнимающей время — гибнет моя беллетристика. Рассказы задумываются и гибнут, не выходя из головы. Порой до того бывает тошно, что руки, кажется, наложил бы на себя.

Ну да что уже говорить! . .

Так-то. Рад бы поработать с Вами, Виктор Сергеевич, да грехи в рай не пускают.

Ваш Леонид Андреев.

Аванс (50) получил и очень Вам благодарен за него. Рассказ будет в Январе, раньше не успею.³

Датируется в связи с упоминанием о женитьбе на Александре Михайловне Велигорской. Свадьба состоялась 10 февраля 1902 года.

¹ В. С. Миролубов предложил Л. Андрееву стать соредактором литературного отдела «Журнала для всех».

² Речь идет о семье Л. Андреева: матери — Анастасии Николаевне (ум. 1920), сестрах — Римме и Зинаиде (ум. 1905), братьях — Андрее, Всеволоде (ум. 1913) и Павле (ум. 1923).

³ Речь, видимо, идет об обещанном рассказе «Старый студент».

20

Леонид Николаевич
Андреев.

Б. Грузинская, д. Перельман, кв. 1.

<До 10 января 1902>

Дорогой Виктор Сергеевич!

Не успел прислать Вам «Мысли»,¹ ибо она находилась в чтении у знакомых. Относительно «Бездны»² согласен с Вами в слабости конца рассказа и кое-что с ним сделаю. Сейчас еле вожу пером и лежу в лоск — переутомился.

Ваш Леонид Андреев.

Датируется в связи с публикацией рассказа «Бездна».

¹ См. примечание к письму 23.

² Рассказ «Бездна» («Курьер», 1902, № 10, 10 января) вызвал резкие отклики читателей и критиков. Л. Андреев откликнулся на критику своего рассказа в фельетоне Джемса Линча «Мелочи жизни» («Курьер», 1902, № 27, 27 января). В связи с нападками на «Бездну» М. Горький писал Л. Андрееву: «А ты напиши рассказ, в котором торжествовала бы добродетель, и чтобы так хорошо торжество ее на мешанского читателя подействовало — как, например, пощечина и рвотное действует. Пусть и добродетель торжествует, надо быть справедливым! Но, друг! будь злым, будь мрачным, но — не будь пессимистом!» («Литературная газета», 1957, № 73, 18 июня).

21

8 Февраля <1902>

Дорогой Виктор Сергеевич!

Я сейчас болен и потому не могу сам ответить на Ваше письмо. Относительно рассказа не могу, к величайшему моему

сожалению, сообщить ничего утешительного.¹ На днях был у меня обыск,² все бумаги перерыли и теперь я никак не найду своего рассказа. Сегодня после Вашей телеграммы перерыл все и нету. Произведу дальнейшие поиски, а если уж совсем не найду, то пришлю другой, совсем почти готовый рассказ.³

Жму Вашу руку

Ваш Леонид Андреев.

¹ Речь идет о рассказе «Книга», который Л. Андреев, видимо, хотел дать в «Журнал для всех» вместо обещанного ранее рассказа «Старый студент».

² Сообщая 4 февраля 1902 г. С. Д. Пановой об успехе первой книги своих рассказов, Л. Андреев писал шутливо: «В Москве популярность моя так велика, что единственно, кажется, на основании ее на днях был произведен у меня ночной обыск» (Н. Фатов. Молодые годы Леонида Андреева. М., 1924, стр. 179).

³ Рассказ «Тенор».

22

24 Марта 1902 г.

Дорогой

Виктор Сергеевич!

Форменная я перед Вами свинья — но свинья, которую грызет совесть. Рассказ «Книга»¹ так-таки бесследно пропал; написал для Вас новый, называется «Тенор»,² пришлю его к 15 Апреля.

Только сейчас вернулся с женой из Крыма, где провел около месяца. Засел за работу вплотную.

Желаю Вам всего, всего хорошего.

Искренно уважающий и любящий Вас

Леонид Андреев.

¹ Первая публикация рассказа «Книга» не обнаружена. Рассказ вошел в Полное собрание сочинений Л. Андреева (т. VII, Пб., 1913).

² См. письмо 25.

23

<Первая половина апреля 1902>

Дорогой Виктор Сергеевич! Занездоровилось, простудился — и боюсь выходить. Если можно, будьте добры, заходите к нам, сейчас или вечерком. По поводу «Мысли» думаю съездить в СПб., чтобы лично потолковать с Михайловским.

Весь Ваш Леонид Андреев.

Записка на обороте визитной карточки. Датируется в связи с письмом к М. Горькому от 14 апреля 1902 г., в котором Л. Андреев сообщал, что Миролюбов советует отдать рассказ «Мысль» в журнал «Русское богатство». Л. Андреев писал: «... дня через четыре я еду в СПб., прочту Михайловскому „Мысль“, и, если она ему очень понравится, отдам ему, а Богдановичу (в «Мир божий», — К. М.) — попа» (М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Л., 1934, стр. 140). Речь идет о рассказе «Жизнь Василия Фивейского».

Позднее в беседе с А. Измайловым Л. Андреев сообщил, что рассказ «Мысль» не понравился Н. Михайловскому. Он заявил писателю, что не понимает смысла его произведения, если же автор хотел воспроизвести клиническую картину душевного распада человека, то о правдивости этой картины может судить только специалист (А. Измайлов. Литературный Олимп. М., 1911, стр. 249).

Рассказ «Мысль» был опубликован в журнале «Мир божий» (1902, № 7).

24

Самара 24 Июня <1902>

Дорогой Виктор Сергеевич! Катаюсь с семьей по Волге и Каме; на несколько дней остановился в Самаре. Вожу с собой рассказ «Тенор»,¹ который к половине Июля будет отделан и отослан в «Журнал». Здоровье жены лучше, и надобность в кумысолечении миновала. Крепко жму руку и желаю полной поправки. Поклон <нрзб.>

Ваш Леонид Андреев.

<На открытом письме.>

С.-Петербург
Спасская 26. «Журнал для всех».
Виктору Сергеевичу
Миролюбову.

¹ См. письмо 25.

25

<Июль—август 1902>

Дорогой
Виктор Сергеевич!

Передали мне, что Вы заходили в «Курьер», и я очень огорчился, что не мог повидаться и поговорить. А есть о чем. Во-первых. Приехавши с Волги, уселся работать над предназначенным Вам рассказом «Тенор», работал здорово, кончил третьего дня — и увидел, что вещь никуда не годится. Обидно за потраченный труд, а всего обиднее за неисполненное обещание. А рассказ большой — печатный лист.

И чтобы хоть несколько смягчить свое свинство, не стал

сегодня писать очередного «Курьерского фельетона», а сел за новый рассказ для Вас. Буду писать его скоропалительно. Также будет большой, строк на 700.¹

Во-вторых. Как Ваше здоровье и как Вы пожили на курмесе? Мы с женою ездили прекрасно, и оба поправились, а особенно она. У меня все еще нервы, так что в Сентябре опять ложусь в клиники.

В-третьих — как показалась Вам «Мысль»,² если успели ее прочесть? Мне она не нравится некоторою сухостью своею и витиеватостью. Нет великой простоты.

Видел в Самаре Скитальца³ — пьет.

Видел в Арзамасе Горького — отдыхает душою и работает. Ка-а-кую он драму закатил! Красота, сила, мудрость и нечто новое, зрелое, еще не встречавшееся у Горького. В постановке Художественного будет нечто невиданное.⁴

Итак, не сердитесь на меня, дорогой Виктор Сергеевич! Ей-богу, я всею душою предан Вам и Вашему Журналу.

Крепко жму руку

Ваш Леонид Андреев.

Царицыно, Моск<овско>-Кур<ская ж. д.>, Воздушный сад, дача Санина.

Датируется в связи с возвращением из поездки по Волге.

¹ Видимо, рассказ «В тумане».

² См. примечание к письму 23.

³ Скиталец (Петров Степан Гаврилович, 1868—1942) — член кружка «Среда» был введен туда М. Горьким, который привлек его также к сотрудничеству в «Журнале для всех».

⁴ О сильном впечатлении, произведенном пьесой М. Горького «На дне», Л. Андреев писал Н. К. Михайловскому (см. стр. 55) и К. П. Пятницкому: «Драма Максимыча — восторг! Он как оглоблей хватил ею по лбу всех тех, кто толковал об упадке его таланта!» (письмо от 28 июня 1902 г. — Архив А. М. Горького). Постановка «На дне» в Московском художественном театре (преьера 18 декабря 1902 г.) имела огромный успех.

25 Августа <1902>

Дорогой

Виктор Сергеевич!

Я кончил большой рассказ «В тумане»; читал его хорошим людям, говорят — хороший; да и самому мне кажется — ничего. Тема: гимназист, чистый и порядочный по существу малый, но внешне развращенный, как и все, болеющий венерической болезнью, убивает проститутку и себя. В рассказе 72 000—75 000 букв.

Нужно решить такие вопросы: 1) подойдет ли для Вас рассказ по теме — *без каких бы то ни было купюр*. 2) Можете ли Вы напечатать его в одном номере; рассказ связан единством настроения и времени — действие происходит в один день — и разбить его на две части *ни в каком случае нельзя*. 3) Согласитесь ли Вы напечатать его в Декабрьской книжке?¹

Последнее необходимо мне по такой причине. По договору моему с немецким издателем (очень выгодному для меня договору) более значительные свои рассказы я должен посылать для перевода *в рукописи* и печатать их в России только после того, как они будут напечатаны в Германии.² Таким образом в Ваше распоряжение рассказ может поступить только в Ноябре.

Вы знаете, как я отношусь к Вашему журналу, и мне лично очень хотелось бы напечатать рассказ именно у Вас. Если Вы согласитесь на все эти условия, то в ближайшей же книжке «Жур<нала> д<ля> всех» можно заявить: в Декабре или Январе (это как хотите) будет большой рассказ «В тумане». (Вероятно, он вытеснит всю остальную беллетристику).³

Если все это для Вас не подойдет, я отдам рассказ Богатству,⁴ а в течение Сентября пришлю Вам рассказ поменьше и побезобиднее по теме.

Ответьте мне, пожалуйста, немедленно, чтобы знать мне, за какой рассказ садиться. Ибо, если Вы возьмете «В тумане», я сяду писать для Богатства.

Адрес: Царицыно, Моск<овско>-Кур<ская> ж. д. Проживу я на даче до 5 Сентября.

Крепко жму руку

Ваш Леонид Андреев.

¹ Рассказ «В тумане», опубликованный в декабрьской книжке «Журнала для всех», обратил на себя внимание начальника Главного управления по делам печати Н. Зверева. 18 декабря 1902 г. он отправил в С.-Петербургский цензурный комитет следующий запрос: «В декабрьской книжке „Журнала для всех“ за текущий год помещен рассказ Л. Андреева „В тумане“, в котором, между прочим, описываются крайне циничные картины похощений гимназиста в обществе проститутки.

«Ввиду того, что „Журнал для всех“ по программе своей предназначается для семейного чтения и что, следовательно, появление в нем произведений, подобных рассказу „В тумане“, представляется неуместным, Главное управление по делам печати предлагает С.-Петербургскому цензурному комитету доставить объяснение, чем руководствовался цензор, дозволяя к печати означенный рассказ» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 4, № 58, л. 17).

Ответ цензора Вержбицкого, сообщившего, что рассказ Л. Андреева ставит своей целью «борьбу с общепризнанным пороком» и что дух этого рассказа «несомненно нравоучительный», не удовлетворил Главное управ-

ление по делам печати. 12 января 1903 г. С.-Петербургский цензурный комитет получил уведомление, что министр внутренних дел объявляет цензору Вержбицкому выговор «за неправильное дозволение им к печати рассказа Л. Андреева „В тумане“» (там же, л. 20). С этих пор цензура стала придирчивее относиться к материалам, публикуемым в «Журнале для всех».

² См. примечание на стр. 59.

³ В двенадцатом номере «Журнала для всех», помимо рассказа Л. Андреева «В тумане», были опубликованы рассказы В. Вересаева «Мать», А. Серафимовича «Неправда жизни» и И. Бунина «В Альпах».

⁴ Имеется в виду журнал «Русское богатство».

27

<Сентябрь 1902>

Дорогой

Виктор Сергеевич!

Получил Вашу телеграмму из Ялты и не знаю, как мне ее понять. Переслали ли Вам мое пространное письмо насчет рассказа «В тумане». Если да, то согласны ли Вы напечатать его при указанных в письме условиях — т. е. не ранее Декабря и без сокращений, в одном фельетоне.

Ответьте пожалуйста письмом. Если Вы согласны, я пришлю Вам «В тумане» в Сентябре — числа 15-го.

Сейчас я болен — простуда.

Ваш Леонид Андреев.

Адрес: Москва, Средняя Пресня, д. Гвоздевой.

Датируется в связи с предшествующим письмом о рассказе «В тумане».

28

Леонид Николаевич

Андреев.

Москва, Средняя Пресня, д. Гвоздевой.

<Декабрь 1902>

Дорогой

Виктор Сергеевич!

Будьте добры, дайте подателю сего студенту Н. В. Козленко один отгиск (или гранки) «В тумане». Я буду читать этот рассказ в Киеве на студенческом вечере и необходимо послать на разрешение.

Ваш Леонид Андреев.

Датируется в связи с выходом двенадцатого номера «Журнала для всех», в котором напечатан рассказ «В тумане».

29

Леонид Николаевич
Андреев.

Москва, Средняя Пресня, д. Гвоздевой.

<Декабрь 1902>

Дорогой

Виктор Сергеевич!

Терплю сейчас нужду в деньгах (больших деньгах) и очень прошу Вас, произведя расчет за «В тумане» — выслать мне деньги за вычетом ста рублей в погашение аванса. Буду очень благодарен Вам, если исполните мою просьбу в наивозможно-близком времени. Здоровье плохо и нервы, как у собаки, когда возле нее играют на скрипке.

Жена кланяется Вам.

Ваш Леонид Андреев.

P. S. В «Киев» я не поехал.

P. S. Пожалуйста, дорогой Виктор Сергеевич, распорядитесь о перемене адреса, по к<отор>ому присылают мне Ж<урнал> д<ля> в<сех> (я только сию минуту получил Ноябрь<ьскую> книжку), и еще просьба — пришлите штук 10 Декабрьской с рассказом.

Датируется в связи с выходом двенадцатого номера «Журнала для всех», в котором напечатан рассказ «В тумане».

30

<Декабрь 1902>

Дорогой

Виктор Сергеевич!

Спасибо Вам большое за Ваше дружеское и теплое письмо. Говоря по правде — знакомых тьма, а друга нет; знаков участия весьма даже много, больше чем нужно, а настоящего участия мало. Не говорю про жену — она у меня молодец и сильно помогает мне плестись.

Выздороветь надеюсь твердо и во всяком случае хочу отнять у болезни и смерти всякую законную почву: пусть это будет не судебный приговор, а административный произвол. Другими словами: ввел жизнь в норму, не пью и — решительная мера — бросил курить, а курил 17 лет по 60—80 папирос в день. Вот уже второй месяц вместо папирос лущу подсолнухи, а когда становится невмоготу, читаю «Зачем люди одурманиваются». ¹ Беру ванны.

Проехался бы вообще, а в СПб в частности с величайшим удовольствием, но на весь Декабрь (по меньшей мере) привязан к Москве: в этом месяце жена должна родить. Вот тоже порядочное испытание для нерв: я ужасно боюсь за Шуру.

Мой портрет в «Ж<урнале> для всех» это, скажу откровенно, очень для меня приятная и лестная штука — не стану врать, очень приятная. И главным образом потому, что к читателям его отношусь с симпатией. И сведения дам с удовольствием.²

Родился я в 1871 г. в Орле — там же учился в гимназии. Учился скверно, в седьмом классе целый год носил звание последнего ученика, и за поведение имел не свыше *четырёх*, а иногда три. Самое приятное, проведенное в гимназии время, о котором до сих пор вспоминаю с удовольствием — это перемены между уроками, т<ак> н<азываемые> перемены, а также те редкие, впрочем, случаи, когда меня «выгоняли» из класса. В пустых и длинных коридорах звонкая тишина, играющая одиноким звуком шагов; по бокам запертые двери, а за ними полные народу классы; луч солнца — свободный луч — прорвавшийся в какую-то щель и играющий приподнятой на перемене и еще не осевшей пылью, — все так таинственно, интересно и полно особым, сокровенным смыслом.

Когда я еще учился в гимназии, умер мой отец землемер,³ а в Университете мне пришлось сильно нуждаться. На первом курсе в СПб-ге я даже голодал — не столько впрочем от настоящей нужды, сколько от молодости, неопытности и неумения утилизировать лишние части костюма. Мне и сейчас стыдно подумать, что я мог два дня ничего не есть в то время, как у меня было: две или три пары брюк, два пальто, теплое и летнее и т. п.¹ Оканчивал курс я в Московском Университете. Здесь материально жилось лучше: помогали товарищи и «Комитет»,⁴ но в других отношениях с большим удовольствием вспоминаю Петербургский У<ниверси>тет: в последнем сильнее дифференциация студенчества и среди резко выраженных и обособленных групп скорее можно найти подходящую для себя среду. В 1894 году в январе я неудачно стрелялся, последствием неудачного выстрела было — церковное покаяние, наложенное на меня начальством,⁵ — и болезнь сердца, не опасная, но упрямая и надоедливая. За это время

¹ Тут я написал первый свой рассказ о голодном студенте; я плакал, когда писал его, а в редакции, когда мне возвращали рукопись, смеялись. Так он и не был напечатан.

я делал одну или две неудачные попытки писать, но с большим удовольствием и успехом отдавался живописи, к<отор>ую люблю с детства, а именно: рисовал на заказ портреты по 3 и 5 р. штука. Усовершенствовавшись, я стал получать за портрет по 10 и даже по 12 рублей.

В 1897 г. я получил диплом и записался в помощники прис<яжного> поверенного, но с самого начала сбился с правильного пути: мне предложили давать судебные отчеты в газету «Курьер», только что возникшую.⁶ Практики юридической мне, за недосугом, приобрести не удалось: было у меня всего-навсего одно гражданское дело, которое я проиграл во всех инстанциях, и несколько уголовных бесплатных защит.⁷

В 1898 г. я написал, по предложению секретаря «Курьера» И. Д. Новика, первый свой рассказ, пасхальный,⁸ и затем уж целиком отдался литературной деятельности, довольно разнообразной: одно время я составлял судебные отчеты, писал фельетоны под различными псевдонимами и рассказы. Теперь я занимаюсь одной беллетристикой и лишь изредко пишу статьи на общественные темы. Сильно помог мне в литературном отношении своими всегда дельными советами и указаниями Максим Горький.

Вот, дорогой Виктор Сергеевич, не знаю, годится это Вам или нет. Как хотите сокращайте. Посылаю и карточку: она лучше Дмитриевской в том отношении, что не так избита открытыми письмами.⁹

Крепко жму руку. Спасибо за деньги.

Ваш Леонид Андреев.

Датируется в связи с содержанием письма.

¹ Имеется в виду статья Л. Н. Толстого «Для чего люди одурманиваются», изданная «Посредником» и рекомендованная для библиотек почительства о народной трезвости.

² Миролюбов предложил Л. Андрееву прислать в «Журнал для всех» свою автобиографию и портрет. Сведения, сообщенные писателем, были опубликованы в январском номере журнала под заглавием «Из моей жизни». Характер этой автобиографии вызвал недовольство в писательской среде.

В январе 1903 г. М. Горький писал К. Пятницкому: «Леонид сглупил, и очень худо. В 1 № „Журнала для всех“ помещена его заметка „Из моей жизни“. Правильнее — „Из моей закружившейся от дыма славы башки“. Зададут ему деру газетчики! И — за дело». (М. Горький. Письма к К. П. Пятницкому. М., 1954, стр. 116).

В. Вересаев, в свою очередь, писал Миролюбову 15 февраля 1903 г. «А вот автобиографийка Андреева в № 1 — прямо черт знает, что такое! Неловко как-то делается за него, и больно, — как когда симпатичный человек в пьяном виде делает пошлости» (ф. 185, оп. 1, № 357). Сообщая в следующем письме (20 февраля 1903 г.) по просьбе Миролюбова авто-

биографические сведения о себе, Вересаев просил изложить их от третьего лица. Они были опубликованы в «Журнале для всех» (1903, № 4).

Желая познакомить своих читателей с наиболее известными сотрудниками, Миролюбов опубликовал во втором номере «Журнала для всех» портрет М. Горького с сыном, подаренный ему как частному лицу. Эта публикация вызвала резкий протест Горького (М. Горький, Собрание сочинений, т. 28, М., 1954, стр. 280).

³ Андреев Николай Иванович (ум. 1888).

⁴ Л. Андреев поступил в 1891 г. на юридический факультет Петербургского университета; в 1893 г. он перевелся в Московский университет. В 1893—1894 гг. плату за его учение вносили комитеты Московского и Орловского общества вспомоществования недостаточным студентам.

⁵ Покушение на самоубийство связывалось родными Л. Андреева с его неудачным любовным увлечением.

⁶ См. примечание 2 к письму 2

⁷ Л. Андреев выступал в качестве защитника в Московском суде 14 и 25 ноября 1897 г. («Курьер», 1897, № 22, 27 ноября и «Новости дня», 1897, № 5191, 14 ноября).

⁸ Первые литературные опыты Л. Андреева (подпись: Л. А.) были опубликованы в «Орловском вестнике» (1895, № 240, 9 сентября — «Он, она и водка»; № 285, 25 октября — «Студенческий концерт»; №№ 312, 314 — 316, от 21, 23—25 ноября — «Загадка»; 1896, № 169—170 — «Чудаки»).

⁹ В связи с большой популярностью Л. Андреева и М. Горького их портреты широко распространялись в виде открытых писем. М. П. Дмитриев — известный фотограф в Нижнем Новгороде.

31

<Январь — февраль 1903>

Дорогой Виктор Сергеевич!

На Рождество у нас родился сынишка,¹ славный мальчуган с огромным крючковатым носом. Рады мы, конечно, чрезвычайно, но радость была бы еще полнее, если бы Шура не так медленно поправлялась. Она уже встала и начала было выходить, но третьего дня опять захворала и слегла. Теперь опять доктора и лекарство.

Никак не ожидал я, что «В тумане»² явится боевым рассказом еще в большей степени, нежели сама «Бездна»,³ и разделит читателей на две воинствующие группы. Именно воинствующие — ибо всякий спор о рассказе почти неизбежно переходит в жестокую ругань друг с другом. Одни безмерно рассказ поносят, другие столь же безмерно хвалят. Получил много писем с излиянием восторженных чувств. Очень приятно письмо Ан. П. Чехова: находит, что «В тумане» — серьезный шаг вперед.

Представляю себе, какую массу нападков должны выдерживать Вы. Но робеть нечего. Наплевать на этих лицемеров и тупоумных стражей добродетелей, которые правду прини-

мают за вора и поднимают при этой okazji дружный ослиный крик! Меня этот крик только укрепляет в решимости говорить правду — теперь я начинаю понимать, как она сильна и ядовита для этих господ. Она как те яды, что употребляются для тараканов: тараканы от него дохнут, а человек ест его безвредно и даже с удовольствием.

Всего лучшего

Ваш Леонид Андреев.

Датируется в связи с упоминанием полемики вокруг рассказа «В тумане».

¹ Вадим Леонидович Андреев родился 23 декабря 1903 г.

² Рассказ «В тумане» вызвал большое число критических откликов, в которых вновь был затронут рассказ «Бездна». Многие критики дали резкую оценку нового произведения, упрекая автора в пессимистическом отношении к жизни и увлечении ее темными сторонами. Особенно ожесточенно выступала против рассказа «В тумане» символистская и реакционная пресса.

Часть критиков, увидев в рассказе смелую разработку новой темы, вступила в борьбу с теми, кто расценивал «В тумане» как грязное произведение. Критик В. Мирский (Е. Соловьев) выступил в «Журнале для всех» в защиту Л. Андреева (1903, № 2).

Полемика приняла особо ожесточенный характер в связи с выступлением жены Л. Толстого. Вслед за статьей В. Буренина, характеризовавшего «В тумане» как порнографическое произведение («Новое время», 1903, № 9666, 31 января), газета опубликовала «Письмо в редакцию» С. А. Толстой, которая обвинила Л. Андреева в увлечении «низостью явлений порочной человеческой жизни». С. А. Толстая негодовала и на журнал, опубликовавший это произведение: «Не читать, не прославлять, не раскупать надо сочинения господ Андреевых, а всему русскому обществу надо восстать с негодованием против той грязи, которую в тысячах экземплярах разносит по России дешевый журнал и повторяемые издания фирм, поощряющие их» (там же, № 9673, 7 февраля). В спор вступили читатели. Их многочисленные письма публиковались на страницах ряда газет (см., например, «Новости», 1903, №№ 42, 44, 47, 51—52 и «Русские ведомости», 1903, №№ 53, 59). Многие из читателей говорили об Андрееве как борце за нравственность. Взяла под защиту рассказ, поднимающий вопрос о воспитании подрастающего поколения, и мать А. Н. Толстого (А. Бостром. Что говорит родительскому сердцу рассказ Андреева «В тумане». «Образование», 1903, № 12, стр. 62—83).

С ответом С. А. Толстой на страницах «Нижегородского листка», к редакции которого в то время был близок М. Горький, выступил С. Протопопов (Беглые заметки. «Нижегородский листок», 1901, № 41, 11 февраля).

В связи с нападками критики Л. Андреев писал одному из своих читателей (Ефиму Львовичу Бернштейну): «Ваше последнее письмо о „Тумане“ пришло необычайно кстати для того, чтобы доставить не только радость, но и нечто большее — изрядную дозу мужества, столь мне в настоящее время необходимого. Вам вероятно известно, какие вопли негодования поднялись против этого рассказа. Толпа, как царь — она любит, чтобы ей льстили, даже описывая ее недостатки, и моя грустная и обнаженная правда выгнана ею на мороз.

«Каждый день в разных концах меня предают анафеме. В „Русск<их> Вед<омостях>“ Игнатов выразил опасение заразиться от рассказа и на всякий случай в своей статье проспирцевал читателей — чистой водой, конечно. Только небольшой кружок лиц — в числе коих к моему удовольствию находятся Горький и Чехов — хорошего мнения о рассказе» (ф. 9, оп. 2, № 14, лл.10—11).

Прочитав рассказы, опубликованные в декабрьских номерах «Русского богатства» и «Журнала для всех», А. П. Чехов писал автору 2 января 1903 г.: «Иностранец» мне очень понравился. И «Иностранец» и «В тумане» — это два серьезные шага вперед. В них уже много спокойствия, авторской уверенности в своей силе, в них мало авторской нервозности. Беседа отца с сыном „В тумане“ сделана спокойно, и за нее меньше не поставишь, как 5+» (В. Львов-Рогачевский. Две правды. Книга о Леониде Андрееве. Пб., 1914, стр. 65). Высокая оценка «В тумане» была дана Чеховым и в письме к О. Л. Книппер от 1 февраля 1903 г. Выступление С. А. Толстой вызвало следующий отклик Чехова в письме к жене от 11 февраля: «Я читал, и меня в жар бросало, до такой степени нелепость этой статьи резала мне глаза. Даже невероятно... Теперь кто нагло задерет морду и обнахальничает до крайности — это г. Буренин, которого она расхвалила» (А. П. Чехов, Полное собрание сочинений и писем, т. 20, М., 1951, стр. 44).

³ См. примечание 2 к письму 20.

32

⟨Ноябрь 1903⟩

Дорогой

Виктор Сергеевич!

Хочу воспользоваться Вашей любезностью. Дело вот в чем. Мой родственник Алексеевский провалился с своим изданием «Русского Обозрения» (в нынешнем году вследствие различных недоразумений с Филипповым журнал выходить не будет)¹ и сейчас в анафемском положении, без гроша. Я дал ему своих 250 р., но так как деньги эти мне нужны самому, то хочу попросить их у Вас в качестве аванса. Надеюсь погасить его скоро, т<ак> к<ак> все, предназначенное для «Обозрения», теперь пойдет в «Журнал для всех», каковой намереваюсь сделать своим лейб-органом.

Пишу коротко: простудился — корчусь сейчас от головной и зубной боли. Деньги пожалуйста перешлите на какой-нибудь банк.

Ваш Леонид Андреев.

Бен-Товита не печатайте!²

Датируется в связи с сообщениями в газетах 1903 г. о возобновлении издания «Русского обозрения» при участии Л. Андреева («Северо-западное слово», 1903, № 1791, 29 ноября).

¹ Аркадий Павлович Алексеевский — сотрудник газеты «Курьер», муж

Р. Н. Андреевой. Предполагал издавать журнал, в котором значительную роль должен был играть Л. Андреев. Так как получить право на издание нового органа печати было трудно, Алексеевский хотел использовать распространенную практику тех лет — договориться о продолжении издания уже умершего журнала «Русское обозрение» (М., 1890—1898, 1901). Журнал этот редактировался в 1901 г. Алексеем Фроловичем Филипповым.

Л. Андреев посвятил Алексеевскому рассказ «Город» («Курьер», 1902, № 109, 21 апреля).

² Рассказ «Бен-Товит» был опубликован в «Нижегородском сборнике» («Знание», Пб., 1905).

33

<Конец 1903>

Дорогой Виктор Сергеевич! Получил почти одновременно все Ваши письма и спешу ответить, хотя, упавши с велосипеда, сижу сейчас с одной рукой на перевязи.

Как быть с рассказом — не знаю, не знаю, не знаю. Вы видите, да и читатель должен знать, что в течение этого года ни в одном издании рассказы мои не появлялись (не говорю о «Весенн<их> обещан<иях>»¹ в «Курьере» — чепуха). И причина Вам известна: весь этот год я хвораю и не работаю. Везде обещал, а дать нечего. Лето работал и сейчас кончаю большой в 4 л<иста> рассказ «Жизнь Василия Фивейского» — вещь нецензурную, противурелигиозную и для «Журнала» негодную. Так что в этом году я не могу появиться у Вас — при всем желании. Если нужно для читателя, можно будет пустить заметку, что я был год болен.² Тем более, что и нигде я в этом году, вероятно, не появлюсь.

Очень хотелось бы — для души — побеседовать с Вами, конечно, изустно. Писать — не могу.

Ваш Леонид Андреев.

Адрес: Грузины, Ср. Тишинский пер., д. Шустова.

Датируется в связи с содержанием письма.

¹ Рассказ «Весенние обещания» опубликован в «Курьере» (1903, №№ 6, и 9, 4 и 7 марта).

² В объявлении о подписке на «Журнал для всех» в 1903 г. анонсировались произведения Л. Андреева «Сила воли» и М. Горького «С краю». Однако они не появились в печати. В декабрьском номере «Журнала для всех» (1903) было опубликовано следующее письмо, подписанное М. Горьким и Л. Андреевым:

«Милостивый государь, г. редактор!

В нынешнем году по некоторым причинам мы не могли дать Вашему уважаемому журналу обещанных нами рассказов. Твердо надеемся, что в будущем году нам удастся искупить нашу невольную вину перед читателями „Журнала для всех“, искренними друзьями которого мы остаемся».

<Первая половина октября 1903>

Дорогой Виктор Сергеевич! Простите, что замедлил с ответом, но причина довольно-таки основательная: из семи дней в неделю пять я отдаю головной боли. «Василий Фивейский» только еще на половине, и когда я его кончу, черту известно лучше, чем мне. Отдан он мною в сборник Горькому,¹ и я уже в отрывках читал его этому самому Горькому (с которым, к великой моей радости, я совершенно примирился).² О «Журнале для всех» и о Вас и я думаю постоянно — и эти мысли увеличивают тоску мою: ведь если б я был здоров и мог писать, как много давал бы я Вам!

Если будете в Москве, не забудьте меня. Разговор с Вами всегда большая для меня радость.

От Шуры³ большущий Вам привет.

Ваш Леонид Андреев.

Датируется в связи с прекращением ссоры с Горьким.

¹ Рассказ «Жизнь Василия Фивейского» Л. Андреева впервые опубликован в 1904 г. в первом «Сборнике товарищества „Знание“».

² Ссора с Горьким в феврале 1903 г. была вызвана поведением Л. Андреева в пьяном виде (М. Горький. Письма к К. П. Пятницкому. М., 1954, стр. 121). Л. Андреев был встревожен и сильно огорчен ею. «Разрыв с Алексеем, — писал он к К. П. Пятницкому 29 мая 1903 г., — остается до сих пор тем, что болит, о чем нельзя позабыть никак» (Архив А. М. Горького). 4 октября он писал ему же: «Тороплюсь сообщить Вам новость, которая Вас порадует: мы с Алексеем помирились, или как бы это сказать — вернулись к старому. Во вторник я написал ему все по чистой совести, в среду получил от него телеграмму — милый человек! А вчера он был у меня и будет сегодня. Как я счастлив!» (там же).

Об этом примирении Горький, в свою очередь, писал Пятницкому: «Ура! был у Леонида. Мирились. Чуть-чуть не заревели, дураки. Его „Отец Василий Фивейский“ — огромная вещь будет. Но не скоро! — Лучше этого — глубже, яснее и серьезнее — он еще не писал. Очень, очень крупная вещь!» (М. Горький. Письма к К. П. Пятницкому, стр. 138).

³ Шура — жена Л. Андреева.

<Февраль 1904>

Дорогой
Виктор Сергеевич!

Я сейчас порядочно нездоров — простудился — и не могу, как нужно, ответить на Ваше хорошее, но не совсем справедливое письмо. Как только поправлюсь немного, сейчас же напишу, обстоятельно, мотивированно и конечно без «мило-

стивого госуд<аря>»¹ — так как искренне и сердечно люблю и уважаю Вас.

Ваш Леонид Андреев.

Датируется в связи с содержанием письма.

¹ В связи с публикацией в декабрьском номере «Журнала для всех» (1903) статьи Волжского «Литературные отголоски. (По поводу книги г. Булгакова)» группа литераторов по инициативе В. Вересаева отправила Миролюбову протест (см. стр. 69). Миролюбов был встревожен этим протестом и огорчен тоном его. Недоумевая по поводу подписи И. Белоусова под коллективным заявлением, Миролюбов писал: «Вам четверым я скажу только одно, что искание бога, истина для меня всегда будет определять мою дальнейшую деятельность в ведении журнала» (ф. 185, оп 1, № 124, л 2)

36

<Февраль 1904>

Дорогой

Виктор Сергеевич!

Буду говорить только за себя и даже допускаю возможность впасть в некоторые разногласия с товарищами, хотя и не существенные.

Прежде всего Горький и статья *о нем* никакого значения не имеют в данном случае. Хотя и я, и вероятно некоторые другие с этой статьей (о Горьком) не согласятся, но никто не станет отрицать за журналом право указать на отрицательные стороны писателя, хотя бы и сотрудника. Не нужно только резкости и брани — и хотя статья Волжского стоит к<а>к раз на границе дозволенного, она все же сама по себе, повторяю, значения не имеет.¹

Иное дело статья его же о проблемах идеализма — ее мы только и имели в виду. В ней сказывается очень прямое, очень определенное тяготение к богу, причем в атеистов бросается несколько очень резких упреков, близких к брани. Это не годится. Как ни разнятся мои взгляды с взглядами Вересаева² и других, у нас есть один общий пункт, отказаться от которого — значит на всей нашей деятельности поставить крест. Это — «царство человека должно быть на земле». Отсюда призывы к богу нам враждебны, а поскольку откровенный спор в этой области совершенно невозможен по цензурным условиям — нам остается единственный способ протеста: уход из органа, где проводятся враждебные нам начала.

Должен сказать, что компания в большинстве прямо хотела уйти из «Журнала для всех» — но потом решено было сделать это условно. Дело в том, что, по моему мнению, су-

ществует полная возможность выработать такой *modus vivendi*,* при котором разность наших убеждений не будет служить препятствием к общему делу. Пусть религиозные вопросы, как это и было раньше, не затрагиваются совсем, ни с той, ни с этой стороны — у нас остается достаточно широкая морально-общественная область, в которой мы можем работать рука об руку. Думаю, что Вы ничего от этого не потеряете. Поскольку для Вас бог не есть только метафизическая сущность, голое *credo*,** а источник добра, и правды, и любви, постольку все мы — Ваши союзники. Ибо всякий порядочный беллетрист, атеист или нет, делает для «бога» гораздо больше, чем священник.

Все это я говорю, повторяю, только за себя, хотя и употребляю выражение «мы». Мне хочется только объяснить мотивы, почему я подписался с другими, и показать, что возможность столкнуться вполне допустима. Во всяком случае, какое бы положение по отношению к Вашему журналу я ни занял, Вас лично я продолжаю любить и уважать — в этом Вы не должны сомневаться. Друзей у меня немного, и Вы один из них — что бы там ни было. Ей-богу!

Мне кажется, самое бы лучшее — назначить день, собрать компанию и приехать побеседовать. Не я один, а и все наши относятся к Вам очень хорошо — б<ыть> м<ожет>, поэтому и взбеленились.³

Я все еще хвораю, писать не могу и анафемски скучаю.

Ваш Леонид Андреев.

Датируется в связи с содержанием письма.

¹ В. Миролубов предполагал, что протест литераторов вызвала не только статья Волжского «Литературные отголоски. (По поводу книги г. Булгакова)», но и статья того же автора о Горьком («О некоторых мотивах творчества М. Горького»), опубликованная в «Журнале для всех» (1904, №№ 1 и 2).

Вопреки заявлению Л. Андреева, статья о Горьком привлекла внимание других сотрудников «Журнала для всех». В своем письме Миролубову по поводу изменения лица журнала А. Серафимович отметил и данное выступление Волжского. Подчеркнув, что Горький «не только литературный факт, но и общественный», Серафимович указал на присоединение «Журнала для всех» благодаря статье Волжского к походу против Горького, организованного реакционной прессой (А. С. Серафимович. Исследования. Воспоминания. Материалы. Письма. М., 1950, стр. 317—319).

² Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич (1867—1945) — член кружка «Среда», примыкал к «знаньевцам». Был в близких отношениях

* Установленные формы отношений (*лат.*).

** Исповедание, символ веры (*лат.* — верую).

с Л. Андреевым (В. Вересаев. Воспоминания. Изд. 3-е, М., 1946, стр. 444—471).

В «Журнале для всех» (1901—1903) были опубликованы следующие рассказы Вересаева: «К спеху», «Ванька», «Мать», «Об одном доме», «Звезда».

В феврале 1904 г. Волжский, посетив, в связи с конфликтом «Журнала для всех» с группой литераторов, В. Вересаева и Л. Андреева, писал Миролюбову, что первого главным образом возмутило выступление журнала против марксизма, а второго — защита религии.

³ Примирительный тон Л. Андреева по отношению к Миролюбову вызвал возражение со стороны Горького. В одном из своих писем к Л. Андрееву он дал развернутую характеристику позиции редактора журнала (Letters of Gorky and Andreev, 1899—1912. London, 1957, p. 50—52).

37

<Февраль 1904>

Дорогой

Виктор Сергеевич!

Это мое письмо было уже написано, когда получил Ваше.

Прибавлю немного. Вы совершенно не правы, упрекая кого-то в низости. Какая низость? Есть убеждения у Вас, есть убеждения и у Ваших противников — всякий борется за свое. Конечно, можно бороться нечестно — но Ваши противники и в этом отношении идут прямым и честным путем. Разве не вправе они, хотя бы даже печатно, заявить о своем выходе из журнала, раз последний по направлению своему стал враждебным?

Еще добавлю. Я отнюдь не покушаюсь на Ваши убеждения, как христианина. Вы верите, я нет — это дело наше личное. И я предлагаю: отказавшись от проявлений нашего личного, работать вместе для русского народа, который одинаково дорог, я думаю, нам обоим.

Ваш Леонид Андреев.

Датируется в связи с предшествующим письмом.

38

<Июль 1904>

Дорогой

Виктор Сергеевич!

Живу в Москве и после Крыма семейно хвораю всякими простудами. В настоящий момент болен я: затяжная, скверная инфлуэнца в компании сердцебиений.

Хочу поговорить все о том же, — ибо, как говорил еще в Ялте, тогдашний наш разговор и Ваше решение не могу считать окончательным.¹

Вересаев и Горький намереваются (и кажется, исполнили, наверное не знаю) напечатать письмо, в котором, ввиду изменившегося направления, отказываются от участия в «Ж<урнале> д<ля> всех».² Горький предлагал подписаться мне, но я отказался; и одною из причин, помимо нежелания демонстративных действий, была именно уверенность, что недоразумение между Вами и нашей писательской кучкой чисто временного характера.

В настоящее время «Ж<урнал> д<ля> всех» занимает среднее положение между «Новым путем» и ортодоксально-прогрессивными органами печати, и невыгоды такого положения сказываются вдвойне: с одной стороны его справедливо упрекают в уступках декадентству и теологическому идеализму, с другой, так же справедливо — в позитивизме и реализме (Новый Путь, июнь).³ И это естественно: в такие боевые времена, как наше, только крайние мнения имеют шансы на успех, и все среднее, колеблющееся, примирительное осуждено на полное невнимание и бессилие.

И очень скоро Вам придется вполне определенно прикнуть к тому или другому течению: или слиться с «Новым Путем» и породниться с ним через участие в Вашем журнале Розанова, Мережковского, Андрея Белого, Антона Крайнего и пр.,⁴ или вернуться к старому.

Предположим, Вы выберете первое. Тогда Вам прежде всего придется изменить не только обложку, но и самое заглавие «Журнала для всех» на «Ж<урнал> для немногих». За два года существования, при всем том *литературном* шуме, который он произвел, «Новый Путь» приобрел всего 2000 подписчиков (даже унылая «Правда»⁵ имеет вдвое больше). Это показывает, что никаким тайным мечтаниям и запросам «Н<овый> П<уть>» не отвечает; что ядро культурных россиян совершенно чуждо всей этой схоластически-мистической свистопляске и якобы религиозным исканиям — этой эластичной замазке, которою они замазывают все щели в окнах — чтобы с улицы не дуло. И в интеллигенции, и в народе ищут бога — но не в этих кладовых со всяким хламом, где роятся старьевщики из «Нового Пути». И полтавские мужики, которые усадьбы сжигали,⁶ ведь они что делали — бога искали. И тот интеллигент, который Плеве убил⁷ — он ведь тоже бога искал, того бога, *которого искал сам Иисус Христос*. И Вы посмотрите, как это странно: у меня есть свидетельство, что полунинтеллигентные выходцы из народа считают нас (Горького и меня) самыми заправскими христианами — хотя никогда не

провозглашали мы «аллилуя», а только кричали: «ограбили, грабят!». И я уверен, что никогда и никто не просил у Мережковского взаймы, а Максимыч и в этом случае должен был бы кричать: «грабят, ограбили!»,⁸ — ведь есть же вот чутье у людей.

Не думаю, чтобы Вам улыбался этот путь — но он неизбежен, если «Ж<урнал> д<ля> всех» не вернется к старому. Вот уже Вы поставлены в необходимость брать беллетристов и поэтов из «Скорпиона».⁹ Пройдет время, и Вам придется брать публицистов и философов из «Нового Пути». Журнал для немногих. Даст ли он хоть Вам что-нибудь?

Что же мешает Вам возвратиться к старому — к тому, каким был «Ж<урнал> д<ля> всех» до этой истории? Как я уже говорил: не будем касаться совсем «религиозных» вопросов; и без этого предстоит огромная и важная работа. Война выдвинула на первый план темную невежественную массу, этого мужика-солдата, бессильного в своем героизме; очень возможно, что после войны будет сильнейший подъем общественной самодеятельности, и именно в этом направлении — энергичной работы среди народа и рабочих. И «Ж<урнал> д<ля> всех», великолепно составленный, дешевый, уже имеющий огромную аудиторию, может быть таким несравненным орудием общественной мысли, что самое существование его может стать на степень исторического факта.

Жду от Вас ответа, с уверенностью, что наше общее дело не пропало и что мы столкнемся. И как был бы я рад, за себя, если бы «Ж<урнал>» повернуть не на новый, а на старый путь! У меня нет близкого журнала и весь я, со всеми потрохами перекочевал бы к Вам.

Ваш Леонид Андреев.

К высказанному мною присоединяются Чириков¹⁰, и Скиталец, и Серафимович.¹¹

Датируется в связи с упоминанием убийства Плеве.

¹ Разговор Л. Андреева с В. Миролюбовым о направлении «Журнала для всех» состоялся в апреле 1904 г. Результатом этой беседы было письмо Миролюбова Андрееву от 10 апреля, в котором он писал: «Я пойду своей дорогой и, если Вам когда-нибудь будет со мной по пути, буду счастлив» (ф. 185, оп. 1, № 118).

² Заявление, о котором упоминает Л. Андреев, по-видимому, не появилось в печати.

Скиталец писал Миролюбову: «Все говорят о резком изменении Вашего журнала и его колебании между старым и новым путем и единодушно сожалеют о его „старом“ пути. Если бы это и было так, мы все-

таки против демонстраций по этому поводу. „Журнал для всех“ — такая огромная аудитория, такая симпатичная сила, что нельзя его ставить на смарку одним почерком пера. И неужели этот журнал предпочтет превратиться в журнал „для немногих“? Я этому не верю.

«Образовавшуюся брешь следовало бы не углублять, а заделывать.

«Очень и очень было бы необходимо обстоятельно поговорить на словах... Хочет этого и Андреев» (ф. 185, оп. 1, № 1063, лл. 6—7).

Отзыв Л. Андреева о «Журнале для всех» совпадает с мнением других писателей и многих подписчиков (см. стр. 70). Все это заставило Миролюбова в скором времени пересмотреть свою позицию.

³ «Новый путь» (Пб., 1903—1904) — журнал, издававшийся при ближайшем участии членов Религиозно-философских собраний — Д. Мережковского, З. Гиппиус, Д. Философова и др.

Сотрудники «Нового пути» приветственно встретили изменение позиции «Журнала для всех», имеющего большое распространение. Они стремились превратить его в орган своей группы.

В июньском номере «Нового пути» была опубликована рецензия Г. Чулкова на первый «Сборник товарищества „Знание“», в которой он, пренебрежительно называя читателей низов «босьяками», говорил, что именно к этому читателю тянутся «какие-то „позитивисты“ и „марксисты“ со своими журналами». Среди них был назван и «Журнал для всех». («Новый путь», 1904, июнь, стр. 218).

Но уже в июльском номере «Нового пути» З. Гиппиус в статье «Согласным критикам» приветствовала изменение позиции Миролюбова. Она отметила, что Волжский пишет в «Журнале для всех», который, не выпуская старого знамени из рук, понемногу косится уже на «новое» в сторону тоже «исканий» и не пугается слова «бог», только сопровождает его извиняющимися пояснениями, смягчает по своему (там же, июль, стр. 245).

В сентябрьском номере «Нового пути» А. Крайний (З. Гиппиус, 1869—1945) в специальной заметке «Из записной книжки» с одобрением говорил об «отваге» редактора «Журнала для всех», взявшегося за разработку религиозных тем в своем популярном органе (там же, сентябрь, стр. 304—305).

⁴ См. стр. 69.

⁵ «Правда» (М., 1904—1906) — ежемесячный журнал искусства, литературы и общественной жизни. В первый год издания уделял преимущественное внимание вопросам эстетики, философии и этики, трактуемым в духе философии Маха и Авенариуса. Значительное место в журнале занимала переводная модернистская литература.

⁶ Имеются в виду крестьянские волнения в Полтавской и Харьковской губ. в марте 1902 г.

⁷ Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — министр внутренних дел и шеф жандармов, был убит 15 июля 1904 г. эсером Е. Сазоновым.

⁸ Намек на большую денежную помощь, оказываемую М. Горьким.

⁹ «Скорпион» — литературное издательство символистов (1900—1916). Л. Андреев намекает на активное участие в «Журнале для всех» в 1904 г. писателей, группировавшихся вокруг этого издательства.

¹⁰ Чириков Евгений Николаевич (1864—1932) — сотрудник ряда прогрессивных журналов, примыкал к «знаньевцам». В 1917 г. эмигрировал за границу.

¹¹ См. примечание 1 к письму 39.

<Вторая половина октября 1904>

Дорогой

Виктор Сергеевич!

Я не понял, к кому относится Ваша последняя телеграмма, ко мне или к Серафимовичу.¹ Что касается последнего, то он уехал давно, в прошлый четверг; рассказ свой он кончит в Ялте и сейчас же пришлет Вам. А что до меня, то слово мое твердо и рассказ «Вор» будет у Вас в руках не позже 1-го Ноября.²

Очень рад, что дела у нас образуются.³ Очень рад.

Беллетристику в Москве для «Журнала для всех» буду добывать я — сяду почтеннейшей Среде на шею и не пропущу ни одной вещички хорошей, чтобы не попробовать оттягать. Последний раз, когда я виделся с Вами, я весь был во власти развинченных нервов — что увы! случается довольно часто, особенно, ежели заработаюсь — и так и не удалось мне поговорить с Вами, как бы хотелось.

Ну да не уйдет. Вероятно, в скором времени буду в СПб. А сейчас работаю, работаю!

Крепко жму руку

Ваш Леонид Андреев.

Как дивно прошел «Иванов»!

Датируется в связи с упоминанием постановки пьесы А. П. Чехова «Иванов» в Московском Художественном театре. Премьера состоялась 19 октября 1904 г.

¹ Знакомство Л. Андреева с А. Серафимовичем (Поповым Александром Серафимовичем, 1863—1949) состоялось в начале 1902 г., когда Андреев пригласил его сотрудничать в газете «Курьер».

«Милостивый государь! — писал Л. Андреев 13 января 1902 г. — в „Курьере“ подбирается хорошая компания беллетристов, и мне, как заведующему этим отделом и ценящему Ваш талант, очень хотелось бы привлечь Вас как сотрудника.

«Плата — 7 коп. строчка» (В. Вешнев. А. Серафимович как художник слова. М., 1924, стр. 89).

Сотрудничество Серафимовича началось публикацией рассказа «О том, как Епишка встречал светло-Христово воскресенье» («Курьер», 1902, № 103, 14 апреля). В скором времени Серафимович заменил в газете Андреева-фельетониста.

Л. Андреев ввел Серафимовича и в кружок «Среда». Серафимович высоко ценил талант Андреева. Письма Андреева к Серафимовичу, свидетельствующие об их дружеских отношениях, опубликованы в «Московском альманахе» (№ 1, М., 1926).

В «Журнале для всех» (1901—1903) появились следующие произведения А. Серафимовича: «Под уклон», «Встреча», «Степные люди», «Преступление», «Неправда жизни», «На берегу», «Наденька», «Вечеринка»

² См. примечание 2 к письму 40.

³ Речь, видимо, идет об изменении отношения Миролюбова к религиозной пропаганде на страницах «Журнала для всех». 6 февраля 1905 г. Л. Андреев писал В. Вересаеву: «Миролюбов со всеми нами кроме Горького помирился и Волжского бога убрал» (Реквием. Сборник памяти Л. Андреева. М., 1930, стр. 162).

40

<После 20 января 1905>

Дорогой Виктор Сергеевич!

Я доложил «Среде»¹ о Вашем со мною поступке — и она, подлая, Вас одобрила. Я сказал, что хочу написать для Вас лучший рассказ — и она также одобрила, хотя с Вашей оценкою «Вора»² не согласна.

Серьезно: как только начну писать, настрою Вам рассказ и постараюсь поядовитей.³

Крепко жму руку

Ваш Леонид.

Датируется в связи с письмом В. Миролюбова к Л. Андрееву от 21 января 1905 г., в котором он отказался от публикации не понравившегося ему рассказа «Вор». Миролюбов писал: «Зачем же я для успеха своего журнала стал бы содействовать неуспеху любимого писателя? Обещанный рассказ привлек бы читателей, но какой ценой?» (ф. 185, оп. 1, № 118).

¹ См. примечание 1 к письму 15.

² Л. Андреев писал А. Серафимовичу: «Да! Миролюбов-то! Забравал моего „Вора“! Очень, говорит, это мне грустно, но рассказ плох и по совести я не могу и т. д.» (В. Вешнев. А. Серафимович как художник слова. М., 1924, стр. 87—88). Рассказ «Вор» был опубликован в пятом «Сборнике товарищества „Знание“» (СПб., 1905).

³ Новый рассказ Л. Андреева, «Христиане», появился в «Журнале для всех» лишь в 1906 г. (№ 1). Он действительно был «ядовитым», так как автор разоблачал в нем лживость современных «христиан». По поводу этого рассказа М. Горький писал в сентябре 1905 г.: «У Миролюбова — не пройдет, в этом я уверен. Во-первых, не понравится самому Виктору, во-вторых, — цензуре. Суть рассказа: проститутка отказывается принять на суде присягу, потому что она „проститутка, значит, не христианка“. Судьи, защитник, адвокат Волжский из „Вопросов жизни“ и всякие другие „христиане“ убеждают ее в противном, а она — стоит на своем. Вот и все. Написано в форме репортерского отчета, не по-андреевски. По-моему — это усиливает впечатление» (М. Горький. Письма к К. П. Пятницкому. М., 1954, стр. 187).

41

21 Декабря 1905 г.

Дорогой Виктор Сергеевич!

Я — в Берлине,¹ и у меня болят зубы и затылок от дурной погоды и немецкого языка. И кроме того — болит душа от

невозможности послать домой хотя бы строку. Получаю от матери отчаянные письма, а от меня не доходят к ней ни письма, ни телеграммы. И она еще больна вдвоавок. Будьте истинным другом: если жел<езная> дорога действует, перешлите ей с нарочным, за мой счет конечно (какого-нибудь мальчика из конторы) прилагаемое письмо и рублей 25 денег — она должно быть сидит без гроша, а я и денег послать ей не могу. Будьте другом!

Не распространяюсь, ибо — скверно и нет охоты писать, когда не знаешь, дойдет письмо или нет. Если получите, ответьте мне коротко по адресу: Berlin, Lütgow-Strasse, 46, Pansion zur Nodden.

Крепко жму руку

Ваш Леонид Андреев.

19 февраля 1905 г. Л. Андреев, предоставивший свою квартиру для проведения заседания Центрального комитета РСДРП, был арестован вместе с девятью членами ЦК (см. об этом статью Ю. С. Пухова «Л. Андреев и Скиталец в революции 1905—1907 годов» в книге: Революция 1905 года и русская литература. Л., 1956, стр. 416—424). 25 февраля он был освобожден под залог в 10 тыс. руб. и уехал в Финляндию, а затем в ноябре 1905 г. в Германию. В данном письме идет речь о декабрьских событиях в Москве.

42

14 Апреля 1906

Дорогой Виктор Сергеевич!

Случайно попалась мне Мартовская книжка Ж<урнала> для всех и прочел я ее с истинным удовольствием. Статьи Энгельгардта и Албионова очень хороши — чрезвычайно просты, убедительны и выдерживают надлежащую точку зрения на события.¹ Конечно кадеты² хороши — но не мешает напоминать почаще, что они такое. Помнится когда-то я писал Вам: идет время, когда героем дня станет деревня, и тогда Ж<урнал> для всех может сослужить большую службу?³ И судя по тому, что я прочел — он это делает. Очень приятно, что и цензурный гнет⁴ — по-видимому — стал легче. Ввиду всего вышеизложенного — первую подходящую вещь считайте за мною.

Как Вы поживаете? Мы маемся за границей — сейчас сидим в Швейцарии, в Глионе — и не можем сказать, чтобы приходили от нее в восторг. Мещанство цветет всюю, крепкое, упорное, самодовольное мещанство, и временами дышать нечем. И именно поэтому, и именно отсюда видно, какой грозо-

вой тучей стоит на горизонте русская революция — и как ее ненавидят! Как ее бояться! Особенно немцы — и вероятно французы. Да и швейцарцы — как ни убеждены они в прочности своего порядка, но косятся: а вдруг?

Нигде нет свободы. Горький перед отъездом в Америку пробыл тут, с нами, 2 недели и мы вместе гадали: а что такое эта Америка? А она вон какая оказалась — приятная.⁵ И стал я, дорогой Виктор Сергеевич, еще до этого конечно случая, окончательным пессимистом, верите — мизантропом. Люблю не многих, но зато не люблю — очень многих. И то, что начало было у меня появляться в робком виде — какие-то надежды, потребность сказать ласковое, ободряющее — все испарилось, все поглощено одним чувством безграничного гнева и презрения. Только бы силы стало — а я им напишу! Я их утешу! Я их приласкаю!

А Дума — дьявольски интересно, в сущности самый пожалуй интересный момент из всего бывшего. Как обернется?

Через неделю едем в Финляндию. Поселюсь на лето около Гельсингфорса, на даче, каковую еще нужно приискать. И поэтому, надеюсь — до свидания. Крепко жму руку и поклон Вам от Шуры.

Ваш Леонид Андреев.

Гельсингфорс, до востребования.

¹ Статья М. Энгельгардта «Деревенские нужды. „Господа хорошие!“» раскрывала политику крупных землевладельцев и земства по отношению к крестьянству; в статье Д. Альбионова «Слова и дела. Как успокаивают Россию» говорилось о карательных мерах, предпринятых испуганным правительством против народа.

² События 1905 г. испугали Л. Андреева, он не верил в победу революционных сил и, не желая присутствовать при их поражении, уехал в ноябре 1905 г. за границу. Однако он с большим интересом следил за всем происходившим в России. В апреле 1906 г. Андреев так писал о своем восприятии революции: «Новая Россия. Все пришло в движение. Падает и поднимается, разрушается и формируется вновь, меняет контуры и линии, меняет образ. . . Я как был, так и остался, вне партий. Люблю, однако, социал-демократов, как самую серьезную и крупную революционную силу. С большой симпатией отношусь к социал-революционерам. Побойваюсь кадетов, ибо уже зрю в них грядущее начальство, не столько строителей жизни, сколько строителей усовершенствованных тюрем» (Реквием. Сборник памяти Л. Андреева. М., 1930, стр. 163). Высказывая предположение, кто победит — новая Россия или кадеты, Л. Андреев писал: «Будучи пессимистом, склоняюсь на сторону второго предположения: победят кадеты. Их опора — все мещанство мира» (там же).

³ Имеется в виду письмо 38.

⁴ Л. Андреев ошибался. Выступление «Журнала для всех» с разоблачениями внутренней политики царского правительства вызывали жестокое преследование этого органа цензурой (см. стр. 70—71).

⁵ М. Горький поехал в Америку для сбора денег путем агитации на революционную работу большевиков. Покинув Россию 12 февраля 1906 г., Горький посетил вначале Германию, Швейцарию и Францию. В Швейцарии он прожил с 8 по 21 марта, здесь во время встреч с Горьким Л. Андреев прочел ему свою пьесу «Савва». 28 марта Горький прибыл в Нью-Йорк. Через несколько дней буржуазная пресса Америки начала травлю писателя-революционера (см. статьи Н. Е. Буренина и С. Д. Бродской в сборнике: М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. М., 1957).

43

21 апреля <1907>

Дорогой Виктор Сергеевич!

Не писал Вам — трудно писать. Но думал о Вас часто и к<а>к будто слышал те слова участия и дружбы, которые Вы произносите где-то там, далеко. И поговорить с Вами будет очень приятно, более чем приятно. Лето буду в Финляндии, под СПБ, так что, значит, увидимся. Не могу оставаться за границей; прежде было ничего, а одному совсем невозможно.¹

Когда будет большой рассказ, не знаю, а пока, если хотите, могу дать один пустячок «Неосторожность». К<а>к только добуду его у Гржебина (который хотел было его в свой Альманах,² но я воспротивился), так тотчас же пришлю Вам. Рассказик, правда, не важный, но пока — годится. Если не понравится, сохраните пока у себя, отдам в какую-нибудь газету.

Неужели Вы сядете в тюрьму? Это будет так нелепо!

Крепко жму руку. До свидания, до скорого настоящего свидания.

Ваш Леонид Андреев.

¹ 27 ноября 1906 г. после родов умерла А. М. Андреева (Велигорская). Писатель чрезвычайно тяжело переживал смерть жены. В марте 1907 г. он писал В. Вересаеву: «Для меня и до сих пор вопрос — переживу я смерть Шуры или нет, — конечно, не в смысле самоубийства, а глубже. Есть связи, которых нельзя уничтожить без непоправимого ущерба для души» (В. Вересаев. Воспоминания. М., 1946, стр. 461). Весной 1907 г. Андреев жил в Италии на о. Капри.

² Зиновий Исаевич Гржебин (ум. 1929) был одним из организаторов издательства «Шиповник». Рассказ «Неосторожность» был опубликован в сборнике «Яма» (Пб., 1910).

44

<29 августа 1907>

Дорогой Виктор Сергеевич!

Окончательно и решительно отказываюсь просматривать рукописи в Ж<урнале> д<ля> в<сех>.¹ Мотивы те же,

что я высказывал Вам при свидании. Уже одно мое сплошное нездоровье, к<оторое> самому-то мешает работать, чего стоит. Не сердитесь на меня, Вы знаете, как искренне люблю я Вас. Рассказик от Гржебина² добыть не могу. Работается плохо, к<a>к бы не пришлось забастовать. В СПб буду жить с 5 Сент<ября>, Каменноостровский, 13. Увидимся.

Жму руку

Ваш Леонид Андреев.

<На закрытом письме>

С.-Петербург
Редакция журнала «Народный путь»
Виктору Сергеевичу
Миролубову.

¹ Датируется в связи с почтовыми штемпелями.

¹ Миролубов предлагал Л. Андрееву принять участие в редактировании литературного отдела «Журнала для всех», выходявшего в это время под заглавием «Трудовой путь».

² Вместо этого рассказа Л. Андреев прислал рассказ «Иван Иванович». Опубликован в «Нашем журнале» (1908, № 1).

А. И. КУПРИН

ПИСЬМА к В. С. МИРОЛЮБОВУ

(1899—1907)

В Рукописном отделе ИРЛИ хранятся 13 писем А. И. Куприна к В. С. Миролубову за 1899—1919 гг. Судя по характеру этой переписки, она сохранилась неполностью. В настоящем томе «Литературного архива» публикуются письма Куприна, относящиеся к периоду сотрудничества писателя в «Журнале для всех».

Перед Миролубовым как редактором и издателем этого журнала стояла задача создать авторский актив, в первую очередь из числа талантливой писательской молодежи. Привлечение Куприна к сотрудничеству в «Журнале для всех», а также одновременное приглашение И. А. Бунина показывают, что Миролубов сразу же взял курс на реалистическое прогрессивное направление в литературе.

Первая встреча Куприна с Миролубовым произошла, видимо, в Ялте, куда Куприн приехал весной 1899 г.

Возможно также, что мысль о привлечении Куприна, к тому времени автора повести «Молох» и многих рассказов и очерков, опубликованных в столичной и провинциальной печати, в «Журнал для всех» исходила от Горького. Как известно, Горький внимательно следил за ростом молодых сил в литературе и среди них выделял талант Куприна. В это же время он советует Миролубову привлечь в число сотрудников и Л. Андреева.

Приглашение Куприна в сотрудники «Журнала для всех» последовало в мае 1899 г. Куприн немедленно ответил согласием. Однако первое произведение писателя в «Журнале для всех» было опубликовано только в июле 1901 г. Это был рассказ «В походе» (1901, № 7, позднее печатался под заглавием «Поход»), в основе которого лежат впечатления Куприна от пребывания в армии. В дальнейшем этот рассказ в значительно переработанном виде был использован автором в повести «Поединок». В другом рассказе Куприна, «Трус» (1903, № 1), также изображается жизнь провинциального городка на русско-австрийской границе, по-видимому Проскурова, где писатель проходил военную службу офицером 46-го пехотного Днепровского полка.¹

¹ Всего в «Журнале для всех» А. Куприным было опубликовано три рассказа: «В походе», «Трус» и «На реке» (1901, № 8, позднее печатался под заглавием «Одиночество»).

В «Журнале для всех» Куприн выступил и в качестве рецензента, поместив отзывы о книге стихотворений Г. А. Галиной (1902, № 6) и книге рассказов В. В. Подкольского (1903, № 6) — писателей, в свое время известных, однако, не оставивших сколько-нибудь заметного следа в истории русской литературы.

В этих отзывах Куприн указывает на тонкое чувство природы и личность дарования Галиной, подчеркивает наблюдательность и реалистичность рассказов Подкольского. Деятельность Куприна-критика совершенно не изучена. Поэтому нелишним будет отметить последовательность, с какой он, так же как и в своем художественном творчестве, защищает реалистические позиции в литературе.

Не исключено, что Куприну принадлежат также «Элегии в прозе» («Ночь в Гурзуфе», «Две матери», «Успех», «Одиночество»), опубликованные в «Журнале для всех» (1902, № 5) за подписью «А. К.». Под инициалами «А. К.» в ранние годы творчества Куприн неоднократно выступал в газетах «Жизнь и искусство», «Киевлянин», «Киевское слово», «Волынь» (1894—1899).

Однако в 900-е годы Куприн редко прибегает к псевдонимам, подписывается полным именем. «Элегии в прозе», если они принадлежат Куприну, одно из последних произведений, подписанных этими инициалами.²

Куприн принял участие в «Журнале для всех» не только как автор рассказов и рецензий. С декабря 1901 по февраль 1902 г. он работал в нем также в качестве редактора отдела беллетристики. Уход с поста редактора последовал после женитьбы Куприна на М. К. Давыдовой — дочери А. А. Давыдовой, издательницы журнала «Мир божий» (СПб., 1892—1906), и более тесного сближения писателя с «Миром божьим». Но Куприн не намерен был окончательно порвать с «Журналом для всех». В феврале 1902 г. он писал А. Чехову: «Именно по случаю женитьбы, я оставил занятия в „Журнале для всех“ — не знаю, на время, или навсегда» (А. П. Чехов. Сборник документов и материалов. М., 1947, стр. 135). На прекращение редакторства, очевидно, оказало влияние также недовольство Куприна увлечением Миролюбова религиозно-мистической философией. В том же письме к Чехову он сообщал: «Виктор Сергеевич переживает теперь (впрочем, это между нами) — какое-то странное время. Его религиозные наклонности тянут его к Религиозно-философскому обществу, но в этом обществе он находит одно мракобесие отцов церкви, истерические кривляния Мережковского и ехидное смирение Розанова» (там же).

Как показывают публикуемые письма, Куприн неизменно доброжелательно относился к «Журналу для всех» и его редактору, доверял его оценкам, советовался с Миролюбовым, прежде чем публиковать свои произведения в журнале. «С обоими Вашими замечаниями совершенно согласен», — читаем в письме к Миролюбову от августа 1903 г. «Может статья, что рассказ (речь идет о рассказе «С улицы», — П. Ш.) почему-нибудь Вам нравится, но не очень? Прошу Вас, сообщите мне тогда об этом без всякой церемонии», — пишет ему Куприн 9 июня 1904 г. Показательно также позднее признание Куприна о своих взаимоотношениях с Миролюбо-

² Исследовательница Куприна К. Е. Павловская считает Куприна автором «Элегий в прозе» безоговорочно (см. ее библиографию: А. И. Куприн. Публикация его произведений и литература о нем. «Ученые записки Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского», 1955, т. LIII, стр. 208).

вым как редактором. Рекомендую одного молодого писателя, он писал Миролубову 26 мая 1918 г.: «Я знаю, как Вы строги и как Вы добры к начинающим. Помните, как мило и сурово жучили Вы меня в Ялте за „Труса“?» (ф. 185, оп. 1, № 687, л. 9).

Письма к Миролубову свидетельствуют о том, что связь Куприна с «Журналом для всех» была теснее, чем об этом можно судить по опубликованным в нем произведениям Куприна. Оказывается, некоторые рассказы Куприна, впервые появившиеся в других органах (например, «С улицы» и «Изумруд», опубликованные в «Мире божьем» и третьей книге альманаха издательства «Шиповник»), первоначально предназначались «Журналу для всех». Небольшой гонорар, какой мог выплачивать журнал, и постоянная нужда в деньгах, испытываемая Куприным в начале 900-х годов, были основной причиной появления незначительного числа его произведений в «Журнале для всех».

В то же время, несмотря на финансовые затруднения, «Журнал для всех» неоднократно оказывал материальную поддержку Куприну даже тогда, когда тот не публиковал в нем своих произведений. Так, в 1904 г. Куприн получил аванс в январе, феврале и июне. Ему было выплачено в общей сложности 450 руб. — сумма, по тем временам значительная (ф. 185, № 1319, л. 1 и № 1352, лл. 12—13). Это, в свою очередь, красноречиво говорит об отношении Миролубова к Куприну.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 185, оп. 1, № 687).

1

<9 мая 1899. Киев>

Милостивый Государь!

Я только что приехал в Киев,¹ где (в ред<акции> «К<иевского> С<лова>»²) нашел Ваше любезное приглашение сотрудничать в «Журнале для всех». Не будете ли Вы добры известить меня: куда направлять рукописи и о размерах постр<очной> платы.³

С почт<ением> А. Куприн.

Адрес. Киев, ред<акция> газ<еты> «Жизнь и искусство».⁴

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Весной 1899 г. Куприн ездил в Ялту, откуда, по-видимому в начале мая, вернулся в Киев.

² «Киевское слово» (1887—1905) — ежедневная литературно-политическая и экономическая газета. Куприн сотрудничал в ней периодически с ноября 1893 до конца 1899 г. В газете были опубликованы следующие произведения А. Куприна: очерки «Машинка для сечения», «Киевский Бедлам», «В главной шахте», очерки из цикла «Киевские типы» («Студент-драгун», «Бенефициант», «Днепровский мореход», «Будущая Патти», «Лжесвидетель», «Певчий», «Пожарный», «Квартирная хозяйка», «Заяц», «Доктор», «Ханжушка», «Вор»), рассказы «Ясь» [«Славянская душа»], «Мясо», «Нервы», «Лолли», «Локон», «Святая любовь», «Жизнь», «Ночлег», «Без заглавия», «Кляча», «Странный случай», «Тэки» [«Блаженный»], «Ужас», «На реке», «Чудесный доктор», «Счастливая карта». В момент

получения письма от Миролюбова Куприн работал в другой киевской газете, «Жизнь и искусство».

³ Сотрудничество Куприна в «Журнале для всех» фактически началось лишь с июля 1901 г.

⁴ «Жизнь и искусство» (Киев, 1893—1902) — ежедневная литературно-политическая и художественная газета. Куприн работал в ней с сентября 1894 по май 1900 г. В связи с конфликтом между редактором газеты и группой сотрудников в мае 1895 г. Куприн начинает активно сотрудничать в «Киевском слове», однако в 1896—1899 гг. в «Жизни и искусстве» продолжают периодически появляться отдельные рассказы, очерки и заметки А. Куприна. Вторично постоянным сотрудником газеты А. Куприн становится в мае 1899 г., где по май 1900 г. ведет воскресный фельетон на местные темы «Калейдоскоп». Куприн опубликовал в «Жизни и искусстве» следующие рассказы: «Альза. Легенда» [«Аль-Исса»], «Куст сирени», «Негласная ревизия», «Бездумие», «На разъезде», «Воробей», «Игрушка», «Столетник», «Кушетка» [«Чужой хлеб»], «Дружба» [«Друзья»], «Чары», «Первенец», «Нарцисс» [«Виктория»], «Кэт» [«Прапорщик армейский»], «Барбос и жулька», «Первый встречный», «Недоразумение» [«Путаница»], «Одиночество», «На первых порах» [«На переломе (Кадеты)»].

2

⟨Вторая половина мая 1901. Ялта⟩

Многоуважаемый Виктор Сергеевич!

Вместе с этим письмом посылаю Вам рукопись одного нашего общего знакомого. Рукопись мы читали вместе с С. Я. Елпатьевским¹ и нашли, что она должна произвести впечатление непосредственностью передачи, простотой языка и вообще какой-то наивностью, которой проникнут весь рассказ. Если рукопись подойдет Вам, известите или меня (*я до 20-го Июня* буду жить у Терещенко² в маленькой комнате) или — если позднее, — то С. Я. Елпатьевского. Автор — дебютант, и потому размер гонорара потрудитесь определить сами. Конечно, в случае если рассказ понравится, то я, или Елпатьевский сообщим Вам полное имя автора, а до той поры он, из понятной стыдливости и боязни неудачи, просит сохранить это имя в тайне.

Как Ваше здоровье, Виктор Сергеевич? Я очень радовался за Вас, что Вы уезжали из Ялты поздоровевший и окрепший. Только берегайтесь на севере-то. Жму Вашу руку.

Ваш слуга А. Куприн.

Р. S: Я пробуду в Ялте до 20 Июня, а там поеду в Саратов. Если рукопись не понравится, перешлите ее, будьте добры, мне, или Елпатьевскому, буде это возможно.

Ваш А. К.

Р. P. S. Заглавие рассказа — «С улицы».³

Датируется по содержанию. Саратов, вернее Саратовскую губ., Куприн посетил в конце июня 1901 г. Он побывал в дер. Пановке, имении П. П. Арапова, с женой которого, урожденной Владимировой, был знаком с детства, и ездил в Царицын (тогда входивший в состав Саратовской губ.) для осмотра лесных складов и пристаней после грандиозного пожара в июне 1901 г. До отъезда в Саратовскую губ. Куприн жил в Ялте, куда прибыл 10 апреля 1901 г. (см. его запись в книге книготорговца И. А. Синани — «Огонек», 1945, № 34, стр. 11). Куприн, как вспоминает М. К. Куприна-Иорданская, предполагал пробыть в Ялте «одну, две недели», «но прожил гораздо дольше» («Огонек», 1948, № 38, стр. 19). С конца марта по начало мая 1901 г. в Ялте находился Миролубов. Оттуда он выехал в Нижний Новгород в связи с хлопотами о Горьком, арестованном в ночь с 16 на 17 апреля 1901 г. Упоминание в письме об отъезде Миролубова указывает, что оно могло быть написано не раньше второй половины мая и не позже начала июня 1901 г.

¹ Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854—1933) — врач и писатель, один из сотрудников журнала «Русское богатство», жил в Ялте. Куприн близко сошелся с Елпатьевским и его семьей во время своего приезда в Ялту в 1900 г.

² Терещенко Андрей Степанович — ялтинский торговец, в доме которого часто останавливались приезжавшие в Ялту писатели и литераторы.

³ О каком авторе и рассказе идет речь, выяснить не удалось. Под указанным заглавием в «Журнале для всех» рассказ не появился.

3

<Август 1903>

Многоуважаемый Виктор Сергеевич!

С обоими Вашими замечаниями совершенно согласен: т. е., что надо переменить заглавие и разбить рассказ.¹ Если считаете Вы пустить его в октябре, то время для корректуры еще есть. Я еще сам не знаю, куда поеду из Одессы, но, по приезде, немедленно Вас извещу.

Очень прошу Вас, Виктор Сергеевич, пришлите мне, пожалуйста, еще и последние 50 рублей. По возможности, *телеграфом*. Чрезвычайно нужно, чтобы ехать отсюда. Если останется лишек, отработаю или осенью или в начале 1904 г.

Отчего «Ж<урнал> д<ля> в<сех>» так упорно меня замалчивает.²

Ваш А. Куприн.

Адрес для телеграмм и переводов: Одесса, Ропит¹ Богомольцу³ для Куприна.

Датируется по содержанию. Деньги, высланные Миролубовым по просьбе Куприна, получены последним уже в конце августа или начале сентября (см. письмо 4).

¹ Это условное сокращение «Русского общества Пароходства и Торговли».

¹ О каком рассказе идет речь, выяснить не удалось. В 1903 г. Куприн опубликовал три рассказа: «Трус» («Журнал для всех», 1903, № 1), «Кокотрады» («Русское богатство», 1903, № 11), «В казарме» (сб. «Помощь», СПб., 1903).

² Куприн имел основание упрекать Миролюбова в «замалчивании» его произведений. Критические статьи и рецензии о Куприне в «Журнале для всех» не появлялись.

³ Богомолец Антон Антонович — служащий Русского акционерного общества пароходства и торговли, друг Куприна, близкий знакомый А. М. Федорова, С. С. Юшкевича и других писателей, проживавших в Одессе, член одесской кассы взаимопомощи литераторов.

4

⟨Август—начало сентября 1903⟩

Многоуважаемый Виктор Сергеевич,

Низко кланяюсь и благодарю! Я в Одессе буду до конца сентября. Адрес тот же: Р. О. П. И. Т — Богомольцу — мне. Очень прошу прислать корректуру.¹

Крепко жму Вашу руку

Ваш А. Куприн.

Р. С. «Главный гвоздь» загоню осенью в повесть из военного быта.²

А. К.

Датируется по предыдущему письму.

¹ О какой корректуре идет речь, выяснить не удалось.

² «Повесть из военного быта» — «Поединок». Мысль о повести из военного быта возникла у Куприна еще в 1893 г. (П. Н. Берков. Александр Иванович Куприн. Критико-биографический очерк. М.—Л., 1956, стр. 38—40). Однако вплотную к работе над «Поединком» Куприн приступил только в 1902 г., в апреле—июне им были написаны первые главы. Работа над повестью продолжалась до начала 1905 г. Впервые «Поединок» был опубликован в шестом «Сборнике товарищества „Знание“».

«Главный гвоздь» — видимо, первоначальное название рассказа «В казарме», опубликованного в сборнике «Помощь» (СПб., 1903) и вошедшего затем в XI главу «Поединка».

5

Многоуважаемый
Виктор Сергеевич!

Полученное мною из конторы письмо с уведомлением о принятии к печати моего рассказа, навело меня на некоторые невольные размышления, т⟨ак⟩ к⟨а⟩к я, по правде сказать, думал услышать именно Ваше мнение, которым, как Вам известно, чрезвычайно дорожу.

Может статься, что рассказ почему-нибудь Вам нравится, но не очень? Прошу Вас, сообщите мне тогда об этом без всякой церемонии. Я возьму «Человека с улицы» и пристрою его в ином месте, Вам же в самом скором времени пришлю что-нибудь другое, покороче.¹ Говорю так единственно потому, что не хочу, чтобы между мною и «Журн<алом> для всех» лежала хотя бы слабая тень чего-нибудь похожего на неудовольствие.

«Человеком с улицы» я лично *очень* дорожу и писал его со тщанием, но сам знаю, что на него может быть несколько точек зрения и даже довольно разных. Ввиду этого, не откажите, Виктор Сергеевич, ответить мне два слова на все сказанное выше.

В случае, если рассказ действительно Вам по сердцу, т. е. если я могу с легкой душой оставить его у Вас, не соблаговолите ли Вы, сделав приблизительный подсчет, выслать мне под него 100 руб. (Аванс, уже числящийся за мною = 150 р. + 100 = 250 р., что, при условии 150 р. за лист, составит чуть-чуть менее стоимости рассказа), очень нужны деньги на даче.

Жена шлет Вам поклон² и желает вместе со мною здоровья.

Ваш А. Куприн.

1904 г. 9 Июня. Ст. Преображ<енская> Варш<авской> ж. д. д<ер.> Изори. Куприну.

¹ «Человек с улицы» — первоначальное название рассказа Куприна «С улицы», написан в мае 1904 г. во время пребывания писателя на даче в с. Большие Изори около ст. Преображенской (ныне Толмачово). Рассказ был взят Куприным обратно и опубликован в журнале «Мир божий», (1904, № 12). Другой рассказ в «Журнал для всех» в 1904 г. Куприным не был послан.

² Мария Карловна Куприна-Иорданская (урожд. Давыдова, род. 1880), с 1902 г., после смерти матери А. А. Давыдовой, издательница журнала «Мир божий».

6

<11 апреля 1907>

Дорогой Виктор Сергеевич!

Да! Я разбойник и клятвопреступник. Но «слава мира и лезть богатства поглощают слово».¹ Не хотите ли Вы, чтобы я Вам дал «Немножко Финляндии» — беллетристические наброски — легкие и занимательные?²

Весь Ваш А. Куприн.

Адрес: Гельсингфорс. Henricksgatan, 12, Privathem Siöberg, мне.

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

По моему мнению, Виктор не имеет
а) удовольствия и приятности и не имеет
мнею радости, календаре и не имеет
невозможности радости, так и, не
привести себя, душой и не имеет
всего этого, который, как вы
известно, является дорожкой.

Может статься, что радость может
иметь быть не очень, но не очень?
Проще, вы, сообщите мне тогда
быть такой же, как и у вас. Я
всегда и всегда и всегда, и всегда
и в то же время, вы же не
скажите, сколько времени прошло
и сколько было, которое. Скорее
иногда и иногда, что не
ложу, что и между мной и вами. 2-е 1904 г.

Письмо А. Куприна к В. Миролубову от 9 июня 1904 г.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹Неточная цитата из Евангелия от Матфея, гл. 13, стих 22. Правильно: «Но заботы века сего и обольщения богатства заглушают слово».

²См. примечание к письму 9.

7

<Начало сентября 1907>

Дорогой и уважаемый Виктор Сергеевич,

Простите меня, окаянного. Хотел дать Вам живые, легкие очерки финской жизни, на манер гамсуновского «Немножко Парижа»,¹ и написал уже 12 четвертушек. В тот день, когда телеграфировал Вам о высылке, думал, что закончу в ночь. Но — перечитал — и вот эти листки до сих пор лежат у меня, как упокойники. Ничего не вышло. Вероятно, впечатления были слишком свежи; надеюсь, повременив, все-таки приняться за них. Отдам их непременно Вам и притом даже попрошу иллюстрировать. Напр<имер>: Atheneum,² Alexandergatan,³ Новый театр,⁴ статуя Рунеберга⁵ и пр. Все это есть на открытках. Но, конечно, при условии, если текст вытанцуется.

Теперь я пишу небольшой рассказик «Изумруд».⁶ Это — беговая лошадь, вроде «Рассвета», с такой же судьбой. Пришлю ее непременно Вам. Ставлю одно условие: чур, не вычитать всего гонорара в аванс! Дела мои бамбуковые, п<отому> что доходы с книжек я передал дочери.⁷

Прошу Вас всегда верить моей искренней привязанности к Вам и готовности Вам быть полезным

А. Куприн.

Устюжна.

Датируется по содержанию. Упомянутый в письме рассказ «Изумруд» и помета «Устюжна» позволяют датировать письмо концом августа — началом сентября 1907 г., когда Куприн гостил в имении Ф. Д. Батюшкова Даниловском близ Устюжны (см. письмо Куприна к Ф. Д. Батюшкову от 29 августа 1907 г. — ф. 15125/ХСб. 1, л. 90, и письмо В. А. Тихонову в сентябре того же года — А. И. Куприн, Сочинения, т. 2, М., 1954, стр. 509).

¹Куприн познакомился с очерком Кнута Гамсуна «Немножко Парижа», очевидно, по книге: Кнут Гамсуна. Съеста, очерки. Перевод с норвежского С. А. Полякова. «Скорпион», М., 1900. В полном собрании сочинений Кнута Гамсуна (т. I, изд. В. М. Саблина, М., 1905) очерк «Немножко Парижа» опубликован под названием «Парижские этюды».

²Атенеум — здание музея изобразительных искусств и школы живописи и скульптуры в Хельсинки. Построено по чертежам архитектора Гейера.

³Александровская улица — одна из главных улиц Хельсинки.

⁴Здание финского национального театра в Хельсинки, построенного под руководством архитектора О. Тёрнквиста в 1902 г.

⁵ Рунеберг Иоган Людвиг (1804—1877) — крупнейший финский национальный поэт-лирик и драматург, автор текста государственного гимна Финляндии «Наш край». Памятник ему (работы сына поэта, скульптора Вальтера Рунеберга) поставлен в 1885 г. в Хельсинки.

⁶ «Изумруд» — рассказ, над которым Куприн работал во время пребывания в имени Ф. Д. Батюшкова Даниловском. Опубликован в третьей книге литературно-художественного альманаха издательства «Шиповник» (СПб., 1907). См. следующее письмо.

⁷ В 1907 г. отдельными изданиями произведения Куприна не появлялись. Речь идет, по-видимому, о заключенном в середине 1907 г. соглашении с «Московским книгоиздательством» об издании собрания сочинений Куприна в 12 томах, выходящего в 1908—1917 гг. Дочь — Лидия Александровна Куприна (1902—1926?), в замужестве Леонтьева.

8

<Сентябрь—ноябрь 1907>

Дорогой Виктор Сергеевич,

Простите меня окаянного, Христа ради. Знаю сам, что чудовищно виноват перед Вами и только тем и извиняюсь, что денежные дела мои *ужасны* — и, вот, подвернулся большой гонорар, и я не сумел устоять.¹ Клянусь сернами <?> и полевыми лилиями, что *непременно* дам Вам в этом году Финляндию, очень обработанную мною. Я искренно люблю Вас и предан Вашему журналу — пусть это немного смягчит Ваше справедливое недовольство мною.

Ваш душевно А. Куприн.

Датируется по содержанию. В конце августа—начале сентября Куприн сообщил Миролубову, что очерки о Финляндии почти закончены, но не удовлетворили его. Куприн мог обещать обработать очерки и дать их «в этом году» только после того, как закончил рассказ «Изумруд», т. е. в сентябре—ноябре 1907 г.

¹ Речь идет о рассказе «Изумруд», первоначально обещанном «Журналу для всех» (см. письмо 7).

9

<Конец декабря 1907>

Дорогой Виктор Сергеевич,

2 января отправлю Вам «Немножко Финляндии» или привезу сам, если меня отпустит бронхит.

Жму крепко Вашу руку

Ваш А. Куприн.

Датируется по содержанию. Очерк «Немножко Финляндии» был опубликован в «Нашем журнале» (1908, № 1), заменившем приостановленный цензурой журнал «Трудовой путь» (выходил вместо закрытых «Журнала для всех» и «Народной вестн»).)

И. А. БУНИН

ПИСЬМА к В. С. МИРОЛЮБОВУ

(1899—1904)

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) хранится 17 писем И. А. Бунина к В. С. Миролюбову 1899—1926 гг. В настоящем томе «Литературного архива» публикуется наиболее интересная часть их — письма, относящиеся к периоду сотрудничества Бунина в «Журнале для всех».

Впервые Бунин выступил в «Журнале для всех» со стихотворением «На хуторе» (1899, № 1), вслед за ним было опубликовано стихотворение «Жаль мне юности, задумчивой и нежной...» (1899, № 2). Первое письмо к Миролюбову из хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ написано Буниным 26 апреля 1899 г. Это письмо свидетельствует об уже установившейся связи молодого писателя с «Журналом для всех».

По свидетельству В. Н. Муромцевой-Буниной, И. А. Бунин познакомился с Миролюбовым в Ялте летом 1896 г. во время путешествия в Крым (В. Н. Муромцева-Бунина. Жизнь Бунина. 1870—1906. Париж, 1958, стр. 98). Возможно, свою роль сыграло здесь посредничество Ю. А. Бунина, с которым Миролюбов был знаком еще с 1895 г. (см. письмо Ю. А. Бунина к Миролюбову от 14 апреля 1895 г.— ф. 185, оп. 1, № 339). Сведения Муромцевой-Буниной подтверждает дарительная надпись: «Виктору Сергеевичу Мирову в знак искреннего уважения от Ив. Бунина», сделанная Буниным на своей книге: На край света и другие рассказы. Изд. О. Н. Поповой, СПб., 1897. Мирон — театральный псевдоним Миролюбова.

Публикуемые письма свидетельствуют о тесной связи писателя с «Журналом для всех», поддерживать который он считает своим долгом. Не случайно 1 июля 1901 г., в момент разногласия с Миролюбовым, вызванного недоразумениями финансового порядка, Бунин писал Миролюбову: «...я отдавал предпочтение Вашему журналу не из-за денег». 21 января 1904 г. Бунин повторил: «Поверьте моему искреннему и всегдашнему расположению и к Вам и к Вашему делу».

Необходимо отметить, что жалоба на то, что Миролюбов якобы «немилостив» и уделяет Бунину как поэту «малюсенькое место», прозвучавшая в одном из писем Бунина 1901 г., не совсем основательна. Он был активным сотрудником «Журнала для всех». Бунин остался в стороне от конфликта между Миролюбовым, с одной стороны, и В. В. Вересаевым, А. С. Серафимовичем и Л. Андреевым, с другой, последовавшего в 1904 г. после выступления в «Журнале для всех» критика Волжского. Письма

Бунина к Миролюбову за 1905—1906 гг. не сохранились, но в этот период Бунин продолжает сотрудничать в журнале.

Бунин всегда был строг к себе как писателю. Много внимания уделял он и тщательной отделке рассказов и стихотворений, появившихся в «Журнале для всех». Письма Бунина раскрывают отдельные стороны его эстетических взглядов (см., например, высказывание о назначении картин природы в рассказе «Мелитон» [«Скит»] в письме от 1 июня 1901 г.) и знакомят с историей опубликования некоторых его произведений.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 185, оп. 1, № 337).

1

Одесса, Херсонская, 40
26 апр<еля> <18>99 г.

Дорогой Виктор Сергеевич!

При всем моем горячем желании исполнить Вашу просьбу, я ничего не мог сделать. Честное слово, чуть не десять дней каждое утро пытался настроить себя, и порою мне казалось, что вот-вот выйдет прелестная элегия. Но искорки вспыхивали и гасли, и я только бесплодно мучился, ловя их. Сознание, что я во что бы то ни стало должен написать *хорошее* да еще юбилейн<ое> стих<отворение> умерщвляло во мне всякое чувство. А потом я уж истомился, и Пушкин стал представляться мне врагом. Вы, конечно, рассердитесь на меня, но ради Бога войдите же и в мое положение! Сознаю, что мне нужно было раньше известить Вас об этом, но, право, я все надеялся, что напишу что-нибудь. Пожалуйста, извините меня, а я с своей стороны твердо надеюсь, что [еще] буду гораздо исправнее и талантливее в другой раз. Сегодня я прибег к последнему средству — написал, что перо написало. На всякий случай посылаю его Вам и в Птб., если Вы уже в Птб. Но лучше бросьте в корзину — жалкие стихи!¹

И. Бунин.

¹ В 1899 г. по всей России праздновалась столетняя годовщина со дня рождения А. С. Пушкина. В связи с этой датой намечался выход юбилейных номеров журналов, посвященных Пушкину. «Журнал для всех» в пятом, майском, номере опубликовал несколько статей о личности и творчестве поэта, в их числе статьи П. Конского, Д. Овсяннико-Куликовского, Н. Рожкова, Н. Сумцова и др. Отдел же поэзии был представлен всего одним стихотворением Бунина «26-е мая» («Поэт нам дорог тем, что он. . .»), о котором идет речь в письме. В дальнейшем Бунин не включал это стихотворение в свои собрания сочинений.

2

Одесса. Херсонская, 40, кв. 17.
29 ноября <18>99 г.

Дорогой Виктор Сергеевич! Убедительно и серьезно прошу Вас извинить меня, не сердиться на меня, если только Вы можете поверить мне, что не простая небрежность заставила меня так долго не посылать Вам ничего, что я не шелкопер, взявший аванс и затем ускользнувший. Я пережил очень много скверного. Завтра-послезавтра вышлю Вам несколько стихотворений. Что касается рассказа, то даю Вам теперь слово прислать Вам его очень скоро.¹ Убедительно прошу Вас^a простить меня. Мне очень тяжело думать, что Вы сердитесь на меня — говорю Вам с полной искренностью.

Ваш Ив. Бунин.

Заходил в Птб. — сказали, что Вы в Италии.²

¹ Обещанные стихотворения и рассказ, видимо, не были посланы Миролюбову (см. письмо 4). С мая 1899 по июль 1900 г. произведения Бунина в «Журнале для всех» не печатались. В 1900 г. в нем были опубликованы стихотворения «Ночь печальна, как мечты мои...» и «Снова сон, пленительный и сладкий...» (№№ 8 и 9). Первый же рассказ Бунина появился в «Журнале для всех» лишь в 1901 г. (№ 7). Это был рассказ «Скит» (в дальнейшем печатался автором под заглавием «Мелитон»).

² Миролюбов лечился в Италии с 20-х чисел сентября по начало ноября 1899г.

3

<Октябрь 1900>

Дорогой Виктор Сергеевич, посылаю Вам 5 стих<отворений>.¹ Если хотите их напечатать (все или по выбору — как угодно), имейте в виду, что все они входят в мою книгу, которая должна выйти в середине ноября или, м<ожет> б<ыть>, числа 20-го. Денег мне за них, конечно, не надо. Жму руку!

Ваш Ив. Бунин.

Измалково, Орловск<ой> губ.²

Датируется по содержанию. Во второй половине октября 1900 г. Бунин выехал за границу и посетил Францию, Германию и Швейцарию. До отъезда им была сдана издательству «Скорпион» рукопись сборника стихотворений «Листопад». Как свидетельствует переписка Бунина с В. Я. Брюсовым, первоначально предполагалось, что «Листопад» уже

^a В подлиннике ошибочно Вам.

в ноябре 1900 г. выйдет в свет. Однако издание затянулось до начала 1901 г. (цензурное разрешение от 2 декабря 1900 г.).

¹ Все пять стихотворений, о которых пишет Бунин, были опубликованы Миролюбовым: «Как светла, как нарядна весна!..», «Степная ночь» («Могилы, ветряки, дороги и курганы...») и «Нынче ночью кто-то долго пел...» («Журнал для всех», 1900, № 12), «Звезды ночью весенней нежней...» и «Открыты жнивья золотые...» (там же, 1901, № 1). Эти стихотворения вошли и в сборник «Листопад» («Скорпион», М., 1901).

² Вблизи ст. Измалкова в с. Глодове находилось имение Софии Николаевны Пушешниковой — двоюродной сестры отца Бунина. У Пушешниковой Бунин часто гостил в летнее время.

4

⟨Январь—февраль 1901⟩
Птб. Пушкинская, 5, кв. 27.
Или лучше — ред⟨акция⟩,
«Жизни».¹

Многоуважаемый Виктор Сергеевич!

Нынче был у Вас в редакции² и жалею, что не застал Вас. Хотел сказать, что больно уж Вы немилостивы ко мне: уделяете мне среди Ваших поэтов такое малюсенькое место. И отчего Вы выкинули мое общее заглавие? Я думал, что 5 таких маленьких стихотв⟨орений⟩ Вы напечатаете в одной к⟨ниге⟩, а 6-ое в другой, и предполагал дать Вам еще стихов — кажется, недурных.³ Но видно Вам стихи мои не по вкусу. Думаю дать рассказик.⁴ Вообще мне очень хочется поскорее уплатить Вам долг — извините, что так задержался. Приезжал в Птб. недели на две.

Ив. Бунин.

Датируется по содержанию. Последние два стихотворения Бунина из числа посланных Миролюбову в октябре 1900 г. были опубликованы в № 1 «Журнала для всех» за 1901 г., следовательно, письмо могло быть написано не ранее января—февраля 1901 г., когда Бунин смог увидеть свои стихотворения в журнале.

¹ «Жизнь» — литературный, научный и политический журнал, издавался в Петербурге (1897—1901). До 1899 г. «Жизнь» не выделялась из числа второстепенных изданий своего времени. С обновлением редакции и сотрудников журнал стал одним из органов легального марксизма. Печатал в «Жизни» свои статьи и В. И. Ленин. В отделе художественной литературы журнала принимали участие М. Горький, В. Вересаев, Е. Чириков, С. Гусев-Оренбургский, А. Чехов, Л. Андреев, А. Серафимович, С. Скуталец. Как свидетельствует один из редакторов «Жизни» В. А. Поссе, Бунин был привлечен к сотрудничеству в журнале по настоянию М. Горького и занял там как поэт ведущее положение. С сентября 1900 по апрель 1901 г. в «Жизни» опубликовано 14 стихотворений и 3 рассказа Бунина, в том числе поэма «Листопад», посвященная М. Горькому и высоко оцененная последним. Позднее Бунин снял посвящение.

² Адрес редакции «Журнала для всех»: Петербург, Спасская (ныне Рылеева) ул., д. 26

³ См. примечание 1 к письму 3. Какое общее заглавие цикла имеет в виду Бунин, не выяснено. Шестое стихотворение, очевидно, все же было опубликовано Миролюбовым (см. примечание 9 к письму 5).

⁴ Видимо, рассказ «Скит», опубликованный в «Журнале для всех» (1901, № 7).

5

Малаховка,¹ 1 июня 1901 г.

Спасибо, дорогой Виктор Сергеевич, за доброе товарищеское письмо, — мне переслали его сегодня из тульской Лукьяновки. Рад, что «Скит» Вам понравился, — постараюсь угодить и на август.² Кстати сказать про природу, которой, насколько я Вас понял, я чересчур предан: это немного неверно, я ведь о голый и протокольно о природе не пишу. Я пишу или о красоте, т. е. значит, все равно, в чем бы она ни была, или же даю читателю, по мере сил, с природой часть своей души. Всякий пишет по-своему, и пусть Мамин³ пишет о том-то, Горький о том-то, а я о своем. И разве часть моей души хуже какого-нибудь Ивана Петровича, которого я изображу? Это у нас еще старых вкусов много — все «случай», «событие» давай. А за всем тем и я не отказываюсь от людей, и о них буду писать. Что же касается «Поздней ночи» в «Северных цветах»,⁴ то я и не думал касаться своей семейной жизни. Там *настроение* — общечеловеческое, и фигурируем в нем вовсе не мы с Анной Николаевной,⁵ — никогда в жизни у нас и подобного ничего не было. Еще Лермонтов с горечью писал предисловие к «Герою нашего времени» о том, как читатель все на автора сваливает.⁶

Затем о делах. «Жизнь» меня очень беспокоит, но май все-таки выйдет одновременно с июньск<ой> кн<игой>,⁷ — для мая уже взяли 2 моих стих<отворения>, а на июнь я посылаю им рассказ.⁸

В начале августа думаю быть в Питере. Где будете?

Пошляю Вам 4 стихотв<орения>,⁹ — извините за опоздание, — тут меня немного ограбили стихами Гольцев¹⁰ и Фейгин.¹¹

Напоминаю Вам о том, что у Вас есть еще 2 моих стиха: «Я помню взор. . .» и «Апокалипсис». ¹² Если возьмете эти, будет 6. Не пугайтесь сего количества — больше не буду беспокоить до просьбы. А все-таки буду рад, если задерживать не будете. Потом найдется еще.

Может быть
о судьбах
пролетария.

В/Ильинский от 11 июня 1901 г.
Кавказская, 1 июня 1901 г.

Спасибо, дорогой Виктор Сергеевич, за
доброе, добрыми сердцем письмо, — мне переписать
его и отнести на фамилию Лукьяновна. Разъ,
тв. "Судья" Павел поправил, — постарается
угодить и на авуцу. Керази скажут про
природу, которой, насколько я Вас полюбил, я
через-чур предан: это немало известно, в
книжке о Волге и протоколах о природе не
пишу. Я пишу или о красоте, в.с. Жуков,
все равно, в чем-то она не была, или — не
дан горами, но иду с ней, в тугодой
части свои души. Вальки пишут по своему
и пишут какому писателю о том же, Губкин
о том же, а.с. о своем. И разд. части
моей души душе какому-нибудь Ивану
Митровичу, которого я ищущу? Это
у нас еще сфарма, вху сох. и.а.но — все
"Судья", "События" давай. А я ведь не

Письмо И. Бунина к В. Миролубову от 1 июня 1901 г.

А теперь самое неприятное — деньги. Прикажите, пожалуйста, мне составить счет и не платите, если можно, дешево за рассказы. Вы знаете, Виктор Сергеевич, что у меня и нет денег от того, что, право, я далеко не жаден и что я не стал бы торговаться с «Журналом для всех», если бы сам не нуждался. К тому же работаю я добросовестно, отделяю и выпускаю вещи небольшие. В других местах мне платят 150 р. за 38 тысяч букв. Сообщите мне Вашу цену, чтобы быть мне в известности. Пожалуйста, пришлите мне 50 рублей — ведь все равно я заработаю их, пришло на август, а также на сентябрь или октябрь. Дам и для последней, — декабрьской книжки.

Пришлите не 50, а 42 рубля, потому что сейчас пришел Телешов¹³ и говорит: «Я должен „Журналу для всех“ 8 р., нельзя ли перевестись, т. е. я тебе дам эти 8 рублей, а с тебя пуская вычтут».

Можно?

Адрес: Москва, Чистые Пруды, д. Терехова, квартира Н. Д. Телешова, Ивану Алексеевичу Бунину.

Пожалуйста!

Ваш Ив. Бунин.

Вожалуйста, корректуру «Скита».¹⁴

Жду ответа о стихах и прочем.

Письмо впервые опубликовано в «Новом мире» (1956, № 10, стр. 202—203).

¹ Малаховка — дачная местность под Москвой.

² Какой рассказ намеревался Бунин дать Миролюбову, не установлено. В восьмом номере «Журнала для всех» (1901) был опубликован рассказ «Руда», предназначавшийся ранее для журнала «Жизнь».

³ Мамин — Д. Н. Мамин-Сибиряк (1852—1912), известный русский писатель.

⁴ «Поздней ночью» — рассказ Бунина, впервые опубликованный в альманахе «Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством „Скорпион“». Альманах выходил в Москве в 1901—1904, 1911 гг. и объединял писателей символистского лагеря. В «Северных цветах на 1901 год» выступил также и А. П. Чехов с рассказом «Ночью». Он был привлечен в альманах Буниным, который по собственному признанию в письме В. Я. Брюсову в феврале 1901 г., «уговорил» Чехова дать рассказ «Северным цветам». Позднее Бунин и Чехов в альманахе не сотрудничали.

⁵ Анна Николаевна (род. 1879) — жена Бунина, урожденная Цакни, дочь греческого революционера-эмигранта, проживавшего в Одессе.

⁶ Имеется в виду следующее место из предисловия М. Ю. Лермонтова: «Эта книга («Герой нашего времени», — П. Ш.) испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой

портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка!» (М. Ю. Лермонтов, Сочинения, т. 6, Л., 1957, стр. 202).

⁷ В апреле 1901 г. ряд редакторов и сотрудников «Жизни» (редактор-издатель М. С. Ермолаев, редактор В. А. Поссе, секретарь редакции С. А. Горюшин, поэт А. А. Богданов и др.) были арестованы, а журнал временно приостановлен. Подготавливаемые к печати майская и июньская книги не вышли, 8 июня того же года постановлением четырех министров издание «Жизни» было запрещено. Какие стихотворения Бунина были приняты для майской, не вышедшей, книги журнала, не установлено.

⁸ Для июньского номера Бунин предназначал рассказ «Руда», переданный им затем Миролюбову.

⁹ Во второй половине 1901 г. в «Журнале для всех» опубликовано пять стихотворений Бунина: «В июле» («Не слышали еще тяжкого грома за лесом...») — № 7, «Надпись на могильной плите» («Ночь, Господи, грехов и злодеяний...») — № 8, «Ночь» («Стояли ночи северного мая...») — № 8, «Эпиталама. К. Д. Бальмонт» («Озарен был сумрак мрачный...») — № 9, «Был поздний час, — и вдруг над темной...» — № 12, «Аккерманские степи. Из „Крымских сонетов“ Мицкевича» («Выходим на простор степного океана...») — № 12.

¹⁰ Гольцев Виктор Александрович (1850—1906) — видный публицист и критик, редактор журнала «Русская мысль». Бунин, видимо, имеет в виду стихотворения «Высоко в просторе неба...», «Не затем ли ты возникла...» и «Дымится поле, рассвет белеет...» [«С кургана»], опубликованные в «Русской мысли» (1901, №№ 6, 8).

¹¹ Фейгин Яков Александрович — редактор-издатель московской газеты «Курьер». Бунин начал печататься в «Курьере» в конце 1900 г. (стихотворение «В пустынной вышине, в открытом океане небосклона...» — «Курьер», 1900, № 356, 24 декабря). В письме идет речь, по-видимому, о двух стихотворениях цикла «Весной»: «Отошли закаты на далекий север...» и «Облака, как призраки развалин...» («Курьер», 1901, № 179, 1 июля).

¹² «Я помню взор...» — стихотворение «Спокойный взор, подобный взору лани...» (первая строка, очевидно, изменена в корректуре), опубликовано в «Журнале для всех» (1901, № 6); «Апокалипсис» — стихотворение «Слава Господу. Апокалипсис, гл. IV» («1. И я узрел: отверста дверь на небе...»), опубликовано в «Журнале для всех» (1902, № 3).

¹³ Телешов Николай Дмитриевич (1867—1957) — писатель, организатор кружка молодых писателей «Среда», участник «Сборников товарищества „Знание“», с 1923 г. бессменный директор музея МХАТ им. М. Горького. Бунин познакомился с Телешовым в 1896 г. на одном из субботников в редакции журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок», в тихомировском кружке, собиравшем лучшие литературные силы Москвы, в том числе молодых писателей и поэтов. С момента организации «Среды» Бунин играет заметную роль в ней.

Приезжая в Москву, Бунин неизменно бывал в доме Телешова и жил на его даче в Малаховке. В начале 900-х годов Телешов устроил там первую в России деревенскую гимназию для детей крестьян, рабочих и служащих-железнодорожников, передав ей собственный дом и земельный участок (ныне Московский областной техникум физической культуры). Переписка Бунина с Телешовым не прекращалась и в период эмиграции поэта.

¹⁴ Рассказ «Скит» опубликован в «Журнале для всех» (1901, № 7).

6

18 июня 1901 г.

Почт<овая> ст. Лукьяново
Тульск<ой> губ., Ефремов-
ск<ого> у<езда>.

Дорогой Виктор Сергеевич! 42 руб. я получил и очень благодарю Вас. Берете ли Вы стихи, которые я послал Вам? Судя по Вашему молчанию — да, но все-таки будьте добры черкнуть, а то неопределенное положение. Стасюлевич¹ и «Нива»² взяли у меня по большому стихотв<орению> и просят еще. А теперь относительно рассказа на август. Я решил отдать Вам то, что дал было для июня погибшей «Жизни» — «Покров Богородицы». ³ Пошлите или возьмите сами из «Жизни» этот рассказ — только очень прошу Вас сделайте это поскорее, а то боюсь — рассказ там затеряется, а я считаю, что это лучшее из того, что я написал. Черновик, правда, остался, но при переписке я сделал еще изменения. Будьте же добры взять и сообщите мне, годится ли он Вам для августа. Вещь небольшая.

Возвратился брат⁴ из-за границы, и сегодня мы уезжаем в деревню. И брат, и Телешов шлют Вам поклон. Адрес мой теперь будет — Лукьяново — он написан в начале этого письма. Повторяю просьбу относительно оттисков «Скита». Нельзя ли также выслать мне июльскую книгу «Жур<нала> для всех» в Лукьяново? ⁵ Не забудьте эту просьбу.

Желаю Вам всего лучшего и крепко жму Вашу руку
Ваш Ив. Бунин.

¹ Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — публицист, историк и общественный деятель. В 1865—1908 гг. издавал и редактировал журнал «Вестник Европы». В 1901 г. Бунин опубликовал в нем только одно произведение — отрывок перевода драмы Байрона «Манфред»: «В коллизе. Монолог Манфреда. Из Байрона» (№ 8).

² «Нива» (Пб., 1870—1918) — еженедельный иллюстрированный журнал, имел ежемесячные литературные приложения. Бунин печатался в «Ниве» и приложениях к ней с 1896 г. В 1901 г. в «Ниве» произведения Бунина не появлялись, в приложениях же им было помещено два стихотворения: «На горах» («Пока я шел, я был так мал!..») — № 9 и «Гроза» («Перед грозой в Петровке, жаркой ночью...») — № 12. Бунин, видимо, имеет в виду первое из указанных стихотворений.

³ См. примечание 10 к письму 8.

⁴ Бунин Юлий Алексеевич (1858—1921), старший брат поэта, друг Н. Д. Телешова, заведовал редакцией и сотрудничал в журналах «Вестник», «Школа и жизнь», был председателем московского общества деятелей периодической печати и литературы, с 1909 г. — директором Литературно-художественного кружка в Москве. Он был близок объединению

«Среда», принимал участие в делах «Книгоиздательства писателей в Москве».

⁵ В «Журнале для всех» (1901, № 7) опубликованы рассказ Бунина «Скит» и стихотворение «В июле» («Не слышать еще тяжкого грома за лесом...»).

7

Почт<овая> ст. Лукьяново
Тульск<ой> губ., Ефремов-
ск<ого> у<езда>.

Многоуважаемый Виктор Сергеевич!

Пожалуйста, возьмите из редакции «Жизни» мой рассказ «Покров Богородицы». Я совершенно ничего не знаю о намерениях Колпинского.¹ Понадобится ему — дам другое. В «Жизнь» пишу об этом. Если возьмете для «Журн<ала> для всех» рассказ — непременно дайте мне корректуру. Да, пожалуйста, не вычеркивайте ничего из моих произведений, не сообщив мне об этом.

Брат Вам кланяется.

Ваш Ив. Бунин.

27 июня 1901 г.

¹ Колпинский Александр Егорович (ум. 1919) — инженер-технолог, пайщик журнала «Жизнь», принимавший активное участие в делах журнала, некоторое время заведовал издательством О. Н. Поповой; был близко знаком с М. Горьким. В 1919 г. расстрелян в Выборге белофиннами.

8

<Конец июня—начало июля 1901>
Лукьяново, Тульск<ой губ.>.

Уважаемый Виктор Сергеевич, Вы написали мне очень обидное письмо, но пока как-то не хочется думать, чтобы Вы намеревались действит<ельно> обидеть меня за все расположение, которое я проявлял к Вам и журналу. Очень хотел бы, как это ни курьезно, письменными доказательств<ами> засвидетельствовать правоту своих слов, — не потому, конечно, чтобы мне был приятен этот спор о деньгах, — а потому, что уж очень дико слышать мне обвинение во лжи! Но под рукой у меня только письмо Богдановича, отрывок которого посылаю.¹ Могу прибавить еще, что «Скорпион»² заплатил мне за рассказ в «Сев<ерных> цветах»³ 35 р. за 128 строк, что «Нива»⁴ предлагала мне 150 р., Меньшиков⁵ — 125 р. за лист, а Карич⁶ просила дать хоть 50 строк за 100 р. Можете, если угодно, справиться у назв<анных> лиц. Явно, значит, что я отдавал предпочтение Вашему журналу не из-за денег.

Я думал, что поддерживаю журнал не деньгами, а своим участием и именем, которое появляется почти 15 лет в лучших журналах.⁷

Против 12½ коп. ничего не имею, но что же укорять меня за них, если Вы даже начинающим, напр<имер>, Л. Андрееву,⁸ очень талантливому, но все же начинающему, платили столько же? А главное — я ведь не торговался, а написал к Вам просто и по-товарищески — и вдруг упреки в скупости! Все это, конечно, очень неприятно и обидно...

Еще раз прошу — будьте добры прислать мне счет. По-моему, выходит так:

Стихи: На хуторе — 12 стр<ок>
 Жаль мне юности — 20
 Пушкину — 12

Всего — 44 стр<оки>, по 30 к. = 13 р. 20 к.

Затем, Вы мне сказали осенью, что будете платить мне 50 к., и за следующие стихи я считаю отдельно:

Снова сон	— 8 стр<ок>		
Звезды ночью	— 12	Ночь печальна	— 8
Как светла	— 8	2 стих<отворения>	
Нынче ночью	— 20	Шевч<енко>	— 16
Зеленоватый свет	— 12	Спок<ойный> взор	— 8
Степная ночь	— 16	Весенний вечер	— 20
Открыты жнивья	— 20	Из Апокалипс<иса>	— 52
Примирение	— 16	Стояли ночи	— 16
		Эпиталама	— 20
		Надпись	— 16
		Не слышать еще	— 8

276 = 138 р.

Последние 5 стих<отворений> я еще не видал в печати,⁹ но ведь это все равно? Поэтому за стихи мне приходится всего 151 р. 20 к. Да за «Скит» — 50 р. 25 к. Итого 201 р. 20 к. Взято же мною у вас всего 175 р. (100 + 25 + 50).

«Жизнь», которая не прислала мне счета — по-моему, я меньше должен — и самовольно арестовала мой рассказ, меня просто изумила. Как это еще отдала! Пишу им, жду счета. Очень жалею, что у рассказа такое заглавие, что нельзя в августе. Нельзя ли переменить заглавие и поставить в сентябре?¹⁰ На авг<уст> я, должно быть, опоздал уже. Будьте добры выслать мне июльск<ую> кн<игу> «Журнала».

Уважающий Вас

Ив. Бунин.

Р. С. О вычеркиваниях я потому написал Вам, что не нашел в «Ските» трех последних строк. Кроме того, выкинуто слово «выпукло» (про петуха).¹¹

До 14-го июля я здесь, после — Москва, Арбат, Старокошюшенный пер., д. Михайлова, «Вестник Воспитания».

Датируется по содержанию. Из пяти стихотворений, которых Бунин «еще не видал в печати», стихотворение «В июле» («Не слышать еще тяжкого грома за лесом...») опубликовано в «Журнале для всех» (1901, № 7) вместе с рассказом «Скит». Датировку письма подтверждает также просьба Бунина выслать ему июльскую книгу «Журнала для всех».

¹ Богданович Ангел Иванович (1860—1907) — публицист и критик, секретарь редакции журнала «Мир божий». Упомянутый отрывок письма Богдановича в архиве Миролюбова не сохранился.

² «Скорпион» (М., 1900—1916) — книгоиздательство, группировавшее вокруг себя писателей символистского лагеря. В издательстве «Скорпион» в 1901 г. был издан сборник стихотворений Бунина «Листопад». Переговоры Бунина со «Скорпионом» об издании книг «На край света и другие рассказы» (2-е изд.), «Песнь о Гайавате» и сборника новых стихотворений и рассказов, предпринятые во второй половине 1901 г., не увенчались успехом. В дальнейшем Бунин в «Скорпионе» не сотрудничал.

³ В «Северных цветах на 1901 год» опубликован рассказ Бунина «Поздней ночью».

⁴ См. примечание 2 к письму 6.

⁵ Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918) — реакционный журналист и критик, основной сотрудник газет «Неделя» и «Новое время». Беспринципными верноподданническими статьями Меньшиков заслужил среди литераторов своего времени кличку «Иудушка». Яркую характеристику Меньшикову дал В. И. Ленин: «Верный сторожевой пес царской черной сотни» (Сочинения, т. 17, стр. 67), «наемный писака черносотенного царского правительства» (там же, стр. 100). Бунин печатался с 1888 г. в издававшемся газетой «Неделя» журнале «Книжки недели», который редактировался при участии Меньшикова. В 1900 г. в журнале были опубликованы два стихотворения Бунина: «Осень» («Таинственно шумит лесная тишина...») — № 9 и «На распутье» — № 10. В «Новом времени», «Неделе» и «Книжках недели» проза Бунина в эти годы не публиковалась.

⁶ Карич — псевдоним Елизаветы Фелициановны Яковлевой (род. 1868), писательницы и переводчицы, издательницы журнала «Отдых».

⁷ Бунин впервые выступил в печати в иллюстрированном еженедельном журнале «Родина» (1887, № 8, 22 февраля) со стихотворением «Над могилой С. Я. Нодсона».

⁸ Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — известный писатель и драматург.

⁹ Эти стихотворения опубликованы в «Журнале для всех»: «Из Апокалипсиса» — полное название «Слава Господу. Апокалипсис, гл. IV» («1. И я узрел: отверста дверь на небе...») — 1902, № 3; «Стояли ночи» — «Ночью» («Стояли ночи северного мая...») — 1901, № 8; «Эпиталама» — «Эпиталама. К. Д. Бальмонту» («Озарен был сумрак мрачный») — 1901, № 9; «Надпись» — «Надпись на могильной плите» («Несть, Господи, грехов и злодеяний...») — 1901, № 8; «Не слышать еще» — «В июле» («Не слышать еще тяжкого грома за лесом...») — 1901, № 7.

¹⁰ Речь идет о рассказе, названном Буниным вначале «Покров богородицы». Совпадение этого заглавия с наименованием христианского празд-

ника в августе вызвало у Миролюбова опасение цензурного запрета. Рассказ был опубликован в «Журнале для всех» (1901, № 8) под заглавием: «Руда. Из книги „Эпитафии“». Впоследствии публиковался под заглавием «Эпитафия».

¹¹ Имеется в виду фраза: «А потом в окна потянуло свежестью, в пруде заквакали лягушки, и петух, сильно захлопав крыльями, заорал в сенцах хриплым спросонья басом» («Журнал для всех», 1901, № 7, стр. 822). В последующие издания Бунин внес опущенное слово: «...петух, сильно и выпукло захлопав крыльями...» (И. Бунин, Собрание сочинений, т. 1, М., 1956, стр. 224). Три последние строки в рассказе «Скит» не были восстановлены.

9

<Декабрь 1901—январь 1902>

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Благодарю Вас за деньги и обращаюсь к Вам с другой просьбой: прошу Вас как-нибудь загладить ошибку г. Оранского,¹ — напечатать что ли поправку, — ошибку, возмутительную принципиально. Оранский напечатал у Вас заметку о двух моих книжках, о «Стихах и рассказах» и о «На край света», отнеся их *обе* к числу книг^а для детей. Не говорю уже о том, что Оранский с необыкновенной снисходительностью толкует обо мне, точно мне не 30 лет, а 10 и точно я вчера начал печататься, — странно то, что он, видимо, не читал «На край света». Если уж он такой мало сведущий человек в маленькой истории литературы последних лет, если он не видал ни одного из рассказов «На край света», когда они печатались в толстых журналах, если он не заметил, что книга издана пять лет тому назад и на ней вовсе не значится, что это издание для детей, почему он не прочитал ее, прежде чем поощрять меня? В «На край света» вторым рассказом идет очень большой рассказ «На даче», изображающий толстоцев, полный интеллигентных споров и всего прочего, решительно дикого для детей.² Почему же Оранский не рекомендовал и этот рассказ маленьким читателям? Одним словом, разъяснить всю эту ошибку мне нет охоты, но должен сказать Вам, что я очень обижен «Журналом для всех», и очень огорчен, встретив еще раз яркий пример той репортерской распушенности, которая царит у нас в «критике».

Уважающий Вас

Ив. Бунин.

^а В оригинале ошибочно книгу.

На днях уезжаю в Одессу, но постоянный мой адрес такой: Москва, Арбат, Староконоюшенный, дом Михайлова, редакция «Вестника Воспитания».

Датируется по содержанию. Рецензия Н. Оранского на книги Бунина «На край света» и «Стихи и рассказы» напечатана в «Журнале для всех» (1901, № 12; цензурное разрешение дано 28 ноября 1901 г.).

¹ Н. Оранский — псевдоним писателя-народника Николая Николаевича Златовратского (1845—1911).

² Рассказ «На даче» (1895) был опубликован в книге Бунина: На край света и другие рассказы. Изд. О. Н. Поповой, СПб., 1897.

10

<Ницца>. Janvier 21 1904.

Многоуважаемый Виктор Сергеевич, не писал я Вам от стыда, что не исполнил своего обещания. Очень прошу — извините, главное — не настраивайтесь враждебно против меня. При первой возможности — думаю, — очень скоро, — заглажу свою вину — пришлю и стихов и рассказ.¹ Никаких «новых» связей (за исключением «Правды»,² в которой я читаю беллетристику и стихи) я не заводил и тем более не намереваюсь порывать «старых» связей. Поверьте моему искреннему и всегдашнему расположению и к Вам и к Вашему делу.

Живу уже около 2-х недель в Ницце. Приехал сюда, конечно, тотчас же простудился. Теперь поправляюсь, но чувствую себя еще плохо. Погода — для Ниццы — так себе.

Крепко жму Вашу руку и очень прошу Вас написать мне сюда:

I. Bounine, Nice, France, poste restante.

¹ В 1904 г. в «Журнале для всех» были опубликованы стихотворения Бунина: «Не туман белеет в темной роще...» (№ 7) и «Склон гор» (№ 8). Обещанный рассказ не был прислан.

² «Правда» (М., 1904—1907) — ежемесячный социал-демократический журнал искусства, литературы и общественной жизни. К концу своего существования превратился в меньшевистский орган. Бунин заведовал литературно-художественным отделом «Правды», но в 1905 г. из-за разногласий с редакцией ушел из журнала.

К. Д. БАЛЬМОНТ

ПИСЬМА к В. С. МИРОЛЮБОВУ

(1894—1907)

Бальмонт был одним из наиболее деятельных сотрудников «Журнала для всех». Это объяснялось сочувственным отношением Миролюбова к творчеству талантливого поэта и их дружескими связями.

Публикуемые письма помогают нам уяснить литературную позицию поэта в начале XX в. и характеризуют его стиль.

Под воздействием общественного подъема в стране Бальмонт в отличие от писателей-декадентов, группировавшихся вокруг салона Д. Мережковского и З. Гиппиус, стремился сделать символистскую поэзию достоянием широких слоев читателей (несколько позднее ту же позицию занял и В. Брюсов). Писать «для всех» — вот основное желание, выраженное Бальмонтом в письмах к редактору демократического журнала.

И хотя содержание стихотворений Бальмонта в первые годы его сотрудничества в «Журнале для всех» не претерпело заметных идейно-художественных изменений, его соратники по перу, боясь ухода поэта из своего лагеря, резко встретили эти выступления и дали отрицательную оценку самого журнала. Так, А. Крайний (З. Гиппиус) писал о нем: «В этом литературном „омнибусе“, где даже г. Бальмонт после некоторого стихотворного колебания решает быть „как все“, — г. Андреев и компания свили, по-видимому, прочное гнездо» («Новый путь», 1903, № 2, стр. 186). Однако опасения Гиппиус были несостоятельны. Ни в 1902 г., ни позднее Бальмонт не мог писать «для всех». Его стихи, ограниченные узким кругом тем и символистской поэтикой, были весьма далеки от читателя миролюбовского журнала. В письмах к редактору «Журнала для всех» поэт часто жалуется на то, что тот редко публикует его стихотворения.

В 1905—1907 гг. Бальмонт пытался откликнуться на современность, но стихотворения его свидетельствовали о непонимании им классовой борьбы: революция для него — только столкновение сильных и слабых. И все же, несмотря на ограниченность мировоззрения и неясность представления о смысле и задачах революции, произведения Бальмонта эпохи первой русской революции являются ярким свидетельством несомненно благотворного воздействия революционных событий на ряд ранее далеких от политики литераторов.

Как и в 1902 г., не замедлили появиться критики, яростно порицающие Бальмонта. Они не могли простить ему сотрудничества в большевистской газете «Новая жизнь» и его явное сочувствие к рабочим. Публикуются пародии, злобные фельетоны, рецензии, преследующие цель,

используя несовершенство новых стихов, снизить в глазах читателя их значение. Характерным примером служит рецензия В. Брюсова на сборник Бальмонта «Стихотворения» (СПб., 1906, Дешева библиотека «Знания», цена 3 коп.), куда вошли стихотворения, посвященные революционному пролетариату («Русском рабочему», «Рабочие всех стран, соединитесь!» и др.). Пафос выступления Брюсова не столько в критике художественных недостатков сборника Бальмонта, сколько в осуждении поэта за выбор «новых сотоварищей социал-демократов» (намек на сотрудничество Бальмонта в «Новой жизни»).

В этой рецензии Брюсов обрушился также на М. Горького, как руководителя издательства «Знание», вокруг которого группировались писатели-реалисты. Брюсов осудил Горького за публикацию стихов Бальмонта: «В грядущем жемчуга и алмазов выбрать зерна грязи и выставить их как драгоценность, — это, конечно, настоящее дело для поощрителей гг. Куприных, Серафимовичей, Юшкевичей, Гусевых-Оренбургских и прочих российских бездарностей» («Весы», 1906, кн. 9, стр. 55); о Брюсове и Горьком см. статью: Э. С. Литвин. Горький и Брюсов. К истории личных и литературных отношений. «Труды Ленинградского библиотечного института им. Н. К. Крупской», 1957, т. 2, стр. 79—100).

Отпор подобным выступлениям дал М. Горький, одобрительно встретивший поворот поэзии Бальмонта в сторону сочувствия пролетариату (о Горьком и Бальмонте см. примечание 5 к письму 23). В газете «Новая жизнь» (1905, № 14, 16 ноября) М. Горький напечатал свою статью «По поводу», в которой защищал Бальмонта от нападок враждебной критики. Он писал, что поэт «предал проклятью... суетливую, бесцветную жизнь, полную лжи, прикрытой выцветшими словами; тоскливую жизнь полумертвых людей» и «почувствовал, что на земле есть люди, кроме мещан, отравивших всю жизнь своею пошлостью, почувствовал силу пролетария и поклонился ему искренним поклоном поэта».

Однако «свободомыслие» Бальмонта и его борьба против мещанства не были глубокими. Об этом свидетельствует письмо поэта Л. Н. Вилькиной-Минской от 5 ноября 1905 г., дающее оценку первой статьи М. Горького «Заметки о мещанстве». Свое участие в «Новой жизни» Бальмонт не воспринимал как разрыв с символистами. «Первый номер „Новой жизни“, — писал он, — меня глубоко возмутил. Статья М. Горького есть отвратительное и бездарное хулиганство, направленное против нас всех и против самого редактора газеты Минского» (ф. 39, оп. 3, № 823).

Увлечение Бальмонта «революционной поэзией» также оказалось кратковременным. Любовь к «нежной фиалке» вытеснила в его поэзии революционные мотивы (см. письмо 26). В 1907 г. он был уже далек от восторженных порывов 1905 г.

Сам поэт справедливо объяснял свое увлечение воздействием общественного подъема в стране. В одном из писем к Г. Г. Бахману он писал в 1907 г.: «Я никогда не был демагогом и никогда не буду. А определенный исторический момент не мог меня не взволновать, и я не мог так или иначе не отозваться на него. Может не выразительно отозвался, но только знаю, вполне чистосердечно» (ф. 22, № 78, л. 28).

Бальмонт сотрудничал в журналах Миролубова вплоть до 1908 г. В дальнейшем встречи и переписка Бальмонта и Миролубова носят случайный характер. После Октябрьской революции Бальмонт стал эмигрантом.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 185, оп. 1, № 256). Письма 8—20 и 22—26 — машинопись; подписи и правка — рукой Бальмонта.

1

Севастополь, 14 июня <1894>¹

Ночью лунной звезды меркнут. Если ж ночь темна, черна,
Если где-нибудь за морем спит влюбленная луна,
Звезды блещут, разгораясь, ночь исполнена чудес,
И в заоблачных пространствах льется музыка небес.

Тем, кто счастлив, светит счастье бледнолицею луной.

Но прими великодушно гнет печали неземной,

И во тьме зажгутся звезды, омраченный вспыхнет взгляд,
И в душе твоей созвучья засверкают, зазвенят.

Я живу в Севастополе, один, как перст. Быть может, проживу еще здесь целую неделю. Я так счастлив, и в душе у меня столько света, что для меня сделалось необходимою написать Вам хоть несколько строк. Стихи эти написаны еще в Ялте, после того как мы провели с Вами чудный день в Алупке, чудный для меня, я вижу его, как картину, залитую ярким солнечным светом. Мне легко. Мефистофель меня не смущает. О, нимало! Когда сумеешь ограничить себя чудесным горизонтом, видишь, что этот горизонт раздвигается — и за ним встает чудный мир — безграничный.

Прощайте. Жму Вашу руку крепко. Мы еще увидимся с Вами, и здесь, и среди звезд, которые мы любим.

К. Бальмонт.

Р. S. Получили ли Вы деньги?

Г. Шуя, Владим<ирской> г <уб.>²

17 июля <1894>.

Виктор Сергеевич, милый, дорогой, спасибо Вам за Ваши славные глаза и чистую душу. Сколько раз я вспоминал Вас и чувствовал Ваше отсутствие. Я один, как перст. Мне тяжело. Все вокруг меня падает. Люди, один за другим, оказываются ниже того представления, которое я составил о них. Без иллюзий темно, а иллюзии, если и светят, не солнечным светом светят, а нездоровым — электрическим. Я опьянил себя работой: единственное средство уйти от ненужных дум. Как был бы рад Вас видеть. На днях еду в Иваново-Вознесенск, буду хлопотать насчет концерта. Что Вы? Дойдет ли до Вас письмо. Как Ваше горло?³ Я, вероятно, через несколько месяцев уеду опять в Крым или в Италию, если только будет малейшая возможность. Один или вдвоем, пока еще не знаю. В августе решу.

Жму крепко Вашу руку, желаю здоровья и прошу написать мне два слова.

Ваш К. Бальмонт.

¹ Письмо написано вскоре после первой встречи Бальмонта и Миролюбова в мае 1894 г. в Ялте. В память этого знакомства поэт подарил Миролюбову сборник своих стихотворений «Под северным небом» (СПб., 1894) со следующей надписью:

«Ялта. <18>94. 29 мая.
 Виктору Сергеевичу
 Мирову
 на память о случайной,
 но хорошей встрече.
 От искренне уважающего
 его
 К. Бальмонта».

Книга с автографом Бальмонта хранится в собрании В. Н. Орлова (Ленинград).

Письмо, написанное в Севастополе в июне 1894 г., было продолжено и отправлено лишь в июле 1894 г.

² Бальмонт ездил в Шую навестить своих родных. (Он родился в дер. Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губ.). Отец его был председателем земской управы в г. Шуе.

³ В 1894 г. у Миролюбова началась болезнь горла, которая впоследствии заставила его оставить сцену.

2

Paris, Boissy d'Anglas
 35, Hôtel Tête.

30 декабря <18>96.

Дорогой Виктор Сергеевич, я до сих пор не исполнил своего обещания написать Вам, не потому, что забыл о нем, а потому, что не мог писать так, как мне хотелось бы. Я отношусь к Вам совершенно исключительно, и потому мне не хотелось писать Вам так, как я пишу другим. Но должно быть мне еще долго придется ждать той внутренней гармонии, о которой я всегда мечтал, о том примирении с самим собой, которого я никак не могу достигнуть. Есть люди, при рождении которых небо было пасмурно. Вот я один из таких. Личное счастье не может меня захватывать надолго. Сознание всеобщего диссонанса всего сильнее живет в моей душе. Небо кажется мне бездонным и пустым. Земля кажется мне сплошным недоразумением. Ни бога, ни богов, ни добра, ни зла, ни прошедшего, ни будущего — ничего, кроме блуждающих призраков, живущих один миг для себя и никогда не умирающих перед взором Вечности. Безутешная пустота, трагическая фантазмагория. Только веря в Красоту и любя ее, можно жить, хотя не видишь смысла в жизни. Красота — мой символ веры. Но она ведет по лабиринтам, она светит, как молния, вспышками, и тоскливо чувствуется, когда она изме-

няет. О, как счастливы те, с кем она живет неразлучно!¹

Как Вы живете, дорогой мимолетный друг? Где Вы, что Вы? Здоровы ли Вы? Я помню последнее наше свидание у Вас и потом на улице. Я люблю Вас, с тех пор как мы познакомились в Крыму.² Будьте счастливы.

Преданный Вам

К. Бальмонт.

К письму приложено стихотворение «Как угрюмый комар исполина...», которое впервые напечатано в «Ежемесячных литературных приложениях» к «Ниве» (1897, №3, стр. 493—494); вошло в сборник «Тишина» (СПб., 1898) под названием «Равнина».

¹ Бальмонт уехал в Париж после женитьбы на Е. А. Андреевой. О своих настроениях этого времени поэт сообщал в письме к матери, Вере Николаевне Бальмонт, от 9 декабря 1896 г.: «Все последние годы, когда я жил в Москве, сперва с семьей, потом один, я не имел возможности отдаваться своим стремлениям и обогащению своего интеллекта, я вращался в замкнутом круге, я работал, работал, работал, читал только то, что имело непосредственное отношение к моим работам, и жил в кругу определенных впечатлений, что, конечно, суживало сферу моей внутренней жизни. Теперь передо мной целый мир, новые люди, новые нравы, философия, наука, искусство, религия, новая личная жизнь. Но ведь всего этого слишком много, все это спутывается, трудно разобратся, трудно остановиться на чем-нибудь. Каждое отдельное явление интересно, и каждое отдельное явление в то же время слишком бедно по своему содержанию, чтобы отдать ему исключительное внимание. Жизнь коротка, а счастлив тот, кто с первого дня знал, что ему нужно и куда его влечет. Я не принадлежу к этим счастливым. Мною всегда владела фантазия, любовь к новому и неизвестному. Все в мире представляется мне то слишком многозначительным, так что не можешь исчерпать содержание каждого явления, то слишком ничтожным, так что вся сумма разнороднейших явлений не стоит того, чтобы посмотреть на нее хоть одним глазом. К сожалению, последнее настроение более часто, и если что меня спасает от ненависти к жизни, это именно моя прирожденная любовь к поэзии, к красоте всего мимолетного» (сообщено Н. К. Бруни).

² Первая встреча произошла в мае 1894 г.

3

Москва, Ильинская ул., д. Полякова, на Баньки.

6 июля <18>99.

Имение Баньки.¹

Дорогой Виктор Сергеевич,

Если можно, пожалуйста, пошлите мне сколько-нибудь денег, очень нужно. Посылаю Вам свое последнее стихотворение, только что написанное. Знаю, что оно найдет в Вас отклик, и посылаю его в Ваш журнал с особенным удовлетворением, так как оно, вероятно, напомнит Вам начало нашей

дружбы, когда мы познакомились в Крыму и говорили так много и хорошо.² Я целые дни занимаюсь всяческими литературами,³ в общем довольно хорошо живется, если бы только не эти ужасные минуты периодических безумий, когда хочется неотступно срываться с высоты, на которую всходишь так медленно. Моральное одиночество, которое составляет почти мой неизменный удел в литературной моей деятельности, слишком для меня тягостно и неустранимыми путями бросает время от времени в мою жизнь мертвую зыбь. Хорошо еще, если из души вырвутся потом слова, — как эта поэма, — а как тяжело, когда страдаешь молча и полон отращения к себе!

Я вспоминаю Вас с любовью. Знаю, что Вы один из немногих, в чьей душе для меня есть угол. Их немного.

Ваш К. Бальмонт.

Р. С. Если у Вас будет место в журнале, я пришлю еще стихов. Прозы?

¹ Бальмонт гостил в Баньках (Лисьих Горах) — имени Якова Александровича Полякова, женатого на Анне Алексеевне Андреевой — сестре жены Бальмонта. Здесь часто бывали близкие друзья поэта — Ю. К. Балтрушайтис и С. А. Поляков. Дружба с ними, по признанию Бальмонта, благотворно влияла на него. В Баньках поэт создал стихи, составившие основу сборника «Горящие здания» (М., 1900). «В это лето, — вспоминал впоследствии Бальмонт, — кроме радости причащаться собственных глубин и глубинностей солнечного бытия, у меня была еще острая, нежно-большая и сладко-ядовитая, радость двух новых дружб — братская дружба с Ю. Балтрушайтисом и С. Поляковым» (К. Бальмонт. Морское свечение. СПб., 1910, стр. 197).

² Речь идет о стихотворении «На рубеже», в котором отразились воспоминания поэта о своей юности (см. письмо 4).

³ В это время Бальмонт переводил К. Марло, Кальдерона, Шелли и других поэтов.

4

Москва, Ильинская ул., д. Полякова, на Баньки.

«Тесним мы шведов...»¹
«И ты, Брут...»²

12 авг <уста> <18>99.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Письмо Ваше огорчило меня и повергло даже в некое изумление. Что значит «отдельвать стихи»? Я не русский, я англичанин, я норвежец, я швед, что угодно, только не русский, и потому, прежде чем написать что-нибудь, я продумаю это до конца, и только тогда уже записываю. Я не пишу то

первое, что мне приходит в голову, и потому мне не приходится «отдельывать». Если я рождаю некрасивого ребенка, это, — никогда, — не по небрежности. «Вампирного гения», по старой дружбе, могу Вам подарить. Поставьте, вместо него, «враждебный гений». Но более никаких изменений я в этой поэме делать не буду. Если Вы можете напечатать ее так, напечатайте. Если нет, пошлите мне обратно, и, прошу Вас, поскорей. Она мне очень дорога, и мне хочется напечатать ее возможно скорее.³ Во избежание недоразумений, давайте условимся относительно одного, очень важного для меня, пункта. Я Вам буду постоянно посылать стихи, но Вы или будете их *посылать обратно*, или будете их *печатать без каких бы то ни было изменений*. Мне отраднее сидеть в забвении в своем углу, чем выступать перед публикой с измененными словами и сдавленным голосом.

Исполняя Ваше желание, посылаю Вам три небольшие стихотворения.⁴ Не знаю, понравятся ли Вам. Я пишу просто, когда чувствую просто, и пишу сложно, выражая настроения сложные. Последних у меня больше. Неужели это дурно?

Пою, как птица, и никогда не стану петь петухом, хотя этот звук отраден в хозяйстве. Пою тем заморским голосом, которым меня наделила природа.⁵ Слушай, кто хочет! Мне все равно.

Вас люблю, и дружба наша, конечно, нисколько не изменится от наших литературных разногласий. Чем больше буду жить, тем более буду одинок.

Жму Вашу руку. Будьте счастливы.

Любящий Вас

К. Бальмонт.

Р. S. 50 рублей получил. Спасибо.

¹ Цитата из «Полтавы» А. С. Пушкина.

² Цитата из «Юлия Цезаря» В. Шекспира.

³ Бальмонт говорит о стихотворении «На рубеже», не появившемся в «Журнале для всех». Слова, упоминаемые поэтом, были напечатаны в сборнике «Горящие здания» (М., 1900) без указанного исправления.

⁴ За период с 12 августа 1899 по июнь 1900 г. в «Журнале для всех» появились следующие стихотворения Бальмонта: «Кузнец» (1899, № 10), «Закатные цветы» (1900, № 2), «Красота Севера» (1900, № 6). О последнем стихотворении в записной книжке Миролюбова за 1900 г. сделана запись: «Послано в типографию 4/V... Красота Севера Бальмонт» (ф. 185, оп. 1, № 5, л. 56).

⁵ По-видимому, Бальмонт намекает на свое нерусское происхождение (см. его «Автобиографию» в книге: Русская литература XX века, т. I. Под ред. С. А. Венгерова, М., 1914, стр. 58—60) и отчасти на западные корни русского символизма («заморский голос»).

дорога, и мнѣ до чего понравится ее возмужно скорѣе
по употребленію недоразумѣній, дабы же условившись о по-
срѣдствѣхъ одного, о чемъ въспомню для меня, мужика.
А Вамъ буду поспѣшно писать еще, но по мнѣ
будете вы исполнать обязанъ, или будете изъ пре-
зрѣе безъ какихъ-либо формъ путешествій. Мнѣ
отрадите судьбу и разведенію и своимъ чину, и темъ в-
сущности передъ исполненьемъ и путешествіемъ своими
или и свѣдѣніемъ, волосомъ.

Исполните Ваше желаніе, исполните Ваше пре-
двѣдѣніе судьбы. Не знаю, пожелаетъ ли
Вамъ. А пишу пробо, когда исполнитъ пробо, и
мнѣ своими, исполнитъ своими. По-
сидѣть у меня бывши. Нефрѣмъ по дурно?
Пото, какъ исполнитъ, и никогда я не стану исполнитъ
исполнитъ, исполнитъ исполнитъ исполнитъ и исполнитъ.
Пото исполнитъ исполнитъ исполнитъ, исполнитъ исполнитъ
исполнитъ исполнитъ. исполнитъ, исполнитъ! Мнѣ же
равно.

Вашъ любитель, и другъ исполнитъ, исполнитъ, исполнитъ.

Письмо К. Бальмонта къ В. Миролубову от 12 августа 1899 г.

Biarritz, Villa Marie Thérèse.

3 мая 1900.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Посылаю Вам 3 стихотворения. Если не пригодятся, пожалуйста, верните. Вы что-то весьма неохотно печатаете Вашего покорного слугу.¹ Увы мне!

Жму руку.

Ваш К. Бальмонт.

Р. S. В каком ущелье редакторского стола погибают стихи Ю. Балтрушайтиса?² Не сделался ли Журнал для Всех — Журналом для Женщин?³ Эти нежные создания имеют дар печататься во всех журналах. *Vive la Femme!* *

¹ В марте—мае 1900 г. стихи Бальмонта в «Журнале для всех» не появлялись. О каких стихах идет речь в письме, неизвестно.

² Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873—1944) — поэт-символист и переводчик. Начал литературную деятельность при содействии Бальмонта в «Журнале для всех» (1899, № 12, стихотворение «Тихо спят тополя. Онемели поля...»).

В 1900 г. в «Журнале для всех» были напечатаны следующие стихотворения Балтрушайтиса: «Аккорды» (№ 6), «Как каменный остров в заливе далеком...» (№ 8) и «Есть трещина в стене тюрьмы моей...» (№ 9).

Дружба Бальмонта и Балтрушайтиса зародилась в 1899 г. в период работы первого над сборником стихов «Горящие здания». Это была дружба двух поэтов, исповедующих одни и те же литературно-эстетические взгляды. В 1914 г., говоря об эволюции творческого пути Бальмонта, Балтрушайтис писал: «Всем своим долгим и полным изумительных откровений творчеством он упорно решал и отчасти уже решил коренную и очередную задачу современной души, единственную задачу современного творчества, как она сказалась в тяготении всего искусства наших дней. А задача эта — в последовательном восхождении внутреннего опыта людей к рождению нового космического мира» (Ю. Балтрушайтис. О внутреннем мире Бальмонта. «Заветы», 1914, № 6, стр. 67—68).

³ В апрельском номере «Журнала для всех» (1900) из шести стихотворений четыре принадлежало поэтам: Allegro (П. С. Соловьевой), О. Боголюбовой, Е. Алибеговой и А. Боанэ.

Иванино, Курской губ.,

им<ение> М. В. Сабашникова.¹

10. VII. 1901.

Дорогой Виктор Сергеевич, я очень был бы рад увидеться с Вами и о многом поболтать, но писать письма я оконча-

* Да здравствует Женщина! (Франц.).

тельно разучился, если когда-либо умел. Не соберетесь ли, правда, к нам, недельки на две? И я и моя жена² — мы были бы Вам очень рады, так же, конечно, как и наш патрон, Сабашников.³ Мы живем в полном уединении, по методу почти робинзоновскому. Работается легко. В душе прозрачно, *почти* как в небе. Осенью издали новую книгу стихов.⁴ Девочка наша⁵ — очаровательное существо, и я с неким удивлением нашел в себе большой запас отцовской нежности.

Итак, мир, тишина, поэты времен отшедших,⁶ мечты, деревья и цветы. Приезжайте! Обнимаю Вас. Всего лучшего. Эк<атерина> Ал<ексеевна> кланяется.

Ваш К. Бальмонт.

P. S. Не знаю, получены ли мои стихи⁷ и пойдут ли. Я послал их одновременно с тем, как Вы писали мне. Будут новые, пошлю еще.

¹ Лето 1901 г. Бальмонт в связи с запрещением находиться в течение двух лет в столице и университетских городах жил с женой (урожд. Андреевой) в имениях известного книгоиздателя М. В. Сабашникова и кн. Д. А. Волконского, женатого на младшей из сестер Андреевых.

Зверский разгон демонстрации 4 марта у Казанского собора, свидетелем чего был поэт, произвел на него сильное впечатление. Выступая вскоре на литературном вечере в Городской думе, он прочел стихотворение «Маленький султан», направленное в адрес Николая II и его слуг («То было в Турции, где совесть — вещь пустая, // Там царствует кулак, нагайка, ятаган, // Два, три нуля, четыре негодяя // И глупый маленький султан...»). Чтение этого стихотворения послужило поводом к высылке Бальмонта и установлению за ним надзора.

² Екатерина Алексеевна Бальмонт (урожд. Андреева).

³ Михаил Васильевич Сабашников привлек Бальмонта, как одного из виднейших переводчиков тех лет, к работе над «Памятниками мировой литературы» (Изд. М. и С. Сабашниковых, СПб.).

⁴ Сборник стихов Бальмонта «Горящие здания» вышел в мае 1900 г.

⁵ Бальмонт говорит о дочери Нине.

⁶ В это время Бальмонт работал над переводами Кальдерона, Шелли и других писателей.

⁷ Во второй половине года в «Журнале для всех» появилось лишь одно стихотворение Бальмонта — «Слепец» (1901, № 8).

7

Иванино, Курск<ой> г<уб.>

1 сент<ября> 1901.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Посылаю стихи. Кажется, они похвального свойства? Черкните два слова. Если предпоследняя строчка покажется неубедительной, предоставляю ее заменить «Сознав, что собствен-

ною кровью». Но это слишком ясно и поучительно. Предпочел бы как у меня сказано.¹

Писал Вам давно. Где Вы, что Вы?

Я жду снегов и метелей, чтобы писать стихи о солнце и весне.

Не забывайте любящих Вас.

К. Бальмонт.

Р. С. Спасибо, что напечатали «Слепца».² Стишок сей для меня дорог.

¹Речь идет о стихотворении «Голос заката», которое в «Журнале для всех» не появилось (см. письмо 8). Последнее четверостишие было впоследствии опубликовано Бальмонтом без изменения.

Любите ваши дни безмерно любовью,
О, дайте вспыхнуть им, а не бесследно тлеть,
Сознав, что теплой алой кровью
Вам нужно их запечатлеть.

(«Будем как солнце». М., 1903).

² См. примечание 7 к письму 6.

8

Адр<ес>: Г. Белгород, Курской губ., имение кн. Д. А. Волконского.

12 дек<абря> 1901.

Дорогой Виктор Сергеевич, почему Вы забыли меня и никогда не напишете ничего и не хотите меня печатать? Все изменяют, но от Вас я не ждал измены.

Сейчас прочел в «Новом Времени» Ваше имя как одного из главных в религиозном обществе и вся моя старая любовь к Вам проснулась.¹ Я провел два месяца в Ялте, среди впечатлений, которые Вы осудили бы, но часто-часто думал там о Вас. Не мог написать, не мог бросить призыв из преисподней к духу светлому.

Отчего Вы не напечатали мой «Голос Заката»?² Пошлите мне его обратно, если не пойдет. Посылаю Вам несколько стихотворений Шелли.³ Вновь вернулся к нему и готовлю новое полное собрание его сочинений, в издании, рассчитанном на многотысячную публику.⁴

Многo написал новых стихов. Кому петь их? Я забит в гробницу своего разорванного «я».

Прощайте.

Ваш всегда
К. Бальмонт.

¹ «Новое время» (Пб., 1868—1917) — ежедневная газета, орган консервативно-дворянских и бюрократических кругов. В 1876—1912 г. редактировалась А. С. Сувориным.

В «Новом времени» (1901, № 9256, 9 декабря) была опубликована статья В. Розанова «Религиозно-философские собрания», в которой сообщалось, что созданные в Петербурге Религиозно-философские собрания «имеют задачей своею обсуждение вопросов веры на почве совершенной и твердо-оговоренной терпимости и в широком философском освещении. . . Распорядительная власть принадлежит: Сергию, епископу ямбургскому и ректору С.-Петербургской духовной академии, Д. С. Мережковскому, В. С. Миролюбову, В. А. Тернавцеву и пишущему эти строки». Первое собрание состоялось 29 ноября 1901 г. (доклад В. А. Тернавцева «Об отношении интеллигенции к церкви»).

² См. примечание 1 к письму 7.

³ В 1902 г. в «Журнале для всех» были опубликованы следующие переводы Бальмонта из Шелли: «К Констанции», «К поющей» и «Орел могучий» (№ 2) и «Закат» (№ 3).

⁴ Бальмонт готовил для издательства «Знание» Полное собрание сочинений Шелли в 3 томах, которое вышло в 1903—1907 гг.

9

2 августа 1902.

Оксфорд.

12. Museum Rd.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Давно уже не вижу своих стихов в «Журнале для всех». Я очевидно не из всех, а нахожусь в Вашей астрономии под особенно злополучным знаком.¹ Давно уже не имею и сведений о Вас, — «то-исть» ни малейших. Где Вы? Что Вы? Почему столь упорно не хотите отвечать мне на письма? Перед Вами я ни в чем не грешен, по крайней мере, память моя не упрекает меня ни в чем.

Я из-за работы застрял в Англии, которой уже в достаточной мере насытился. Пробуду здесь еще сколько-то, сколько, не знаю.² Посылаю Вам кое-что из Шелли и своего.³ Печатайте, пожалуйста. Иначе да отмстят Вам ларвы⁴ и вампиры.

Ваш

К. Бальмонт.

Р. S. Если не напечатаете стих <отворение> Шелли, не откажитесь послать его в «Новый Журнал Иностранной Литературы».⁵

¹ Сочувственно относясь к Бальмонту, поэту и человеку, Миролюбов понимал, что тематика его стихов далека от демократического читателя «Журнала для всех». В мае-августе 1902 г. стихи Бальмонта в журнале не появились.

² Бальмонт уехал за границу 14 марта 1902 г. Жил он главным образом во Франции и Англии, где заканчивал работу над первым томом Полного собрания сочинений Шелли (изд. «Знание») и с увлечением читал «нежнейших английских поэтов» (письмо Г. Бахману начала 1902 г. — ф. 22, № 78, л. 23).

³ В 1902 г. в «Журнале для всех» был напечатан перевод Бальмонта из Шелли «Лесник и соловей» (№ 9) и оригинальное стихотворение «Утро («На вершине горной коршун прокричал...»)» — № 10.

⁴ Ларва (лат.) — призрак трагически умершего человека.

⁵ «Новый журнал иностранной литературы» (Пб., 1897—1909). Редактор-издатель — Ф. Н. Булгаков. Переводы Бальмонта в 1902 г. в журнале не появлялись.

10

10 октября 1902.

Париж.

107, Бульвар Сен-Мишель.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Посылаю Вам свои «Цветы».¹ Я думаю, что для них найдется место в комнатах Вашего дома. При первой возможности пошлю еще что-нибудь. Мне очень хотелось бы часто печататься в журнале *для всех*.

Напишите два слова о впечатлении.

Отчего не поместите никакой заметки или статьи о Кальдероне?²

Помните ли Вы одну ночь, когда мы бродили с Вами по улицам, и я рассказывал Вам о той норвежской девушке, которая приезжала ко мне в Петербург? С тех пор прошло два года, и она сейчас со мною здесь. Несколько недель мы были в сказке, теперь мечта кончается нежно и легко, как тает облако, чтобы возникнуть снова — где? — оно не знает. А люблю я все-таки ту, которая целые годы не перестает быть Беатриче.³ И, поняв свою любовь к ней, я всех люблю и все. Мне кажется, что я вошел в какой-то замок, откуда уж мне не выйти и где все так стройно, так красиво, так пленительно.

Дружески обнимаю Вас.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ См. примечание 3 к письму 11.

² Речь идет об отклике на вышедший в 1902 г. второй выпуск «Сочинений» Кальдерона в переводе Бальмонта (всего в 1900—1912 гг. вышло 3 выпуска).

Мысль о необходимости переводов произведений прославленного испанского драматурга возникла у Бальмонта еще в 1898 году. 10 сен-

тября 1898 года он пишет А. П. Чехову: «Какая бы судьба его (Кальдерона, — А. М.) не постигла в России, он должен возникнуть в русской литературе. Он несколько не менее интересен, чем Шекспир, только он более национален, менее общедоступен, он философ и мистик, он экзотичен, причудлив и пышен, как все истинно-испанское. И герои его в своей судьбе превышают человеческое. Уже это одно делает его пленительным» (Рукописный отдел библиотеки им. В. И. Ленина, Фонд Чехова, № 36. 16). В последующие годы мысль, высказанная в этом письме, уточняется. Бальмонт считал Кальдерона одним из предшественников современной поэзии, «создателем драм, отмеченных красотой символической поэзии» (К. Бальмонт. Элементарные слова о символической поэзии. В его кн.: Горные вершины. Сборник статей, кн. 1. М., 1904, стр. 76) и противопоставлял его Шекспиру-реалисту. Этим объясняется интерес, который Бальмонт проявлял к Кальдерону, и стремление к пропаганде его поэтического наследия.

³ В книге «Новая жизнь» Данте воспел свою любовь к Беатриче. Имя ее стало символом глубокой, возвышенной любви.

11

12 дек<абря> 1902.

Париж.

107, Бульвар Сен-Мишель.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Посылаю Вам одно из новых своих стихотворений.¹ Посылаю также несколько стихотворений молодого поэта С. Полякова,² живущего здесь, в Париже. Не откажитесь приютить его в «Журнале для Всех», если найдете что-нибудь из посланного подходящим. По-моему, у него есть настоящий талант, хотя, может быть, и небольшой.

Откликнитесь, напишите хоть два слова. Почему так отложили мои «Цветы»?³ Лишили меня этим жара написать скоро что-нибудь еще для Вас. Или то, что я посылаю, не подходит для Вашего журнала?

Мы тут «университетствуем», читаем лекции несколько сногшибательные. В ближайший четверг надеюсь быть освистанным.⁴

Жму руку. Всего лучшего.

Искренно Ваш

К. Бальмонт.

¹ За период с января по июль 1903 г. в «Журнале для всех» опубликованы следующие произведения Бальмонта: «Дилемма» и «Стансы для музыки. Из Байрона» (№ 1), «Песня араба» (№ 2), «Весна» (№ 4), «Цветы» (№ 5), «Рассвет» (№ 6), «Когда на меня напряженно глядят...» и «У моря ночью» (№ 7). 8 января 1903 г. цензор запретил стихотворение Бальмонта «Отдать себя на растерзание...» (лист корректуры — ф. 185, оп. 1, № 1366).

² Поляков Сергей Александрович (род. 1874) — переводчик, основатель книгоиздательства «Скорпион» и издатель журнала «Весы» (1904—1909); близкий друг и родственник Бальмонта. С журналом «Весы» и издательством «Скорпион» связана значительная часть деятельности поэта. В «Журнале для всех» стихотворения Полякова не появлялись.

³ «Цветы» — произведение в прозе. Опубликовано в «Журнале для всех» (1903, № 5).

⁴ С октября 1902 г. Бальмонт жил в Париже. Здесь он был приглашен читать лекции о зарубежной литературе в «Русской высшей школе общественных наук». Им были прочитаны лекции об испанской и английской литературе XVI—XVII вв., о драме Кальдерона «Жизнь есть сон» и (4 января 1903 г.) о Шелли. Лекции имели успех.

12

Меррекюль, Эстл<яндской> г<уб.>, д. 6.

15 июля 1903.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Не все сказки хороши, но ведь все-таки ничто так не хорошо, как сказка. Когда ее нет, ее ищешь, и часто не находишь. А не найдя — приходишь в ярость, если действительно любишь ее.

Я не знаю, как писать Вам, потому что грань между сном и действительностью все еще волнообразно качается в моей душе, то вправо, то влево. Быть может, Вы напишете мне? Скажите мне что-нибудь. Я сам не знаю, что со мной. И если я бываю хуже худшего, то поверьте, немногим дано незавидное преимущество так мучиться, как умею я.

Посылаю Вам обещанное стихотворение «Ворожба».¹ Посылаю еще маленькое стихотворение.² На днях вышлю еще несколько.

Напишите хоть два слова.

Всегда Ваш

К. Бальмонт.

¹ Стихотворение «Ворожба» в «Журнале для всех» не появилось (впоследствии вошло в сборник «Только любовь»).

² Какое стихотворение было послано Бальмонтом, установить не удалось.

13

Меррекюль, Эстл<яндской> г<уб.>, д. 6.

19 июля 1903.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Несколько дней тому назад я послал вам «Ворожбу»,¹ не заказным письмом, не знаю, получили ли Вы? Посылаю три

стихотворения еще, а также отрывок из Шелли.² Если не воспользуетесь, не откажитесь вернуть рукопись. Если воспользуетесь, пожалуйста, напечатайте по возможности тотчас.

Прилагаю три стихотворения Балтрушайтиса.³ Интересно было бы знать, какой отзвук найдут они в перелесках «Журнала для Всех».

Приезжайте к нам сюда. Здесь солнце, и море, и лес. Здесь много незримых чудес. Здесь в соснах для белок уют. Здесь волны поэтам поют.

Искренно Ваш
К. Бальмонт.

¹ Стихотворение «Ворожба» послано 15 июля 1903 г. (см. письмо 12).

² В 1903 г. в «Журнале для всех» опубликованы стихотворения: «Я как облако», «К ночи» (№ 8) и «О, миг пленительный, когда всемирно дышит...» (№ 9).

Переводы Бальмонта из Шелли в «Журнале для всех» в 1903 г. не появлялись.

³ Стихотворения Балтрушайтиса в «Журнале для всех» в 1903 г. не опубликованы. Какие стихотворения были посланы, не установлено.

14

Москва, Б. Толстовский, д. 5.
25 сент<ября> 1903.¹

Дорогой Виктор Сергеевич,

Вы так и не зашли ко мне. Может, забыли адрес, или было некогда, или просто не хотелось. Пусть. Ваше мгновенное появление в ту минуту, когда я был в ужасе и отвращении перед раздавленными мужиками и перед сытыми мерзавцами, которые хотели безнаказанно скрыться, но были задержаны «Грифом»² и мною, приобрело для меня совершенно символический характер. Я помню Ваше лицо и чувствую прикосновение Вашей руки. Я только что приехал тогда в Москву и в первый раз, после долгих недель, весело ехал с своим приятелем в типографию, чтобы отдать рукопись своего нового сборника «Только любовь»,³ где я пою хвалы жизни и нежности. Как ясно было в моем мозге, создавшем только что целый ряд страниц, до которых я раньше не возвышался, как я радовался Солнцу, и людям, и улице, этой улице, которая мне теперь отвратительна, потому что первое впечатление было скомкано, зверски смято, загрязнено брызгами крови, которую, как видите (см. газетную вырезку), можно выбивать из лиц и голов ходящих за 25 рублей. Великолепно. Конечно мы научили этих «чернорабочих», запуганных, потрясенных

(и кто измерит внутреннее потрясение?) и утративших пока способность зарабатывать свой день, который им никто не оплатит, — мы научили их подать «гражданский иск». Пропущенное дело. Толстая сволочь, хозяин автомобиля, даже хотел в коридоре суда развязно и весело заговорить с нами, но был отброшен выразительным взглядом. Все это так мелко и так мало. Случай на улице. Но я думаю сейчас о себе и чувствую, что какие-то цветы, которые раскрывались, грубо смяты, внезапно и безжалостно. В большом преступлении есть величие и страшная красота. В мелком — только чад, кухонная вонь, грубость топора, помела, выгребной ямы.⁴

Поправились ли Вы в Крыму? Андрусон⁵ говорил, что Вы купались там и захворали. Скажите между прочим Андрусону, если Вас не затруднит, что я пристроил его перевод «Саломей» в «Гриф». Напишу предисловие. «Гриф» уплатит ему половину чистого дохода с издания.⁶ Меня цензура порадовала: запретила «Балладу» Уайльда.⁷ Я должен, как с «Будем как Солнце», предпринимать снова долгий поход против глупцов.⁸

Посылаю Вам стихотворение «Ребенок».⁹ Если Вы его напечатаете, поместите поскорей: оно войдет в книгу «Только любовь», которую мне не хочется очень задерживать выходом. А «Ворожба»?¹⁰ А другое? Мой добрый и мой злой друг. Во мне бьется горный свежий неистощимый ключ песен. Зачем не берете Вы эти струи? В них жизнь.

Я говорил Вам, и повторяю, что в смысле «деловом», Вы можете производить расчеты, как хотите. Печатайте больше — и платите, как за прозу. Мне решительно все равно. Но мне так хочется говорить своими строками не с надоевшей мне кликой «поклонников», «поклонниц» и «друзей», а с безвестными, с тысячами, которых я никогда лично не узнаю и люблю за то, что они живут своей, мне неизвестной, жизнью.

Крепко жму Вашу руку.

Искренно Ваш
К. Бальмонт.

¹ Благодаря хлопотам Е. А. Бальмонт поэту было разрешено вернуться в Москву раньше установленного срока (ему было запрещено жить в университетских городах и столицах два года — см. примечание I к письму 6).

² Соколов Сергей Алексеевич (1878—1936) — основатель книгоиздательства «Гриф» (М., 1902) и журналов: «Журнал свободной мысли» (М., 1906) и «Перевал» (М., 1906), редактор журнала «Золотое руно» (М., 1906). В печати выступал под псевдонимом «Сергей Кречетов».

³ К. Д. Бальмонт. Только любовь. Семицветник. «Гриф», М., 1903.

⁴ К письму приложена вырезка из газеты «Курьер» (1903, № 204): «Мировой суд. 1. «Подвиги автомобилиста», в которой сообщалось, что «свидетель» К. Д. Бальмонт высказал крайнее удивление к тому равнодушию, с которым хозяин автомобиля г. Клименков отнесся к виду изувеченных рабочих, а г. Соколов — к той торопливости, с которой он пытался ускользнуть с места происшествия.

«Г. мировой судья, признав обвинение доказанным свидетельскими показаниями, приговорил управителя Ващука к штрафу в 25 руб., а в случае несостоятельности к аресту на 3 недели».

⁵ Андрусон Леонид Иванович (род. 1875) — поэт и переводчик. В начале 900-х годов сотрудничал преимущественно в журнале Миролюбова. Некоторое время работал в редакции журнала.

⁶ О. Уайльд. Саломея. Перев. В. и Л. Андрусон. Под ред. и с предисловием К. Бальмонта. «Гриф», М., 1904. (Дозволено цензурой 3 октября 1903 г.).

⁷ В 1904 г. была издана в переводе Бальмонта книга: О. Уайльд. Баллада Рэдингской тюрьмы. «Скорпион», М., 1904.

⁸ Цензурные дела о сборнике Бальмонта «Будем как солнце» (М., 1903) опубликованы в статье О. В. Цехновицера «Символизм и царская цензура» («Ученые записки ЛГУ», 1941, № 76, вып. 11, стр. 284—287).

⁹ Стихотворение «Ребенок» напечатано в «Журнале для всех» (1903, № 11).

¹⁰ См. письма 12 и 13.

15

5 ноября 1903.

Москва.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Вот уже я стал для Вас «многоуважаемым». Как скоро, и, подумать, по какому важному поводу.

Соображения мои по этому поводу суть следующие. Стихотворение «Ребенок» настолько интересно, и подходит к большой публике, что оно могло бы появиться тотчас по присыле в «Журнале для Всех». Быть может, не было времени и возможности? Но как я могу об этом знать? Мне кажется, Вы, Виктор Сергеевич, могли и должны были знать, что я печатаю свою книгу, я говорил Вам об этом и писал. Мой издатель выпустил книгу на две-три недели раньше, чем я рассчитывал. Неужели это значит, что я Вас подвел? Но не подвели ли Вы меня многократно, держа в редакционном портфеле мои стихи месяцы, и даже годы (начало этого «Ребенка» как отдельное стихотворение лежало у Вас два года)? Не подвели ли Вы меня, взяв у меня «Ворожбу», пообещавшись, с посвящением Чехову,¹ поместить ее в сентябре, и не сделав этого, и лишив меня возможности напечатать ее где-нибудь в другом месте, и преспокойно возвращая

ее мне? Вот это уж действительно «новые» приемы в наших отношениях и весьма старые в журнальной практике. К сожалению, Вы, может быть, — совсем напрасно, — станете после всего этого «осторожнее» со мной, я же с Вами не стану осторожнее, и никакие горестные опыты не научают меня осторожности с людьми, тем более с теми, кто раз говорил со мной по-человечески.

Я думаю, что 500 человек, успевших за эти две-три недели прочесть «Ребенок» в книге «Только любовь», не могут состязаться с теми десятками тысяч, которые читают «Журнал для Всех», и вреда не будет никому, тем более, что большая часть этих 500 не читает «Журнал для Всех». Во всяком случае, я, конечно, очень жалею о доставленной Вашей редакции, непостижимой для меня, неприятности и готов заглазить ее, как прикажете От гонорара за это стихотворение я откажусь.² Это, разумеется, меньшее, что я могу сделать. Укажите мне большее.

Мои слова о том, что я очень хочу давать многое и часто для Вашего журнала, остаются в полной силе, — если это Вам интересно.

Жму Вашу руку.

Всегда Ваш

К. Бальмонт.

¹ Первые встречи Бальмонта и А. П. Чехова относятся, по-видимому, к 1896 г. — времени пребывания Бальмонта в Крыму. Чехову был «симпатичен талант» Бальмонта (письмо к О. Л. Книппер от 28 января 1903 г. — А. П. Чехов, Полное собрание сочинений, т. 20, М., 1951, стр. 30).

² Гонорар за стихотворение «Ребенок» Бальмонту не был выплачен.

18 июля 1904.

Иванино, Курско-Киевской ж. д.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Сколько времени и сколько событий прошло с тех пор, как Вы на Николаевском вокзале кивнули мне и я видел на Вашем лице приветную улыбку. Мои мысли носились в круговоротах. Мое сердце любило и ненавидело, больше любило, о, гораздо больше. Нет, я не знаю ненависти, и она не для меня. Быть может, мои стихи приобрели бы в металлическом блеске и звонкости, если бы я научился ненавидеть, но даже и во имя Поэзии не хочу ненависти, боюсь ее и бегу от возможности ненавидеть.

Но за эти месяцы, что мы не виделись, я в первый раз понял целый ряд горьких истин, которые упорно не хотело понимать мое «пантеистическое благоволение». Я все же уж не тот. Жду. Может быть, это пройдет: опасение людей, недоверие к ним, презрение к ним. Тяжело презирать людей. Но, если возненавидишь людей, больше уже нельзя будет жить. Я лелею в душе острова и оазисы. Они помогут мысли быть в царстве звездного света.

Посылаю Вам два «мгновенья звездности». Первое давно уже хотел послать (о войне), но я был все с своей работой, и с своими ощущениями, — так скован, что даже краткого письма не мог написать.¹ Откликнитесь. Будьте счастливы и не забывайте любящего Вас

К. Бальмонт.

¹ Настроение Бальмонта, о котором идет речь в письме, было вызвано русско-японской войной. Одно из присланных стихотворений («Мне страшно подумать, что трезвые люди...» — «Журнал для всех», 1904, № 10) отражает эти же впечатления.

17

14 августа 1904. Им<ение> Борщев.

Иванино, Курско-Киев<ская> ж. д.

Милый Виктор Сергеевич,

Я Вас искренно люблю и действительно не могу себе представить, чтобы я не только возненавидел Вас когда-нибудь, но чтобы даже когда-нибудь я стал к Вам равнодушным. Я помню хорошо, что ровно десять лет тому назад, в Ялте, мы встретились, и в первый миг Вы улыбались ласково, говоря со мной. Много дней прошло, но это чувство ласковости и чего-то родного я испытываю каждый раз, когда я встречаюсь с Вами, или вспоминаю Вас. Если нас что-нибудь иногда разделяет, это не лучшее, а худшее человеческой природы. То же, что нас соединяет, не может умереть ни в Вас, ни во мне, — ни в Человеке, который неуклонно и неотступно идет по спирали к невероятной высоте, исполненной драгоценных камней и бестелесных звездных сияний.

Посылаю Вам два новые стихотворения. Переводное что-нибудь непременно пришлю недели через полторы или скорее.¹ Вообще буду посылать Вам теперь много. Печатайте, пожалуйста.

Не будете ли Вы в сентябре в Крыму? Как было бы радостно встретиться там, в нарядной Ялте, и как весело мы отпраздновали бы с Вами десятилетие нашей дружбы.² Приезжайте. Я буду там в половине сентября. Хорошо будет. Чего-то сердце ждет, кого-то взоры встретят, кому-то с нежною девической душой споет мечта.

Ваш
К. Бальмонт.

¹ В 1904 г. в «Журнале для всех» было напечатано стихотворение Бальмонта «Не верь, мой темный брат...» (№ 9) и его перевод из Томаса Гуда «Мост вздохов» (№ 10).

² См. письмо 1.

18

16 октября 1904. Москва.

Б. Толстовский, 5.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Посылаю Вам два стихотворения свои¹ и три молодого поэта Хазова (конторщика на Морозовской фабрике в Орехове-Зуеве).² Очень был бы рад, если бы напечатали эти стихи. Он несомненно имеет дарование.

Контора «Ж<урнала> д<ля> Вс<ех>» спрашивала меня, куда послать мне гонорар,³ — сообщите ей, пожалуйста, мой адрес.

Если не воспользуетесь стихами, пожалуйста, верните рукопись.

Злой человек, Вы были в Москве и не зашли ко мне. Посему ничего не пишу. Впрочем и писать нечего. Москва — Сахалин, а я убогий поэт, который взращает в душе своей красные, и желтые, и белые цветы, но в окно видит лишь серый цвет.

Ваш
К. Бальмонт.

¹ В конце 1904 г. в «Журнале для всех» появилось два стихотворения Бальмонта: «Я под камнем тяжелым лежу...» (№ 11) и «Запад и Север объяты...» (№ 12).

² Стихотворения Хазова в «Журнале для всех» не публиковались. На письме рукой Миролубова надпись: «Стихи Хазова вернуть. Письмо вернуть».

³ 19 октября 1904 г. контора «Журнала для всех» направила Бальмонту гонорар (91 р. 25 к.).

19

Силламяги, Эстл<яндской> г<уб.>, д. 17.
10 августа 1905.

Милый Виктор Сергеевич, мне было очень радостно увидеть Вас, когда я был в Петербурге. Как хорошо знать, что есть на свете хоть несколько людей, которые любят тебя и помнят, людей, которые не изменяют прошлых светлых встреч с другим человеком — сохраняя свое прошлое в настоящем, в той же улыбке, в том же тембре голоса, в том же выражении открыто смотрящих, смеющихся приветливых понимающих глаз.

Я Вас искренно люблю, и каждый раз, после встречи с Вами, мне кажется, что я прикоснулся к источнику Вечной Юности.

Запорожская дружина — нас, познавших радость света,
Братство тех, чей лозунг — Утро Вечно-Юного Лица,
Да пребудет неизменным, как звенящий смех Поэта,
Да пребудет гармоничным, как победный клик Певца.

Если Вас не страшит переезд в 5 часов по Балтийской железной дороге, приезжайте к нам погостить. Эти дни погода была дождливая, но теперь устанавливается солнечный праздник, и по-видимому, он будет длиться. Здесь с половины августа, кажется, всегда бывают очень светлые дни.

Посылаю Вам два пустячка.¹ Может, пригодятся для Ж<урнала> д<ля> В<сех>. К сожалению, ничего другого пока нет.

Жму руку. Привет.

Ваш
К. Бальмонт.

Р. С. Ек<атерина> Ал<ексеевна> кланяется.

¹ См. письмо 20.

20

31 авг<уста> 1905.
Силламяги, Эстл<яндия>.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Ве ли Вы получили стихи, которые я Вам посылаю, — Тучка, Цветок, Северное взморье, В лесу, Птица-боец? Если что не пригодится, пожалуйста, верните рукопись.

Посылаю еще три стихотворения: Памяти Лохвицкой, Ребенок и Осень. Стихи «Ребенок» посвящаю Вам, ибо пред-

полагаю, что Вам оно понравится. Если нет, зачеркните посвящение, как не имеющее тогда смысла.¹

Если расположение Вашего сердца, и Ваших комнат, осталось в неизменности, я приеду к Вам на четыре дня числа 15-го сентября. А вы что же, так и не соберетесь к нам? Здесь солнечные дни. Хорошо.

Отзовитесь. Жму руку.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ В «Журнале для всех» были напечатаны следующие стихотворения Бальмонта: «Тучка», «Памяти ушедшей от нас М. А. Лохвицкой» и «Осень» (1905, № 10), «Северное взморье» (1905, № 12), «Цветок», «В лесу» и «Ребенок» («Ребенок, весь светлый, так мило курчавый...») (1906, № 1). Последнее стихотворение появилось без посвящения, но в архиве Миролюбова (ф. 185, оп 1, № 1365) сохранилась машинопись «Ребенка» с посвящением В. С. Мирову.

21

Силламяги, Эстл<яндской> г<уб.>.

11 сент<ября> 1905.

Жестокий человек, отсжите Ваш отъезд, ежели возможно, на два дня. Я приезжаю в Петербург послезавтра, 13-го, вечером, между 9-ю и 10-ю. Пробуду всего два дня. Мне очень хочется повидаться с Вами и прочесть Вам новые стихи. Мне даже необходимо увидаться, ибо у меня есть некоторая вещь, которая, на мой взгляд, составила бы «украшение» для журнала, но о ее печатании или непечатании надо говорить лично.¹ Сообщите мне, будете ли Вы еще в Петербурге 13-го и могу ли я к Вам приехать. Если не успеете известить письмом, телеграфируйте, пожалуйста.

Я с грустью говорю Морю «До свиданья». Только тогда истинно живу, когда слышу его вещей ропот. И тогда слагаются в красивые узоры, где-то раньше таившиеся, грезы и слова.

До свидания. Жду ответа.

Ваш

К. Бальмонт.

<На закрытом письме>

Петербург

Е<го> В<ысокородию> В. С. Миролюбову

ул<ол> ул. Жуковского и Лиговки

«Журнал для Всех».

¹ О каком стихотворении идет речь, установить не удалось.

22

6 ноября 1905. Москва.

Пречистенка, д. Шеппинга, кв. 9.

Дорогой Виктор Сергеевич, я изумлен Вашим письмом и, если б не наша долголетняя дружба, я считал бы свое сотрудничество в «Ж<урнале> д<ля> В<сех>» поконченным. Каким образом Вы считаете возможным возвращать *такие* стихи, продержав их столько времени и лишив меня возможности отдать их в другой журнал, — это останется для меня непонятным. Никакие изменившиеся обстоятельства не суть объяснение, ибо цветы и детство вне времени.¹

Относительно стихотворения «Утро»² напоминаю, что в отдаваемых мною для печати стихах никогда никаких изменений я не делаю.

К. Бальмонт.

<На закрытом письме>

Петербург

Е<го> В<ысокородию> В. С. Миролюбову
уг<ол> ул. Жуковского и Лиговки
«Журн<ал> д<ля> Всех».

¹ События первой русской революции требовали публикации произведений на социальные темы. Потому-то Миролюбов и не желал уделять большого места в своем журнале произведениям Бальмонта о цветах и детстве.

Какие стихи отослал назад Миролюбов, не установлено.

² Стихотворение «Утро» («Деточка, птичка моя...») напечатано в «Журнале для всех» (1906, № 1).

23

6 апреля 1906.

Париж.

100, rue d'Assas.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Я каждодневно собирался писать Вам по получении от Вас письма, но меня разрывают, разрывают. Меня очень обрадовало появление Перуна в «Ж<урнале> д<ля> В<сех>». Посылаю Вам кое-что из последних своих стихов и не теряю надежды послать Вам что-нибудь в прозе. Гонорар пожалуйста пошлите по вышеозначенному адресу. Относительно «Птицы-Гертруды»¹ Вы меня, по обыкновению, огорчили. Неужели эта вещь не «своевременна»? Мне она, несмотря на ее норвежское происхождение, кажется до поразитель-

тельности связанной с современной русской действительностью, в которой варварская Скупость все урезает и урезает, не понимая, к чему ведет подобное скряжничество. Касательно размеров посылаемых стихов, ведь я Вам говорил, Виктор Сергеевич, неоднократно, — печатайте стихи как прозу, платите, что можете, но печатайте, ради бога. Раз в стихотворении более тридцати—сорока строк, Вы нимало не нарушите справедливости, устанавливая иной масштаб гонорара. Условимтесь же раз навсегда: если стихи кратки, Вы мне платите как за стихи; если в них десятки, или даже сотни строк, платите по листу как за прозу. Вас это не стеснит, меня не обидит. Напротив, я счастлив буду, видя, что мои стихи появляются в Вашем журнале и идут в большую простую публику, а не покоятся в одиночестве в моем шкафу.

У меня есть к Вам просьба. Исполните ее, если возможно. Дело вот в чем. Второй год «Знание»² не выпускает совершенно готовый, давным-давно мной прокорректированный, 3-й том Шелли.³ Что это означает, я не знаю. За него уплачен гонорар, но ведь, черт возьми, я не для этих 2.000 руб. делал этот том, а для того, чтобы он был у тех русских людей, которые любят Шелли. Я десять раз говорил устно и письменно с Пятницким,⁴ но очевидно его мозг не вмещает всего количества взятых на себя обязанностей. Он всегда «занят». Этому так или иначе нужно положить предел. Том должен быть выпущен. Потом, осенью Горький⁵ у меня взял две рукописи для того же «Знания»: перевод стихов Уольта Уитмана и сборник «Цветы чужеземной Поэзии» (переводы из «Зенд-Авесты», «Ведийские гимны», кое-что из Средневековья, переводы из Гете, Гейне, Ленау, Тэннисона, Блэка, Бодлэра и др.).⁶ Рукописи эти взяты еще в октябре. Когда, в Москве, я, кроме словесного заявления Горького, что рукописи эти будут напечатаны «Знанием», не получал никакого дальнейшего сообщения от Пятницкого, я сказал Горькому: «Быть может, „Знанию“ не интересны эти книги, я предложу их тогда Венгерову,⁷ он, может быть, возьмет?» Горький мне сказал: «Не делайте этого. Зачем? Они же взяты „Знанием“». Это дело решенное». Я думаю, что после этого было бы вещью не слишком красивой, теперь, когда я отрезан от России, оставлять меня в полной неизвестности об этих рукописях, не отвечать на три письма (не воруют же их в самом деле на почте?) и предоставлять мне размышлять до бесконечности о том, откуда бы достать денег, когда ты работаешь, как дьявол, но тебе ничего не платят. Не можете ли Вы обо всем

этом осторожно, но совершенно твердо переговорить с Пятницким? Я был бы так Вам признателен. Мне совестно Вас беспокоить. Но я решаюсь на это, во-первых, потому, что знаю, как искренно Вы меня любите, во-вторых, потому, что мне не к кому, совсем не к кому обратиться в Петербурге. Да и не только в Петербурге.

Я только отнюдь не хотел бы ссориться с «Знанием». Я думаю, что можно было бы без вражды и без обиды правильно все это распутать и устроить.

Буду ждать скорого ответа.

Спасибо за 3-й номер «Журнала для Всех». Но я не получил ни 1-го, ни 2-го.

Вам кланяется Катя,⁸ и шлет свой привет Елена,⁹ которая сейчас у меня была. Вы помните ее? Она тоже здесь, в Париже.

Вы пишете, что Вы одиноки в своем любимом деле.¹⁰ Никто, быть может, не поймет Вашу боль так, как я. Мне это слишком знакомо. Мне хотелось бы сказать Вам об этом много и грустных и ласковых слов. Не могу. Устал, измучился. «Мы тонем, но светим, как звезды в ночах».

До свиданья. Жму крепко Вашу руку. Не тоскуйте. Не падайте духом. Наш тайный свет не гаснет.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ В 1906 г. в журнале опубликованы стихотворения Бальмонта: «К Перуну» и «Пробуждение Перуна» (№ 3), «Великий день» (№ 4), «Всеединость» и «В путь» (№ 5). Проза Бальмонта в «Журнале для всех» не появилась. Стихотворение «Птица-Гертруда (Дятел). Норвежская сказка» напечатано в № 8 «Журнала для всех» за 1906 г.

² «Знание» — прогрессивное издательство, возглавляемое с 1901 г. М. Горьким и К. Пятницким. В издательстве, кроме переводов Бальмонта, вышла его книга «Стихотворения» (СПб., 1906, Дешевая библиотека «Знания»).

³ Третий том Полного собрания сочинений Шелли в переводе Бальмонта вышел в первой половине 1907 г. Работа над ним была окончена поэтом еще в 1904 г.; с этого же времени он начал хлопоты по изданию тома.

⁴ Пятницкий Константин Петрович (1864—1939) — директор-распорядитель книгоиздательства «Знание».

⁵ Горький внимательно следил за творческим ростом Бальмонта еще с конца 90-х годов. Так, отмечая появление сборника «Горящие здания», Горький писал в статье «Стихи К. Бальмонта и В. Брюсова» («Нижегородский листок», 1900, № 313, 14 ноября), что критика много ругает поэта, но никто еще не решился поговорить о его творчестве серьезно. «А между тем, этот поэт несомненно обладает талантом. Размеры и общественное значение его таланта трудно понять ввиду крайней туманности мышления г. Бальмонта и странного, быть может, искусственного стремления к символизации. . . Но у г. Бальмонта есть простые и сильные стихи, позволяющие до некоторой степени уловить и угадать его настроение».

В качестве одного из стихотворений, отмеченных «ощущением бодрой радости ясного творчества» Горький привел «Кузнеца» (стихотворение это было впервые напечатано в «Журнале для всех», 1899, № 10).

Горький познакомился с Бальмонтом в 1901 г. в Крыму. В одном из писем к В. А. Поссе (ноябрь 1901 г.) он писал: «Познакомился с Бальмонтом. Дьявольски интересен и талантлив этот нейрастеник! Настраиваю его на демократический лад, ибо — жить здесь скучно». (М. Горький, Собрание сочинений, т. 28, М., 1954, стр. 199).

Интерес, который зародился у Горького к личности и поэзии Бальмонта, не покидал писателя долгое время. Он стремился приобщить Бальмонта к демократической литературе, к прогрессивному лагерю писателей. В начале 900-х годов поэт был привлечен в «Знание» в качестве переводчика, а в 1906 г. в этом же издательстве вышел сборник его оригинальных стихов, запрещенный затем цензурой. В 1905 г. имя Бальмонта появляется рядом с именем М. Горького в большевистской газете «Новая жизнь» и в журнале А. В. Амфитеатрова «Красное знамя». На страницах «Новой жизни» М. Горький выступил в защиту Бальмонта от нападок со стороны представителей лагеря символистов (см. стр. 143).

Но «демократизм» Бальмонта был непрочен: вместе с поражением революции исчезает и его «революционность». Он снова выступает как поэт-декадент, далекий от событий современной ему жизни. Впоследствии, давая оценку творчеству Бальмонта, М. Горький писал в письме к Ромен Роллану 23 марта 1928 г.: «Как поэт он автор одной, действительно прекрасной книги стихов «Будем как солнце». Все же остальное у него — очень искусная и музыкальная игра словами, не более» (М. Горький, Собрание сочинений, т. 30, М., 1955, стр. 87).

⁶ Сборник «Цветы чужеземной поэзии» и переводы из У. Уитмена в издательстве «Знание» не появились. Они были изданы позже: К. Бальмонт. Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних. «Пантеон», СПб., 1908; К. Бальмонт. Из чужеземных поэтов. «Просвещение», СПб., 1909; У. Уитмен. Побег травы. Перевод К. Бальмонта. «Скорпион», М., 1911.

⁷ Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — критик, историк литературы, библиограф. Бальмонт имеет в виду редактирование Венгеровым «Библиотеки великих писателей», куда вошли сочинения Байрона, Шекспира и других писателей.

⁸ Екатерина Алексеевна Бальмонт — жена поэта.

⁹ Елена Константиновна Цветковская (ум. 1944) — близкая знакомая Бальмонта, впоследствии его жена.

¹⁰ Речь идет об издательской деятельности Миролюбова.

2 августа 1906.

Бретань.

Finistère, Primel, Hôtel Talbot.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Отчего Вы не печатаете моих стихов?¹ Я в разное время послал Вам несколько. Посылаю еще «Бледные люди», думаю оно подходит к мигу.²

Я писал Вам очень давно, из Парижа, но не получил ответа, хотя как раз обращался в этом письме с просьбой к Вам, именно — сходить к Пятницкому и узнать, какая судьба постигла 3-й том Шелли и мои рукописи, переданные ему Горьким.³

Отзовитесь хоть словом

Ваш
К. Бальмонт.

¹ В июне—июле 1906 г. стихотворения Бальмонта в «Журнале для всех» не появились.

² Основной мотив глубоко пессимистического стихотворения «Бледные люди» — мотив безысходности славянской скорби — не был созвучен событиям 1906 г. Поэтому Миролюбов не опубликовал стихотворение.

³ См. примечание 3 к письму 23.

25

1906. 9 сентября.

Бретань.

Primel, Hôtel Talbot.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Посылаю Вам несколько стихотворений.¹ За большие стихотворения можете назначить прозаический гонорар. Если не воспользуетесь, пошлите, пожалуйста, обратно.

Гонорар за напечатанные стихи, 28 р. 80 к. получил. Спасибо.

Грущу, что Вы хвораете. Берегите себя. Вы нужны для многих.

Из стихотворений такого разряда, как появляются в «Красном Знамени»,² у меня сейчас ничего нет. Когда будут, пришлю.

Я написал новую книгу стихов «Жар-птица»,³ Славянские настроения. Те стихи, которые посылаю Вам, оттуда. Собираюсь в октябре в Норвегию. Оттуда напишу что-нибудь для Вашего журнала.

До свиданья. Жму Вашу руку. Всего лучшего.

Искренно Ваш
К. Бальмонт.

¹ В 1906 г. в журнале «Народная весть» (№ 2, декабрь) появилось стихотворение Бальмонта «Хвала Илье Муромцу».

² «Красное знамя» (Париж, 1906) — журнал, издаваемый А. В. Амфи-театровым. Ставил своей задачей борьбу с царизмом «в самодержавной его наглости и конституционных лицемериях». Журнал не имел четкого-

партийно-политического лица. Ближайшими сотрудниками его были М. Горький, А. Куприн, К. Бальмонт, М. Рейснер и др. Имея в виду нечеткость политической программы журнала, В. И. Ленин в 1910 г. писал Горькому: «...хорошо сделало его (Амфитеатрова, — А. М.) «Красное знамя», что во-время умерло!..» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 34, стр. 381).

Бальмонт опубликовал в «Красном знамени» 42 стихотворения, которые впоследствии составили основу сборников «Песни мстителя» («Imprimeur Gnatovsky», Париж, 1907) и «Стихотворения» («Знание», СПб., 1906). Поэт выступает против царизма, он призывает час расплаты и, выражая уверенность в том, что он придет, приветствует и славит русского рабочего. «На перекрестке всех скрестившихся дорог // Лишь к одному тебе я чувствую доверие», — провозглашает поэт в стихотворении «Русскому рабочему».

Оба сборника и первый номер журнала «Красное знамя», где опубликованы «Тринадцать стихотворений» Бальмонта, были запрещены цензурой (О. В. Цехновицер. Символизм и царская цензура. «Ученые записки ЛГУ», 1941, № 76, вып. 11, стр. 290—291).

В журнале «Трудовой путь» появились два стихотворения, подобных тем, что публиковались в «Красном знамени»: «Двенадцатый час» и «Без ошибки» (см. примечание 2 к письму 26 и примечание 2 к письму 27).

³ К. Бальмонт. Жар-птица. Свирель славянина. «Скорпион», М., 1907.

26

19 января. 1907.

Париж.

Passy, 17, rue Singer.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Я с радостью узнал из газет, что «Журнал для Всех» будет продолжаться.¹ Для меня этот журнал, помимо всего, связан с Вами, с Вашей личностью, с минутами встреч наших. В потоке людей помню Ваше лицо и голос Ваш, говорящий со мной.

Посылаю Вам два стихотворения. Боюсь, что «Двенадцатый час»,² который я написал воплями сердца, запомнившего и поклявшегося, нельзя будет напечатать. Если нельзя, распространите, по мере возможности, в рукописи.

Думаю, сколько боли у Вас в сердце. Могу Вас утешить как Кальдероновский герой: у меня, наверно, больше.

Все же гляжу на Мир из высокого окна, и в час заката молюсь уходящему Солнцу. Что любить мне, кроме тучек, и Солнца, и фиалки, нежной фиалки, затаившей две светлые капли росы?

Жму руку.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ «Журнал для всех», закрытый в 1906 г. в административном порядке, продолжал существовать до 1908 г. под другими названиями (см. стр. 71).

² Стихотворение «Двенадцатый час» является своеобразным откликом Бальмонта на жесточайшие репрессии царизма в 1905—1907 гг. Опубликовано в журнале «Трудовой путь» (1907, № 2), впоследствии вошло в сборник «Песни мстителя» (Париж, 1907). Другие стихотворения Бальмонта в январе—марте 1907 г. в журнале не появлялись.

27

17 марта 1907.

Париж.

Passy, 17, rue Singer.

Дорогой Виктор Сергеевич,

Посылаю Вам три стихотворения.¹ Уповаю, что «Без ошибки»² может появиться, а что оно должно появиться, это Вы, конечно, чувствуете так же, как я. «Ванду»³ мне тем более хотелось бы увидеть у Вас напечатанной, что я послал ее в «Вестник Европы»⁴ и получил ее оттуда обратно, с идиотскими подчеркиваниями, как будто бы Бальмонт воистину попал снова в какой-то класс гимназии и снова видит свирепо-бессмысленного педагога. Я очень увлечен теперь Польшей, а это — истинное Польское предание, мною воссозданное. Польский поэт, Лесьмян,⁵ говорил мне об этом стихотворении, что подобного ему у них, в Польской литературе, нет.

Я еще не получил номера, где напечатан «Двенадцатый час». ⁶ Неужели он, правда, напечатан? Я так-так счастлив от этой мысли.

Жму Вашу руку. Напишите два слова.

Не забывайте меня.

Искренно Ваш

К. Бальмонт.

¹ В последних книжках журнала «Трудовой путь» напечатаны следующие стихотворения Бальмонта: «Жалоба к цветку» (1907, № 6), «Небесные дары» и «Божья книга» (1907, № 9) и «Нетленное» (1908, № 1).

² Стихотворение «Без ошибки», из серии «революционных» стихов Бальмонта, появилось в журнале «Трудовой путь» (1907, № 4). Впоследствии вошло в сборник «Песни мстителя» (Париж, 1907).

³ Стихотворение «Ванда» в «Трудовом пути» не опубликовано, вошло в сборник «Жар-птица» (М., 1907).

⁴ «Вестник Европы» (СПб., 1866—1918) — исторический, литературный и политический журнал, основанный М. Стасюлевичем. В 1906—1916 гг. редактором-издателем был М. М. Ковалевский. Типичный либерально-буржуазный орган.

⁵ Лесьмян Болеслав — польский поэт, примыкавший к плееде писателей «Молодая Польша». Был связан с русскими символистами; печатался в журнале «Весы».

⁶ См. примечание 2 к письму 26.

В. Я. БРЮСОВ

ПИСЬМА к В. С. МИРОЛЮБОВУ

(1904—1908)

Взаимоотношения Брюсова и Миролюбова носили деловой характер. Публикуемая переписка касается лишь вопросов, связанных с сотрудничеством поэта в «Журнале для всех».

К началу 900-х годов демократический характер нового органа вполне определился, широкая популярность его была очевидна. Это побудило многих известных русских писателей принять участие в «Журнале для всех»; в их числе был и Брюсов.

Начало сотрудничества Брюсова в журнале относится к 1902 г. Он, видимо, несколько раз посылал туда свои переводы, но из них был опубликован лишь один. 26 марта 1902 г. Миролюбов писал поэту:

«Стихи, присланные Вами, у нас теперь не пройдут в цензуре. В толстом журн<але>, вероятно, пройдут, хотя на раб<очие> темы и в толстых журналах теперь пропускают туго. Как поослабеет строгость, можно будет пустить. Решайте сами, ждате ли или у нас, или их выслать Вам. Из старых набрано стих<отворение> «Из Ленау».¹

«Простите, что забыл Ваше отчество, напишите мне его, пожалуйста, а то неловко писать».

С совершенным почтением Ваш В. Миролюбов». (Архив В. Брюсова, передан в Рукописный отдел Библиотеки им. В. И. Ленина).

Немногие личные встречи, проходившие в официальной обстановке Религиозно-философских собраний, не способствовали сближению Миролюбова и Брюсова (В. Брюсов. Дневники. М., 1927, стр. 124).

Регулярная переписка между ними возникает лишь в 1904 г.; с майской книжки этого же года начинается активное сотрудничество Брюсова в «Журнале для всех».

Поэтические произведения, появившиеся на страницах журнала, в основном были посвящены общественным темам и воспеванию родной природы. Среди поэтов, постоянных сотрудников журнала, не было крупных талантов, вот почему Миролюбов так дорожил выступлениями в своем органе И. Бунина и не чуждался поэзии Бальмонта (см. их письма). В начале 1904 г. из «Журнала для всех» ушла группа писателей, активно содействовавших его успеху (см. стр. 69—70). Необходимо было позаботиться о новом пополнении рядов сотрудников.

¹ В «Журнале для всех» (1902, № 5) был опубликован перевод Брюсова из Ленау «В ясном небе без движенья...».

Привлечение крупнейшего поэта начала XX в., каким был Брюсов, к работе в «Журнале для всех» было заманчиво, но Миролюбов все же не хотел поступиться общей демократической направленностью своего органа. Пригласив Брюсова принять участие в «Журнале для всех», он счел необходимым напомнить поэту, что его стихи должны соответствовать общему направлению журнала, они должны быть рассчитаны на «среднюю публику», т. е. просты и понятны широкому читателю. 11 марта 1904 г. Миролюбов писал Брюсову:

«Рад бы был, если бы Вы, выбирая для нас стихи, в большой своей части, по крайней мере, доступные пониманию средней публики, делались любезны своей музой все большему и большему кругу читателей, превращая их из профанов, из непосвященных хотя бы в оглашенных, для которых будут доступны со временем и самые таинства» (Архив В. Брюсова).

Приход в демократический журнал свидетельствовал о желании Брюсова приобрести более широкую аудиторию читателей и, приблизив свое творчество к жизни, отказаться от обслуживания только небольшой группы изощренных ценителей поэзии. Но вместе с тем поэт, вращавшийся длительное время в среде рафинированной интеллигенции, плохо представлял себе круг интересов и уровень знаний среднего демократического читателя. Он присылал в журнал символистские стихи, которые не могли быть напечатаны из-за трудности их понимания и чуждости их тематики основным подписчикам журнала. Одно из первых стихотворений Брюсова, опубликованное в 1904 г., «Медея» было встречено читателями с недоумением. В привлечении Брюсова к сотрудничеству они увидели уступку демократической линии журнала декадентству и выражали пожелание видеть журнал таким, каким он был до 1904 г. Так, например, один из подписчиков, А. С. Юдин из Рославля, писал 28 декабря 1904 г.: «Считаю своим долгом заявить Редакции, что наружной и отчасти внутренней физиономией декадентства „Журнал“ отбил у многих охоту выписывать его. Прежние годы я посылал подписку за 7—8 человек, а теперь едва собрался один... Следовало бы расстаться с Бальмонтами и Брюсовыми» (ф. 185, оп. 1, № 1313, л. 13). Подобные отклики послужили причиной отказа Миролюбова печатать стихотворения Брюсова с широким использованием мифологического материала. В письме от 1 февраля 1905 г. редактор сообщал: «Жаль мне отсылать такое прекрасное стихотворение, да что поделаешь... Нужно проводить свое, считаясь с действительностью, раз завел журнал в один рубль. Будь у меня толстый журнал, тогда другое дело, другая публика» (Архив В. Брюсова).

Сам Миролюбов высоко ценил талант Брюсова-поэта, но, стремясь создать журнал, доступный пониманию широких слоев демократической интеллигенции, он вынужден был значительно ограничить появление стихов поэта-символиста на страницах «Журнала для всех». Отказ от печатания оригинальных стихов Брюсова не означал, однако, что поэту полностью был закрыт доступ в журнал: Брюсов оставался его сотрудником до последнего номера, но характер этого сотрудничества в процессе работы претерпел изменения.

Большое внимание в своей литературной практике Брюсов, как и другие поэты его лагеря, уделял переводам. К 1905 г. репутация Брюсова как одного из лучших переводчиков вполне утвердилась. К этому времени он уже перевел многие произведения Метерлинка, Верлена, А. де Ренья, Э. По и других поэтов и прозаиков. Миролюбов, начавший широко печатать в журнале переводную литературу, хотел использовать Брюсова как переводчика, обратив его внимание на социальную тематику. В письме от 1 февраля 1905 г. Миролюбов говорит о своем желании получить что-

нибудь равносильное брюсовскому переводу «Ворона» Э. По, а 12 февраля того же года он предлагает поэту показать, как нужно переводить, на примере «Кузнеца» Верхарна.

Брюсов — переводчик Верхарна — вот каким предстал перед читателем поэт в 1905—1906 гг. на страницах «Журнала для всех». «Кузнец», впервые переведенный полностью «под влиянием одобрения» Миролюбова, явился как бы программным выступлением Брюсова.

Стремясь найти признание широкой читательской среды, Брюсов был заинтересован не только в том, чтобы часто помещать свои стихи в журнале Миролюбова, но и в том, чтобы показать на его страницах свое творческое лицо. Именно с этим связана его просьба об одновременной публикации «группы стихотворений». Эта просьба приобретает особый смысл, так как Брюсов, опасаясь возвращения стихотворений из-за гонимых соображений редактора, отказывался от получения большого гонорара. Стихотворения Брюсова в журнале не появились, но, несмотря на это, поэт продолжал сотрудничать в нем. Вскоре Миролюбов опубликовал без сокращений перевод «Кузнеца» Верхарна. Социальная тематика стихотворения, незадолго перед этим опубликованного в переводе А. Лукьянова на страницах одного из «Сборников товарищества „Знание“», свидетельствовала о возрождении «Журнала для всех». Успеху стихотворения содействовал великолепный брюсовский перевод.

Помимо «Кузнеца», Брюсов опубликовал в «Журнале для всех» и другие переводы из Верхарна: «Голова», «Лондон», «Восстание». Воспринимая Верхарна как революционного поэта, Брюсов обратился к его творчеству, отмеченному высоким пафосом борьбы, под явным воздействием событий революции 1905—1907 гг. (О сложном и противоречивом развитии Брюсова см. статью Э. С. Литвин «Революция 1905 года и творчество Брюсова» в книге: Революция 1905 года и русская литература. М.—Л., 1956, стр. 198—245).

Понимая, как трудно Миролюбову в дни усиления репрессий против демократической печати сохранить журнал, Брюсов всячески стремился облегчить тяжелые для редактора дни. Он либо соглашался на половинный гонорар (так, за «Кузнеца» поэт получил по 30 коп. за строку вместо обычных 50—60 коп.), либо, подобно другим сотрудникам журнала, посылал свои стихи бесплатно. В 1907 г. он принял активное участие в хлопотах о материальной поддержке «Журнала для всех».

Небольшой на первый взгляд эпизод из биографии Брюсова — сотрудничество в журнале Миролюбова — еще раз убедительно подтверждает стремление поэта пересмотреть в 1904—1908 гг. свою литературно-общественную позицию.

Вместе с тем письма Брюсова позволяют углубить представление о его переводческой деятельности, в них содержится немало сведений и о художественных взглядах поэта.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 185, оп. 1, № 329).

1

Москва, 9 марта 1904.

Уважаемый

Виктор Сергеевич!

Ваше предложение¹ мне, конечно, очень желанно и дорого. Предлагаю Вам три *Вечерных песни* (мне хотелось бы,

чтобы они не были *Вечерние*:² это не совсем одно и то же). В этих стихах я пытаюсь соперничать в ритмике — страшно сказать — с Бальмонтом.³ Не решаюсь послать Вам более «своих», «Брюсовских» стихов-раздумий, потому что давно уже пишу их почти исключительно «свободным стихом», который вероятно пугает Журнал для Всех.

Верьте моему сердечному уважению.

Валерий Брюсов.

Письмо написано на бланке журнала «Весы».

¹ Предложение сотрудничать в «Журнале для всех» было передано Брюсову по просьбе редактора К. Бальмонтом.

11 марта 1904 г. Миролюбов писал Брюсову: «Здесь был Бальмонт, и я просил его передать Вам мою просьбу поддержать наш отдел стихов своими напевами» (Архив В. Брюсова).

² «Вечеровые песни» («Воздух становится синим...», «Поблек предзакатный румянец...» и «Помню вечер, помню лето...») были опубликованы в «Журнале для всех» (1904, № 5). Брюсов настаивал на этом наименовании цикла как на наиболее отражающем смысл его стихов. В 1905 г. поэт подготовил к печати сборник «Stephanos», который открывался «Вечеровыми песнями». В подавляющем числе стихотворений, вошедших в цикл, присутствуют образы вечера, ночи, заката. Однако для автора гораздо существеннее не эта общность, а то, что все песни, как это подчеркнуто самим заглавием, — песни вчерашнего дня, песни *прошлого*. В предисловии к сборнику, которое с большим правом можно считать предисловием к первому циклу, Брюсов отмечает, что его произведения «не для сегодняшнего дня», что его книга похожа на певца, вышедшего на поле битвы с одной лишь арфой. «Прощай, моя бедная книга! — восклицал он. — Ты уже далека и от меня. Да, настало время военных труб и песен сражений» (В. Брюсов. Stephanos. Венок. М., 1906).

³ К. Д. Бальмонт оказал большое влияние на раннего Брюсова. «Его иступленная любовь к поэзии, его тонкое чутье к красоте стиха, вся его своеобразная личность произвели на меня впечатление исключительное, — писал Брюсов в своей автобиографии. — Много, очень многое мне стало понятно, мне открылось только через Бальмонта. Он научил меня понимать других поэтов, научил по-настоящему любить жизнь. Я хочу сказать, что он раскрыл в моей душе то, что в ней дремало, и без его влияния могло дремать еще долго» (Русская литература XX века, т. I. Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914, стр. 111).

В 1904 г. Брюсов еще очень высоко оценивал творчество Бальмонта (см., например, отзыв о книге «Будем как солнце» в «Мире искусства», 1903, № 7—8), но затем дифирамбы Бальмонту уступили место скептическим и прямо отрицательным оценкам. Это было вызвано изменением поэзии Бальмонта, с одной стороны, и стремлением Брюсова выйти из узкого круга декадентства, с другой.

2

<15 мая—28 июля 1904.>

Многоуважаемый
Виктор Сергеевич!

На переводе, каким мне прислан был гонорар из «Ж<урна-

ла> для в<сех>» (приношу Вам за эту присылку благодарность),¹ была пометка, показывающая, что Вам желательно и дальнейшее мое сотрудничество. Посылаю Вам три, объединенные одной мыслью, стихотворения,² которые — сознаюсь — подлежат спору, но которые сам я высоко ставлю среди своих стихов. Препятствием для помещения их именно в «Ж<урнале> для всех» может послужить то, что стихотворения требуют от читателя довольно детального знакомства с мифами: иначе они будут непонятны. Я очень просил бы Вас, если б — по этой или другой причине — Вы не пожелали бы воспользоваться присланным, *известить меня*. Я передал бы таки эти стихи в «Новый Путь».³

Глубоко уважающий

Валерий Брюсов.

P. S. Я вполне предоставляю Вам поместить все три стихотворения вместе или раздельно, или, наконец, взять лишь одно из них. — Если Вы думаете, что пониманию стихотворений могут помочь краткие изложения мифов, то можете воспользоваться прилагаемыми здесь «на обороте» или составить какие другие, более подробные.

Письмо написано на бланке журнала «Весы». Датируется в связи с датой отсылки перевода — 15 мая 1904 г. и датой ответного письма Миролюбова — 29 июля 1904 г.

¹ Перевод в сумме 35 руб. был выслан Брюсову за публикацию в майском номере «Журнала для всех» трех «Вечеровых песен».

² В ответ на присылку трех стихотворений на мифологические сюжеты Миролюбов написал Брюсову: «Я возьму и пушу в следующем № только одно стих<отворение> „Медea“. Помещать 3 больших стихотворения на мифологические темы неудобно как в одном №, так и в 3-х №№ подряд, давая Вас с мифами. Для следующих №№ Вы нам пришлите что-нибудь подоступнее, чтобы можно было печатать без сносок. Буду ждать нового присыла, а Тезея и Орфея прилагаю, чтобы Вам их не переписывать» (Архив В. Брюсова).

³ В «Новом пути» (1904, № 11) опубликовано два стихотворения Брюсова — «Орфей и Аргонавты» и «Гребцы Триремы».

О Брюсове и «Новом пути» см. статьи Д. Максимова («Литературное наследство», 1937, т. 27—28, стр. 276—298) и И. Брюсовой (Валерий Брюсов. Избранные стихи. М., 1933, стр. 133—134).

3

6 февр<аля> <1>905, Москва, Цветной, 24.

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Не могу забыть слов Тютчева: «теперь тебе не до стихов, о слово русское, родное»¹ и не без смущения предлагаю

«Журналу для всех» еще одно свое стихотворение. Как почти все, что я пишу последнее время, оно пользуется образами классического мифа: все мои переживания как-то легко, как-то свободно воплощаются в них — так много, в самом деле, в этих образах вечной, «вселенской» правды. Думаю, что стихи не нуждаются в примечаниях. Во времена Жуковского, по крайней мере, все читатели знали, кто такой Ахиллес, Поликсена, Филоктет... Хочется верить, что средний уровень знаний не понизился.²

Уважающий и преданный Вам
Валерий Брюсов.

Письмо написано на бланке журнала «Весы».

¹ Строки из одноименного стихотворения Тютчева взяты эпиграфом к предисловию сборника «Stephanos», датированному 21 ноября 1905 г.

² Новое стихотворение Брюсова, использующее мифологические образы, в «Журнале для всех» не появилось. Миролюбов писал Брюсову по поводу его нового произведения в феврале 1905 г.: «Нам необходимо пришлось бы делать к этому стихотворению, которое мне очень нравится, различные сноски с разъяснениями, но и после них оно не стало бы близким для наших читателей. Мне это ясно стало после писем, полученных от подписчиков вслед за помещением Вашей „Меды“. Дайте нам что-нибудь доступное без примечаний» (Архив В. Брюсова). Какое именно стихотворение присылал Брюсов, установить не удалось.

4

Валерий Брюсов
Москва, Цветной б<ульвар>, 24.
Многоуважаемый
Виктор Сергеевич!

Я тронут Вашей памятью обо мне. Очень хотел бы исполнить Ваше желание,¹ но видимо это не в моей воле. Чехова я лично не знал и никогда не мог мыслить об нем иначе, как в форме ствлеченных суждений. Сознáюсь даже, что я, — вполне сознавая художественное значение его творчества, — никогда не увлекался им. Я чтил Чехова больше с холодным уважением, чем с настоящей любовью. Есть должно быть¹ в нем что-то чуждое, враждебное самой сущности моей души.²

Что касается «Кузнеца» Верхарна, то постараюсь перевести его непременно. Как только прочел я перевод, помещенный в «Сборнике Знания», — тотчас принял за работу; теперь значительная доля ее уже исполнена.³

Верьте моему уважению и преданности.

Валерий Брюсов.

1905, 16 апреля.

¹ Миролубов просил Брюсова прислать стихотворение для специального номера, посвященного памяти А. П. Чехова («Журнал для всех», 1905, № 7).

² Настоящий отзыв отражает общее отрицательное отношение Брюсова к Чехову в эти годы. Оно заметно прослеживается в статьях Брюсова 1901—1904 гг. (в основном отзывы о Чехове содержатся в ежегодных обзорах русской литературы для английского журнала «*Athenaeum*»), в которых критик воздерживается от развернутых оценок творчества прославленного писателя и лишь вскользь сообщает о появлении его новых произведений. Так, например, в обзоре русской литературы за 1901 г. поэт писал: «За последний год появилась его (Чехова, — А. М.) драма «Три сестры». С присущим ему мастерством он изображает весь ужас, всю беспомощность русской городской жизни» («*The Athenaeum*», 1901, № 3847, р. 86). Подобный же отклик можно найти в обзоре русской литературы за 1904 г. о пьесе «Вишневый сад» и рассказе «Невеста» (Европейская литература в 1904 г. I. Россия. «Весь», 1904, № 9). Но, не раскрывая своего отношения к Чехову в печати, Брюсов делал это в личной переписке. В одном из писем к П. П. Перцову в декабре 1901 г. он вполне определенно заявил: «Что до меня, — я этот Художест<венный> театр возненавидел вместе с Чеховым» («Русский современник», 1924, № 4, стр. 232. См. также отзыв Брюсова о Художественном театре в упоминавшейся выше статье в «Весах»). В связи с отрицательным отношением к Чехову-писателю Брюсов отказался от присылки стихотворения.

³ Миролубов, не удовлетворенный переводом «Кузнеца» Верхарна, сделанным А. Лукьяновым для четвертого «Сборника товарищества «Знание» (1905), писал Брюсову 12 апреля 1905 г.: «„Кузнеца“ Верхарна, которого так гнусно перевело „Знание“, хорошо бы показать, как нужно перевести» (Архив В. Брюсова). Брюсов с увлечением взялся за перевод. Письма 4—8 воссоздают характер работы поэта

5

Москва, Цветной 24.

19 авг<уста> 1905.

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Я хорошо помню свое обещание и очень рад, что могу наконец его исполнить, так как за лето обработал свои переводы из Верхарна. Предлагаю Вам два стихотворения,¹ из которых одно было переведено (в «Руси») ² М. Волошиным ³ и, Вы правы, действительно из рук вон плохо. Не решаюсь предложить других своих переводов из Верхарна, потому что все они очень длинные: в «Банкире» 70 стихов, в «Кузнеце» и того больше и т. д.

Что касается оригинальных моих стихов, то очень благодарю Вас за напоминание. Мне в высшей степени дорого сотрудничество в «Журнале для всех», потому что это единственный путь, которым мои стихи вырываются из узкого круга любителей декадентской поэзии. Но я убедился, что

отдельное стихотворение, помещенное в ряду стихов других авторов, совершенно теряется. Мне мечтается, не найдете ли Вы возможным поместить когда-нибудь небольшую *группу* моих стихотворений (хотя бы 5, в общей сложности строф 20—25), причем я охотно откажусь от «стихотворческого» гонорара и признаю вполне справедливым, если Вы эти 1½—2 страницы расцените, как прозу.⁴ Само собой разумеется, я имею в виду стихи, *подходящие* «Журналу для всех».

Верьте моему уважению и преданности.

Валерий Брюсов.

Р. С. Извиняюсь, что отвечаю с промедлением: меня не было в Москве. — На всякий случай прилагаю оригинальный текст стихов Верхарна.

Письмо написано на бланке журнала «Весь».

¹ Речь идет о стихотворениях «Голова» и «Лондон» (см. примечание 3 к письму 6).

² «Русь» — ежедневная газета либерального (впоследствии кадетского) толка, выходившая в Петербурге с декабря 1903 по 1905 и с 1906 по 1908 г. (с перерывом). Редактор А. А. Суворин (1903—1905).

³ Волошин (М. А. Кириенко, 1877—1931) — поэт-символист, переводчик и критик. В 1905 г. был сотрудником «Руси». Здесь и были напечатаны его переводы из Э. Верхарна «Казнь» и «Человечество» (1905, № 188, 14 августа). В письме речь идет о стихотворении «Казнь», переведенном Брюсовым под названием «Голова».

⁴ «Группа» оригинальных стихов Брюсова в «Журнале для всех» не публиковалась.

6

Валерий Брюсов

Москва, Цветной б<ульвар>, 24.

22 августа 1905.

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Судя по Вашему письму, Вы подумали что я почему-то не хочу предложить свой перевод «Кузнеца» Верхарна «Журналу для всех». Совсем напротив. Я был бы бесконечно счастлив, если бы «Кузнец» мог быть напечатан именно у вас, мог быть прочитан именно Вашими читателями. Но когда я вник в эти стихи ближе, при переводе, мне показалось, что они не подходят, по своему характеру, к обычным стихам Вашего журнала. Во-первых, «Кузнец» слишком велик по объему, во-вторых, в нем немало очень изысканных и порой рискованных сравнений и метафор («смазанных» в переводе

Лукьянова,¹ но восстановленных у меня), в-третьих, наконец, многое в нем может не понравиться цензуре, которая, кажется, к страницам «Журнала для всех» относится ревниво.² Вот почему я не послал Вам «Кузнеца» вместе с «Головой» и «Лондоном».³

На всякий случай посылаю теперь. Это — лишь отрывки (переведено мною приблизительно две трети), но отрывки, образующие довольно стройное целое. Перевод в общем близок, хотя кое-что и пропущено, а в двух местах кое-что и прибавлено. Оригинал вышлю Вам сегодня вечером. Позволяю себе просить Вас, если мои соображения окажутся верными, а стихи [окажутся] непригодными для «Журнала», — вернуть их мне, для чего прилагаю конверт с адресом.

Уважающий и преданный

Валерий Брюсов.

¹ См. примечание 3 к письму 4.

² С 1902 г. цензура обратила особое внимание на несоответствие программы журнала и печатаемых в нем произведений.

³ «Голова. Из Эмиля Верхарна». «Журнал для всех», 1905, № 11; «Лондон. Из Эмиля Верхарна» «Журнал для всех», 1906, № 1.

7

Валерий Брюсов

Москва, Цветной б<ульвар>, 24.

26 авг<уста> 1905.

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Меня очень трогает Ваше приветствие «Кузнецу». Но неужели он настолько нецензурен? Ведь был же он напечатан, хотя и в отрывках, в «Сборнике Знания»! Что касается непереведенных стихов, где изображаются *грядущие блаженные дни* на земле, то я несколько раз принимался за них, и перевод никогда мне не удавался. Дело в том, что эти стихи мне не слишком нравятся. Верхарн сильнее как разрушитель, чем как проповедник, и его идеалы слишком посясторонни, слишком земные. Во всяком случае, ободряемый Вашим призывом, сделаю еще попытку перевести эти стихи.

Сердечно уважающий

Валерий Брюсов.

29 авг<уста> 1905. Цветной, 24.

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Посылаю Вам, наконец, полный перевод «Кузнеца».¹ Сознательно опущено только два-три стиха (в разных местах), которые показались мне лишними. Сознаю, что этот труд завершен мной только под влиянием Вашего одобрения. Иначе вряд ли у меня достало бы воли вновь приниматься за перевод уже несколько раз не дававшихся стихов. Я лично считаю эти стихи моим самым удачным и самым верным переводом из Верхарна.

Меня продолжают тревожить Ваши опасения препятствий со стороны цензуры, тем более, что я и раньше сам побаивался того же. Позвольте просить Вас, если цензор решительно зачеркнет «Кузнеца» или сделает в нем такие урезки, что стихотворение потеряет свой смысл (с маленькими пропусками еще можно было бы примириться), — известить меня об этом тогда же. Я тогда передам «Кузнеца» в «Вопросы жизни»,² где сейчас печатаются другие мои переводы из Верхарна («Банкир», «Мор»...).³ Может быть, «Вопросы» будут в этом отношении счастливее. Но, разумеется, это в том случае, если Вам *нельзя будет воспользоваться «Кузнецом»*. Еще раз повторяю: видеть его на страницах «Журнала для всех» для меня гордость и радость.

Сердечно уважающий

Валерий Брюсов.

Письмо написано на бланке журнала «Весы».

¹ «Кузнец» Верхарна в переводе Брюсова опубликован в «Журнале для всех» (1905, № 12).

30 августа 1905 г. Миролубов писал Брюсову: «Большое Вам спасибо, многоуважаемый Валерий Яковлевич, за „Кузнеца“. Немного нужно подождать, чтобы провести его, а отдать его назад *невозможно*. Получишь хорошую вещь и с нею вместе получишь радость, отдых от непрекращающихся тяжелых впечатлений» (Архив В. Брюсова). Опасения Брюсова и Миролубова относительно цензуры оправдались, но несколько позже. 30 сентября 1906 г. цензурный комитет наложил арест на декабрьский номер «Журнала для всех» за 1905 г. и «возбудил судебное преследование против редактора» за публикацию в этом номере ряда материалов, в том числе и «Кузнеца». 31 июля 1913 г. было вынесено решение уничтожить двенадцатый номер «Журнала для всех» (ЦГАЛИ, ф. 777, оп. 7, № 510, л. 13).

² «Вопросы жизни» (Пб., 1905) — ежемесячный литературно-общественный журнал, реорганизованный из журнала символистов «Новый путь» (1903—1904). «Вопросы жизни» редактировались Н. Лосским

при ближайшем участии Н. Бердяева и С. Булгакова. Большое место в журнале наряду с философско-религиозным отделом занимал отдел литературный. Здесь публиковались циклы стихов А. Блока, В. Брюсова, Вяч. Иванова и др. В отличие от «Нового пути» журнал «Вопросы жизни» открыто выступал в защиту символистской литературы и подвергал жестоким нападкам прогрессивную реалистическую литературу.

³ В «Вопросах жизни» (1905, № 10—11) были опубликованы брюсовские переводы из Верхарна под общим наименованием «Лики жизни» («Трибун», «Банкир», «Мор», «Города и поле»). В этом же номере (он не был представлен в цензуру) среди оригинальных стихотворений Брюсова появился перевод «Мятежа» Верхарна, которому был предпослан эпиграф: «Les sourds tambours de tant de jours» E. Verhaeren («Глухая барабанная дробь, которая раздается уже столько дней». Э. Верхарн).

Такая маскировка, видимо, была вызвана цензурным запрещением «Мятежа» Верхарна (О. В. Цехновицер. Символисты и царская цензура. «Ученые записки ЛГУ», 1941, № 76, вып. 11, стр. 295).

9

5 марта 1906.

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Посылаю Вам «Восстание» Верхарна, переведенное мною в декабрьские московские дни и ныне наконец исправленное. Стихотворение это не из лучших у Верхарна: в нем много риторики, много натянутых сравнений и метафор. Однако отдельные частности в нем я очень люблю и ставлю очень высоко. Переводя, я по обыкновению старался строго держаться подлинника, передавая и недостатки. Впрочем, посылаю Вам для сравнения французский текст.

Если бы Вы нашли «Восстание» подходящим для «Журнала для всех», его надо было бы напечатать не позже *майской* книжки,¹ так как в мае появится отдельный сборник моих переводов.² Так как стихотворение очень длинно, я не имею никаких притязаний, чтобы его расценивали по «стихотворной таксе». Если позволено мне в этом вопросе высказывать свои соображения, то скажу, что считаю 25 р. совершенно достаточным гонораром за эту вещь.

Если же «Восстание» окажется неподходящим, не откажите мне в любезности вернуть рукопись. Буду весьма признателен.

Сердечно уважающий

Валерий Брюсов.

Цветной, 24, М<о>ск<ва>.

Письмо написано на бланке журнала «Весы». Отрывок из письма опубликован в статье Э. С. Литвиц в книге: Революция 1905 года и русская литература. М.—Л., 1956, стр. 224.

¹ «Восстание» появилось в № 5 «Журнала для всех» за 1906 г.

² Речь идет о книге: Э. Верхарн. Стихи о современности. В переводе Валерия Брюсова. М., 1906. Появление ее вызвало большое число отзывов (А. Герцык — «Весы», 1906, № 8; А. Блок — «Золотое руно», 1906, № 7—9; без подписи — «Образование», 1906, № 7, и др.), в которых критики отмечали большое значение сборника как первого отдельного издания переводов Верхарна. Они считали, что Брюсов в основном справился с задачей наиболее точного воспроизведения подлинника, хотя его переводы не лишены ряда неточностей.

В начале XX в. принципы перевода глубоко волновали переводчиков и часто вызывали горячую полемику. Поэтому неудивительно, что сборник Брюсова, отстаивавшего в своем предисловии необходимость точного перевода, нашел противника. Таковым был М. Волошин, также выступавший с переводами Верхарна (отзыв Брюсова о его переводах см. в письме 5). В статье «Эмиль Верхарн и Валерий Брюсов» («Весы», 1907, № 2) Волошин утверждал, что поэт, глубоко вникнув в творческие особенности переводимого автора, вынужден все же создавать новое произведение. «Ни одного стихотворения нельзя перевести, — пишет Волошин, — но многое можно создать еще раз на своем языке». Стремясь доказать невозможность точного перевода, Волошин отметил ряд погрешностей Брюсова-переводчика. В том же номере «Весов» Брюсов ответил Волошину, отстаивая свои принципы перевода.

10

27 июня 1907.

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Простите, что позволил Вам напомнить мне мое обещание: я был очень занят последнее время и уезжал на несколько дней. Шлю Вам то из своих новых стихотворений, которое кажется мне наиболее подходящим для Вашего журнала.¹ Очень прошу редакцию принять эти строки как мой маленький подарок, в стеснительные для нее дни, — в знак моей благодарности за давнее доброе отношение ко мне и моей поэзии.²

Сердечно Ваш

Валерий Брюсов.

Р. С. Помню хорошо свое обещание деятельно поддерживать Вашу просьбу на общем собрании членов Л<итературно>-х<удожественного> кружка.³

¹ В «Трудовом пути» (1907, № 7) появилось стихотворение Брюсова «Осеннее прощание Эльфа».

² Миролюбов писал Брюсову 1 июля 1907 г.:

«Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

«Приношу Вам глубокую благодарность за Ваше теплое письмо. Оно — поддержка в трудные дни, переживаемые мною. Спасибо большое и за стихи.

«С Июнем мы запоздали вследствие ареста лица, выразившего согласие быть редактором.

«Много неожиданностей, заставляющих — помимо денежных затруднений — сидеть безвыездно в Пет<ербурге> одному, без помощников. А голова требует отдыха и болит.

«Лишь бы кончить благополучно этот год.

«Надежда на Кружок и на Вас.

Еще раз спасибо.

Ваш В. Миролюбов» (Архив В. Брюсова).

³ Московский литературно-художественный кружок существовал с 1898 по 1920 г. В него входили видные деятели искусства и литературы. Кружок имел большую библиотеку и крупное собрание автографов знаменитых писателей, художников и артистов. Кружок издавал «Известия Московского литературно-художественного кружка» (1913—1918), освещавшие его деятельность.

Значительное место в литературно-художественной жизни Москвы занимали организуемые кружком «вторники» — еженедельные диспуты, доклады, лекции по вопросам искусства и литературы.

Вместе с тем кружок развернул благотворительную деятельность. Она выражалась в материальной помощи нуждающимся литераторам, художникам, артистам и студентам, а также в поддержке ряда коллективов. Для этой цели в 1904 г. была создана специальная «Комиссия имени А. П. Чехова». В 1906 г. ссуда Литературно-художественного кружка помогла труппе Московского Художественного театра осуществить заграничную поездку. Была оказана финансовая поддержка также и трем периодическим изданиям, в том числе «Журналу для всех».

В. Я. Брюсов играл большую роль в жизни кружка. В 1902 г. он был избран в число членов его дирекции, а с 1908 г. стал бессменным ее председателем.

В письме идет речь о просьбе Миролюбова отсрочить уплату долга кружку. 4 августа 1907 г. Миролюбов писал Брюсову: «Следующую кн<ижку> оплатить будет нечем. Нельзя ли „Общее собрание“, решающее мою участь, назначить в конце августа или начале сентября... 1-й взнос в уплату своего долга я должен буду сделать в янв<аре>, т. е. через 4 м<есяц>а после Общего собрания. Неужели мне откажут? Еще раз прошу Вас посодействовать. 10-й год существования журнала истекает в сент<ябре>. Он начат был октябрьской книжкой 1897 года» (Архив В. Брюсова). Просьба редактора «Журнала для всех», видимо, была удовлетворена. И. И. Попов в статье «О благотворительной деятельности Кружка» («Известия Московского литературно-художественного кружка», 1913, ноябрь, стр. 2) сообщает, что из трех ссуд, выделенных редакторам журналов, «одну ссуду пришлось списать, другая все еще остается неуплаченной, третья — уплаченной не вполне».

11

16 дек<абря> 1907.

Многоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Простите мне мое молчание, очень стыжусь за него. Но я последние месяцы как-то глупо и стихийно занят. Работы, и интересной работы, столько, что, если бы я захотел выпол-

REVUE MEN
SUELLE «LA
BALANCE» ♦♦
SOCIÉTÉ D'É
DITIONS «LE
SCORPION» ♦

Moscou, Place de The
âtre, n. Métropole, 23.

5 марта 1906.

Многоуважаемый
Викторъ Сергѣевичъ!

Послалъ Вамъ „Восстание“ Верхарна, переведенное мною въ декабрьскіе московскіе дни и нѣколько экземпляровъ исправленнаго. Стихотвореніе это не изъ лучшихъ у Верхарна: въ немъ много риторикки, много напыщенныхъ сравненій и метафоръ. Однако отдѣльный гаситивитъ въ немъ я очень люблю и ставлю очень высоко. Переводъ, я по обновленію старался строго держаться подлинника, передавая и недостатки. Впрочемъ, послалъ Вамъ для сравненія французскій текстъ.

Если бы Вы нашамъ „Восстание“ подходилимъ для „Журнала для Вѣны“, его надо было бы напечатать не поуже майской книжки, такъ какъ въ маѣ побитисъ офдѣбный сборникъ моихъ переводовъ. Такіе какъ стихотвореніе очень длинно, я не люблю никакихъ притязаній, тоби его расфривали по „стихотворной тактѣ“. Если позволено мнѣ въ этомъ вопросѣ высказывать свои соображенія, то следую что считаю 25р. совершенно достаточнымъ вознагражденіемъ за эту вещь.

Если же „Восстание“ окажется неподходящимъ, не откажитесь мнѣ въ любезности вернуть рукопись. Буду весьма признателенъ

Сердечно уважающій

Валерій Брюсовъ

Цѣнтонъ, 27, Мск.

нить ее всю, мне пришлось бы работать 30 часов в сутки. Это — причина, почему я так скуп на письмо. Но это — и причина, почему я все еще не доставил Вам стихов. Какие были, я роздал,¹ а новые в этом горниле работы «не пишутся». Ведь «Журналу для всех», который я люблю, мне не хочется давать «что-нибудь», — но только вещи, какие я сам ценю. Как только будут подобные стихи в моем распоряжении, доставлю их Вам тотчас, как свою покорную дань.

Ваш сердечно
Валерий Брюсов.

¹ В декабре 1907—январе 1908 г. в периодических изданиях появилось большое число переводов и оригинальных стихотворений Брюсова (см.: Библиография Валерия Брюсова. 1889—1912. Составлена книгоиздательством «Скорпион». М., 1913, 55 стр.).

12

Многоуважаемый
Виктор Сергеевич!

Простите, что медлил исполнить свое обещание. Мне за это время пришлось пережить серьезную потерю: умер отец.¹ Это надолго нарушило весь ход моих работ. Предлагаю «Журналу для всех» (хочется называть его прежним именем!²) четыре небольших строфы.³ Пока большего все еще нет. Очень прошу теперь и все время, пока «Журнал» не станет вновь твердо на ноги, считать мои присылки бесплатными. Но я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы нашли возможным высылать мне журнал на дом (Цветной б<ульвар>, 24).

Ваш сердечно
Валерий Брюсов.

14 янв<аря> 1908.

¹ Брюсов Яков Кузьмич (1848—1907).

² Речь идет о новых наименованиях журналов Миролюбова.

³ В «Нашем журнале» (1908, № 1), вышедшем в феврале, было напечатано стихотворение Брюсова «Неумирающая любовь».

«ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ»

К. А. ТРЕНЕВ

ПИСЬМА к В. С. МИРОЛЮБОВУ

(1902—1916)

В. С. Миролюбов (1860—1939) — издатель и редактор демократического «Журнала для всех», а затем «Ежемесячного журнала» обладал даром разыскивать молодых талантливых писателей и привлекать их в свои издания. Критика отмечала, что он первый «оценил безвестного Тренева» («Биржевые ведомости», 1915, № 14963, 14 июля). «Жил в Питере, — вспоминает Тренев в своей автобиографии, — а рассказы посылал на Дон, пока меня чуть не насильно свели к редактору „Журнала для всех“, Миролюбову. У него я напечатал три рассказа, но считаю их настолько слабыми, что нигде... не переиздавал» (К. Тренев, Избранные произведения, т. 1, М., 1949, стр. 73). Однако уже эти несовершеннолетние рассказы привлекли внимание Миролюбова. Когда Тренев увлекся газетной работой и перестал писать художественные произведения, Миролюбов написал молодому автору, что он не имеет права пренебрегать своим дарованием. Письмо произвело большое впечатление на Тренева, «всколыхнуло» его.

В 1908 г. в связи с судебными преследованиями, возбужденными против журналов, заменявших «Журнал для всех» (см. стр. 70—71), Миролюбов уехал за границу. Но и здесь он не бросил своей редакторской работы. В 1911 г. он привлекается М. Горьким к редактированию «Сборников товарищества „Знание“», а в 1912—1913 гг. участвует в редактировании художественного отдела эсеровского журнала «Заветы».

В эту пору Тренев-писатель пользуется уже не только поддержкой Миролюбова, но и дружеской помощью М. Горького, который сумел внушить ему веру в свои силы, в свой талант. «Огромное значение в моей литературной биографии, — писал Тренев, — имел М. Горький, откликнувшийся с Капри на посланную ему вещь горячим сочувствием и с изумительной лаской, ободрившей меня в тяжкие минуты. Полагаю, что без этих ободрений я едва ли начал бы серьезно писать. Очень уж мало верил в свои силы» (Писатели. Автобиографии современников. Под ред. В. Лидина. М., 1926, стр. 310).

Познакомившись с новыми произведениями Тренева, Горький напомнил о нем Миролюбову. Он посоветовал избавить Тренева от педагогики и привлечь его в новый журнал (М. Горький, Собрание сочинений, т. 29, М., 1955, стр. 208).

Открытый признанием Горького, Тренев дает в «Заветы» повесть «Владыка» (1912, № 7), а затем рассказ «На ярмарке» (1913, № 1).

Позднее в «Заветах» был опубликован рассказ «Любовь Бориса Николаевича» (1914, № 2).

Первые два произведения Тренева, принятые в журнал Миролюбовым, своей социальной заостренностью вызвали у редакции боязнь придирок со стороны цензуры, которая весьма пристально следила за «Заветами». Секретарь редакции С. П. Постников писал по поводу повести «Владыка», что следует пока заменить ее более нейтральным рассказом В. Шишкова, «Бююсь за Тренева», — сообщил он (ф. 185, оп. 1, № 951).

Напечатание повести было одной из причин наложения ареста на седьмой номер «Заветов» за 1913 г. (см. примечание на стр. 200).

Тренев связывал свое сотрудничество в «Заветах» с редактированием художественного отдела Миролюбовым, критические суждения которого он, как и многие другие писатели, высоко ценил. В письме к Р. И. Иванову-Разумнику, одному из редакторов «Заветов», Тренев сообщал, что отдал свою повесть «Владыка» не журналу, а лично Миролюбову (см. письмо 6). Публикация «Владыки» принесла Треневу литературную известность (см. обзор отзывов о повести в статье: Б. Н. Перзекке. К анализу повести «Владыка» К. А. Тренева. «Известия Крымского педагогического института», 1957, т. XXVI, вып. 1, стр. 33—34). Журнал «Заветы» однако не откликнулся на публикацию произведения своего сотрудника. Иванов-Разумник, выступавший в «Заветах» как критик, невысоко ценил талант Тренева. После ухода Миролюбова из «Заветов» Тренев также вскоре покинул журнал.

Миролюбов был недоволен постановкой журнального дела в «Заветах». «Здесь нельзя поручиться даже за правильный выход номеров в свет», «для меня видеть все это мука», — писал он в своих записных книжках (ф. 185, оп. 1, № 26, лл. 98, 182). Его обижало вмешательство Иванова-Разумника в редактирование художественного отдела, не согласен он был и с пропагандой творчества символистов и декадентов. Эти обстоятельства, а также желание иметь собственный журнал привели к разрыву с «Заветами» (см. примечание на стр. 227). Осуществлению этого желания мешало пребывание Миролюбова за рубежом. По амнистии 21 февраля 1913 г. в связи с 300-летием царствования Романовых полностью прекратились дела о старых журналах Миролюбова, и он получил возможность вернуться в Россию и приняться за организацию собственного органа печати. В первых числах марта 1913 г. Миролюбов уже был в Петербурге, а в апреле окончательно ушел из «Заветов».

Тренев приветствовал издательскую инициативу Миролюбова, видя в новом органе, «Ежемесячном журнале», воскрешение демократических традиций «Журнала для всех». Он содействовал рекламе о подписке на журнал и отдал Миролюбову рассказ «В станице» (1914, № 1), очерк «В вагоне» (1915, № 2), пьесу «Папа» (1916, № 5), обозрение провинциальной жизни (не было опубликовано — см. письмо 15).

Публикуемые письма раскрывают историю взаимоотношений Тренева и Миролюбова-редактора.

«Ежемесячный журнал» (Пб.) просуществовал неполных 5 лет (1914—1918). Программа его была шире, чем у «Журнала для всех», журнал получил право вести внутреннее и иностранное обозрение, увеличилось число отделов. Печать отмечала, что журнал «толкает читателя „жить во все стороны“» («Алтайский крестьянин», 1915, № 43, стр. 24), что материал научных и культурно-просветительных отделов подбирается тщательно и умело, что журнал лишен слащавости и вульгарности, которые свойственны были многим изданиям «для народа». Журнал был сравнительно дешев (вначале 4 руб. в год), и Миролюбов всеми силами ста-

рался сохранить его доступность в тяжелые годы войны и революции (см.: «Ежемесячный журнал», 1917, № 7—10).

Миролюбов предназначал «Ежемесячный журнал» главным образом для сельской интеллигенции и читателя-крестьянина. Он привлекал к сотрудничеству людей из народа. Крестьяне — П. Гаврилов, М. Новиков, И. Мельников и др. — постоянные корреспонденты «Ежемесячного журнала» из российской «глубинки». Миролюбов уделял большое внимание в своем органе освещению жизни деревни, эксплуатации крестьянина, кооперации и т. д. Однако в силу народнической позиции редактора в журнале складывалась далекая от истины картина русской деревни. «Ежемесячный журнал» воспринимался печатью и читателями как орган, близкий к «Заветам» («Сибирская жизнь», 1916, № 2, 3 января), но среди эсеровской печати он занимал особую позицию. «По своей программе журнал принадлежит к числу „взыскующих града грядущего“, причем этот „град“ представляется в виде „всеобщей кооперации“, в целях всеобщего развития», — писал «Алтайский крестьянин» (1915, № 43, стр. 24).

Кооператорские идеи были значительно разбавлены в «Ежемесячном журнале» религиозными исканиями. Вера, сектанты, богостроительство — эти темы занимают значительное место и в публицистике и в художественных произведениях. Высказывание Миролюбова в письме к В. Вересаеву 1904 г.: «Искание Бога, истины для меня всегда будет определять мою дальнейшую деятельность в ведении журнала» (ф. 185, оп. 1, № 124) — сохранило свою силу и в годы редактирования «Ежемесячного журнала». Теперь Миролюбов начинает выступать и как активный пропагандист идей толстовства. Морализаторски-религиозные и кооперативно-утопические устремления нового миролюбовского органа распространяли вредные иллюзии и отвлекали внимание демократического читателя от подлинно жгучих социальных вопросов. Большой ошибкой Миролюбова была публикация в журнале реакционного романа В. Винниченко «Божки».

Большое место в «Ежемесячном журнале» занимал художественный отдел и отдел критики и библиографии.

Как и ранее, Миролюбов стремился привлечь в свой журнал крупные имена. Однако эти попытки в целом не удались. Известные писатели лишь изредка появлялись на страницах «Ежемесячного журнала». Вокруг него группировались в основном молодые, еще мало известные или совсем неизвестные литераторы. Среди них были: А. Чапыгин, О. Форш, С. Есенин, К. Тренев, В. Шишков, В. Бахметьев и др.

Усиление цензуры в военное время, рост цен на бумагу и типографские расходы, а в связи с этим ограничение и без того небольших гонораров, наконец, длительная болезнь редактора заметно сказались на журнале. Он стал хиреть.

Сздав «Ежемесячный журнал» с искренним намерением «послужить народу», Миролюбов, настойчиво подчеркивавший, что принадлежит к старым народникам, в годы войны начал сознавать, что жизнь обогнала его, что журнал не отвечает истинным запросам народа. В записной книжке за 1916 г. Миролюбов оставил следующую горькую запись: «Страшно гнетет необеспеченность журнала... Если журнал нужен, отчего же его так плохо поддерживают?... Не ошибаюсь ли я, настойчиво укрепляя его? Б<ыть> мож<ет>, нужно совсем другое?» (ф. 185, оп. 1, № 27, л. 39—40).

В 1917—1918 гг. журнал Миролюбова, пытаясь сохранить «нейтральность» по отношению к революционным событиям и уклониться от активной борьбы за социализм, окончательно растерял основные кадры читателей и прекратил существование. В эти годы имя Тренева не появляется

на страницах «Ежемесячного журнала». С прекращением сотрудничества Тренева в журнале пути его с Миролюбовым расходятся, их переписка обрывается.

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 185, оп. 1, № 1169).

Адреса открытых писем: № 7 — Москва, до востребования. Его Высокородию Виктору Сергеевичу Миролюбову; № 9 — С.-Петербург, до востребования; № 10 — С.-Петербург, Лиговская, дом Перцова; №№ 12, 14, 16 — С.-Петербург, Клинский проспект, д. 18, кв. 4; №№ 18, 20, 22—30 — Петроград, Серпуховская, д. 40, редакция «Ежемесячного журнала».

1

Глубокоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Горячее спасибо, но мне очень больно от отмеченных Вами недостатков в рассказе. Тем более, что и сам-то я очень уж чувствовал их, особенно вот эту проклятую «расплывчатую словесность». Я стонал от нее не хуже своего героя, а поде- лать ничего не мог.

Конец, действительно, можно бы лучше, но мне казался рискованным слог оратора и я боялся пересолу.

Может, Вы, Виктор Сергеевич, отчеркнули наиболее неудачные места? Я бы с охотой переделал их. А то, действительно, жаль. Не знаю, как с заглавием. Дайте сроку. А может: «Особы и „человек“»? Можно ведь еще и подзаглавие сделать?

С истинным почтением К. Тренев.

27 Ноября <1902>

Датируется по упоминанию рассказа «Человек», в котором «особы» выживают из города маленького человека в связи с роковым сходством его с одной из важных особ. Рассказ был напечатан в «Журнале для всех» (1903, № 3). Миролюбов охотно помогал начинающим авторам. И. Сургучев писал ему об одной из своих рукописей: «Признаюсь, что сделать это так, как Вы сделали, я, пожалуй, не смог бы... теперь... она приобрела совершенно иную физиономию: умылась» (ф. 185, оп. 1, № 1128, л. 5).

2

Ростов на-Дону, Ноября 13 дня 1903 г.,

Редакция

ежеднев<ной> газеты

«Донская речь»

Глубокоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Всколыхнуло меня письмо Ваше до самых основ. Конечно, я и не думал отказываться от дальнейших попыток пойти по

пути беллетриста, но что же делать, если захватила черная газетная работа! ¹ Подчас ужасно грустно бывает, что ухlopываешь время не на то, на что, кажется, нужно бы его тратить. Но уж об этом остается только погрузиться. Я рад уже и за то, что хоть чаша чинодрала или педагога миновала меня, и я нахожусь при деле, которое все же хоть что-нибудь говорит душе. ² Тут тебе устроит душ цензор, там погрозится кузькиной матерью полициймейстер, а там жандарм рычит: Закрою!.. Словом, все обнадеживают, кто чем может. Вот она душа-то и волнуется сменой приятных впечатлений. ³

А все-таки буду пользоваться немногочисленными минутами свободы, чтобы соорудить что-н<и>будь пригодное для Вашего журнала. ⁴

Виктор Сергеевич, пожалуйста, пришлите нам Ваше письменное согласие дать «Журн<ал> для Вс<ех>» в качестве приложения к «Д<онской> Р<ечи>» и вместе текст Вашего объявления о подписке. ⁵ Не задержите, бога ради, а то ведь уже пора.

С истинным почтением К. Тренев.

Письмо на редакционном бланке.

¹ После публикации рассказов «На извозчике» и «Человек» («Журнал для всех», 1903, №№ 1 и 3) Тренев всецело отдался газетной работе и отошел от беллетристики. Узнав об этом, Миролюбов написал начинающему литератору, что «не будет ему прощения ни в этой жизни, ни в будущей, если он забросит свое дарование». Тренев, однако, не скоро смог вернуться к художественному творчеству. После дебюта в «Журнале для всех», писал он позднее в автобиографии, «следуют долгие годы, загубленные в провинциальной газетной и педагогической работе» (К. А. Тренев, Избранные произведения, т. I, М., 1949, стр. 73).

² «Чаша педагога», вопреки надеждам, не миновала Тренева. Поступив на службу во избежание воинской повинности (см. письмо 3), он был затянут педагогической работой. В 1911 г. М. Горький просил Миролюбова помочь молодому писателю освободиться от педагогики (М. Горький, Собрание сочинений, т. 29, М., 1955, стр. 208). Однако Тренев еще долгое время преподавал русскую литературу в гимназии, в учительской семинарии, а затем на рабфаке. «Высоко ему расти, — писал о Трениве Миролюбову критик А. Б. Дерман. — Жаль, что педагогия подавляет его; да он крепкий, выдержит» (ф. 185, оп. 1, № 486, л. 2).

Газетная работа, которой тяготился Тренев, в то же время сильно обогащала его как писателя. Из опыта журналиста черпал многие темы Тренев-прозаик и драматург. Газета также давала известный выход общественному темпераменту Тренева.

«Донская речь» была одной из популярных провинциальных демократических газет. В конце 90-х—начале 900-х годов в «Донской речи», помимо Тренева, печатаются прогрессивные литераторы: А. Свирский (писал также под псевдонимом Донской), А. Серафимович, С. Арефий (секретарь редакции), В. Воинов, Я. Сергеев и др. Заведующая редакцией и

являясь фактическим соредактором «Донской речи», Тренев в то же время почти каждый день публиковал большой фельетон, а то и два. Много лет спустя Серафимович писал об этих выступлениях Тренева: «Я немного раньше Вас начал писать, но темной ночью мы вместе шли, и в „Донской речи“ Ваши вещи светились» (Е. Сурков в К. А. Тренев. 2-е изд., М., 1955, стр. 38).

Показательна цензурная история «Донской речи». В 1902 г. цензура предъявила газете обвинение в подстрекательстве к стачке рабочих Владикавказской железной дороги. Еще до событий 1905 г. «Донская речь» порою помещала материалы, вызывавшие негодование цензора, постоянно выходила за пределы дозволенной программы, затрагивала вопросы общероссийской политики и печатала корреспонденции неблагонадежных лиц. В марте 1905 г. ростовский цензор Мардарьев докладывал начальнику Главного управления по делам печати, что «Донская речь» всегда отличалась «либеральным направлением, тенденциозностью в подборе материала и резким обличительным тоном». В связи с манифестом 17 октября, формально ослабившим цензуру, газета решительно напала на черную сотню и стала систематически помещать запрещенные цензором материалы, демонстративно оповещая об этом читателей. 9 декабря в статье «Мы обвиняем» она обвинила правительство в развязывании кровавой резни. Это решило ее участь. «Донская речь» была закрыта (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 12, № 76).

Тренев принял активное участие в создании преемницы «Донской речи» — «Донской жизни» и стал ее редактором. В цензурном деле о «Донской жизни» хранится следующий документ:

В Главное управление по делам печати
кандидата богословия Константина Андреевича
Тренева

Заявление

Имею честь заявить Главному управлению, что на предложение, сделанное мне коллежским советником Н. Х. Норкиным принять на себя обязанности ответственного редактора газеты «Донская жизнь», о разрешении которой он возбуждает ходатайство, я изъявляю согласие и прошу утвердить меня в звании редактора этой газеты.

Кандидат богословия
Константин Тренев.
15 июня 1905 года

(ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 15, № 152).

Норкин, врач новочеркасской учительской семинарии, был, по-видимому, подставным лицом, активного участия в деле не принимал. Душой газеты были Тренев и прежний редактор «Донской речи» А. И. Шепкалов (см. письмо 20). Тренев оставался на посту редактора менее года. Первый номер «Донской жизни» вышел в Новочеркасске 25 декабря 1905 г., а с № 240 (4 октября 1906 г.) газету стал подписывать А. И. Шепкалов. Интригами предводителя донского дворянства Тренев был переведен в Волчанскую учительскую семинарию. Однако он не бросает перо газетчика — продолжает писать в «Донскую жизнь», сотрудничает в симферопольских «Южных ведомостях», петербургских «Русской молве» (см. письмо 11) и «Русском слове».

Идеология «Донской речи» и «Донской жизни» была буржуазно-демократической, просветительской. Редактировавший их на протяжении многих

лет А. И. Шепкалов был последователем Н. К. Михайловского («Донская жизнь», 1916, № 85, 17 апреля). В 1905—1906 гг. обе газеты проявили некоторую склонность к кадетам («Донская речь», 1905, № 282, 29 ноября; «Донская жизнь», 1906, №№ 20, 95 от 20 января, 13 апреля и др.). Во время вооруженной борьбы в 1905 г. Тренев занял двойственную позицию: призывал сплотиться для отпора реакции и в то же время был против кровопролития («Донская речь», 1905, № 289, 6 декабря).

Тренев, выходец из донской «глубинки», видимо, немало способствовал приурочиванию газеты к своеобразным условиям казачьей жизни. Редакция охотно давала место материалам о казаках, например, статьям известного собирателя А. М. Листопадава о казачьем фольклоре, о казаках на войне и др. Систематически освещалась жизнь станиц, в частности, в фельетонах Тренева. В 1906 г. в «Донской жизни» был отдел «О казачьих делах».

Кроме постоянного общественно-политического фельетона «Темы дня», Тренев печатал в «Донской жизни» рассказы, очерки и театральные рецензии. Для характеристики ранних литературных взглядов Тренева интересен отрицательный отклик на пьесу М. Горького «На дне» и постановку ее в Московском Художественном театре («Донская речь», 1903, № 102, 20 апреля). Вскоре Тренев дал иную оценку этому произведению: резко критиковал местный театр за «умерщвленную боевую пьесу» (там же, № 253, 25 сентября).

³ Тренев, по-видимому, имеет в виду нападки на «Донскую речь» в связи со стачкой на Владикавказской железной дороге 3 ноября 1902 г. Начальник Донского областного жандармского управления полковник С. В. Тихонович сообщил ростовскому цензору Л. Богдановичу, что управление дороги недовольно допущением в печать статей, «имеющих возбуждающее влияние на рабочих». Цензор докладывал в Главное управление по делам печати, что статьи в значительной мере справедливы и что управление дороги поэтому не рискнуло посылать в газету опровержение. Статьи не содержали призывов к забастовке, а лишь обличали отдельных чиновников дороги в сравнительно мелких злоупотреблениях и самоуправстве. Тем не менее дело дошло до командира корпуса жандармов фон Валя, прибывшего после стачки в Ростов. Генерал указал цензору, что следует искоренять сам тон «Донской речи» — «бесшабашный и ллесткий», соглашаясь, что достигнуть этого нелегко, так как тон этот укоренялся в течение нескольких лет.

Из цензурного дела «Донской речи» видно, что через жандармского полковника С. В. Тихоновича на «Донскую речь» постоянно пытались повлиять задетые ею местные чиновники и воротилы. В декабре 1902 г. цензор Л. Богданович неофициально сообщал начальнику Главного управления по делам печати, что чины местной администрации, в их числе жандарм С. В. Тихонович, «продолжают... делать указания и замечания редакторам [местных газет], точнее пугать их и сбивать с толку» (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 12, № 76, лл. 242—248 и др.).

⁴ Треневу удалось выполнить обещание только четыре года спустя: в конце 1907 г. он послал Миролюбову рассказ «В консистории» (см. письмо 3).

⁵ Объявление о подписке на «Журнал для всех» и о том, что он будет дан подписчикам «Донской речи» в качестве приложения на 1904 г., появилось в газете (1903, № 310, 23 ноября) и затем неоднократно перепечатывалось.

Глубокоуважаемый

Виктор Сергеевич!

Попрошу Вас припомнить студента К. Тренева, которого два рассказа были приняты Вами на страницы «Журн<ала> для Всех» («На извозч<ике>» и «Человек»). Уехавши летом 1903 г<ода> из Питера, я исчез с Ваших горизонтов, если не считать моего обращения к Вам осенью того же года в качестве заведующего «Донск<ой> Речью» и Вашего ответа, в котором Вы, обращаясь ко мне в 3-м лице, выразились буквально так: «...если он забросит свое дарование, то, хотя бы он взял в свои руки все „речи“, не будет ему прощения ни в этой жизни, ни в будущей».

Пришлось буквально запомнить эту фразу потому, что, не придавши ей большого значения вначале, слишком уж часто возвращался к ней погом. Газетная работа за четыре года так прибрала меня, что я, взявшись за нее с твердым намерением отдать главное внимание беллетристике, не написал ни строчки. И что трагичнее всего — это моя твердая уверенность, что завтра же начну писать рассказы. И только в прошлом году я с ужасом убедился, что пока у меня будет на шее газета, это «завтра» для меня не наступит. А расстаться с газетой у меня не хватало сил. Эта коллизия была страшно тяжела. Спасибо, на помощь мне пришло донское дворянство, задетое за живое моей газетной деятельностью. Так как я, во избежание воинской повинности, состою на службе по учебному ведомству, то дворянство в лице своего предводителя исхлопотало, чтобы меня убрали с Дону.¹ Мною заткнули место учителя учительской семинарии в самом захолустном в мире городе — Волчанске.² Можно быть уверенным, что здесь еще лет триста не будет газетной работы. И вот, устроивши свои личные дела, я начинаю понемногу реставрировать в себе образ и подобие Божие, стертые газетной работой.

Посылаю Вашему вниманию первую свою вещицу и убедительнейше прошу напечатать в Вашем журнале.³ Будьте, Виктор Сергеевич, снисходительны. Надеюсь в самом близком будущем наверстать недочеты первой работы.

Во всяком случае, о судьбе рассказа, равно и о впечатлении от него, не откажите уведомить.

Только бога ради не обескуражьте.

С почтением К. Тренев.

Мой адрес: Волчанск, Харьк<овской> губ., учитель-

ск<ая> семинария, Константину Андреевичу Треневу.
7/XII <1907>

¹ В газетах «Донская речь» и «Донская жизнь», редактируемых Треневым, систематически печатались материалы об имущественном и гражданском оскудении «первого сословия империи», о забвении дворянством государственных интересов, о политических мошенничествах, о приверженности дворян черной сотне, об их антисемитизме и малокультурности. Особенно раздражали дворян разоблачительные фельетоны К. Харьковского (псевдоним Тренева). Предводитель дворян А. П. Леонов прибег к воздействию, о котором пишет Тренев. С № 240 (4 октября 1906 г.) Тренев перестал быть официальным редактором «Донской жизни».

² В Волчанске Тренев жил в 1907—1909 гг.

³ Рассказ Тренева «В консистории» был напечатан в журнале «Трудовой путь» (1908, № 1), который выходил вместо закрытого «Журнала для всех».

4

<Январь 1908>

Сердечное спасибо за теплое слово и ласковый прием, оказанный моей «консистории».¹

Предложением Вашим прислать еще оживлен: пишу большой (раза в 4 больше «консист<ории>») рассказ из мало-русской жизни. Полагаю недели через две закончить и представить на Ваш суд.²

Не откажите распорядиться о высылке мне гонорара по адресу: Волчанск, Харь<овской> губ., Констант<ину> Андр<еевичу> Треневу.

Ваш К. Тренев.

Р. С. В провинции вокруг Вашей книжки небывалая сенсация, «письмо» создало Вашему мужеству весьма завидную популярность.³

Датируется по упоминанию рассказа «В консистории». Обращение к адресату оторвано.

¹ Рассказ «В консистории» опубликован в журнале «Трудовой путь» (1908, № 1). Рассказ перекликается с выпадами Тренева-газетчика против церкви и ее охранительной роли во время событий 1905—1906 гг. (см., например, «Донскую жизнь», 1906, №№ 203, 205, от 18 и 20 августа и др.).

² Речь, видимо, идет о рассказе «Затерянная криница». В связи с прекращением издательской деятельности Миролюбова в 1908 г. рассказ не смог быть напечатан.

³ Имеется в виду открытое письмо священника Г. С. Петрова митрополиту Антонию, опубликованное в журнале «Трудовой путь» (1908, № 1). Имя Г. С. Петрова Тренев упоминает также в письмах 5 и 8.

Григорий Спиридонович Петров (1868—1925) — известный в дореволюционное время проповедник, журналист и общественный деятель, депутат II Государственной думы. В статье «Тактика РСДРП во время избирательной кампании» В. И. Ленин в связи с тем, что конституционные демократы предложили Петрову место в списке своей партии на выборах в Государственную думу, дал ему следующую характеристику: «христианский демократ, весьма популярный демагог» (В. И. Ленин,

Сочинения, т. 12, стр. 126). После роспуска Думы Петров лишен был сана священника и выслан из столиц. Некоторое время жил за границей. По возвращении в Россию вернулся к журналистской деятельности. При его «постоянном и ближайшем участии» выходил ежемесячный «Вестник трезвости» (1901—1916). Его публицистические выступления составили объемистый «Сборник избранных произведений Григория Спиридоновича Петрова» (СПб., 1911, «Библиотечка копейка»). Долгие годы Петров сотрудничал в газете «Русское слово». С 1920 г. эмигрант.

В «Трудовом пути» Г. С. Петров выступил не случайно. Миролюбов в своих журналах пытался увязывать поиски социальной правды (понимаемой в народнических тонах) с богоискательством. В своем письме Петров разоблачал официальную церковь, ее «бездушную победоносцевщину под видом православия» и высшее духовенство, которое одобрило «все ужасы властей», в том числе 9 января 1905 г. Петров выразил надежду, что правда христова все же возобладает и русский народ построят на своей родине царство божие.

Цензору Соколову показалось, что автор письма замахивается и на самодержавие, что он отрицает «право и компетенцию верховной власти». Цензор даже нашел в письме «социалистический взгляд на капиталистический строй». Последнее было уже явным следствием испуга перед не отгремевшей еще революцией. Но и без того письмо подпадало под несколько статей уголовного уложения. Сообщение Тренева о сенсации в Волчанске характеризует восприятие письма провинцией, где журнал Миролюбова пользовался популярностью.

5

Дорогой Виктор Сергеевич!

Слава богу! Имею от Вас письмецо, да еще из России...

Горячо Вас поздравляю и радуюсь всей душой. Право, как будто в России светлей стало. Не писал Вам—в декабре ждал ответа на свое письмо (не было), в январе собирался, а в феврале решил, что едва ли письмо застанет Вас.¹

Что бы это Вы — на здоровье жаловаться? В Крым, значит, хорошо бы. В Коктебель!² Я здесь обыкновенно провожу лето: детский и писательский уголок.³ И Григ<орий> Петров с его «писательским» домом.⁴ О себе хорошего ничего, задавлен, раздавлен тетрадами, уроками. Не кляните, но за зиму не написал ни строки. От этого чувствую себя так, что хоть с мосту да в воду. Знаете, такое обычно состояние, как будто клопы душу едят. Всю искусаи... А тут еще такое самочувствие литературной анафемы, будто я — сшарлатанившая бездарность, каким-то фуксом написавшая «Владыку»⁵ и этим исчерпавшая свое прозябание... Ужасно! Слава Богу, теперь, кажется, все это проходит, и снова чувствую разговор в голове и волны в груди. Только бы свобода скорей.

А Ив<анов>-Разумник, действительно, пришиб меня своим молчанием (особенно в отчете «Русс<ких> Ведомостей»).⁶

Не удовлетворившись этим, он написал мне «теплое письмо» с целью холодного душа: убеждает меня, что я еще не настоящий писатель, «еще не овладел своей формой» (что это обозначает?), что мне еще далеко до Ремизова, «Пятая язва»⁷ которого «глубочайшая трагедия», а мой «Владыка» «примитивная драма». Словом, опасно больного человека убеждать в том, что он непременно умрет. Но обидно не это, а то, что я имел порыв в ответ раскрыть ему, что он ошибается, подозревая во мне сургучевскую самоуверенность,⁸ что в том-то мое и горе, что я на грош себе не верю. . . Словом, открыл свои карты, свою язву человеку явно чужому. Ах, как мне теперь больно и обидно. А тут еще материально меня обидели. Чтобы эта моя последняя претензия не показалась Вам странной, хотел бы, чтобы Ив<анов>-Раз<умник> познакомил Вас с теми мотивами на этот счет, кот<орые> я изложил в письме к нему. Кстати, никак не допрошусь остатка гонорара за «Ярмарку»⁹

Вообще-то генералы критики обидели меня своим молчанием. Не огорчался бы этим, если бы не знал, что частно они хвалят «Владыку». А ведь другого-то «Владыку» теперь уж не скоро напишешь. Зато провинциальная печать до сих пор похваливает: вчера еще прочел хвалебный фельетон в «Сарат<овском> Листке». Причем там говорится: «Только что освобожденная из-под ареста октябрьская кн<ижка> «Заветов». Разве «только что»?¹⁰ Кстати, не прислали ли бы Вы имеющихся у Вас вырезок о «Вл<адыке>»? Я бы Вам сейчас же вернул бы. Только газеты и №№ записал бы. Пожалуйста!

Целую Вас на родине. К. Тренев.

18/III <1913>

Датируется по упоминанию о возвращении Миролубова из-за границы.

¹ Миролубов вернулся в Россию в начале марта 1913 г. (ф. 185, оп. 1, № 26, записная книжка за 1913 г., лл. 36—38). Тренев приветствовал в его лице прогрессивного журналиста.

Данное письмо свидетельствует о том, что связь между Треневым и Миролубовым в 1908—1913 гг. не прерывалась, однако письма эти до нас не дошли.

² Миролубов страдал туберкулезом и возвратился в Россию с ухудшившимся состоянием здоровья (см. об этом в его записной книжке за 1913 г. — ф. 185, оп. 1, № 26, лл. 36—38). Тренев будет настойчиво приглашать Миролубова к себе в Крым и в августе 1916 г. (см. письмо 30), но тот предпочтет лечиться в Финляндии.

³ В 1913 г. курорт Коктебель был небольшой деревушкой. Поэт М. А. Волошин построил вблизи дачу. Вокруг нее образовалась колония дачников — литераторов, артистов, деятелей культуры. Это наложило своеобразный отпечаток на коктебельскую жизнь.

⁴ Григорий Спиридонович Петров (см. примечание 3 к письму 4). Тренев, видимо, намекает на какое-то неудачное общественное предприятие Петрова. В новогоднем номере «Южных ведомостей» (1914, № 1, 1 января) под общей шапкой «Новогодние подарки и посвящения» были напечатаны стихи:

«Гр. Петрову
Подарка нет ему... Когда-то, в слове ярком,
Нам „Дом писательский“ он сам сулил в подарок.
Дядя Яша».

⁵ «Владыка» («Заветы», 1912, № 7) — повесть, снижавшая Треневу репутацию первокласного писателя. Говоря о «литературной анафеме», Тренев, вероятно, имел в виду позицию больших журналов, так как печать, особенно провинциальная, хорошо приняла «Владыку».

Повесть вызвала пристальное внимание цензуры. 5 июля 1913 г. секретарь «Заветов» С. П. Постников писал Миролубову за границу: «Сегодня опять был в Комитете по делам печати. Оказывается, еще откопали преступление в № 7 «Заветов». Привлекают не только за Суханова, но и за Владыку. А между тем Владыка был очень сильно подчищен. И ничто не спасло» (ф. 185, оп. 1, № 952, л. 39). В цензурном деле журнала «Заветы» материал о «Владыке» занимает заметное место. Донос на повесть сделан был протоиереем Павлом Лахостским. «Названная повесть, — писал он, — представляет из себя сплошную пасквиль на служителей православной церкви... предается поруганию и глумлению сан епископа». Сосредоточив внимание на антицерковном содержании повести, цензура упустила ее социальный подтекст. Тем не менее Петербургский комитет по делам печати возбудил против редактора «Заветов» судебное преследование, а на седьмой номер журнала за 1912 г., где были напечатаны «Владыка» и статья Н. Суханова, наложил арест. Арест был снят лишь после уничтожения указанных цензором страниц журнала (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 18, № 229, лл. 23—24, 26, 64).

⁶ Иванов-Разумник — псевдоним известного литературного критика Разумника Васильевича Иванова (1878—1946). В новогоднем номере «Русских ведомостей» (1913, № 1, 1 января) напечатано его обозрение «Русская литература в 1912 году». Преимущественное внимание уделено в нем писателям декадентских и модернистских течений. Опубликованная в 1912 г. повесть Тренева «Владыка» в обозрении не упоминается.

В те годы Иванов-Разумник известен был нашумевшей «Историей русской общественной мысли» (тт. I и II, СПб., 1907. Ее подзаголовок и тема: «Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.»). Философию свою сам критик назвал «имманентным субъективизмом». Развитие общества Иванов-Разумник представлял в виде борьбы внесловной и внеклассовой интеллигенции (антимещанства) со столь же внесловным и внеклассовым мещанством. На деле главным его врагом был марксизм. Литературно-критическая деятельность Иванова-Разумника была продолжением его философии. Его индивидуализму и субъективизму импонировал индивидуализм и субъективизм пестрой группы символистов и эсерствующих писателей, которых он пропагандировал в своих критических обозрениях в «Заветах». Г. В. Плеханов (Сочинения, т. XIV, стр. 249—344) и А. В. Луначарский (Мещанство и индивидуализм. М.—Пгр., 1923) подвергли Иванова-Разумника уничтожающей критике, подчеркнув бескрылость его философии и литературных взглядов. Иванов-Разумник был типично эсеровским критиком, изменившим реализму, этому эстетическому знамени революционного народничества.

Называя Иванова-Разумника чужим человеком, Тренев удачно определил не только личные связи, но и свое литературно-общественное отношение к этому критику.

⁷ Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — известный писатель, тяготевший к декадентам. После Октября эмигрировал за рубеж. Повесть «Пятая язва» была напечатана в альманахе «Шиповник» (1912, № 18). Иванов-Разумник приветствовал повесть, клеветнически изображавшую революционеров («Заветы», 1912, № 8). Миролюбов осудил это выступление критика (см. черновик письма к Иванову-Разумнику — ф. 185, оп. 1, № 133).

⁸ Илья Дмитриевич Сургучев (род. 1881) — писатель. Тренев имеет в виду его письмо в журнале «Кругозор» (СПб., 1913, № 1). Сургучев предлагал, следуя примеру Академии художеств, посылать за границу проявивших дарование молодых писателей. В письме была высказана мысль, что только на чужбине писатель может правильно почувствовать свою родину. М. Горький осудил выдумку Сургучева и развязный тон письма (М. Горький, Собрание сочинений, т. 29, М., 1955, стр. 296—298). Это письмо вызвало возражение и со стороны Тренева. Он считал необходимым обратить внимание на одаренных людей, которые не могут в силу материальных затруднений отдаться литературной работе. В письме А. А. Измайлову Тренев писал: «Я решил, что Сургучев — вполне обеспеченный человек. Иначе он додумал бы свою мысль до конца или, вернее, стал бы думать ее не с того конца. Писателю есть чему учиться и есть над чем поработать и на родине» (ф. 115, оп. 3, № 330, л. 37). После Октябрьской революции Сургучев стал эмигрантом.

⁹ Очерк «На ярмарке». Переделывался по указаниям Горького (М. Горький. Материалы и исследования, т. III, М. — Л., 1941, стр. 88, 102) и был им рекомендован в журнал «Заветы» (1913, № 1).

В письме 18 Тренев тоже жалуется Миролюбову на «злостную» недоплату гонорара за рассказ «Любовь Бориса Николаевича» («Заветы», 1914, № 2). Вряд ли имело место умышленное ущемление Тренева. «Заветы» постоянно испытывали финансовые затруднения и недоплачивали даже своему присяжному автору В. Ропшину (Б. Савинкову) (ф. 185, оп. 1, № 1012).

¹⁰ Видимо, Тренев ошибся: «хвалебный фельетон» «Две правды», в котором упоминается об освобождении из-под ареста книжки «Заветов» с повестью «Владыка» (1912, № 7, октябрь), напечатан не в «Саратовском листке», а в «Саратовском вестнике» (1913, № 52, 5 марта). Секретарь «Заветов» С. П. Постников сообщил Миролюбову об освобождении из-под ареста седьмого номера журнала 27 ноября 1912 г. (ф. 185, оп. 1, № 951, л. 104).

6

Христос Воскрес!

Прстите, дорогой Виктор Сергеевич, что письмо это попадет к Вам значительно позже, чем должно было попасть (Было начато, а потом из, конечно же, захворал). Вы о возможности своего ухода из «Заветов» пишете с таким эпическим (стоическим?) спокойствием, будто это такой пустяк! ¹

Лично для меня это было бы не только грустное событие, но и большой удар всяким моим литературным планам.

Впрочем, все это относится, так сказать, «к психологии творчества». Практически же — вместе с Вашим уходом мне предстояло бы пересмотреть и свои отношения к «Заветам». Ибо непосредственных связей с журналом у меня, к сожалению, еще нет. И все мои симпатии связаны были только с одним лицом, с Вами. Об этом, впрочем, я писал и Ив<анову>-Раз<умнику>, когда писал ему, что «Владыку» своего отдал не журналу, а Вам.

Без сомнения, когда я пишу это, Ваш конфликт уже в какую-н<ибудь> сторону разрешился.² Очень больно будет в случае неблагоприятного исхода и вызванными им огорчениями для Вас. Во всяком случае, мною, моими расск<азами> можете располагать, как и располагали.

Кстати, поручал мне Сергей Порфирьевич³ снести с Парамоновым насчет денег.⁴ Снесся. Отказ. Дерману передал Ваш привет и сущность письма. По этому вопросу он совершенно единодушен со мною. Был у меня М. М. Пришвин, и мы с Дерманом довольно обстоятельно, кажется, изложили наше отношение к делу.⁵

Будьте здоровы и не откажите осведомить по волнующему вопросу.

Ваш К. Тренев.

18/IV <1913>

Датируется по упоминанию о разрыве Миролюбова с «Заветами».

¹ Об отношении Миролюбова к журналу «Заветы» см. стр. 227.

² Тренев писал А. А. Измайлову 15 июля 1913 г.: «Знаете, м<ожет> б<ыть>... что ушел он из „Зав<етов>“ с огорчением, как „лишний“ в спевшейся компании своих людей. Ужасно больно за больного старика, вернувшегося на родину, чтобы оказаться изгнанником из созданного им дела» (ф. 115, оп. 3, № 330, л. 42).

³ Сергей Порфирьевич Постников (род. 1883) — секретарь журнала «Заветы». Сотрудничал также в других эсеровских изданиях. После Октябрьской революции — белоэмигрант. В Рукописном отделе ИРЛИ хранится его обширная переписка с В. С. Миролюбовым и В. М. Черновым по редакционным делам «Заветов» (ф. 185, оп. 1, №№ 951—956), в которой часто упоминается о поисках денег для журнала.

⁴ Николай Елпидифорович Парамонов — известный издатель и капиталист. Основал в Ростове широко поставленное прогрессивное издательство «Донская речь», связанное с газетой того же наименования, в которой в 1903—1905 гг. работал Тренев. Парамонов издавал большими тиражами недорогие книги культурно-просветительного содержания, произведения писателей-реалистов (В. Короленко, А. Серафимовича, В. Вересаева и др.) и самую пеструю политическую литературу: вместе с эсеровской — социал-демократическую. Подвергался судебным преследованиям царских властей. После революции 1905 г. порвал с левыми увлечениями.

³ Речь идет о решении Миролюбова выйти из редакции «Заветов». Две недели спустя А. Б. Дерман писал об этом же Миролюбову: «Ваш уход считал бы и большой несправедливостью и ударом для журнала. Когда здесь был Пришвин, я (и Тренев) прямо ему это высказали» (ф. 185, оп. 1, № 486, л. 3).

М. Пришвин, в то время ближайший сотрудник «Заветов», которого собирались официально ввести в состав редакции (там же, № 1868, лл. 3—4), присутствовал на редакционном собрании при обсуждении конфликта с Миролюбовым (там же, № 563, л. 5). Пришвин собирал в Крыму материал для очерка «Славны бубны» («Заветы», 1913, № 10) и, видимо, встретился с Треневым и Дерманом по поручению редакции журнала.

Дерман Абрам Борисович (Беркович) (1880—1952) — литературовед, критик и беллетрист. Работал с Треневым в симферопольской газете «Южные ведомости». Тренев рекомендовал Дермана Горькому: «Он пишет в „Русской Мысли“ и пишет хорошо. Человек принципиальный и добросовестный» (М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Л., 1934, стр. 433). Дерман сотрудничал также в «Заветах», «Русском богатстве», «Мире божьем», «Современнике», «Северных записках». В «Ежемесячном журнале» он вел критику и библиографию. По свидетельству самого Дермана, его социальное мировоззрение тех лет было «в тонах Н. К. Михайловского» (Автобиография Дермана — ф. 377, собрание I, № 1094).

7

<19 июня 1913>

Дорогой Виктор Сергеевич!

Все собираюсь побывать в столицах, да не знаю, к какому времени удастся (боюсь, что и совсем не удастся). Хотелось бы очень лично с Вами повидаться.

Насчет денежных людей — увы, понятия не имею. Парамонову вез я письмо по поручению «Зав<етов>» и получил отказ.¹ Казалось бы, Москва на сей счет так таровата? Есть у меня маленький, так себе, никудышный рассказ. Но есть в нем, кажется, наряду с шаржем, и удачные строки.² Хоть он и не для порядочного журнала, все же позвольте, прежде чем отослать в газету, дать Вам для прочету. Не сомневаясь и заранее извиняясь, перешлю.

Еще за советом: «Прометей» предлагает мне издать Владыку в каком-то своем сборнике — нечто вроде хрестоматии выдающихся произвед<ений>, дает по 25 р. за лист, с правом напечатать в неограниченном колич<естве> экз<емпляров>. Издатель Н. Н. Михайлов.³ Стоит ли? До свидания с Вами вопрос об участии в «Зав<етах>» считаю открытым.⁴

Любящий Вас К. Тренев.

Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ См. примечание 4 к письму 6.

² Здесь и в письмах 8—12, 16 речь идет о рассказе «В станице» («Ежемесячный журнал», 1914, № 1), который был напечатан также в газете «Донская жизнь» (1914, №№ 15, 18, от 19 и 23 января).

³ Книгоиздательство «Прометей», возглавляемое Н. Н. Михайловым, издавало произведения русских и зарубежных писателей конца XIX — начала XX в.: Л. Андреева, И. Вольнова, А. Амфитеатрова, А. Грина, Д. Лондона, Э. Войнич, Б. Келлермана и некоторых других.

Тренев имеет в виду первый сборник «Прометей», который назывался «Избранные произведения современной русской литературы». В предисловии издатель сообщал о намерении сделать сборники своего рода дешевыми хрестоматиями «избранных произведений современной изящной литературы». Повесть Тренева «Владыка» вошла во второй сборник. Оба изданы в С.-Петербурге в 1913 г. В библиографической заметке о них в сборнике «Петроградские вечера» (№ 4, Пгр., 1915, стр. 240—241) особо отмечен треневский «Владыка».

⁴ Тренев ставил свое сотрудничество в «Заветах» в зависимость от пребывания Миролюбова на посту редактора (см. письмо 6).

8

<3—13 июля 1913>

Дорогой Виктор Сергеевич!

Какое вышло у меня совпадение: уже подписал договор с Михайловым (насчет «Владыки»), как получил Ваше письмо. Еще бы несколько минут, и письмо было бы отправлено на почту. Теперь написал, что согласен продать только одно издание. А на это он, очевидно, не согласится.¹ М<ожет> б<ыть>, это и хорошо вообще, но в данное время самочувствие элегическое. Признаться, эти деньги я считал уже своими и обреченными как раз на то, о чем и Вы пишете. Всю зиму сладко мечтал — хорошо бы летом поскитаться немного. Теперь, этим летом мечте, как видно, не осуществиться. Жаль, но пусть так будет. А то — сам чувствовал, что сделка обидно невыгодна. Рассказ не пошлю Вам и вообще, должно быть, никуда не пошлю: очень уж слабо.²

Как Ваши дела с журналом? Удалось ли что-нибудь? Что ежели бы такой плакат: «„Журнал для всех“ под редакцией В. С. Миролюбова!»³ Маленькая при сем библиографическая справочка. Вот бы хорошо было! Вы как на это смотрите?⁴

Я живу сейчас в Коктебеле и испытываю прогрессирующее уныние и раздражение: работаетя прескверно, как вообще летом, да и обстановка неблагоприятна. Крыма, да еще коктебельского, лысого терпеть не могу. В Малороссию бы теперь или на Волгу!.. Вообще — будь оно все проклято, между прочим.

В Коктебеле живет на собственной даче Григ<орий> Сп<иридонович> Петров. Думал было познакомиться с ним, но вышел на днях такой случай: прочел он в Симферополе и Феодосии ряд лекций. Я пошел на одну из них: «Идейная пустота современной литературы» и, до глубины души возмущенный «идейной пустотой» самой лекции и обывательским отношением к литературе, напечатал в «Южн<ых> Ведом<остях>» большой яростный фельетон...⁵ Так и отрезал себе путь к знакомству, о чем искренне жалею. Т<ак> к<ак> интересно бы понаблюдать его, а м<ожет> б<ыть>, и поучиться чему-нибудь.

Здоровья Вам и издательского успеха!

Ваш К. Тренев.

адрес: Феодосия, Коктебель.

Письмо датируется по упоминаемому в нем фельетону Тренева.

¹ Речь идет об издании повести Тренева «Владыка» книгоиздательством «Прометей». Миролюбов советовал не соглашаться на условия, предложенные Михайловым.

² Рассказ «В станице».

³ Тренев имеет в виду название прежнего журнала Миролюбова, новый был назван «Ежемесячным журналом».

⁴ Сведения о том, что новый миролюбовский журнал является преемником «Журнала для всех», были помещены на 4-й странице обложки «Ежемесячного журнала».

⁵ Тренев в фельетоне «Обывательская лекция. Мысли по поводу лекций Г. Петрова» («Южные ведомости», 1913, № 148, 3 июля; за подписью: К. Т.), отдав должное искренним демократическим настроениям лектора, указал на то, что его горячность и артистичность растрачиваются на доказательство пошлых истин вроде тех, что лошади едят овес, а Волга впадает в Каспийское море. Ораторский талант, писал Тренев, прикрывает идейно пустое проповедничество. По существу, Тренев разоблачал ту черту Г. С. Петрова, которую подчеркивал и В. И. Ленин, называя Г. С. Петрова «весьма популярным демагогом» (Сочинения, т. 12, стр. 126). Публикуя статью Тренева, редакция оговорила, что «солидарна не со всеми высказанными в ней взглядами». А. Л., возражая Треневу в заметке «Литература и жизнь. По поводу статьи г. К. Т. о лекциях» («Южные ведомости», 1913, № 151, 6 июля), не понимал вреда подобных лекций.

Под инициалами А. Л. выступил, по-видимому, А. П. Лурия, сотрудник «Южных ведомостей», стихи которого Тренев рекомендовал Миролюбову.

9

Узрел в «Зав<етах>» расск<аз> «Крутьк<овскую> паску»¹ и решил отправить Вам свой расск<аз>, о котор<ом> писал.² Просмотрите. Он очень слаб, но ежели ж печатается «Крутьковск<ая> пасха!» (кстати, уже напечатанная целиком в пасхальн<ом> № одной провинциальн<ой> га-

зеты). В рассказе думаю немножко конец расцветить пейзажем, да, кажется, коснусь шаржика. М<ожет> б<ыть>, летним делом, в какой-н<ибудь> газете прошел бы? Ну, Вам видней.

Всех благ. К. Тренев.

А «Прометей» на мои условия не идет. . .³

Хвалят в газ<етах> расск<аз> «Уездное», но начинают с похвал редакции, иллюстрируемых мною. А где же Вы-то! . . Не будьте в претензии, если по этому вопросу появится в какой-н<ибудь> газете мое письмо в редакцию.⁴

13/VII <1913>

Открытое письмо из Феодосии. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Рассказ В. Воинова «Крутьковская пасха» («Заветы», 1913, № 6) ранее был напечатан в газете «Донская жизнь» (1913, №№ 85 и 86, от 14 и 17 апреля).

² Рассказ «В станице».

³ См. письма 7—8.

⁴ «Уездное» — повесть Е. Замятина, опубликованная в «Заветах» (1913, № 5). Тренев имеет в виду отзыв о ней в заметке А. А. Измайлова «В литературном мире» («Биржевые ведомости», вечерний выпуск, 1913, № 13621, 28 июня). Измайлов хвалил редакцию «Заветов» за то, что «на пространстве какого-нибудь года журнал напечатал две-три ярко талантливых вещи дотоле совсем неизвестных авторов» и называл в качестве примера «Уездное» Замятина и «Владыку» Тренева. Замечание Тренева следует понимать таким образом, что заслуга в этом отнюдь не редакции; вкус редакции иллюстрирует появление на страницах журнала слабой «Крутьковской пасхи». Это произошло как раз после выхода Миролюбова из журнала. Тренев дружески упрекает Миролюбова: следует объяснить публике свою подлинную роль в редакции «Заветов», не то Тренев сам будет вынужден это сделать. Тренев написал письмо о Миролюбове и послал его А. А. Измайлову в «Биржевые ведомости». В печати оно не появилось (ф. 115, оп. 3, № 330).

10

Дорогой Виктор Сергеевич!

Что бы значило Ваше молчание? Ни на мое письмо, отправленное Вам недели три тому назад, ни на письмо Дермана¹ нет ответа. Здоровы ли Вы? Как с начинанием? Нужно ли мне делать то, что я было начал? А то я уж и ножницы в сторону отложил.²

Если теперь же нужен мой рассказ, я немедленно отправлю его Вам.³

Жму Вашу руку.

адрес: Гоголевская ул., д. 3.

К. Тренев.

5/X <1913>

Открытое письмо из Симферополя. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Имеется в виду письмо А. Б. Дермана от 8 сентября 1913 г. (ф. 185, № 486, л. 8), в котором тот договаривается с Миролюбовым о сотрудничестве в «Ежемесячном журнале».

² Между письмом 9 и комментируемым прошло не три недели, а 2½ месяца, следовательно комментируемому письму предшествовало не дошедшее до нас письмо Тренева. В нем писатель, по-видимому, предложил для «Ежемесячного журнала» обозрение провинциальной жизни.

³ Рассказ «В станице».

11

Дорогой Виктор Сергеевич!

Как налаживаются дела?

Я, памятуя свое предложение насчет обозрения, исподволь собираю материал — делаю вырезки.¹ А рассказец² еще так не выправил, как след, очень уж засорена голова началом учебного года. Но скоро станем на рельсы.

Посылаемые стихи принадлежат сотруднику местной газеты некоему Лурия.³ Набраны они для местной же газеты. Но прежде чем печатать, он решил через меня попытать счастья у Вас. Ему лично я говорил, что стихи кажутся мне хорошими, только при некоторой шаблонности символов да, пожалуй, и выражений, холодновато, риторично для такой темы. Но есть же в них, кажется, и крупные достоинства? Ну, да Вам это видней. А человек он хороший, лучше, чем стихи.

Душевно Вам преданный

К. Тренев.

12/X <1913>

Р. С. Не удалось мое дело с «Русской молвой». Почила и даже гонорар мой в могилу унесла. Не открывается ли там новая газета?⁴

Датируется в связи с предшествующим письмом.

¹ Обозрение для «Ежемесячного журнала», о котором идет речь и в других письмах (см. примечание 1 к письму 15).

² Рассказ «В станице».

³ См. примечание 5 к письму 8.

⁴ Редакция газеты «Русская молва» (СПб., 1912—1913) в обращении к читателю своей главной целью объявляла «конституционный и демократический» строй (1912, № 1, 9 декабря). Кадетская сущность газеты видна и в завалуированных выпадах против социал-демократии (там же), и в откровенно антибольшевистских высказываниях (см., например, заметку «Нелепые обвинения» — 1913, № 237, 10 августа). Известные литераторы писали в «Русской молве» редко. В 1913 г. на ее страницах стали появляться имена сотрудников «Донской жизни» С. Арефина и К. Тренева. Под псевдонимом «К. Харьковский» Тренев опубликовал в «Русской

молве» в 1913 г. фельетоны: «Война и мир. (Балканские впечатления)» (№ 235, 8 августа), «Перепряжка» (№ 230, 3 августа), «Крупный деятель» (№ 232, 5 августа).

За недолгое существование «Русская молва» поместила резкие обличительные статьи о попах — гасителях духа», о фельдфебельских нравах в Военно-медицинской академии, о ленском расстреле, о порядках в тюрьмах Томской губ. и др. Они навлекли на газету административно-судебные преследования. Была опубликована также заметка о фальшивой революционной организации, состряпанной во флоте жандармами из Особого отдела Департамента полиции с целью продемонстрировать свою активность в борьбе с крамолой. Вмешательством морского министра матросы, привлеченные по этому делу, были оправданы. Неудачливых организаторов провокации понизили в должности. Одного из них, вице-директора Департамента полиции Виссарионова, перевели в Главное управление по делам печати. Рассказав об этой истории в статье «Провокация во флоте и „особый отдел“» (1913, № 229, 2 августа), «Русская молва» на следующий день напечатала фельетон К. Харьковского «Перепряжка», в котором было обыграно «оригинальное» назначение полицейского в цензуру. Бывает, писал Тренев, что в ненастную погоду кони завернут не в ту сторону. Вот так особый отдел въехал «оглоблей в соседское окно — в морское ведомство». Чтобы выбраться на дорогу, делают перепряжку: правую лошадь ставят налево, левую — направо. Виссарионов переведен из полиции в цензуру. Теперь жандармская «оглобля возьмет правильный курс: на обывательский затылок». Тренев оказался прав. Оглобля ударила прежде всего по самой «Русской молве». Цензор писал, что в фельетоне Тренева в отличие от статьи, послужившей поводом к возбуждению судебного преследования, обвинение должностных лиц в провокации выражено в «образных фразах» и что строки Тренева, сохраняя преступный характер, «получают силу большей враждебности и прямо публичного шельмования» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 18, № 403, лл. 94—95). Газета была закрыта. Последний номер (№ 24) вышел 20 августа 1913 г.

12

Дорогой Виктор Сергеевич!

Скверные были дела: хворал, как дурень, сначала один, потом вдвоем со своим ребенком.¹ Разбило это меня по всем статьям. Хронике все же пишу, но к 15-му не окончу, и если это крайний срок, то значит, первый блин комом. Если к 20-му не опоздаю, значит мое счастье. Во всяком случае, к 20-му вышлю.²

Больше всего боюсь, что запозданием подведу Вас.

Когда выходите?³

Сердечно Ваш К. Тренев.

13/XI <1913>

Рассказ⁴ переслал Вам. Получили ли?

Какова судьба стихов А. Л., кот<орые> я послал Вам?

Открытое письмо из Симферополя. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Речь идет о сыне, Виталии Константиновиче Трениеве.

² Хроника, которую Трениев писал для «Ежемесячного журнала» (см. примечание 1 к письму 15).

³ Первая книжка «Ежемесячного журнала» вышла в начале января 1914 г.

⁴ Рассказ «В станице».

13

<13 ноября — 1 декабря 1913>

Дорогой Виктор Сергеевич!

Очень рад, что есть срок до 1-го, к которому и доставлю Вам обозрение. Размер его будет до печатного листа, тон сатирический. Насчет цензуры, думаю, ничего, т<ак> к<ак> факты беру из газет, освещение и синтез тоже в тоне газетных статей и фельетонов.¹

С объявлением в Симферопольской газете не удалось. Бесплатно не помещают. Если же Вы согласитесь заплатить, то могут поместить по самой минимальной цене, хоть объявлением, хоть вкладкой. Плакат Ваш послал в «Донскую жизнь» (в Новочеркасск). Там, знаю, напечатают бесплатно.² В Симферопольской же газете — Южн<ых> Вед<омостях> мы с Дерманом попытаемся поместить нечто вроде заметки о новом журнале Вашем.³ Разве так и называться будет — «Ежемесячный журнал»?

Кстати, там напечатано: «провинциальное обозрение». А я было думал, что это скорее «хроника». Хотя почти все факты у меня провинциальные, но иногда приходится упираться и в столичные, связанные, впрочем, с провинциальными. Ничего это, я думаю? Ну, там посмотрите.

С псевдонимом для обозрения очень затрудняюсь. Уж если можно, то поставьте один из моих старых псевдонимов по «Донской речи»: либо К. Харьковский, либо К. А. Украинский. Какой хотите.

Отчего так жалуетесь на самочувствие? Это же совсем не модель! Содержание плаката роскошное.⁴ Сейчас прочел сочувственную заметку в Киевск<ой> Мысли. Посылаю.⁵

Горячо желаю Вам успеха.

К. Трениев.

Датируется по сопоставлению с письмами 12—14.

¹ См. примечание 1 к письму 15.

² Речь идет о публикации объявления, необходимого для рекламы «Ежемесячного журнала». Трениев бесплатно печатал такие объявления о прежнем миролубовском «Журнале для всех», когда заведовал редакцией «Донской речи». С «Донской жизнью», в частности с ее редакто-

ром — А. И. Шепкаловым (см. примечание 1 к письму 20), он продолжал сохранять тесную связь. Объявление появилось в «Донской жизни» (1913, № 281, 13 декабря).

³Заметка о «Ежемесячном журнале» в «Южных ведомостях» не обнаружена.

⁴Тренев назвал плакат роскошным, имея в виду широкую программу журнала и перечень имен известных писателей, согласившихся сотрудничать в новом органе: И. Бунина, А. Серафимовича, С. Сергеева-Ценского, А. Н. Толстого, А. Ремизова и др. Там же были анонсированы рассказ Тренева «В станице» и отдел «Провинциальная жизнь», подписанный псевдонимом «К. Харьковский». А. Б. Дерман, о котором Тренев упоминает в комментируемом письме, писал Миролюбову: «Книжка составлена превосходно. От многих слышу, что выпишут. Я на днях напишу (о журнале — А. Б.) для местной газеты» (ф. 185, оп. 1, № 486, л. 13).

⁵«Киевская мысль» (1913, № 321, 20 ноября) в заметке «Литературная летопись» попутно сообщала, что с января 1914 г. начнет выходить новый журнал Миролюбова. Приводилась выдержка из программы журнала.

14

Дорогой Виктор Сергеевич!

Послал Вам обзор и прошу снисхождения к дебюту и указаний. Знаю сам некотор<ые> недостатки — тусклы многие отдельн<ые> места, а также — нет желательной пропорциональности в архитектуре — вызвано это позднейшей вставкой некот<орых> фактов, как напр<имер> разбойники,¹ и той неопределенностью времени, которое захватил: строилось на ноябрь, а растянулось на декабрь. Впредь это будет легче. Кстати, абзац о Бр<ешко>-Брешковской,² пожалуйста, перенесите после <нрзб.>, а то неприятно разорвано. Вообще — если найдете возможным, погладьте, м<ожет> б<ыть>, разобьете на главки? Так дело построилось, что бытового, обывательского элемента почти нет — не подходит к характеру статьи. М<ожет> б<ыть>, «провинциальн<ое>» замените — «внутренним»? Этот термин дает больше рамки на будущее время. Хотел закончить Коковц<ова>³ с километрами <?>, да боюсь, что это уже использовано другим, Синег<убом>.⁴

Псевд<оним> подпишите из двух предложенных мной по выбору.⁵

Если расск<аз>⁶ набран и сейчас не нужен, нельзя ли корректуру: очень бы нужно конец сделать колоритней.

Ваш К. Тренев.

1/XII <1913>

Открытое письмо из Симферополя. Датруется по почтовому штемпелю.

¹ В предвоенные годы разбой вышли далеко за пределы полицейской хроники. Многие ограбления богатых людей, налеты на помещичьи усадьбы были связаны с подъемом революционных настроений. В ноябре—декабре 1913 г. южные провинциальные газеты заполнены были сообщениями о делах «степных дьяволов» и шайки Куца. Значительную часть «хроники провинциальной жизни» А. Петрищева во влиятельном журнале «Русское богатство» (1914, № 1) заняли обзор и выяснение социальных корней разбоев. Ярко зарисовал это явление в Полесье К. Паустовский в «Повести о жизни» (Собрание сочинений, т. 3, М., 1957, стр. 214—231).

² Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844—1934) — видный деятель народнического и эсеровского движения. В ноябре (обозрение Тренева «строилось на ноябрь») газеты много писали о ее неудавшемся побеге из ссылки. Левая печать выражала недовольство тем, что за побег Брешко-Брешковская была наказана строгим тюремным режимом. В 1917 г. «Ежемесячный журнал» (№№ 2—4 и 5—6) напечатал воспоминания об этом эпизоде и очерк жизни и деятельности Брешко-Брешковской. После Октябрьской революции Брешко-Брешковская в эмиграции вела антисоветскую деятельность.

³ Коковцов Владимир Николаевич (1853—1926) — министр финансов (1904—1914) и председатель Совета министров (1911—1914). Его деятельность была продолжением правления Столыпина. Коковцову принадлежит крылатое выражение, произнесенное на заседании III Государственной думы в 1908 г.: «У нас парламента, слава богу, нет». Выступал против некоторых крайностей великодержавных шовинистов по отношению к Финляндии, Польше, евреям. Не удовлетворяя крайне правую часть правительственных верхов, Коковцов осложнил свое положение трениями с Думой и неудачными финансовыми мероприятиями, это и привело к отставке. Слухи об отставке периодически возникали до падения Коковцова, и в частности в конце 1913 г. Внимание Тренева очевидно привлекло высказывание Коковцова, что в России за сто верст от столицы политическая жизнь замирает.

⁴ В «Ежемесячном журнале» (1914, № 2) напечатано «Внутреннее обозрение» публициста Евгения Сергеевича Синегуба.

⁵ Из двух предложенных Трениным (в письме 13) псевдонимы: К. Харьковский и К. А. Украинский — Миролубов выбрал первый (см. объявление о «Ежемесячном журнале» в «Донской жизни», 1913, № 281, 13 декабря).

⁶ Рассказ «В станице».

15

Дорогой Виктор Сергеевич!

Неудача с хроникой — для меня изрядный удар: и Вас подвел, и себе большое огорчение. ¹ Хоть плачь. Единственное, что могу привести в свое оправдание — это Ваши же письма, где Вы несколько раз настаивали на юморе, и еще в последнем письме: «давайте больше „русского духа“, юмора, чтобы вещь легче прошла... Пишите погуще». Я и хватил (подхлестываемый Вами). А тут еще слышу от Дермана ² — бракуется большая умственность, т<ак> к<ак> нужна популярность. Услышь я от Вас хоть мельком — «нужно сдержанно, серьез-

но», вероятно, был бы другой разговор. Все же, казалось бы мне, если из статьи вытравить фельетонный элемент, оставить вспышки горького юмора, то сгруппированные в статье факты в значительной мере искупили бы ее порок и даже возмутительно скверное (сам чувствую) начало. Вообще-то сам я чувствовал, что, отметив известный факт, кувыркаться на нем — очень некрасиво. Впрочем, м<ожет> б<ыть>, я совсем неспособен к этому делу. А тут еще эта жизнь в провинции, откуда не всегда точно уследишь.

Если статья неисправимо бракуется, то истребите. Мне она ни к чему.

Ваш К. Тренев.

7/XII <1913>

Объявления о журнале будут печататься в «Донской жизни» бесплатно.

Датируется по сопоставлению с письмами 14 и 16.

¹ В ответ на предложение Миролюбова сотрудничать в «Ежемесячном журнале» публицист Е. С. Синегуб писал, что берет на себя «уловлять симптомы *политического* свойства... а *хронику* провинциальной жизни, т. е. более или менее полный отчет о различных сторонах обывательской жизни, пусть возьмет другой» (ф. 185, оп. 1, № 1060, л. 2). Освещение текущей провинциальной жизни Миролюбов и поручил Треневу. В объявлении об издании «Ежемесячного журнала» было указано, что отдел «Провинциальная жизнь» ведет К. Харьковский («Донская жизнь», 1913, № 272, 1 декабря). Тренев согласился давать хронику, так как успешно вел сходный по материалу отдел «Темы дня» в «Донской жизни», но в этих газетных фельетонах он привык связывать факты местного быта с общероссийской политической жизнью и в журнальной хронике тоже уклонился в эту область, отведенную Синегубу. Присущий же Треневу-газетчику резкий, хлесткий тон сделал обозрение окончательно непригодным для «Ежемесячного журнала». Тренев пытался переделать обозрение (см. письмо 17) ради содержащихся в нем «красочных фактов», но оно так и не пошло в печать.

² См. примечание 5 к письму 6.

16

Дорогой Виктор Сергеевич!

Поздравляю с Новым Годом и выходом книжки.¹ Горячие наилучшие пожелания.

Не откажите выслать мне гонорар, если можно, телеграфом.² Очень нуждаюсь.

На хронику беспечно плюнул. Не нужно. Не до нее.³

Ваш К. Тренев.

7/I <1914> Гоголевская 3.

Открытое письмо из Симферополя. Датируется по почтовому штемпелю.

¹Тренев поздравляет Миролюбова с выходом первого номера «Ежемесячного журнала».

²Треневу был послан гонорар за рассказ «В станице» в размере 94 р. 50 к. (ф. 185, оп. 1, № 1354, л. 39).

³О хронике см. письма 15 и 17.

17

<После 7 февраля 1914>

Дорогой Виктор Сергеевич!

Не «обещана», а, согласно обещанию, отдана «Люб<овь> Б<ориса> Ник<олаевича>». Не знаю, в какой мере Вам это неприятно, но я давно уже не испытывал такого негодования на себя и презрения к себе, какое испытываю после исполнения этого «обещания».¹

Самые противные люди — это не Иванчины и Ивановы,² а безвольные субъекты вроде меня.

Фактическая (и юридическая) сторона дела такова: с самой осени они напоминают мне об «обещанном и анонсированном» рассказе. Одно время усумнился было я в их праве ждать его от меня и обратился за советом тут кое к кому из журнальной братии. Сказали: обещание перед журналом необходимо выполнить. Посылая рассказ, я назначил несколько повышенный гонорар, они было заартачились, я обрадовался и категорически потребовал рассказ назад, но они согласились и сейчас же выслали корректуру.

Такое от этого самочувствие у меня, что все время разрываться хотелось.

Рассказ этот я не послал бы Вам, так что для Вашего журнала здесь «ущерба» нет. Дело в том, что еще с весны я кое-где перехватил авансик, да и до сих пор его не отработал. Вот я и думал было направить туда «Люб<овь> Б<ориса> Ник<олаевича>». Давно там недовольны. А теперь совсем гnevаются.

Главное, что все это, ведь, — бескорыстно: 200 р. у этих я запросил, в этой же цифре и с теми³ условился.

Тут, пожалуйста, не усмотрите намека с моей стороны на Ваш гонорар! И речи об этом не может быть! Я, признаться, даже думал, что Вы мне по 100 р. заплатите. Вот, бог даст, разбогатеете, тогда уж я с Вас заломлю!

Ради бога, дорогой Виктор Сергеевич, не огорчайтесь этим казусом. Нравственную его сторону, поскольку она касается

Вас, я всю за Вас выстрадал. А насчет практической стороны — столько еще рассказов Вам дам, что и не рады будете.

Не напишете ли, хоть в общих чертах, как дела журнала? В публице хвалят и, к удивлению, в Симферополе он уже популярней, чем 3-й год издающ<иеся> «Заветы». Прочтите в янв<арской> кн<ижке> семейное литературное обозрение Ив<анова>-Разумника:⁴ похвальная речь идет исключительно об авторах «Заветов» и «Сирин».⁵

В каждом письме Вы напоминаете мне, чтобы я не думал о хронике.⁶ Я не думаю. А к слову — по-моему, Вам бы следовало пустить это обозрение даже в таком его виде: факты красочны. Хоть переделывал я его уже неохотно, т<ак> к<ак> почувствовал, что не пойдет. Ну, да это — чепуха.

Ваш К. Тренев.

Датируется по письму П. П. Казминова от 7 февраля 1914 г., в котором он сообщает Миролюбову о том, что рассказ Тренева «Любовь Бориса Николаевича» принят в «Заветы» (ф. 185, оп. 1, № 587, л. 6).

¹ Рассказ «Любовь Бориса Николаевича», опубликованный в «Заветах» (1914, № 2), был напечатан также в «Донской жизни» (1914, №№ 27, 34, 52, 55, 61, от 2 февраля — 16 марта). Тренев негодует на себя, так как ранее писал Миролюбову, что в связи с его уходом из «Заветов» собирается пересмотреть и свои отношения с этим журналом, и уверял, что Миролюбов может располагать его произведениями.

² А. И. Иваичин-Писарев и Р. В. Иванов-Разумник (см. примечание 6 к письму 5) — члены редакции «Заветов».

³ «Те и эти» — редакция «Заветов» и, по всей видимости, «Книгоиздательство писателей в Москве». В сборнике «Слово» (1913, № 2), выпущенном этим издательством, было объявлено в составе следующего сборника произведение Тренева «Самсон Глечик». Однако этот рассказ Тренев отдал в «Русское богатство» (1914, № 8), а в сборнике «Слово» (1915, № 4) был напечатан другой его рассказ — «Мокрая балка».

⁴ Обозрение «Литература и общественность. Русская литература в 1913 году» («Заветы», 1914, № 1) характерно для политических симпатий журнала и субъективных литературных вкусов Иванова-Разумника, заведовавшего отделом критики. Положительной оценки удостоились преимущественно писатели эсеровского лагеря (В. Ропшин) или сторонники символистско-декадентских направлений (А. Белый, Ф. Сологуб, А. Ремизов и др.). О Трениве Иванов-Разумник не упомянул, хотя некоторые постоянные сотрудники журнала в его обозрение попали.

⁵ «Сирин» — петербургское издательство, печатало преимущественно произведения писателей-символистов.

⁶ Неудавшаяся хроника, которую Тренев писал для «Ежемесячного журнала».

Дорогой Виктор Сергеевич!

Обвинение в забвении отвергаю решительно и пунктуально: вне «Е<жемесячного> Ж<урнала>» мои вещи попали

только в «Р<усское> Б<огатство>» и «С<еверные> З<аписки>» — но это — отработок аванса, состоящего за мной еще с весны 1913 г.¹ Собственно, и «В станице» предназначено для погашения одного из этих авансов. Но, насколько помнится, оно напечатано в другом месте.² Только что закончил рассказ для сб<орника> «Слово»³ и опять-таки в погашение аванса, взятого еще в прошлом году. Словом, придется все отработывать. Единств<енное> исключение было с «Заветами», каковые мне половину гонорара и не заплатили. Думаю — злостно.⁴

Рассказ Вам скоро вышло, о чем и писал Вам. (Или Вы моего письма не получили?).⁵

С сердечным пожеланием успеха

Ваш К. Тренев.

Р. С. С нас-то, махоньких рыбок, проку не много, а вот как киты? Дают ли Вам что-н<ибудь> для нового года?⁶ Их пристыдить надо.

4/XII <1914>

Открытое письмо из Симферополя. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В «Русском богатстве» (1914, № 8) напечатан рассказ «Самсон Глечик», а в «Северных записках» (1914, № 10—11) — рассказ «В пути».

² Намек на то, что Тренев не забывал Миролюбова: рассказ «В станице» опубликован в «Ежемесячном журнале» (1914, № 1).

³ «Слово» — сборники «Книгоиздательства писателей в Москве». Составлялись из произведений писателей-реалистов — участников кружка «Среда». В четвертом сборнике (1915), был напечатан рассказ Тренева «Мокрая балка».

⁴ См. примечание 9 к письму 5.

⁵ Рассказ Тренева «В вагоне» был опубликован в «Ежемесячном журнале» (1915, № 2). Речь идет, по-видимому, о не дошедшем до нас письме к Миролюбову.

⁶ В «Ежемесячном журнале» (1915, № 1) напечатаны стихи малоизвестных поэтов, пьеса И. Шмелева «На паях», повести и рассказы А. Чапыгина, Е. Замятина, В. Муйжеля и отрывки из дневника Л. Толстого.

19

Христос Воскрес!

Целую Вас, дорогой Виктор Сергеевич, и шлю горячие пожелания в рассуждении здоровья и журнала.

Вот через месяц освобожусь,¹ так напишу для Вас что-н<ибудь> касаемое.

А у меня сейчас два параллельных желания: написать рассказ для «Е<жемесячного> Ж<урнала>» и — чтобы напи-

сали обо мне в «Е<жемесячно> Ж<урнале>». А то что ж это! Во всех прочих журналах пишут, а в колыбели моей музы — холодное молчание.

Говорил Дерман, будто собирался, а потом раздумал: он одну рецензию уже написал, боится повториться.² Если имеете на примете человечка, хорошо, тепло ко мне относящегося, вручите ему мой хрупкий фиал.³ Как-то прислал мне о<чень> теплое письмо (и <нрзб.>) Б. Лазаревский. Говорит: напишу о вас рецензию и напечатаю в самом лучшем журнале.⁴

Лично я с ним не знаком, а Вы передайте ему, что самый лучший журнал — Ваш.

Крепко жму Вашу руку.

К. Тренев.

1/IV <1915>

Еще никого не просил и не буду просить о рецензиях. Исключение для Вас.

Датируется по содержанию.

¹ Тренев-педагог, вероятно, имеет в виду летние каникулы.

² «Колыбель моей музы» — Тренев воспринимал «Ежемесячный журнал» как продолжение «Журнала для всех», в котором начал свой писательский путь.

А. Б. Дерману принадлежит библиографическая заметка о Треневе в «Русских записках» (1915, № 1). Дерман писал Миролюбову 10 марта: «Тренев говорит, что из всей многочисленной критики о его сиятельной особе лучше (не в смысле похвал, а дельнее) всех — моя» (ф. 185, оп. 1, № 486, лл. 24, 26—27).

³ «Мой хрупкий фиал» — первый сборник Тренева: Владыка. Рассказы. «Книгоиздательство писателей в Москве», 1915, 245 стр. Содержание: «Владыка», «В станице», «Затерянная криница», «Шесть недель», «Любовь Бориса Николаевича», «На ярмарке», «Самсон Глечик».

⁴ Лазаревский Борис Александрович (1871—1936) — беллетрист, склонный к подражанию Чехову. М. Горький писал об одном из его произведений: «Повесть Лазаревского — бесталанна, как все, что он пишет, а его преклонение перед Чеховым нисходит до пошлости. Даже и настоящей искренней любви к Ан. Павл. еще мало для того, чтоб стать хорошим писателем» (М. Горький, Собрание сочинений, т. 29, М., 1955, стр. 215). Б. Лазаревский сотрудничал в журналах Миролюбова. Его заметка о сборнике Тренева «Владыка» (М., 1915) была напечатана в «Ежемесячном журнале» (1915, № 4). Лазаревский отметил большой жанровый и тематический диапазон, своеобразие и зрелость таланта Тренева и сравнил рассказ «Любовь Бориса Николаевича» с чеховской «Дамой с собачкой».

Дорогой Виктор Сергеевич!

Критик есть! Да какой чудный! Боюсь, ошибиться, но, по моему, ему ровни не будет. Кто он такой, расскажу подроб-

ней при свидании. Он уже не молод, но в журналах еще не писал, ибо затерла проклятая провинция этого необыкновенного человека. Ах, какой это большой светлый ум, какой тонкий вкус, и притом — святой человек в самом подлинном смысле этого слова... Знаю его оч<ень> давно.¹ Ну, словом, подробности устно, а пока вот что: не сообщите ли Вы через меня, какие именно литературные явления хотели бы Вы видеть отмеченными в его дебютной статье. Или, м<ожет> б<ыть>, пока что — начать с библиографии? О ком? Все это сообщите мне. Ах, какой бы это праздник для Вас (и для меня) был бы, наладься лишь дело!

Ваш К. Тренев.

Мой адрес пока: Новочеркасск, «Донская жизнь».

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Миролубов хотел иметь в «Ежемесячном журнале» постоянно литературного критика. В связи с этим Тренев рекомендует ему Александра Ильича Шепкалова (1868—1916), с которым был знаком с конца 90-х годов по работе в донских газетах. А. И. Шепкалов, бывший педагог, вначале сотрудничал в газете «Приазовский край», в 1897 г. перешел в «Донскую речь» и в 1899 г. стал ее редактором. Шепкалов показал себя прогрессивным журналистом. Близкие ему люди называли его последователем Н. К. Михайловского (см. также статью Шепкалова о Михайловском в «Донской речи», 1900, № 307, 20 ноября). Руководимые Шепкаловым газеты придерживались буржуазно-демократического направления, временами склоняясь к левонародническому и левокадетским взглядам (см. «Донскую речь», 1905, октябрь—декабрь и «Донскую жизнь», 1906, №№ 20, 95, от 20 января и 13 апреля и др.).

«Донская речь» многократно подвергалась репрессиям цензуры (см. цензурное дело «Донской речи» — ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 12, № 76). В конце 1905 г. газета обвинила правительство в развязывании кровавой резни и была окончательно закрыта. С 25 декабря того же года в Новочеркасске стала выходить «Донская жизнь» под редакцией Тренева. Шепкалов принимал в этой газете самое активное участие как сотрудник и соредактор. Один из его псевдонимов: А.—ловъ. Когда Тренев-педагог был переведен в Волчанск, Шепкалов стал официальным редактором «Донской жизни»; № 240 (4 октября 1906 г.) уже подписан им.

Шепкалов отдавал газете все свои силы. Напряженная работа подорвала его здоровье. Смерть Шепкалова в феврале 1916 г. вызвала ряд откликов сотрудников «Донской речи» и «Донской жизни» («Донская жизнь», 1916, №№ 37—39, 16—19 февраля). В № 85 (от 17 апреля), целиком посвященном Шепкалову, Тренев писал: «И мои первые шаги на том пути, который считаю путем своей жизни, и ряд лет неблагоприятной черной газетной работы тесно сплелись у меня с его жизнью, беззаветно отданной этой работе и безвременно раздавленной, приконченной этой работой». Шепкалов обладал критическим дарованием, но газетная текучка не дала этому дарованию развернуться. Получив через Тренева в 1915 г. предложение послать статью в «Ежемесячный журнал», Шепкалов писал: «Я не спал ночь... Вспомнил прежнее, и какие были намерения» (там же, № 85, 17 апреля). Вскоре в «Ежемесячном журнале» (1915, № 8) появилась

первая и последняя статья Шепкалова «Письма о литературе» (см. примечание 1 к письму 21). В своих воспоминаниях Тренев сообщил, что предполагалось сотрудничество Шепкалова и в горьковской «Летописи».

21

<9 мая—20 августа 1915>

Дорогой Виктор Сергеевич!

С трепетом посылаю 1-ю статью.¹ Автор ею очень смущен, сердится, волнуется. Но, по-моему, все же неплохо. Главная ошибка моя — я забыл предупредить, что для «Е<жемесячного> Ж<урнала>» нужно писать популярнее, без «абстрагирующих», «объективирующих». ² И потом — некоторая «отдаленность» от литературы в 1-й части. Поэтому, чтобы не переписывать, автор все сомнительное в этом смысле взял в скобки. Разумеется, если найдете нужным с своей стороны что-н<ибудь> посократить — пожалуйста! Только бога ради не обескураживайте отказом, иначе не только капут делу, но... Ну, да это, положим, к делу не относится.

Про меня там он очень уж расписал... Ну, да о «Мокрой балке» все в этом роде писали.³

Всего Вам хорошего! Как дела-то? И спрашивать боязно...⁴ Целую Вас К. Тренев.

Датируется по сопоставлению сообщения об отсылке статьи с письмами 20 и 22.

¹ Статья А.—лова (А. И. Шепкалова) «Письма о литературе» была опубликована в «Ежемесячном журнале» (1915, № 8). Анализируя сборник «Слово» (1915, № 4), в котором был напечатан рассказ Тренева «Мокрая балка», Шепкалов возразил критику М. Неведомскому («Современник», 1915, № 5). Последний, указывая на засилье символистов, пессимистически говорил о русской литературе. Шепкалов утверждал, что символисты не определяют русскую литературу, что лучшие современные писатели следуют реалистическим традициям русской классики. Значительная часть статьи была посвящена «Мокрой балке» Тренева. Статья заканчивалась мыслью, что пессимистические прогнозы развития русской литературы не страшны, «пока русская жизнь не перестала давать нам Трневых».

² В обращении к читателям Миролюбов спрашивал: «Доступны ли пониманию наших подписчиков помещаемые статьи или степень доступности изложения нужно поднять?» («Ежемесячный журнал», 1915, № 7, обложка).

³ См. отзыв А. Гвоздева в «Северных записках» (1915, № 2, стр. 139).

⁴ Вероятно, Тренев имеет в виду многочисленные цензурные вычерки в «Ежемесячном журнале» (1915, № 7). В этом же номере Миролюбов сообщал читателям, что журнал «опаздывает выходом по причинам, от редакции не зависящим», и что по этим же причинам (то есть по вине цензуры) не мог быть напечатан в полном виде ряд статей общественно-политического и военного содержания.

22

<20 августа 1915>

Дорогой Виктор Сергеевич!

Чтой-то от Вас — ни ответа, ни привета?..

Живы — здоровы?

Месяца 1½ тому назад я отправил Вам критическую статью с препроводительным письмом, но о судьбе ее до сих пор ничего не знаю.¹ Черкните — будьте добренькие! Надо ответить автору. Книжку-то двойную что ли выпускаете?²

Всего Вам хорошего!

К. Тренев.

Симферополь, Казанская 22.

Открытое письмо. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Статья А.—лова (А. И. Шепкалова) «Письма о литературе» напечатана в «Ежемесячном журнале» (1915, № 8).

² Имеется в виду № 9—10 «Ежемесячного журнала» (1915, сентябрь—октябрь).

23

<11 декабря 1915>

Дорогой Виктор Сергеевич!

«Не терзайте грудь мою больную». Не только не забыл о Вас, но оч<ень> угнетен мыслью, что никак не соберусь прислать Вам что-н<ибудь>. Не писатель я, а заяц травленный. Зарвался с обещаниями. Вам-то и еще в одно важное место уже представил бы что-н<ибудь>. Да вот... в пьесу впутался!..¹ И ее уж закончил бы, да проклятое время рождественских рассказов подоспело.²

Дело такое: к началу года ничего не успею, но вообще — в начале года что-нибудь дам — это уж верно. Если у Вас там будет печататься список намечаемых на ближайшее время произведений, то включите и меня. Собирался ведь еще в сентябре написать Вам большущее письмо. Да заболел очень (думал даже о смерти), а потом суетой все засыпало. Иногда так душевно хочется увидеть Вас! А что мой критик Ш.? Ничего еще не прислал? Вот неловко было читать в печатном виде его похвалы мне!³

Ваш К. Тренев.

Открытое письмо из Симферополя. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ В «Ежемесячном журнале» (1916, № 5) напечатана пьеса Тренева «Папа». Другое «важное место» — возможно, журнал «Русские записки», здесь был напечатан рассказ Тренева «Заблудились» (1916, № 11).

² В «Южных ведомостях» (1916, № 1, 1 января) за подписью: Т.

опубликован маленький фельетон «Веселый год», написанный в характерной манере Тренева-фельетониста. В «Южных ведомостях» Тренев выступал также под псевдонимом: К. Т. (см. примечание 5 к письму 8).

³ См. примечания 1 к письмам 20 и 21.

24

Дорогой Виктор Сергеевич!

Посылаю вам рассказ Салтыковского,¹ местного врача. М<ожет> б<ыть>, найдете приемлемым для напечатания?

У меня покамест ничего еще нет. Более месяца не до работы было. Бился над умирающим братом,² которого пришлось-таки схоронить на днях в Алупке.

А. И. Шепкалов просил передать Вам о причине, почему до сих пор ничего не написал: был тяжело болен и еще не оправился. 77 болезней у него, и главное — почки? (Не письмо, а скорбный лист).

С чем поздравить Вас в Новом году?

Целую Вас К. Тренев.

25/I <1916>

Открытое письмо из Симферополя. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Произведения В. И. Салтыковского в «Ежемесячном журнале» не публиковались.

² Николай Андреевич Тренев — студент Московского университета, умер от туберкулеза. М. Горький проявил заботу о нем, рекомендовав врача И. И. Манухина, лечившего ранее самого Горького. 13 января 1916 г. Тренев писал Горькому: «До самой смерти надеялся бедняга на Манухина... Если не медицинскую, то духовную помощь оказал ему Манухин, ободрил его и вселив надежду» (М. Горький. Материалы и исследования, т. I. Л., 1934, стр. 233). Своему брату Тренев посвятил несколько строк в статье об А. И. Шепкалове: «Бурный девятьсот пятый год и создание „Донской жизни“ „собственными силами“: двое нас (Тренев и Шепкалов, — А. Б.) да третий — брат мой Коля, гимназист 6-го класса с эрудицией университетского человека... Схоронил я его ровно за месяц до смерти Александра Ильича [Шепкалова]» («Донская жизнь», 1916, № 85, 17 апреля).

25

Дорогой Виктор Сергеевич!

Послал я Вам в начале года рассказ местного автора (Салтыковский),¹ так очень хочется знать, какова судьба: если она уже решена, не откажите черкнуть.

Ничего у меня не выходит с намерением послать Вам что-н<ибудь>. И работается-то плохо: все у меня в этом году покойники. Вслед за братом, о смерти которого я, ка-

жется, писал Вам, еще две тяжелых смерти, в том числе — Ал. Ил. Шепкалова, Вашего сотрудника.² Любил я горячо этого человека,³ да и я для него был один на свете (о чем наш экспансивный П. П. Казмичов⁴ даже в газете пишет немного).

А вот пьесу я закончил. М<ожет> б<ыть>, напечатаете? Только мне хотелось предварительно попытаться провести ее на сцену.⁵

Целую Вас К. Тренев.

2 III <19>16

Открытое письмо из Симферополя.

¹ См. примечание 1 к письму 24.

² Второй тяжелой смертью была кончина матери жены Тренева (ф. 115, оп. 3, № 330, л. 21).

³ Тренев писал критику А. А. Измайлову о Шепкалове: «...мой товарищ и друг, у которого я, по его словам, был одна радость на свете и которого я также горячо любил. Ездил к нему в Донскую обл<асть> навеки проститься» (ф. 115, оп. 3, № 330, л. 21).

⁴ Павел Петрович Казмичов — присяжный поверенный, сотрудник «Донской жизни» (ф. 185, оп. 1, № 587), посвятил А. И. Шепкалову две статьи. В № 33 (18 февраля 1916 г.) Казмичов писал: «Для него было личным счастьем, его *интимной* радостью, когда он получал новый прекрасный рассказ Константина Андреевича Тренева».

⁵ Пьеса «Папа», опубликованная в «Ежемесячном журнале» (1916, № 5), на сцене поставлена не была.

26

<10 марта 1916>

Дорогой Виктор Сергеевич!

Что же Вы не черкнули мне о судьбе рассказа Салтыковского, который я как-то послал Вам? Очень уж он насаждает.

Посылаю Вам пьесу. Что хотите, то и делайте с ней. Лично я [о] ней невысокого мнения, хотя на свое впечатление я не решаюсь полагаться. Но давал тут человечку — тоже не очаровался.¹ А Вы мне скажите о ней все прямо и откровенно. Буду благодарен. Писалась-то она не для печати, но и для сцены — боюсь — не угодил.

Я Вас попрошу толкнуться с ней в Александринку или куда там. В Художеств<енный> театр с этой вещью, конечно, нельзя соваться. Что касается московских театров, то я перепису еще один экзempl<яр> и на всякий случай пошлю кому-нибудь.

Где же взять человека для чтения рукописей?

Ведь это же ответственная штука. А что, я не был бы полезен Вам, хотя бы в предварительной сортировке белле-

тристич<еских> рукописей на, скажем, сомнительные и бесспорные?

Ваш К. Тренев.

<Между строк вписка>

Насчет Та-ва я уже писал Горькому резкое письмо. Он выразил сожаление в оплошности и отрекается от него. А все — Бунин.²

Из Симферополя. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Пьеса «Папа» опубликована в «Ежемесячном журнале» (1916, № 5). Видимо, по просьбе Тренева Горький направил ее в Театр Незлобина, но пьеса не встретила там одобрения. 20 марта 1916 г. Тренев писал Горькому: «Пьеса вот тоже: написал, так думал: недурно, а в итоге, видите, плохо. Урок для меня: не верить себе и не со всем, что напишется, вылезать на люди» (М. Горький. Материалы и исследования, т. 1, Л., 1934, стр. 434).

² Речь идет о литературном критике Д. Тальникове (Давиде Лазаревиче Шпитальникове, род. 1885). По-видимому, он был привлечен к работе в журнале «Летопись» по совету И. Бунина.

В «Летописи» (1916, № 1) была опубликована статья Д. Тальникова «При свете культуры (Чехов, Бунин, С. Подъячев, Ив. Вольнов)», в которой литература о деревне изображалась в виде зеркала самых темных, «азиатских» начал души русского крестьянства. Тальников развивал мысли, высказанные в ошибочной статье М. Горького «Две души» («Летопись», 1915, декабрь) (см. примечание на стр. 249—250). Статья Тальникова возмутила многих литераторов, в том числе К. Тренева и В. Шишкова. Судя по письму Тренева, Горький признал ошибочность публикации этой статьи.

27

<20 марта 1916>

Дорогой Виктор Сергеевич!

Насчет чтения рукописей, кажется, вышло недоразумение: я ведь упомянул об этом, не имея в виду того «амплуа» с окладом, о котором Вы пишете. Просто полагал некоторой приватной и безвозмездной помощью хоть немножко облегчить личный Ваш труд. Но вот Крым—Питер, это, пожалуй, точно, — затруднительно. О пьесе: что-то мне не хочется, чтоб Вы ее беллетристам читали. Чем больше о ней думаю, тем яснее вижу, что в литературном отношении неудавшаяся вещь. Но мне казалось бы, что она сценична: есть живые драматич<еские> сцены, яркий диалог. Хуже всего ее фундамент.¹ Моя же просьба — чтобы Вы откровенно написали о Вашем впечатлении. Этого и будет достаточно. М<ожет> б<ыть>, что-н<ибудь> исправить можно. А если плохо, с легким сердцем махну на нее рукой. В рассуждении сцены, говорят, нужно заинтересовать влиятельн<ого> актера, вроде Давыд<ова>² или кто там у них.

Целую Вас К. Тренев.

Открытое письмо из Симферополя. Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Речь идет о пьесе «Папа» («Ежемесячный журнал», 1916, № 5). «... я свою [пьесу] закончил и вижу — не то, — писал Тренев сотруднику „Биржевых ведомостей“ критику А. А. Измайлову. — Несуразность какая-то в замысле. Рутинно и неуклюже сделан самый план, и этого уже не скрасишь никакими украшениями» (ф. 115, оп. 3, № 330, л. 22). «Биржевые ведомости», сообщая о задуманной Треневым новой драме, возможно, имели в виду замысел пьесы «Папа»: «... мучительная коллизия человека, не сумевшего согласить условия семейного существования с велениями общественной совести» (1915, № 14863, 25 мая). На сцене пьеса поставлена не была.

² Давыдов Владимир Николаевич (1849—1925) — артист Александринского театра.

28

Христос Воскрес,
дорогой Виктор Сергеевич!

Вернувшись из праздничных странствований по всеям южной России, шлю Вам, хоть и с запозданием, пожелания всего Светлого!

А вместе с сим буду жужжать насчет рассказа Салтыковского, пока не освободите Вы мою душу! Где он? Какова его судьба? Дело, кажется, о выведенном яйце, но человек и сам извелся и меня извел...¹

Целую Вас К. Тренев.

18/IV, <19>16

Открытое письмо из Симферополя.

¹ См. примечание 1 к письму 24.

29

Дорогой Виктор Сергеевич!

Не откажите в просьбе — выслать мне «в мой счет» 2 экземпляра майской книжки «Ежем<есячного> журн<ала>».¹

Как-то Вы там по нонешним временам изворачиваетесь? Даже подумать больно — бумага-то нынче, бумага...²

Я прозябаю в своем Коктебеле. Только на 10 дней выезжал — по Малороссии проехался, в самых ее недрах побывал.

Крепко жму руку
Ваш К. Тренев.

адрес: Коктебель, Таврическ<ой> губ.
14 VII, <19>16

¹ В «Ежемесячном журнале» (1916, № 5) была опубликована пьеса Тренева «Папа».

² Видимо, отклик на извещение Миролюбова: «Вследствие болезни редактора, перемены типографии и недостатка рабочих во всех типографиях, журнал опаздывает выходом... Бумага поднялась в цене втрое, типографские расходы вдвое. Просим друзей-подписчиков помочь нам пережить это трудное время» («Ежемесячный журнал», 1916, № 6, обложка). Подобные объявления публиковались также в других номерах.

30

Дорогой Виктор Сергеевич!

А почему бы Вам не приехать на отдых в Коктебель? Вы, вероятно, имеете понятие о нем. Теперь здесь чудные жаркие дни. Бесплатную комнату и не одну Вы могли бы иметь у меня на дачке. Тоже — чай и услуги. А столовые здесь есть недурные, кажется. А может, Вам и наш домашний стол подойдет. Если решите — выезжайте немедленно и прямо без предупреждения. Если приедете до 15-го, то застанете и меня в Коктебеле (семья моя рассчитывает пробыть здесь до сентября).

А что с Вами такое? ¹

Арцыбашев был здесь, но 1-го уехал.² Видел его раз, звали друг друга к себе, тем сношения и кончились. Тяжелое он производит впечатление, хотя от природы, д<олжно> б<ыть>, хороший человек.

Так приезжайте.

Ваш К. Тренев.

5 VIII, <19>16.

Открытое письмо из Феодосии.

¹ Миролюбов в 1916—1917 гг. в связи с операцией долго болел, лежал в больнице, жил в санатории в Финляндии. В «Ежемесячном журнале» (1916, № 6) пояснялось, что журнал опаздывает выходом, в частности, «вследствие болезни редактора». В Коктебель Миролюбов не поехал.

² Арцыбашев Михаил Петрович (1878—1927) был одним из подставных издателей миролюбовского журнала «Трудовой путь». Сотрудничал в «Ежемесячном журнале». После Октября — эмигрант.

В. Я. ШИШКОВ

ПИСЬМА к В. С. МИРОЛЮБОВУ

(1912—1919)

Переписка Вячеслава Яковлевича Шишкова с Виктором Сергеевичем Миролюбовым продолжалась 17 лет (1912—1929 гг.). Начало ее относится к тому периоду в жизни писателя, когда он делает первые попытки выйти за пределы сибирской прессы.

В Сибири Шишков прожил около 20 лет. Многосторонние наблюдения и любовь к этому краю запечатлены им в ряде очерков и рассказов, а впоследствии в большом романе «Угрюм-река». Первым писательским опытом Шишкова была, по его определению, «символическая» сказочка «Кедр», посвященная учителю томской гимназии П. М. Вяткину в связи с 25-летним юбилеем его педагогической деятельности («Сибирская жизнь», 1908, № 240, 8 ноября). В следующем году в журнале «Молодая Сибирь» (1909, № 4) был напечатан рассказ Шишкова «Бабушка потерялась». Начиная с этого года очерки и рассказы Шишкова периодически появляются в газетах «Сибирская жизнь», «Минусинский край», «Жизнь Алтая», в журнале «Сибирский студент», в «Алтайском альманахе». Весьма продуктивным для Шишкова оказался 1912 г. Им были написаны для сибирских изданий несколько статей и очерков, рассказы «Бисерная рожа» и «Теща». В этом же году Шишков впервые выступил в столичной прессе. Во «Всемирной панораме» (№ 176) напечатан его рассказ «Оборотень», а в «Заветах» (№ 2) рассказ «Помолились».

Раннее творчество Шишкова посвящено Сибири. Многолетняя работа в качестве техника-изыскателя Томского округа путей сообщения дала возможность писателю глубоко изучить экономику, культуру, быт и нравы народов Сибири. Ведя изыскательские работы по рекам Иртышу, Оби, Бии, Катуню, Чарышу, Чулыме, Лене, Южной Тунгуске, Ангаре, Шишков знакомится с бытом таежных крестьян, ссыльно-поселенцев, приисковых рабочих, немцев-колонистов, жизнью иртышского казацкого войска. Каждая экспедиция приносила новые впечатления. Особенное внимание начинающий писатель уделяет изображению бесправной жизни малых народов Сибири — тунгусов, эвенков, калмыков, теленгитов, алтайцев и др.

Рассказы «Помолились», «Суд скорый», «Царская птица», «Чуйские были» и др., с такой правдивостью повествующие о тяжелой жизни аборигенов Сибири, были полны протеста против политики царизма по отношению к отсталым народностям. В конце 1912 г. Шишков приступает к работе над большой повестью «Тайга». Вскоре он становится одним из ведущих писателей Сибири.

Шишков выступал и как публицист. В период эпидемии черной оспы в Сибири он пишет статью с характерным названием «Пасынки» («Сибирская жизнь», 1912, № 8, 14 января), стараясь привлечь внимание сибирской общественности к положению угнетенных народностей, лишенных какой бы то ни было медицинской помощи. Эту же задачу — заставить сибирскую администрацию и интеллигенцию Сибири принять ряд мер для улучшения быта аборигенов Сибири — ставит перед собой Шишков и в многочисленных путевых очерках.

Шишков вел большую общественную работу. Он примкнул к кружку Г. Н. Потанина — известного ученого и общественного деятеля, был близок с профессором томского университета Б. П. Вейнбергом — горячим поборником изучения Сибири.

Наиболее тесно Шишков был связан с газетой «Сибирская жизнь», которая в период первой русской революции приобрела значение общесибирской газеты.

Стремление выйти за пределы сибирской прессы сблизило Шишкова с В. С. Миролюбовым.

Первыми произведениями, которые познакомили Миролюбова с Шишковым, были посланные последним на отзыв Горькому в декабре 1911 г. рассказы «Ванька Хлюст», заслуживший похвальный отзыв на конкурсе «Биржевых ведомостей», и «Авдокея Ивановна». По-видимому, Горький передал их на просмотр Миролюбову как ближайшему своему помощнику по «Знанию». В записной книжке Миролюбова 1911—1912 гг. находим упоминания об этих рассказах: «Надо переделать» (по поводу рассказа «Ванька Хлюст») и «Талантливая картинка» (по поводу рассказа «Авдокея Ивановна»). Позднее Шишков обращается к Миролюбову как члену редколлегии (с 1912 г.) журнала «Заветы», между ними возникает переписка. Личное знакомство Миролюбова и Шишкова состоялось, по-видимому, лишь в марте 1913 г., по возвращении Миролюбова в Россию (Шишков в это время находился в Петербурге).

Не ослабевает дружба Миролюбова с сибирскими писателями, в частности с Шишковым, и после разрыва Миролюбова с «Заветами». Этот разрыв не был вызван идейными разногласиями. Для Миролюбова, сохранившего на протяжении всей своей жизни верность старым народническим идеалам, коалиция с В. Черновым, А. Ивановичем-Писаревым, Р. Ивановым-Разумником — членами редакции «Заветов» — явление закономерное. Миролюбов не раз подчеркивал идейное родство народнического «Русского богатства» и «Заветов». Основной причиной ухода Миролюбова явилось систематическое нарушение Р. В. Ивановым-Разумником и С. П. Постниковым требования Миролюбова присылать ему как редактору литературного отдела весь беллетристический материал. Был возмущен Миролюбов также публикацией Ивановым-Разумником в «Заветах» своих статей без согласования с двумя другими членами редакции. О сущности своих разногласий Миролюбов писал В. М. Чернову 2 апреля 1913 г.:

«Раз<умник> говорит, что он может работать только в журнале, ведомом по-некрасовски (?), где все редакторы имели право (?) печатать свои статьи независимо от того, находили возможным или нет печатание этих статей остальные редакторы. В благосветловском журнале, при благосветловском ведении дел он работать не мог бы и не согласился бы, все равно от одного ли лица или от коллектива будет зависеть напечатание или ненапечатание его статьи» (ф. 185, оп. 1, № 173).

«Трудно работать» — эта фраза встречается в дневнике Миролюбова десятки раз. Он все чаще возвращается к мысли об организации своего журнала.

Иванов-Разумник, единственный представитель редакционной коллегии «Заветов» в Петербурге, чтобы укрепить свои позиции, ввел в состав редакции С. Постникова, С. Мстиславского, А. Иванчина-Писарева. Эти фракционные действия обострили конфликт, который и закончился уходом Миролюбова из редакции журнала в апреле 1913 г. Вскоре Миролюбов, обладавший большими организаторскими способностями, приступил к изданию «Ежемесячного журнала».

Шишкову импонировало в общем демократическое направление нового органа. Он охотно содействует популяризации нового журнала Миролюбова, рассылая объявления о его выходе в сибирские и многие дальневосточные газеты, откликаясь рецензиями на новые номера журнала, вербуя подписчиков.

Шишков ценил Миролюбова не только как знатока журнального дела и чуткого художественного руководителя, но и как человека, воодушевленного «высокой идеей служения родине» (письмо 7).

В своих письмах Шишков делится с Миролюбовым творческими планами и жалуется на трудность совмещения литературной работы со службой путейца. С переездом Шишкова в 1915 г. в Петербург переписка с Миролюбовым замирает, письма заменяются личными встречами. Во время длительной болезни Миролюбова в 1916 г. Шишков и его жена К. М. Жихарева принимают деятельное участие в выпуске ряда номеров «Ежемесячного журнала».

Дружеское отношение Шишкова к Миролюбову не изменилось и после революции. Миролюбов не сумел найти своего места в бурной литературной жизни первых лет Октября и отошел от литературно-издательской деятельности. В эти годы Шишков старался помочь своему тяжело больному и нуждавшемуся товарищу.

Письма Шишкова к Миролюбову публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 185, оп. 1, № 1267). Ответные письма Миролюбова к Шишкову погибли вместе с архивом писателя в г. Пушкине в годы Отечественной войны.

1

Вячеслав Яковлевич

г. Томск 12 декабря 1912 г.

ШИШКОВ

Глубокоуважаемый и дорогой Виктор Сергеевич.

Таловский Ар<кадий> Петр<ович> еще в прошлом году начал подавывать в Сиб<ирскую> Ж<изнь>¹ свои рассказы. У него есть некоторый, правда очень небольшой талант, и его рассказы принимались газетою охотно. Но кто он, откуда пришел — никто не знал. Потом, когда редактора Байтова посадили в тюрьму, ему, Тал<овскому>, предложили место редактора (для отсидки и подписи).² Наша газета негласно редактируется профессорами: то Зубашевым,³ то Малиновским,⁴ то Соболевым.⁵

Он сразу же возомнил себя королем в своем государстве. Но ему моментально сбили спесь. Отношения обострились. А видя в нем недалекого человека по его хвастовству и глу-

пой заносчивости, сотрудники окончательно перестали его уважать и считаться с его мнением.

На другой же месяц его редакторства, в августе, я и секретарь Крутовский получаем по письму от Г. Д. Гребенщикова, редактора «Жизни Алтая» в г. Барнауле.⁶ Он пишет, что бывший мировой судья (фамилию я забыл), удаленный «за политику», состоит ныне сотрудником его газеты.⁷ Этот господин знал Таловского в то время, когда тот служил волостным писарем в одном из алтайских сел, находящемся по близости от участка судьи. Это было, приблизительно, в 1906 году, когда томским губернатором был известный прохвост барон Нолькен.⁸

Таловский, будучи писарем, заманил к себе молодую девушку и пыта<лся> ее изнасиловать. Та, надавав ему по роже, вырвалась и убежала. Мужики, узнав, созвали сход и потребовали от Таловского, чтоб он немедленно убирался к черту. Власти составили протокол об изнасиловании. Таловский, наплевав на все, пишет Нолькену донос на мужиков, обличая их в неблагонадежности и бунте, а сам, ликвидировав свои дела, куда-то скрывается.

Несколько мужиков по его доносу попадают в тюрьму. Таловский, скрываясь от уголовной ответственности, выныривает на Дальнем Востоке, где занимается разными шантажными делами. Относительно его дальневосточных деяний судья ничего не пишет. Я это сообщаю со слов сотрудников Сиб<ирской> Ж<изни>, которым Т<аловский> иногда кой-что рассказывал о своей прошлой жизни (напр<имер>, о том, что держал там кинематограф «для взрослых» — с картинок<ами> порнографическими). Редакция, узнав об этом, не решалась немедленно же выгнать его вон, так как побаивалась его: не шпик ли, мало ли в редакции есть какие тайны, в отместку может выдать. Да и срок Баитову кончался через месяц. Баитов вышел, и Таловский из Томска куда-то бесследно исчез. Где он теперь — никто не знает. Вы можете спросить Иванчина-Писарева.⁹ Тот тоже знает о нем многое. «Сиб<ирские> Вопросы»¹⁰ для него закрыли свои двери.

Я думаю мы ночью с Вами встретимся в Питере: скоро уеду месяца на 3¹/₂ в отпуск.¹¹

Пишу большую повесть для Сиб<ирского> сборника «Знание».¹² 85 пол-листов написал. Еще осталось полстолько. Работой доволен. Выходит ладно. Постников¹³ обращался с просьбой подыскать в Томске человека, который бы мог поставить здесь рекламу о Заветах.¹⁴ Я ему все это сделал,

уговорился с редакциями о рассылке бесплатно проспектов. Написал ему: шлите 11 тысяч для Сиб<ирской> Ж<изни>, 2 т<ыс.> для Утра Сибири.¹⁵ Человек найден. Молчит. Я ему второе письмо пишу: шлите скорей. Тоже еще не получил ответа. Хорошего публициста (по областным вопросам) нашел — В. И. Анучина, нашего этнографа.¹⁶ Тот отправил в Заветы письмо.

Ну, желаю Вам, дорогой мой Виктор Сергеевич, счастливой светлой жизни. Дай бог.

Ваш Вяч. Шишков.

Я от Гребенщикова знаю, что группа писателей в ноябре посылала Вам из Питера приветственную телеграмму. И знаю текст ее. У Вас поди, в Италии, хорошо, тепло. У нас стужа. Носы морозим.

Первые письма Шишкова к Миролюбову не сохранились. Данное письмо написано в ответ на вопрос Миролюбова о Таловском. Об отрицательном отношении к Таловскому Шишков заявил и публично (см. письмо 9).

¹ «Сибирская жизнь» (Томск, 1897—1919) — ежедневная политическая, литературная и экономическая газета, основанная П. И. Макушиным. В «Сибирской жизни» сотрудничали политические ссыльные и многие сибирские писатели.

В период первой русской революции газета перешла в руки группы профессоров Томского университета и Технологического института, многие из которых были деятелями партии кадетов.

² 22 июня 1912 г. постановлением томского губернатора на газету «Сибирская жизнь» был наложен штраф за публикацию статей «Спасители отечества» и «Десятая статья» (№№ 129, 131, от 10 и 13 июня), возбуждающих «враждебное отношение к правительству» («Сибирская жизнь», 1912, № 142, 26 июня).

Штраф в 300 руб. был заменен арестом на три месяца, который отбывал числившийся редактором газеты Г. Б. Байтов. А. П. Таловский, привлеченный к номинальному редактированию (официальный, а не фактический редактор обычно отвечал за публикацию материалов), подписывал газету во время болезни и ареста Байтова с 27 мая по 26 октября 1912 г.

³ Зубашев Ефим Лукьянович (1860—1928) — инженер-технолог. Окончил Харьковский университет и химическое отделение Петербургского технологического института. Научно-педагогическую деятельность начал в Харькове. В 1900—1908 гг. был директором Томского технологического института и профессором кафедры химической технологии; в 1909 г. вышел в отставку. Видный деятель кадетской партии, сотрудник и редактор «Сибирской жизни». После Октябрьской революции — эмигрант.

⁴ Малиновский Ионникий Алексеевич (род. 1868) — уроженец Волыни, воспитанник Киевского университета, специалист по истории западнорусского права. Жил в Томске с 1898 г., со времени открытия в Томском университете юридического факультета; здесь начинающий ученый получил профессорскую кафедру. Видный деятель кадетской партии. С октября 1905 г., до отъезда в Варшаву (в ноябре 1913 г.), Малиновский был редактором и сотрудником «Сибирской жизни» и одним из учредителей «Сибирского товарищества печатного дела».

⁵ Соболев Михаил Николаевич (род. 1869) — экономист. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1899—1913 гг. — профессор Томского университета. Ему принадлежат работы «Очерки всемирной торговли» (М., 1899), «Коммерческая география России» (М., 1900), «Очерки русско-монгольской торговли» (Томск, 1911) и др. В течение ряда лет М. Н. Соболев, член партии кадетов, редактировал газету «Сибирская жизнь».

⁶ Гребенщиков Георгий Дмитриевич (род. 1882) — писатель, принимавший участие во многих сибирских изданиях. С 1912 г. его произведения появляются в столичных журналах — «Современнике», «Заветях», «Ежемесячном журнале», «Летописи» и др. В 1913—1916 гг. вышли книги Г. Гребенщикова «В просторах Сибири» (2 тома, Пгр., 1913—1915) и «Змей Горыныч» (Пгр., 1916). Основные темы произведений Гребенщикова — жизнь сибирской деревни и киргизов-кочевников. За развитием творчества молодого писателя внимательно следил М. Горький.

В 1912—1915 гг. Гребенщиков вел переписку с Миролюбовым и сотрудничал в редактируемых им изданиях. Подобно Шишкову, Гребенщиков активно содействовал увеличению подписки на «Ежемесячный журнал» в Сибири. В письме к Миролюбову от 20 декабря 1912 г. Гребенщиков сообщает о Таловском примерно то же, что и Шишков (ф. 185, оп. 1, № 449). После Октябрьской революции Гребенщиков — эмигрант.

⁷ Имеется в виду Клярнер.

⁸ Барон К. С. Нолькен, назначенный в конце 1905 г. томским губернатором, прославился массовыми репрессиями.

⁹ Иванчин-Писарев Александр Иванович (1849—1916) — критик и публицист, представитель активного народничества, член партии «Земля и воля». Ему принадлежит книга «Из воспоминаний о „хождение в народ“» (Пб., 1914). Во время ссылки в Восточную Сибирь участвовал в «Сибирской газете», издававшейся в Томске, сначала как сотрудник, а затем в 1887—1889 гг. (до конца ссылки) как член редакции. Свыше 20 лет (1893—1913) был членом редакции журнала «Русское богатство». В 1909—1912 гг. редактировал журнал «Сибирские вопросы». Принимал участие в журнале «Заветы».

¹⁰ «Сибирские вопросы» (Пб., 1905—1914) — еженедельный журнал, орган областнически настроенной сибирской либеральной буржуазии; в журнале сотрудничали писатели и общественные деятели Сибири: А. Кауфман, С. Швецов, Г. Гребенщиков, В. Сапожников, М. Соболев, Г. Вяткин и др. Журнал уделял большое внимание деятельности «сибирской группы» депутатов Государственной думы, вопросам экономики и географии Сибири. Несмотря на исключительную нужду Сибири в общественно-политическом и художественно-литературном органе, журнал «Сибирские вопросы» не пользовался успехом и прекратил свое существование в 1914 г.

¹¹ В конце 1912 г. Шишков гостил у родных в Бежецке. В конце января 1913 г. он приехал в Петербург для участия в работе XV съезда русских деятелей по водным путям (открылся 4 февраля). На съезде писатель выступил с докладом «Нижняя Тунгуска как путь сообщения». В Томск Шишков вернулся только в апреле.

¹² Повесть, неоднократно упоминаемая Шишковым в письмах к Миролюбову, — «Тайга». Шишков готовил ее для специального сибирского сборника, идею создания которого горячо поддерживал М. Горький. Писатели-сибиряки хотели, чтобы сборник вышел в издательстве «Знание». Однако Горький считал, что К. П. Пятницкий (товарищ Горького по издательству «Знание») затормозит выпуск сборника и предлагал осуше-

ствить его печатание в новом книгоиздательстве, которое «поставит целью своей разработку областных вопросов» (М. Горький, Собрание сочинений, т. 29, М., 1955, стр. 256).

В начале 1913 г. писатели-сибиряки В. Анучин, Вл. Бахметьев, Ф. Гладков, Г. Гребенщиков, П. Драверт, Н. Новоселов, И. Тачалов, Г. Вяткин, И. Гольдберг направили свои рукописи Горькому в Италию. Повесть Шишкова к этому времени еще не была завершена, и он решил дать в сборник рассказ «Ванька Хлюст».

Издание Сибирского сборника, однако, не было осуществлено, среди его участников не было единства. В мае 1914 г. Горький писал Анучину: «Вы напрасно отказываетесь осуществить эту добрую затею! Напрасно! Если вы находите, что подбор материалов не удался Вам — поработайте еще» (там же, стр. 321).

Горький вложил много труда в дело «сибирской литературной мобилизации». Он вел переписку со многими писателями-сибиряками, читал и правил их рукописи, заботился об их публикации. Вс. Иванов, В. Шишков, В. Бахметьев, Г. Гребенщиков и другие многим обязаны Горькому как своему художественному руководителю.

¹³ См. примечание на стр. 202.

¹⁴ «Заветы» (Пб., 1912—1914) — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, орган левых эсеров. Цензурный комитет пристально следил за «Заветами». После выхода в 1914 г. июльского номера Главным управлением по делам печати издание «Заветов» было приостановлено «на все время действия военного положения в столице». Приговором Петербургской судебной палаты от 16 сентября 1914 г. издание «Заветов» было запрещено.

¹⁵ «Утро Сибири» (Томск, 1911—1917) — ежедневная общественно-экономическая, политическая и литературная газета. Редактор В. Б. Воложанин, издатель К. А. Орлов.

¹⁶ Анучин Василий Иванович (1875—1943) — этнограф и беллетрист, известный общественный деятель Сибири. В течение нескольких лет переписывался с В. И. Лениным и М. Горьким.

2

Дорогой Виктор Сергеевич.

Я слышал — Вам нездоровится? Очень, очень жалею. Погода такая окаянная здесь, что и я плоховато себя чувствую.

«Суд скорый» (имеющийся у меня экземпляр) я покромсал порядочно. Одну главу выбросил, кой-какой мусор подвымел. Посылаю Вам.¹

Вас очень хочет навестить М. В. Аверьянов.²

Я завтра, в четверг, буду в редакции. Может быть, увидимся. Пробуду здесь еще с неделю.

Поправляйтесь, с богом.

Ваш Вяч. Шишков.

6/III <1913> Контора редакции «Заветы».

Вячеслав Яковлевич

ШИШКОВЪ.

С. Омудай, на Амуръ.

Т. Шолоховъ. Сентябрь 12 - 1913 г.

Вперед:
Шолоховъ. Ред. "Сибирский
Звукъ".
или
Управлений Округа Путей.

Дорогой, дорогой!

Викторъ Сергеевичъ!

Сейчасъ вы Предвѣщикова посылаетъ копию Вамъ
къ нему письма. Этой Вы неугомонный,
отъѣвъ затѣваете болѣе всего. Сильный Вы.

Они все сердца земли Вашей устроитъ и
трудоу Вамъ. А какъ же Завѣтъ-то?
Ураганъ грозитъ, вѣтъ они безъ Васъ зашумятъ.

Если со зданіемъ кирпича упадетъ - ничего,
если о црквины камни изъ фундамента вывер-
тутъ, зашаталась Франкля, рухнетъ. И такъ.

И такъ выжить и Завѣтъ, думай,
-изъ-де царствію не будетъ конца.

Вамъ новая группа людей, Сибиряки, поддер-
жить имъ много нашихъ силъ, только не ждите
надъ-то Христа ради.

Ахъ вотъ много болѣе болѣе казенное дело.
Копию 7 Сентября, скоро приду и Шолоховъ и
такъ имъ тѣлобъ о мѣ Васъ нацарапанъ.

Надобно думать тоже изъ кожи лопотъ,
болѣе свое побитъ законами надо.

Ахъ и много масса, вѣрнее много.

Кратко пишу Вамъ пишу. Вашъ Вер. Шолоховъ

Завѣтъ изъ словъ обидчивый.

Датируется в связи с предшествующим письмом о скорой встрече с Миролюбовым и с письмом Шишкова к А. Ремизову от 3 марта 1913 г., в котором он писал: «Сейчас иду к В. С. Миролюбову» (ф. 256, оп. 1, № 298).

¹ Рассказ «Суд скорый» опубликован только в следующем году («Заветы», 1914, № 3^а). См. примечание 3 к письму 5.

² Аверьянов Михаил Васильевич — издатель, владелец книжного магазина в Петербурге. В 1910 г. редактировал журнал «Книжный вестник», был пайщиком издательского «Товарищества писателей в Петербурге». Шишков познакомился с Аверьяновым летом 1912 г. и затем близко сошелся с его семьей.

3

Вячеслав Яковлевич
ШИШКОВ

С. Онгудай, на Алтае
Сентября 12—1913 г.

Адрес:

Томск. Ред<акция> «Сибирской Жизни»
или Управление Округа путей.

Дорогой, хороший

Виктор Сергеевич!

Сейчас от Гребенщикова получил копию Вашего к нему письма. Этаким Вы неугомонный, опять затеваете большое дело.¹ Сильный Вы. От всего сердца желаю Вам успеха в трудах Ваших. А как же Заветы-то? Ужасно жаль, ведь они без Вас заглохнут.

Если со здания кирпич упадет — ничего, если огромный камень из фундамента вывернуть, зашатается храмина, рухнет. Жаль.

Я так верил в Заветы, думал — их же царствию не будет конца.²

Ваш новый журнал мы, сибиряки, поддержим по мере наших сил, только не гоните нас-то, Христа ради.³

Нонче летом делал большое казенное дело.⁴ Кончил 7 сентября, скоро приеду в Томск и там что-нибудь для Вас нацарапаю.

Вообще думаю нонче из кожи лезть, большую свою повесть закончить надо.⁵

Тэм и планов масса, времени мало.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Вяч. Шишков.

<На полях приписка>

Заветы зря меня обижают.

¹ Речь идет об организации «Ежемесячного журнала».

² О «Заветах» см. на стр. 227.

³ Шишков формируется как писатель в период, когда начинает работать большая группа писателей-сибиряков: Г. Гребенщиков, А. Окулов, А. Вережников, Н. Матвеев, Г. Вяткин, А. Сорокин, Ф. Гладков, И. Гольдберг, Вл. Бахметьев, А. Жилияков, А. Новоселов и др. Предложение Миролюбова сотрудничать в «Ежемесячном журнале» было с радостью встречено писателями-сибиряками. Так, Г. Гребенщиков писал Миролюбову 29 августа 1913 г.: «За Вами мы будем как за каменной стеною и Вы не дадите нас в обиду. Да и вожжи не распустите. Я уверен, что и все Ваши прежние ученики, ныне уже большие писатели, придут к Вам с радостью» (ф. 185, оп. 1, № 449, л. 3).

⁴ Весной и летом 1913—1914 гг. Шишков возглавлял работы по исследованию Чуйского тракта, пересекающего горный Алтай от г. Бийска до границ Монголии.

После подавления монгольской революции 1908—1913 гг., носившей национально-освободительный характер, в октябре 1913 г. произошел раздел Монголии на три сферы влияния: русскую, китайскую, японскую. Барга и Внешняя Монголия оказались под протекторатом России. Царское правительство спешило максимально использовать новый рынок сбыта и занялось расширением торговли в Монголии. Естественно, возник вопрос о коммуникациях, и в первую очередь об улучшении Чуйского тракта.

Инициатором переустройства Чуйского тракта выступил бийский биржевой комитет, возбудивший соответствующее ходатайство перед министром торговли и промышленности. Империалистическая война задержала переустройство Чуйского тракта. По проекту Шишкова он был переустроен в годы советской власти.

Шишков сообщает Миролюбову об окончании работ экспедиции в начале сентября 1913 г. и о скором возвращении в Томск. Однако сделать это он смог только через месяц.

⁵ Имеется в виду повесть «Тайга».

4

Вячеслав Яковлевич
ШИШКОВ

г. Томск, 4 октября 1913 г.

Милый, дорогой

Виктор Сергеевич!

Только что приехал в Томск из-под Монголии и получил Ваше давнишнее письмо. Весьма рад поработать с Вами. Спасибо за добрую память обо мне. Готовлю и в конце октября пришлю «Чуйские были».¹ Начерно почти написал. Недурно выходит. Еще пришлю рассказец в $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ листа «Собачье снадобье» — который, не знаю, понравится ли Вам. «Чуйские были» листа на $1\frac{1}{2}$. Заветы не помещают моего рассказа² (до сих пор!), исказили мою заметку о Гребенщикове, исказили подпись под ней (В. Шишкин),³ не высылают журнала, не платят за «Кралю»⁴ — ну да это, последнее, не суть важно.

И поэтому Ваше отеческое отношение ко мне для меня сугубо дорого.

Желаю Вам сил и бодрости в новом деле, бог Вам в помощь.⁵

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Вяч. Шишков.

<На полях приписка>

Гребенщиков готовит Вам хорошую вещь и скоро пришет.⁶ Я был у него.

¹ Изыскательские работы по переустройству Чуйского тракта дали обильный материал Шишкову-художнику. В газете «Сибирская жизнь» (1913, №№ 148, 154, 159, 198, 209, 243) появляются путевые очерки Шишкова «По Чуйскому тракту», а осенью, в начале ноября, Шишков посылает Миролюбову в «Ежемесячный журнал» 6 рассказов, названных «Чуйскими былями».

² «Суд скорый» (см. примечание 3 к письму 5).

³ Заметка Шишкова «Георгий Гребенщиков», написанная в связи с выходом в свет сборника рассказов Гребенщикова «В просторах Сибири» (СПб., 1913), напечатана в «Заветах» (1913, № 5) за подписью: В. Шишкин.

⁴ Рассказ «Кралья» напечатан в «Заветах» (1913, № 2).

⁵ Шишков приветствует новое начинание Миролюбова — издание «Ежемесячного журнала».

⁶ Речь идет, по-видимому, о рассказе «Лесные короли» (см. письма 7—8).

5

Вячеслав Яковлевич

г. Томск, 31 октября 1913 г.

ШИШКОВ

Акимовская 12

Дорогой, хороший

Виктор Сергеевич.

Открытку Вашу сегодня получил. Завтра отправляю «Чуйские были».¹ «Собачке снадобье» — не удался. Боюсь утрудить Вас прочтением этого рассказа. Может быть удастся мне его мало-мало улучшить, тогда пришлю — пусть про запас валяется у Вас.²

«Суд скорый» потребовать без обвиняков — не могу. Написал сейчас Постникову — когда пойдет, пойдет ли, если не скоро — пусть вернут. Много упреков им делаю. Не знаю — что ответит.³

Еще пишу (написал вчерне) рассказ, психологический, переживания одной дамы. Она едет ночью, в грозу. Как очутилась на мосту — налетело на ее душу какое-то страшное смятение, предчувствие чего-то ужасного, совершающегося возле. Ночью, на земской видит кошмарный сон. Предчувствие сбылось: когда проезжали мостом — там душили чело-

века. Вот фабула. Вряд ли он подойдет для Вас. Думаю послать либо в Вестн<ик> Евр<опы>, либо в Русск<ую> Мысль. Как думаете?⁴

Монгольский вопрос теперь в моде. Поэтому думаю, что «Чуйские были» будут к стати. Фамилии все вымышлены. В основу каждого эпизода положен факт.

Напишите мне, дорогой Виктор Сергеевич, открыточку, нужен ли Вам еще какой мой рассказ, или материалу собралось достаточно?

Если нужен — сейчас же засяду за хороший рассказ из тунгусской жизни, если нет, — буду работать над окончанием и отделкой своей большой повести «Лешевы проделки».⁵ Очень мне хочется ее скорей кончить: больно занята она и пока несуразна.

Будьте здоровы, хороший Виктор Сергеевич. Желаю Вам бодрости и силы. Не надрывайте себя особенно-то, надо и себя пожалеть, нельзя бесконечно пытаться свои силы.

Прощайте, дорогой.

Ваш Вяч. Шишков.

Р. С. Гребенщиков в Питере. Фонтанка 38, кв. 21.
М. В. Аверьянова. Там живет. В. Ш.

¹ В связи с усилением интереса к вопросам истории, этнографии и фольклору монгольских племен, в сибирских газетах, в частности в «Сибирской жизни», в 1914 г. обильно печатаются материалы о Монголии О «Чуйских былях» см. примечание 1 к письму 4.

² Публикация рассказа «Собачье снадобье» не установлена.

³ Миролюбов предлагал Шишкову передать рассказ «Суд скорый» в «Ежемесячный журнал», однако «Заветы», куда рассказ этот был отослан в начале 1913 г., отказались вернуть это произведение. Оно было опубликовано в «Заветах» (1914, № 3^а). На первое издание мартовской книжки (№ 3), частично уже разосланной подписчиками, был наложен арест за напечатание повести Е. Замятина «На куличках» о быте царской армии. Редактор журнала (Н. М. Кузьмин) и автор были привлечены к ответственности. После изъятия повести Замятина из номера он вновь рассылался подписчикам под № 3^а.

⁴ О каком рассказе идет речь, выяснить не удалось.

⁵ «Лешевы проделки» — предполагаемое заглавие повести «Тайга»

6

Вячеслав Яковлевич

ШИШКОВ

Дорогой, глубокоуважаемый, милый

Виктор Сергеевич!

Поручение конторы редакции Е<жемесячного> Ж<урнала> я исполнил, разослав объявление Ваше, с просьбой поместить, следующим газетам:

В Томске: «Сиб<ирской> Жизни» и «Утру Сибири».

В Омске: «Омскому Вестнику».

В Иркутске: «Сибири», «Сибирской Нед<еле>».

В Ново-Николаевске: «Алтайск<ому> Делу» (единств<енная> газета).

В Барнауле: «Жизни Алтая».

В Бийске: «Алтаю».

Завтра пошлю разным дальневосточным газетам, хотя с ними не знаком. Ну да ничего.

Было бы весьма полезно не пожалеть денег на рекламу и разослать по большим газетам, Сиб<ирским> и Российским, вкладыши в виде переводных бланков почтового образца. Расходы окупятся бы. На первый год без этого обойтись трудно. Хорошо бы через «Русск<ое> Слово» разослать эти вкладыши, газета весьма распространенная. Хотя и принадлежит она к числу *завонистых*, но это не беда: почти все журналы объявляются там.¹

Вот я теперь поистине изумлен Вашему огромному труду: такое богатство успели собрать для своего журнала, такой интересный материал.² Видимо публика пишущая проникнута к Вам большой любовью. Дорогой Виктор Сергеевич! Благодарю Вас покорно, что приняли «Чуйские были».³ Не рад, что спутался с своей повестью. Время убил столько, что хватило бы на 5 больших рассказов. «Заветы» возвратить «Суд скорый» отказались: «рассказ нам очень нравится и у нас абсолютно нет желания его возвращать». Извиняются, что не могли поместить своевременно, что рассказ предназначался для 6 или 7 кн<иги>, но затянувшиеся большие вещи отодвигали очередной материал на конец года.⁴

Желаю Вам от души хорошо поработать на пользу Русского Общества. Всего Вам хорошего, дорогой мой Виктор Сергеевич.

Ваш Вяч. Шишков.

Мой адрес: Акимовская 12, а не Управление, т<ак> к<ак> партия моя (по исследованию Чуйского тракта) помещается не в Управлении.

¹ «Русское слово» (М., 1895—1918) — газета, издаваемая И. Д. Сытиным, имела большой тираж. В 1916 г. он достигал 739 тыс. экз. В этой либерально-буржуазной газете сотрудничали писатели самых различных лагерей. И. Д. Сытин стремился привлечь в свою газету крупнейших литераторов. Так, в 1913 г. в «Русском слове» началась публикация повести М. Горького «Детство». Газета имела собственных корреспондентов во многих странах и широко информировала своих читателей о русской и зарубежной жизни. Значительным источником дохода «Русского слова»

являлись объявления самого различного характера, публикуемые на его страницах. Шишков подчеркивает «завзвонистость» газеты, ее стремление обратить на себя внимание. В годы империалистической войны газета заметно поправела, а после Октябрьской революции выступила на стороне контрреволюции.

² В Первый номер «Ежемесячного журнала» дали свои произведения И. Бунин, А. Ремизов, С. Гусев-Оренбургский, С. Подъячев, Г. Гребенщиков и др.

³ См. примечания 1 к письму 4 и 1 к письму 8.

⁴ См. примечание 3 к письму 5.

7

21—I—<19>14 г.

Томск. Акимовская 12.

Дорогой Виктор Сергеевич.

Спешу поздравить Вас с выпуском в свет детища Вашего, «Ежемесячного Журнала».

Обрадовался я очень, когда получил его. Будто что-то свое, что-то родное. Золотой журнал. Материал интереснейший. Я думаю, что русский читатель давно ждал такого доступного по цене журнала. И не ошибусь, если стану верить, что на будущий год Е<жемесячный> Ж<урнал> будет иметь не менее 40—50 тысяч подписчиков.

Преклоняюсь пред Вашим знанием журнального дела, пред Вашей энергией, пред той большой любовью, которую Вы вложили в высокую идею служения Родине. Дай Вам бог хорошо потрудиться.

Ну, ладно. Теперь о другом. Вот обложка на журнале.¹ Ох, уж эта обложка! Какая-то скучная, казенная, вроде «Отчета о сыроваренных артелях Царевококшайского уезда»,² она если не раздражает глаз, то и не радует. Хорошо бы изменить, не цвет, а шрифт. Фототипии весьма хороши. Я уже писал Вам, что объявления Ваши были мною своевременно разосланы по всем знакомым мне Сиб<ирским> газетам. Не знаю, были ли напечатаны, но я очень просил. В дальневосточные газеты, мне совершенно не знакомые, я послал объявления с весьма большим опозданием. Пошлите еще сами: «Далекая Украина» — Владивосток, «Новая Жизнь» — Харбин и «Забайкальская Новь» — Чита.

Собрал в Томске десятка 2 подписчиков, деньги своевременно отправил в редакцию. Еще надеюсь собрать. Хорошо было бы разослать № 1 бесплатно по учреждениям, по волостям, по сельским батюшкам. Я уверен, что каждый № привлеч бы хоть одного подписчика.

Рассказ Гребенщикова — хорош. И по интересности сюжета и по исполнению.³

Кончил я наконец свою повесть. Хотелось бы пристроить ее куда-нибудь в сборник столичный или альманах, чтоб она сразу, целиком вышла в свет,⁴ да не примут — имя мое маловато.

А повесть не дурна: вот читаю ее перед публикой, на 5 чтений разделил, начал у Потанина,⁵ в прошлое воскресенье у Вейнберга⁶ читал, в четверг закончу у себя. Публика слушает с большим интересом, а публика понимающая. Это меня окрыляет.

Ну, позвольте пожелать Вам, дорогой Виктор Сергеевич, всего хорошего.

Ваш Вяч. Шишков.

¹Замечание Шишкова о малой выразительности обложки журнала было учтено Миролюбовым. Начиная со второго номера у журнала появилась новая обложка, выполненная известным графиком Д. И. Митрохиным.

²Шишков, видимо, имеет в виду «Отчеты царевококшайской уездной земской управы о состоянии уездного земского хозяйства».

³Имеется в виду рассказ Г. Гребенщикова «Лесные короли» («Ежемесячный журнал», 1914, № 1).

⁴Повесть «Тайга» впервые напечатана в «Летописи» (1916, №№ 7—11), отдельное издание: «Парус», Пгр., 1918. Отрывки из повести печатались в «Сибирской жизни»: «Праздник» — 1914, № 281, 25 декабря; «Зеленые цепи» — 1916, № 79, 10 апреля.

⁵Потанин Григорий Николаевич (1835—1920) — исследователь Сибири, Монголии и Центральной Азии; историк, географ и этнограф; публицист и общественный деятель. Имя Г. Н. Потанина связано с общественно-политическим течением, получившим наименование «сибирского областничества».

В. Я. Шишков познакомился с ним в конце 1911 г., после возвращения из труднейшей в его жизни экспедиции на Нижнюю Тунгуску. У Потанина, стоявшего в центре передовой интеллигенции Томска, Шишков познакомился со многими преподавателями университета и Технологического института и общественными деятелями Сибири. Здесь же встретился он с писателем Г. Д. Гребенщиковым. Потанин поощрял литературные начинания Шишкова и его живой интерес к истории и фольклору Сибири. На одном из вечеров у Г. Н. Потанина Шишков читал свою повесть «Тайга».

Молодые сибирские писатели высоко ценили внимательное и дружеское отношение Г. Н. Потанина к их литературным выступлениям. В специальном, «сибирском», номере «Ежемесячного журнала» (1915, № 9—10) Г. Вяткин, В. Бахметьев и В. Шишков (рассказ «Сибирский дед») посвятили свои произведения Потанину в связи с его 80-летним юбилеем. В этом же номере Г. Гребенщиков опубликовал очерк «Большой сибирский дедушка. (Из личных встреч с Г. Н. Потаниным)».

Шишков посвятил Потанину также статью «Восьмидесятилетний юбилей Г. Н. Потанина» и рассказ «Скала» (опубликованы в журнале «Сибирский студент», 1915, № 1—2). Письма Шишкова к Потанину опубликованы в книге: В. Я. Шишков. Неопубликованные произведения. Л., 1956, стр. 248—251.

⁶Вейнберг Борис Петрович (1871—1942) — доктор физико-математи-

ческих наук, в 1909—1924 гг. — профессор физики Томского технологического института и директор Высших женских курсов в г. Томске, открытых в 1910 г. Был членом Томской городской думы и Сибирской областной думы.

8

Вячеслав Яковлевич

г. Томск, 8 марта 1914 г.

ШИШКОВ

Глубокоуважаемый, дорогой
Виктор Сергеевич.

Очень благодарю Вас за «Чуйские были», что не задержали.¹ Сегодня сделано распоряжение о посылке Вам Сибирской Жизни, где были 2 объявления (подробных) в январских №№ и заметка о журнале в одном из вторичных №№. Сегодня сдам объявление о выходе № 2, с перечнем содержания.² Готовлю статью о журнале. Она давно бы появилась: сначала хотел Анучин писать — потом отказался: неудобно хвалить своих (а пришлось бы с похвалой отозваться о «Лесных королях»), другому передали, а тот заболел. Наконец, я взялся. Подпишу каким-нибудь псевдонимом.³ Журнал всем очень нравится. Бегал в магазин Макушина,⁴ сказал, чтоб выписывал скорей журнал для продажи. Поймал еще 3 подписчиков, делаю сегодня перевод. Обложка новая очень хороша — внешность журнала стала неузнаваема.

Если журнал пока идет вяло — не унывайте, все наладится, лишь бы денег хватило. Неужели либеральные толстосумы, если к тому будет нужда, не помогут?

Желаю Вам всего доброго.

Крепко жму Вашу руку.

С глубоким к Вам уважением

Вяч. Шишков.

Р. С. Сиб<ирская> Ж<изнь> перепечатала: «Голиафа» и часть «Чуйских былей».⁵

<На полях приписка>

Еще двух подписчиков поймал. Переведу завтра.

¹ «Чуйские были» напечатаны в «Ежемесячном журнале» (1914, № 2). В данный цикл входили рассказы: «Зеркальце», «Часы», «Тавро», «Живые мешки», «Гнус», «Русские купцы и алтайцы».

² Извещения о подписке на «Ежемесячный журнал» с изложением его программы напечатаны в «Сибирской жизни» (1914, №№ 7 и 8, 10 и 11 января). Там же (№ 34, 18 февраля) появилась краткая сочувственная заметка по поводу выхода в свет первого номера «Ежемесячного журнала». Извещение о выходе второго номера журнала сделано в № 52 (11 марта).

³ См. примечание 1 к письму 9.

⁴ Макушин Петр Иванович (1844—1926) — книготорговец, общественный деятель. Издавал «Сибирскую газету» (выходила в Томске с марта 1881 по июль 1888 г.), в которой сотрудничали В. Короленко, Г. Успенский, К. Станюкович, Г. Потанин, Г. Мачтет, И. Федоров (Омулевский). Н. Наумов, А. Иванчин-Писарев и др. Книготорговлей П. И. Макушин занимался с 1873 г. Его магазины имелись во всех больших городах Сибири. В Томске ему же принадлежал музыкальный магазин (см. также примечание 3 к письму 13).

⁵ «Голиаф» — рассказ С. Гусева-Оренбургского, опубликованный в первом номере «Ежемесячного журнала» (1914), был перепечатан «Сибирской жизнью» (1914, № 33, 14 февраля). Три рассказа из цикла «Чуйские были» («Зеркальце», «Часы», «Гнус») появились там же (№ 50, 8 марта).

9

26/III — <19>14 г. Акимовская 12.

Дорогой Виктор Сергеевич.

Позвольте поблагодарить Вас за «Чуйские были». Они, наверное, не стоят тех денег, которые так аккуратно были высланы мне.

Посылаю Вам вырезку статьи о журнале.¹ Очень извиняюсь, что она слишком запоздала, правда не по моей вине, своим появлением.

У нас сейчас идет процесс Таловского с редак<ором> Сиб<ирской> Ж<изни> В. М. Крутовским. Если интересуетесь, просмотрите №№ «Сиб<ирской> Ж<изни>», начиная, кажется, с 5 марта. Там — стенографический отчет.²

Может быть в конце апреля приеду дня на 2 в Питер.³ Очень хотелось бы, не знаю — позволят ли дела. Нонче опять еду на Алтай. Осенью буду издавать 1-ю книгу своих рассказов.⁴ В этом году буду писать лишь небольшие рассказы, листа в 2, а то прошлый год был занят писаньем чего-то вроде романа или повести, листов 12—10. Не знаю, куда пристроить. Хотелось бы в какой-нибудь сборник, чтоб вышла целиком. Да не примут. А повесть, по отзывам, хороша.⁵

Наверное Вы очень устали, дорогой Виктор Сергеевич. Дела с журналом уйма. Себя поберегайте. Хороши ли у Вас помощники? Не встречаетесь ли Вы с Алексеем Максимычем — уж скоро год, как ему отослан материал для «Сибирского Сборника». Он обещал все это просмотреть и издать в т-ве «Знание». Там мой Ванька Хлюст.⁶ Почему он так медлит, ничего не отвечает. При случае — не откажите спросить.

До свиданья. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Вяч. Шишков.

<На полях приписка>

Получается ли Вами «Сиб<ирская> Жизнь?»

¹ Статья «Ежемесячный журнал, издаваемый Миролюбовым», напечатана в «Сибирской жизни» (1914, № 64, 25 марта), за подписью: В. Ш. В статье наиболее подробно дается обзор первого номера. Особое внимание уделено рассказам Е. Замятина «Непутевый» и Г. Гребенщикова «Лесные короли».

² 4 марта 1914 г. в камере мирового судьи слушалось дело по обвинению В. М. Крутовского — секретаря «Сибирской жизни» в «клевете на словах», возбужденное по жалобе временно исполнявшего обязанности редактора «Сибирской жизни» А. П. Таловского. В «жалобе» изложены как клеветнические те же факты, что и в письме В. Я. Шишкова к В. С. Миролюбову от 12 декабря 1912 г. Разбор дела тянулся долго. По требованию сторон к следствию привлекались все новые и новые документы и свидетели.

Стенографический отчет «необычного процесса» публиковался в «Сибирской жизни» (1914, №№ 47, 54—56, 64—66). Со стороны редакции газеты были вызваны свидетели, проживавшие в разных городах Сибири. К делу было приобщено письмо Г. Д. Гребенщикова от 23 июля 1912 г. на имя В. М. Крутовского. На это-то письмо и ссылается Шишков, сообщая Миролюбову о неблагоприятном прошлом Таловского (см. письмо 1). Текст письма Гребенщикова был опубликован, «за исключением мест, не имеющих непосредственного отношения к данному делу» («Сибирская жизнь», 1914, № 54, 13 марта).

Шишков выступил свидетелем со стороны обвинения. По свидетельству Шишкова, после письма Гребенщикова в редакцию «Сибирской жизни» «между сотрудниками и Таловским легла пропасть». «Я и другие, — сказал Шишков, — перестали подавать ему руку». Донос Таловского на крестьян сотрудники «Сибирской жизни», по словам Шишкова, расценили как донос политический. Таловский подозревался также в публикации в черносотенной газете «Сибирская правда» (1913, № 267, 12 октября) статьи «Профессора Томского университета и томская печать» (перепечатка из газеты «Прямой путь», редактировавшейся Пуришкевичем). Выражая свое отношение к этой статье, редакция «Сибирской жизни» подчеркнула ее клеветнический характер и отметила в ней «признаки политического сыска» (1914, № 56, 15 марта).

В защиту Таловского выступил профессор Томского университета Н. Я. Новомбергский. Когда процесс был приостановлен, обе стороны не стали настаивать на его продолжении.

³ 8 апреля 1914 г., подъезжая к Бежецку, Шишков сообщал А. М. Ремизову: «Однако я приеду в Питер. Сейчас еду домой, в Бежецк, через два часа приеду, проживу там с недельку и денька на два качну в Питер» (ф. 256, оп. 1, № 298).

⁴ Первая книга рассказов подготавливалась Шишковым осенью 1914 г. для «Товарищества писателей в Петербурге», пайщиком которого он состоял. Шишков писал М. В. Аверьянову 1 сентября 1914 г. о желании издать свою книгу близкой по формату «Сборникам товарищества „Знание“» и напоминающей по бумаге и шрифту сборники «Сирин» (ф. 428, оп. 1, № 114). Однако ни в 1914, ни в следующем году сборник не был издан. Первая книга писателя под названием «Сибирский сказ» вышла в 1916 г. в издательстве «Огни».

⁵ Речь идет о повести «Тайга».

⁶ См. примечание 12 к письму 1.

10

Вячеслав Яковлевич
ШИШКОВ

22—X—<19>14 г.
Томск. Акимовская, № 12.

Дорогой Виктор Сергеевич.

Я недавно приехал с Алтая. Все собирался написать Вам. Тревожился — уцелели ли Вы с войной. А вчера, слава богу, получил Ваше письмо. Объявление в Сибирской Жизни напечатано. Если не поздно, пожалуйста, напечатайте посвящение Ваньки Хлюста Г. Н. Потанину.¹

Пришлите книжек 5 октябрьских. Хорошо было бы получить от Вас книг 50 старых номеров: я бы разослал их в уезд по своим знакомым для ознакомления.

Нового у меня ничего не написано: все еще сижу над повестью, да и некогда. Есть только известный Вам рассказ «В гостях у боженьки».² Он значительно переделан, и я еще думаю его углубить, после чего пошлю Вам на одобрение. Желаю Вам всего лучшего.

С глубоким к Вам уважением

Ваш Вяч. Шишков.

¹ «Ванька Хлюст» напечатан в «Ежемесячном журнале» (1914, № 10) без посвящения.

² Об этом рассказе Шишков писал А. М. Ремизову 28 марта 1914 г.: «Пришлю Вам скоро отписку на машинке своего рассказа „У превышнего места“ — грезы мальчика, вообразившего себя в гостях у боженьки» (ф. 256, оп. 1, № 298). Ему же 6 апреля 1913 г. Шишков сообщал: «Этот рассказ принят в Сборник т-ва писателей Рассказ раньше большой был, да мы еще общими усилиями с Михаил. Вас Аверьяновым вдвое сократили» (там же). Ранее Шишков посылал свой рассказ в «Заветы». Миролубов зарегистрировал его в записной книжке 1912 г. Был ли рассказ опубликован, не установлено.

11

Вячеслав Яковлевич
ШИШКОВ

Томск. Акимовская, № 12.

Дорогой Виктор Сергеевич.

Поздравляю Вас с Новым годом. Желаю всего хорошего. Очень извиняюсь, что давно ни слова не писал Вам, но поручения Ваши все мною исполнены. О номере 11 и подписке на 1915 год в Сиб<ирской> Ж<изни> помещено от 25 и 30 декабря.

Из числа присланных 50 экзempl<яров> журнала — 30 разослал самолично по своим знакомым сельским учителям, батюшкам, писарям, торговцам и пр., а остальные роздал

товарищам, с просьбой тоже разослать по уезду и по Сибири вообще.

При сем прилагаю первую серию подписчиков, а вскорости последует 2-я. Деньги подписные посылаю одновременно с сим. Деньги я посылаю полностью, а подписчикам, хорошим своим знакомым, многим устроил рассрочку.

Гонорар за Ваньку Хлюста Вы, пожалуйста, высылать не беспокойтесь — я в деньгах нужды не имею.

Пишется пока плохо. Все ждал, что придется ехать на войну — дороги строить и немножко нервничал.¹

Ну, позвольте пожелать Вам еще раз всяческих успехов в делах Ваших. Гребенщиков кланяется Вам. Собирается в Монголию до весны.²

Ваш Вяч. Шишков.

30/XII — <19>14 г.

¹ Шишков отрицательно относился к империалистической войне. Он писал А. М. Ремизову 16 декабря 1914 г.: «Дай бог, чтоб скорей наступил конец войны. Но когда ж это будет? Кажется люди так озверели, такой зарядились злобой, что нужны великие знамения и чудеса, чтоб мечи вложились в ножны и смолкли пушки». В этом же письме он сообщал: «А я чуть было не попал во Львов. Всю нашу партию, которая нынче опять все лето пробыла на Алтае, чуть не угнали в Галицию на устройство дорог и мостов. И все-таки четверо уехали, а я отговорился: боялся там с ума спянуть. А теперь, пожалуй, и жалее: надо бы самого себя носом хорошенько натереть в дела рук человеческих» (ф. 256, оп. 1, № 298).

В письмах к Г. Н. Потанину в 1915 г. Шишков выражал надежду, что война изменит многое, ибо по-старому уже жить нельзя. «Да, война, действительно, ужасна, — писал он. — Но она, очевидно, необходима для устройства судьб Мира» (В. Я. Шишков. Неопубликованные произведения. Л., 1956, стр. 250). Эта же мысль заключена в его письме А. М. Ремизову от 18 марта 1915 г.: «Война кошмаром висит над землей. И Бог и Дьявол отвернулись от земли, такие кругом подлость и разбой. И если б не предчувствие чего-то хорошего, что будет вскоре, можно б было спянуть с ума. А гром грянуть должен» (ф. 256, оп. 1, № 298).

² В письме Миролюбову от 4 ноября 1914 г. Г. Д. Гребенщиков сообщил о своей неудавшейся поездке в Петербург: «... с 1-го сентября живу в Томске, застряв в нем мимоездом в Петербург, куда не пустил здравый смысл и отсутствие денег» (ф. 185, оп. 1, № 449). В первых числах января 1915 г. Гребенщиков уехал в Монголию.

12

Вячеслав Яковлевич

9/I—<19>15 г.

ШИШКОВ

Томск. Акимовская, № 12.

Дорогой Виктор Сергеевич.

Еще я набрал подписчиков 18 человек. Все подписались на год, но денег я с них не получил еще и посылаю Вам за каждого пока по 2 р., остальные после.

А Вы мне тоже окажите, пожалуйста, услугу: высылайте, будьте добры, бесплатно журнал неимущему человеку, моему близкому знакомому политическому М. И. Ткаченко¹ (брату известного художника, недавно умершего).² С. Чечуйское, Киренского уезда Иркутской губ.

А как рассказ Вл. Бахметьева, нашего томича «Железная трава»?³ Этот рассказ был получен Вами на пасхе, когда я был в Питере. Объявление о № 11 у нас в Сиб<ирской> Ж<изни> еще раз 3 напечатали (всего раз 6) и о подписке там же.⁴ Но хорошо бы о подписке отдельное объявление пустить на первой странице, только С<ибирская> Ж<изнь> скупая на объявления. Думаем с Гребенщиковым еще статью о Журнале поместить.

Интересно, какво идет подписка. Поди, половина подписчиков на войне. Рассказ для журнала буду в феврале писать. Ну, всего хорошего Вам от всей души.

Любящий Вас Вяч. Шишков.

¹ Шишков познакомился с М. И. Ткаченко во время экспедиции 1911 г. на Лену и Нижнюю Тунгуску. В дер. Подволочной, расположенной на Нижней Тунгуске, М. И. Ткаченко вместе с другими политическими ссыльными помогал оснащать экспедицию перед ее 2500-верстным переходом. Дружеские отношения писателя с Ткаченко продолжались многие годы.

Просьба Шишкова была выполнена Миролюбовым.

² Ткаченко Николай Иванович (род. 1866) в 1895 г. окончил Академию художеств. Имел звание классного художника 3-ей степени.

³ Бахметьев Владимир Матвеевич (род. 1885) — советский писатель. До революции многие годы жил в Сибири, там же начал писать. С юношеских лет принимал участие в революционном движении, член большевистской партии с 1909 г. Сотрудничал в сибирской прессе, был редактором социал-демократической газеты «Сибирская новь» и «Сибирского рабочего» — органа томской организации большевиков. В печати активно выступает с 1914 г. Его повесть «Алёна» и очерки «Алтай» были сочувственно встречены М. Горьким.

С Шишковым Бахметьев познакомился и близко сошелся еще в 1912 г. Письма Шишкова к Бахметьеву опубликованы в книге: В. Я. Шишков. Неопубликованные произведения. Л., 1956. Бахметьев написал несколько очерков и книгу о жизни и литературной деятельности В. Я. Шишкова (В. Бахметьев. Вячеслав Шишков. М., 1947). Им же написан очерк «Конец Емельяна Пугачева. По материалам В. Я. Шишкова к последней части исторического повествования „Емельян Пугачев“» (В. Я. Шишков. Емельян Пугачев, кн. 3. М., 1950, стр. 533—565).

Рассказ Вл. Бахметьева «Железная трава» был напечатан в «Ежемесячном журнале» (1915, № 9—10).

⁴ Объявления о подписке на «Ежемесячный журнал» на 1915 г. и о выходе № 11 за 1914 г. напечатаны в «Сибирской жизни» (1914, №№ 280, 281, 283, от 23, 25 и 30 декабря; 1915, №№ 1, 5, от 1 и 8 января).

13

Вячеслав Яковлевич

ШИШКОВ

26/III—<19>15 г.

Томск. Акимовская, № 12.

Дорогой Виктор Сергеевич.

В настоящее время решительно ничего не могу дать для предполагаемого Вами Сибирского номера.¹ У меня теперь много работы и казенной и общественной, заматался окончательно, хочу бежать отсюда в Питер, здесь же одно горе, а не работа. Город сравнительно небольшой, активной интеллигенции не густо, и мало-мальски видного человека прямо рвут по многочисленным научным и просветительным обществам. Думаю вскоре же переменить службу, перебраться в Питер и там осесть как следует, чтоб поработать всласть. Литературного материала у меня хватит на 5 лет, знай пиши, и вдали от Сибири, которую я горячо люблю, мне будет отрадно писать.²

Идею о сибирском номере не лучше ль пока отложить, хотя бы до осени. Мы, сибиряки, очень благодарны Вам, дорогой Виктор Сергеевич, за доброе к нам отношение.

А вот насчет капиталов — это у нас плохо. Нет здесь таких людей, которые могли бы дать на это дело денег. Просвещенных богачей нет, а если есть, как Макушин, так он уже выскулил Томску Дом Науки.³ Мне шибко жаль Вас и Ваше дело.⁴ Дело такое хорошее, налажено отлично. Еще бы годик пробыться и тогда Вы встали бы на каменные ноги, прочно вросли бы в землю. Нельзя ли сдать журнал хотя бы во временную аренду какому-нибудь богатому чудаку, оставив всю идейную сторону ведения за собою. Пока всего Вам хорошего. Буду что-нибудь по мере сил готовить для Вас. Да, еще к Вам просьба. В Томске есть бесплатная библиотека, обслуживающая голотьбу. Я там членом Совета. Совет просил меня обратиться к знакомым редакциям с просьбой о бесплатной высылке журналов. Ваш журнал один экземпляр, платный, библиотекой получается. Одного экземпляра мало — читателей тьма. Не откажите высылать один экземпляр еще, бесплатно, по адресу: Томск. Бесплатная библиотека.

Ваш всем сердцем

Вяч. Шишков.

¹ По просьбе сибиряков Миролюбов отложил выпуск специального сибирского номера «Ежемесячного журнала» до осени. Сдвоенный номер журнала (1915, № 9—10) вышел в октябре. Темой многих произведений писателей-сибиряков была жизнь Сибири («Сибирский дед» В. Шишкова,

«Степные вороны» Г. Гребенщикова, «Железная трава» В. Бахметьева и др.). Часть материалов была посвящена Г. Н. Потанину в связи с 80-летним юбилеем последнего (см. примечание 5 к письму 7).

² Помимо службы, продолжительных экспедиций, Шишков принимал деятельное участие в культурной и общественной жизни Томска. Он являлся активным участником местного литературного кружка, выступал на чтениях в Обществе попечения о народном образовании, состоял членом президиума Общества изучения Сибири, организованного Г. Н. Потаниным в 1909 г., членом Совета общественной библиотеки, принимал участие в работах томского Дома науки. Остро ощущая отсутствие настоящей литературной среды, Шишков все чаще думает об оставлении службы. В августе 1915 г. он переводится в Министерство путей сообщения в Петербург для составления проекта переустройства Чуйского тракта, подробные технические исследования которого были осуществлены под его руководством в 1913—1914 гг.

³ П. И. Макушин в начале XX в. сыграл известную роль в культурной жизни Томска. Ему принадлежат многие начинания, содействующие просвещению Сибири. В апреле 1905 г. Макушин сделал заявление в городскую думу о том, что намерен ежегодно отчислять по 3000 руб. на открытие и содержание в Томске Народного университета. В 1909 г. он внес 100 000 руб. на постройку специального здания, а 7 октября 1912 г. состоялось открытие Дома науки, которому было присвоено имя Макушина. В числе других с приветственной речью выступил Шишков. Свою речь он закончил словами: «Пусть двери „Дома науки“ — этого посредника между интеллигенцией и народом — будут широко открыты не только демократическим слоям городского населения, но и исконному кормильцу пахарю, но и полудикому инородцу, затерявшемуся в необъятных просторах Сибири, потому что все живое неударжимо тянется к солнцу...» («Сибирская жизнь», 1912, № 224, 10 октября).

⁴ Годы войны оказались для «Ежемесячного журнала» тяжелыми. Ощущалась острая нехватка бумаги, значительно упало число подписчиков. Испытывая большие денежные затруднения, Миролубов пытался привлечь к изданию своего журнала лиц, обладающих значительными средствами. В связи с введением военной цензуры усилились и цензурные притеснения. Многие журналы были закрыты. Радуюсь выходу в свет № 9—10, Г. Гребенщиков писал Миролубову 14 ноября 1914 г. о «Ежемесячном журнале»: «В море крови, значит, он не потонул, как потонули другие» (ф. 185, оп. 1, № 449).

14

Дорогой и милый

Виктор Сергеевич.

Вы на меня не сердитесь, что ни вчера, ни в ту среду, прошлую, не довелось Вас посетить. Вчера еще на службе¹ почувствовал себя неважно, лихорадило. Пришлось принять хины и отказаться от путешествия по холоду.

Примите, дорогой Виктор Сергеевич, мой низкий Вам поклон и всегдашнее к Вам глубокое мое уважение.

Вяч. Шишков.

17/XII—<19>15 г.

<На открытом письме>

Здесь.

Е<го> В<ысокородию> Виктору Сергеевичу
Миролюбову.
Серпуховская 40.

¹ Шишков служил в это время в Управлении шоссейных дорог при Министерстве путей сообщения.

15

Дорогой

Виктор Сергеевич.

Мне что-то жаль стало Горького, в особенности после Чириковских штук.

Не напрасно ли он это затеял, подняв перо на Горького: ведь все-таки *Горький!*

С легкой руки Философова — пошли хлестать: Андреев, Волынский, Потресов, Чириков и др.¹ Уж, кажется, с Чирикова довольно бы: ну, вскипел, не удержался, вклеил затрещину. Но ведь он еще написал статью, да еще статью. И обидно то, что в большинстве статей не столько темперамента, сколько злорадства. Похоже на то, что как будто Горького подкарауливали, а как прорвался — гурьбой набросились, словно на цыгана мужики. Разве не вправе будет Горький подумать после этого о нашей интеллигенции хуже, чем он думает о крестьянах?

В чем же прорвался Горький? Ведь не зря же он облаял с плеча все русское. Очевидно наболело у него, разлилась духовная желчь, очевидно пришел в тупик, углядел в русской жизни что-то сонное: дремлет Русь — вот-вот закроет глаза и захрапит на всю Европу, как китайский дракон. А ежели спит — будить надо. А как? Размахнулся и саданул кулаком по уху: «вставай, бабка! оглянись, что ты есть и чем должна быть».

Конечно, удар кулаком — прием слишком энергичный — но он произведен любя: не самооплевание это, а порыв скальпелем данного ему дара вскрыть нарыв любимой Родины. Ну, ошибся, увлекся, через край хватил. Конечно можно и должно спорить, выяснять, доказывать, но без злорадства, без желания втащить человека на Голгофу, чтобы плевать ему в лицо и бить по голове тростью.

Жалко все-таки, по человечеству жалко. Не хорошо как-то. Опять развал, разлад, скверность. Вместо того, чтоб

собирать свои силы, уплотняя и точка, чтоб они клином врезались в жизнь и отделили тьму от света, мы щепаем из самих себя лучину и расшвыриваем ее во все стороны на потеху толпе.

Хорошо бы повлиять на Евгения Николаевича: пусть ограничился бы Тальниковым,² а Горького пощадил. Что ж топтать в грязь русскую жемчужину. Даже святые каблуки не послужили бы к сему достаточным оправданием.

Если Вы, дорогой Виктор Сергеевич, еще не поговорили с Чириковым (я думаю, что говорили), переговорили бы: он Вас обязательно послушает. Я уверен, что вряд ли Вы приняли все то, что было им зачитано. Ядовито, талантливо, но лучше было бы эти острословия поберечь для кого-либо другого: в русской жизни так много гадин.

Ваш Вяч. Шишков.

28 февраля 1916 года.

Р. С. Письмо провалялось в кармане. Раздумываю теперь — посылать ли? Э, дай пошлю.

¹ В первом номере нового журнала «Летопись» (1915, декабрь) была напечатана статья Горького «Две души», вызвавшая резкие нападки, особенно со стороны шовинистически настроенных писателей и критиков. В этой статье Горький противопоставлял Восток Европе, эмоциональное, чувственное начало — разуму, интеллекту, пассивность и созерцательность — активной деятельности человека. «Отношение человека к деянию — вот что определяет его культурное значение, его ценность на земле», — писал Горький. Отмечая «два навыка мысли, две души» — пассивную и активную по своему отношению к действительности, писатель призывал бороться с «азиатскими» наслоениями в психике русского человека. Несмотря на то, что Горький предупреждал, что его противопоставление Востока Западу не содержит в себе утверждения расовых особенностей, «которые якобы органически и неискоренимо» свойственны отдельным народам, его статья содержала ряд ошибочных положений и формулировок, в том числе неверную оценку «души» русского народа. Однако эти ошибки не помешали Шишкову понять основной пафос статьи и почувствовать горячую любовь Горького к своему народу. Мысли, родственные горьковским, можно найти в письме Шишкова Г. Н. Потанину от 25 июля 1915 г. (В. Я. Шишков. Неопубликованные произведения. Л., 1956, стр. 248—249).

Резкая оценка статьи Горького писателями и критиками-шовинистами вызывалась главным образом неприязненным отношением к редактируемому Горьким журналу «Летопись», который был единственным легальным антивоенным органом. «Защита» русского народа от Горького превращалась ими в защиту империалистической войны.

Шишков упоминает в своем письме статьи Д. Философова («Речь», 1916, № 1, 1 января), А. Вольнского («Биржевые ведомости», 1916, № 15404, 25 февраля), Л. Андреева («Современный мир», 1916, № 1), Потресова («Ежемесячный журнал», 1916, № 1) и Е. Чирикова («Современный мир», 1916, №№ 1 и 2). Взволнованное письмо Шишкова к Миролубову

любому, по-видимому, вызвано чтением в редакции новой статьи Чирикова, направленной против Горького. Статья эта в «Ежемесячном журнале» не появилась.

Горький отказался от прямой полемики со своими противниками, но в своих «Письмах к читателям» («Летопись», 1916, № 3) отметил усиление «словоблудия» и «хвастовства русской мощью» в дни войны. Он писал: «И, как всегда, в моменты катастроф, громче всех кричали жулики». В объяснении мотивов, побудивших его написать статью «Две души», Горький совпадает с Шишковым. Горький хотел содействовать пробуждению у русского народа воли к жизни, к самозащите «от врагов ближайших к нам», т. е. от царизма и его слуг.

² В январском номере «Летописи» за 1916 г. была опубликована статья молодого критика Д. Тальникова «При свете культуры» об изображении деревни в произведениях А. Чехова, И. Бунина, И. Вольнова и С. Подъячева. Е. Чириков рассматривал эту статью как слепое отражение взглядов Горького на деревню и русский народ (Е. Чириков. При свете здравого смысла. «Современный мир», 1916, № 2, стр. 85—111). В своем выступлении Е. Чириков допустил ряд грубых выпадов против Горького, что и вызвало возражение со стороны В. Шишкова.

16

27/X — <19>16. Петроград. Колпинская 14.

Милый, хороший

Виктор Сергеевич.

Я только 23 октября приехал из Томска, где пробыл 8 дней и узнал здесь, в Питере, что Вы все еще хвораете. Горько об этом было слышать, знаю — тяжело Вам. Если б я был чародеем, исцелил бы Вас, а теперь могу лишь пожелать Вам терпения.

Корректуру ведет Ксения Михайловна, она любит Вас, работает с радостью и шлет Вам свой привет.

Сентябрь — октябрь кончается, подписано к печати 368 страниц, ноябрь перевалил за половину.

Не торопитесь приезжать, не волнуйтесь, номер выпустим своевременно, номер интересный,¹ а до декабрьского еще далеко.

К какому же мне номеру приготовить обещанный рассказ, к Д<екабрьскому> или Янв<арскому>?²

Крепко жму руку, дорогой, милый Виктор Сергеевич.

Ваш, с любовью к Вам

Вяч. Шишков.

4 ноября на неделю еду по делам службы в Воронеж.

¹ В связи с обострением туберкулезного процесса Миролюбов провел несколько месяцев в Финляндии, в санатории «Халила». Шишков и его жена — К. М. Жихарева деятельно помогали в выпуске №№ 9—11 «Ежемесячного журнала» за 1916 г.

В ноябрьском номере опубликованы следующие художественные произведения: «День ушел...» С. Есенина, «Сын» А. Даманской, «Неопалимая купина» С. Фомина, «Насилие» Г. Магнитского, «У последней воды» Вл. Бахметьева, «Шесть седьмых» А. Петровского и др.

² Рассказ «Каторжник» напечатан в «Ежемесячном журнале» (1917, № 1).

17

Дорогой Виктор Сергеевич!

Моя попытка сдержать обещание дать что-либо Раз<умнику> Васильевичу¹ для «Д<ела> Н<арода>»² успеха не имела. Больше утруждать его своими писаниями не намерен. Статья не принята, очевидно потому, что неодобрительно отношусь к немецким зверствам. Боюсь, что и Вам не подойдет, так как я не щажу в ней и «зверств русских». Да к тому же она очень запоздала.³ Если не примете, будьте столь любезны вернуть ее мне поскорей по почте (Колпинская 14), а то вы очень далеко живете, времени же у меня слишком мало. Вскороности постараюсь прислать еще что-нибудь. Кс<ения> Мих<айловна> приготовила для Е<жемесячного> Ж<урнала> перевод хорошего рассказа (очень трогательный) из военной жизни.⁴

Ваш всей душой
Вяч. Шишков.

30/V <19>17 г.

¹ Иванов-Разумник (см. примечание на стр. 200—201).

² «Дело народа» (Пгр., 1917—1919) — эсеровская газета. Шишков напечатал в ней рассказы «Улица» (1918, № 25, 21 апреля) и «Веселый бродяга» (1918, № 35, 4 мая).

³ Статья была направлена Шишковым не в «Ежемесячный журнал», а в эсеровскую газету «Воля народа» (Пгр., 1917), в редакцию которой в то время входил Миролубов.

Шишков напечатал в «Воле народа» 12 очерков и рассказов: «Черноморцы» (№ 14, 14 мая), «Великие страдания» (№ 28, 1 июня), «Интер» (№ 35, 9 июня), «Вольный город» (№ 42, 17 июня и № 46, 22 июня), «Неведомый старец» (№ 49, 25 июня), «Темное дело» (№ 61, 9 июля), «В рабочем клубе» (№ 69, 19 июля и № 70, 20 июля), «Опись моего происшествия» (№ 85, 6 августа), «Деревенские речи» (№ 103, 27 августа), «Хлебная монополия» (№ 113, 8 сентября и № 114, 9 сентября), «Около земли» (№ 141, 11 октября) и «Сиротинушка». Последний рассказ появился в «Литературном приложении» (под ред. М. М. Пришвина) к № 202 газеты «Воля народа».

Упомянутая в письме статья Шишкова в газете не появилась.

⁴ Перевод К. М. Жихаревой в «Ежемесячном журнале» не появился.

Колпинская 14, кв. 18
Петроград.

6/VIII <19>19

Дорогой
Виктор Сергеевич!

Вчера приехал из Бежецка, Тверск<ой> губ., своей родины и получил Ваше любезное письмо.

Вот и еще довелось пострадать Вам физически — ой, больно! — о душевном же настроении Вашем не знаю, видно и оно паскудно.

Переехать в Москву не решаюсь — пока едешь, вздорожает все и там, — а приехать думаю. И обязательно навещу Вас.

Работать не работается — вот прожил в Бежецке 3 недели, все время просидел, как козел, в своем собственном саду и пальцем о палец не ударил. В смысле питания там не дурно: молоко 15—20 р. штоф, яйца — 65—75 руб. десяток, картошка — 200 р. мера, но мяса нет. Однажды, впрочем, ел свежепросоленного жеребенка, но свежая белка, которую я пробовал в тайге, куда вкусней.

Еще весной начал было писать Вам рассказ, даже сообщил об семере Леонидовне,¹ — вот, думаю, пришлю на пасху — но увы! рассказ вышел 2-го сорта — ежели пришлю, боюсь, проломите мне голову. На тему из современности (писать об этом пока трудно), схематичен, жидок, без изюминки, художество тонким слоем намазано на тенденцию, как на советский измятый хлеб — драгоценное сливочное масло. Но все-таки пришлю. Когда писал — имел в виду простого читателя, а не заузного.

Я написал 4 больших рассказа: «Крокодил» — листа 1½—2, продал Гржебину по 3500 с листа, «Мериканец» — просит Московское «Слово» (сборники Книг<оиздательства> писателей),² «Страшный кам»,³ (по-алтайски — шаман) — листа на 3½—4 — не окончен еще и «Пурга»⁴ — такого же размера и в том же состоянии. Засел за большой роман «Угрюм-река» — вдвое толще «Тайги», в полтора раза забористей. Но выйдет ли из него прок — неизвестно. Закончу только тогда, когда восстановится транспорт и пятачковая булка будет стоить пятачок. Более или менее законченными главами из него могу снабжать голодающие литературно-губернии и центры.⁵ А также, с большой наугой и неохотой придется стряпать и писательскую вермишель, обращая оную в вермишель съедобную, единую на потребу.

Всего Вам хорошего.

Ксения Михайловна⁶ кланяется. Августе Фил<ипповне>⁷ Ваш поклон передал. Списала адрес, но по своей шалости (от слова «ошалеть») стала записывать на своей шагреновой сумке, тогда я собственноручно записал ей на бумаге.

Любящий Вас
Вяч. Шишков.

¹ Вера Леонидовна Говорова — заведующая конторой «Ежемесячного журнала».

² «Мериканец» Шишкова напечатан впервые в журнале «Творчество» (1919, № 12). В 1925 г. Шишков включил его в сборник «Взлеты» под заглавием «Крылья». Оно, по словам писателя, более подходило к наименованию книги и полнее раскрывало содержание рассказа (В. Я. Шишков. Неопубликованные произведения. Л., 1956, стр. 265). В сборник «Взлеты» был включен и рассказ «Крокодил».

³ Отрывок из «Страшного кама» был опубликован в серии путевых очерков Шишкова («Жизнь Алтая», 1913, № 169, 1 августа). Полностью рассказ был напечатан в «Московском альманахе» (кн. 1, М., 1923, стр. 45—109).

⁴ «Пурга» впервые опубликована в журнале «Новый мир» (1927, №№ 2 и 3).

⁵ К работе над романом «Угрюм-река» Шишков приступил еще в 1918 г. Первая часть романа публиковалась в журнале «Сибирские огни» (1928, №№ 3 и 4). В 1933 г. появилось отдельное издание романа (ГИХЛ, Л.), последнее прижизненное издание — 4-е (Гослитиздат, М., 1945). От издания к изданию роман подвергался существенной доработке.

⁶ Ксения Михайловна Жихарева (жена В. Я. Шишкова).

⁷ Августа Филипповна Даманская — писательница и переводчица произведений Р. Роллана, Келлермана, Нексе и др., давняя знакомая Миролубова, сотрудничала в «Журнале для всех» и «Ежемесячном журнале».

«РУССКАЯ МЫСЛЬ»

В. Я. БРЮСОВ

ПИСЬМА к П. Б. СТРУВЕ

(1910—1911)

Валерий Яковлевич Брюсов не только выдающийся деятель русской художественной литературы, но и заметная фигура в истории русской журналистики. Еще в 1900 г. молодой Брюсов, секретарь бартеневского «Русского архива», записывает в своем дневнике: «Я — журналист по званию, и мне сладостны все эти толки в типографии о сверстывании и т. под.» (В. Брюсов. Дневники. М., 1927, стр. 90). А за год до смерти в автобиографической заметке, переданной Н. Н. Фатову, он говорит, как бы подводя итоги своего жизненного пути: «С конца 90-х годов я стал сотрудником в разных журналах и газетах. Постепенно круг таких изданий расширился, и за 20 лет я состоял сотрудником большинства выходящих за этот период журналов, альманахов и т. под. Неоднократно я принимал участие и в редакции таких изданий, как ее член, как единоличный редактор, как редактор отдела. Особенно близко участвовал в редакциях журналов: «Новый путь», «Весы», «Русская мысль» («Утро». Литературный сборник, <вып.> 1, М.—Л., 1927, стр. 188).

Если секретарство поэта в журнале «Новый путь» скоро прекратилось из-за несочувствия Брюсова направлению журнала, руководимого четой Мережковских, то в редакции «Весов», центрального органа символистов, он участвовал пять лет. Впоследствии, в одной из автобиографий, Брюсов так характеризовал свою интенсивную работу в «Весях»: «За эти годы не было в журнале ни одной строки, которую я не просмотрел бы как редактор и не прочитал бы в корректуре. Мало того, громадное число статей, особенно начинающих сотрудников, было мною самым тщательным образом переработано, и были случаи, когда правильнее было бы поставить мое имя под статьей, подписанной кем-нибудь другим» (Русская литература XX в., т. I. Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914, стр. 115).

Но и «Весы», даже в начальный период их издания, не удовлетворяли Брюсова, о чем свидетельствует письмо его от 24 сентября 1905 г. к П. П. Перцову: «Почти глазами видишь, — писал он, — как все кругом костенеет, превращается в „мертвый символ“, люди, идеи и журналы (в их числе «Весы»). А куда уйти? Не в „Московские же ведомости“ и не в „Нашу же жизнь“?» («Печать и революция», 1926, № 7, стр. 44).

Будучи общепризнанным руководителем «Весов», Брюсов тем не менее стремится выйти за пределы затхлого декадентского мирка и делает попытку стать сотрудником солидного журнала либерально-буржуаз-

ного направления «Вестник Европы». В письме его от 19 января 1907 г. к члену редакции этого журнала Е. А. Ляцкому содержится любопытное признание об «одинокости среди своих» («Новый мир», 1932, № 2, стр. 191). Желание Брюсова сотрудничать в «Вестнике Европы» не осуществилось только из-за ухода Ляцкого из редакции журнала.

В 1909 г. Брюсов ушел из «Весов». В связи с идейным кризисом символизма и с разбродом в рядах его приверженцев в том же году прекратили существование «Весы» и второй орган символистов — «Золотое руно». Журнал «Аполлон» (1909—1917) не мог заменить их, так как с 1911 г. стал скорее художественным, чем литературно-критическим органом.

Брюсов, «журналист по призванию», остался не у дел. В это время за ним и начинает охотиться один из редакторов «Русской мысли», лидер правого крыла кадетской партии П. Б. Струве, еще в 1906 г. напечатавший лестную статью о книге стихотворений Брюсова «Венок» («Наше „бездарное время“» — «Полярная звезда», № 14, 19 марта). Брюсов выразил Струве свою признательность за эту статью в не публикуемом здесь письме от 31 марта того же года. Так началось, пока еще заочное, знакомство Брюсова со Струве.

Петр Бернгардович Струве (1870—1944) — буржуазный экономист, философ и публицист, представитель «легального марксизма», разгромленного В. И. Лениным. Характеризуя циническую беспринципность Струве, Ленин писал о нем: «...г. Струве, как известно, начал с оппортунизма, с „критики Маркса“, а докатился в несколько лет до контрреволюционного буржуазного национал-либерализма...» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 96). После Октябрьской революции Струве активно боролся с Советской властью, был членом белогвардейского правительства Деникина и Врангеля, потом — белоэмигрантом.

С 1907 г. московский либерально-буржуазный журнал «Русская мысль» перешел в руки П. Б. Струве и А. А. Кизеветтера, которые использовали его для пропаганды империалистических устремлений русского царизма и буржуазии. Резко изменился состав сотрудников журнала. Отделом публицистики всецело завладели кадеты — Струве, Кизеветтер, А. С. Изгоев, Н. А. Бердяев, В. Д. Набоков и др. В беллетристическом отделе, пока еще наряду со старыми сотрудниками, писателями-реалистами (А. С. Серафимовичем, Д. Н. Маминым-Сибиряком, П. Д. Боборыкиным), начали печататься символисты — К. Д. Бальмонт, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Ф. Сологуб, М. Волошин. В критическом отделе стали сотрудничать Л. Я. Гуревич, Ю. И. Айхенвальд, В. В. Розанов, Д. В. Философов. На страницах журнала была опубликована лживая статья последнего «Конец Горького». В 1907 г. в «Русской мысли» (№ 3) напечатаны и три стихотворения Брюсова.

В первом номере «Русской мысли» за 1908 г. появилось программное заявление «От редакции», имевшее целью завуалировать правокadetскую направленность журнала: «Редакция „Русской мысли“, отстаивая со всей силой убеждения начала конституции и демократии, о чем достаточно свидетельствует состав постоянных и ближайших сотрудников журнала, — в то же время в вопросах общекультурного характера охотно предоставляет страницы журнала и таким статьям, в которых читатель найдет хотя бы и не совпадающую со взглядами редакторов, но серьезную, оригинальную и свежую постановку выдвигаемых жизнью проблем». В этом же духе написано письмо Струве от 24 августа 1908 г. к известному судебному деятелю А. Ф. Кони, которого Струве хотел привлечь в свой журнал. В нем Струве уверял своего корреспондента: «„Русская мысль“ не есть

журнал какой-нибудь партии или даже „направления“. Наоборот, насколько это зависит от меня, я стремлюсь освободить журнал от всякого „направленства“ и сделать его орган<ом> свободной мысли. Делаю это замечание ввиду того, что часто — на основании имен редакторов журнала — его называют „кадетским“» (ф. 134, оп. 3, № 1643).

В. И. Ленин в газете «Пролетарий» (1908, № 25, 12 марта) разоблачил подлинное лицо журнала и его руководителя: «В журнале „Русская мысль“, который на самом деле должен бы называться „Черносотенная мысль“, г. Струве уже проповедует идею „Великой России“, идею буржуазного национализма, разносит „враждебность интеллигенции к государству“, сражает в тысячу первый раз „российский революционизм“, „марксизм“, „отщепенство“, „классовую борьбу“, „банальный радикализм“» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 445).

Имена старых сотрудников «Русской мысли» постепенно исчезают со страниц журнала. Среди новых сотрудников в 1908—1909 гг. преобладают символисты и писатели, тяготеющие к ним. В 1909—1910 гг. Брюсов становится одним из активнейших сотрудников «Русской мысли». Одновременно в журнале одна за другой появляются хвалебные рецензии на его книги. Им дорожат, за ним ухаживают.

Записи в дневнике Брюсова свидетельствуют о сложной обстановке, предшествовавшей его сотрудничеству в «Русской мысли»: «Общее враждебное настроение к „декадентам“. Выпады печати. Все газеты мне закрыты. . . Я оставляю „Весы“. Тщетные переговоры с „Русской мыслью“ Лурье. . . Три тягостных месяца в Москве. Сотрудничество в „Русской мысли“. Редакционное собрание». Далее следуют сжатые отзывы о членах редакции журнала: «Знакомство с П. Б. Струве. Человек оригинальный. . . Меткие слова. А. А. Кизеветтер — торная, удобная, хорошая дорога. Лурье. . . талантлив в меру» (В. Брюсов, Дневники, стр. 141—142).

Брюсов был нужен журналу не только как автор: он был известен как ценный журналист-работник. Дела же «Русской мысли» были не блестящи. Она теряла былую популярность и давала дефицит. Надо было резко улучшить качество журнала, чтобы привлечь подписчиков. Д. С. Мережковский, заведовавший в 1909 г. отделом беллетристики, оставил свой пост, так и не наладив работы. Преемники его — Ю. И. Айхенвальд, В. Г. Малахьева-Мирович и С. В. Лурье — еще более запутали дела журнала, так как приняли к печати ряд слабых произведений (например, бездарный роман П. А. Сергеенко «Андрей Щербина»).

В этих условиях Струве, типичный делец-предприниматель, прибегает к решительным мерам. В августе 1910 г. он избавляется от своего издателя и соредактора Кизеветтера, переводя его на подчиненное положение, и становится полновластным хозяином журнала. А вслед за тем предлагает Брюсову с сентября заведовать литературно-критическим отделом «Русской мысли». Тот дает согласие.

Отрицательное, даже презрительное отношение Брюсова к кадетам общеизвестно. Об этом говорит его стихотворение «Довольным», написанное на другой день после манифеста 17 октября 1905 г., имеется ряд свидетельств и в письмах Брюсова. В цитированном выше письме к П. П. Перцову от 24 сентября 1905 г. Брюсов, по существу, ставит знак равенства между черносотенными «Московскими ведомостями» и близкой к левым кадетам «Нашей жизнью». В письме к нему же от 22 марта 1906 г. Брюсов говорит с досадой: «Дума будет кадетской. . . Хочешь не хочешь, а изо дня в день будем слушать из Таврического дворца те же рассуждения, в которых с детства захлебывался на страницах „Русских ведомостей“ и

всего им подобного. Бррр... Я бы уж предпочитал Думу социал-демократическую» («Русский современник», 1924, № 4, стр. 235). 23 марта 1910 г. Брюсов сообщает Перцову: «В „Мысли“ пишу теперь каждый месяц то стихи, то статьи, то рецензии, а скоро начну печатать повесть. Странное это для меня прибежище» («Печать и революция», 1926, № 7, стр. 46).

Что же все-таки побудило Брюсова еще теснее связать свою судьбу со «странным» для него «прибежищем» — кадетским органом, войдя в его редакцию?

Прежде всего его призвание журналиста. Брюсов мечтал превратить литературно-критический отдел «Русской мысли» как бы в продолжение «Весов». Не разделяя кадетской платформы журнала, Брюсов надеялся, что ему удастся отмежевать литературный отдел от политики. В письме к Ф. Сологубу от 27 августа 1910 г. он говорил: «Лик журналу дают те, кто в нем пишет, не правда ли? Если б Вы и все наши „друзья“ захотели писать в „Русской мысли“, она могла бы стать в лучшем смысле слова „пашим“ журналом» (ф. 289, оп. 3, № 94). Кроме того, Брюсова, семейного человека, привлекала возможность иметь постоянный, твердо фиксированный заработок.

Впоследствии, в 1916 г., в ответе на приглашение сотрудничать в журнале Горького «Летопись» Брюсов следующим образом охарактеризовал свое участие в редакции «Русской мысли», пытаясь отмежеваться от политических взглядов руководителя журнала и оправдать свою аполитичность: «Ваша ссылка на мою „близость“ к „Русской мысли“ не имеет того значения, какое Вы этому придаете. Действительно, 6 лет тому назад, я заведовал литературным отделом „Русской мысли“ и мог до некоторой степени влиять на художественную часть журнала. От такого заведования я должен был сравнительно скоро отказаться, по причинам, которые вспоминать излишне... Говоря об ответственности, я разумею художественно-критическое направление журнала, ибо общественно-политические взгляды „Русской мысли“ всегда были для меня делом, конечно, не „безразличным“, но „посторонним“» («Литературное наследство», 1937, т. 27—28, стр. 652).

Работу в редакции Брюсов начал с рассылки писем виднейшим беллетристам, поэтам и критикам, как уже печатавшимся в «Русской мысли» (Мережковский, К. Бальмонт, А. Белому, А. Ремизову, Б. Садовскому, Н. Гумилеву, А. Блоку, Ф. Сологубу, К. И. Чуковскому и др.), так и тем, кого желал бы привлечь в сотрудники журнала (А. Н. Толстому, М. А. Кузмину, Е. В. Аничкову, В. В. Вересаеву и т. д.). Пишет он также и писателям-иностранцам: Эмилю Верхарну, Стефану Цвейгу, Дж. Амэндола, Ренэ Гилю.

Не все приглашенные Брюсовым писатели дали согласие работать в журнале. 6 декабря 1911 г. Струве писал Брюсову: «Уклонение Вересаева я предвидел: как с социал-демократу», ему неудобно печататься в „Русской мысли“» (письма Струве к Брюсову хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы). Часть писателей приветствовала назначение Брюсова на ответственный пост в журнале. А. Блок ответил Брюсову 3 сентября 1910 г.: «Только на днях получил Ваше письмо и с удовольствием посылаю для „Русской мысли“ маленький цикл стихов (под заглавием «Страшный мир»). Как я мог до сих пор сотрудничать в „Русской мысли“, где преобладала политика и дамские психологические романы? Вся редакция состояла из людей, слишком для меня чужих» (А. А. Блок, Сочинения, т. 2, М., 1955, стр. 642).

Как и в «Весках», Брюсов всей душой предался редакционной работе. Он составляет предварительные планы номеров «Русской мысли», пишет

объявления о подписке и проспекты издания, читает рукописи, принятые его предшественниками, возмущаясь низким художественным качеством многих из них, знакомится с вновь поступившими рукописями, редактирует, а иногда почти заново переписывает чужие критические статьи, исправляет переводы, просматривает корректуры, предлагает даже править их, чтобы спасти номера от запаздывания при выходе в свет. Как правило, Брюсов благожелателен к молодым поэтам, критикам и переводчикам. Он добивается тематического разнообразия печатаемых в журнале «обзоров» литературной, театральной и художественной жизни, предлагает давать в конце года библиографические указатели, заботится о более высоком качестве переводной беллетристики. Добиваясь успеха редактируемого им журнала, Брюсов порою вступает в спор со Струве. Он возражает против решения Струве повысить с 1911 г. подписную цену на «Русскую мысль», мотивируя свое возражение тем, что читатели еще не привыкли к переменам в составе редакции, а тут опять новшество (см. письмо 12). Но подобные выступления явно не нравились Струве. В письме от 22 октября 1910 г. он не без колкости отвечает Брюсову: «Что касается до того, что Вы пишете о слове „перемены“, то я, должен сказать, этого не понимаю. Никакой перемены, ошутимой для подписчиков, не произошло, если говорить об уходе Кизеветтера... Фактическая перемена коснулась только беллетрист<ического> отдела и состоит в замене Лурье Вами». Спорил Брюсов со Струве и по другим вопросам — об объеме книжек «Русской мысли», о переводных романах, о месте в журнале библиографии, которую недооценивал Струве.

Для Брюсова на первом плане всегда стояли порученные ему отделы — беллетристики и критики. Для Струве же основой журнала являлись политические статьи — собственные и своих соратников по кадетской партии. Он смотрел на беллетристику, как на приманку для подписчиков, для «глупого читателя». Брюсов хотел бы отказаться от печатания серых, бездарных произведений, принятых его предшественниками. Он писал Струве: «Вы брались защищать дело „глупого читателя“, — кажется, и ему нужна пища поразборчивее» (см. письмо 6). Однако Струве из материальных соображений (ведь авторам были выданы авансы) не разрешал этого. «Старый беллетристический портфель „Русской мысли“ мы, к сожалению, должны также „проглотить“, — писал он Брюсову 11 сентября 1910 г.

Одним из средств повышения доходности журнала Струве (как, впрочем, и Брюсов) считал помещение на его страницах произведений модных тогда авторов. «Желательно непременно иметь в февралье гр<афа> Алексея Толстого», — пишет он Брюсову 4 января 1911 г. Федор Сологуб — тоже «имя». Брюсов 27 августа 1910 г. обращается к Сологубу с просьбой продолжить сотрудничество и, горячо оправдываясь в публикации отрицательной рецензии Малахневой-Мирович на «прекрасный рассказ» Сологуба «Путь в Дамаск», обещает: «... пока я буду иметь какое-либо влияние в журнале, повторение чего-либо подобного совершенно невозможно. И я надеюсь, что выходящие томы собрания Ваших сочинений дадут „Русской мысли“ повод более серьезно оценить Вашу деятельность...» (ф. 289, оп. 3, № 94).

С ноября 1910 г. в журнале вводится новый отдел — «В России и за границей. Обзоры и заметки». Брюсову принадлежит заслуга организации в нем подотдела «Литература и искусство», в котором печатались статьи о русской и иностранной литературах. С января 1911 г. появился отдел «Материалы по истории русской литературы и культуры», под редакцией Брюсова, М. О. Гершензона и А. А. Кизеветтера. В нем публиковались неизданные стихи, письма и мемуары писателей и общественных деятелей

XVIII—XIX вв. Брюсов очень интересовался этим отделом и безвозмездно предоставлял для публикации документы из своего собрания редких рукописей.

Вначале Струве был, по-видимому, очень доволен работой Брюсова. «Литературно-критический и библиографический отдел „Русск<ой> мысли“ перестраивается», — сообщал он 4 октября 1910 г. Е. А. Колтоновской (ф. 629, № 34). Он повышает Брюсову жалованье и гонорар за произведения, печатаемые в «Русской мысли», дарит редкие книги. Однако Брюсов все более чувствует, что принял на себя «бремя неудобноносимое» (письма к К. И. Чуковскому от 26 августа 1910 и 28 ноября 1911 г. — К. Чуковский. Репин. Горький. Маяковский. Брюсов. Воспоминания. М., 1940, стр. 210, 214). Он часто жалуется на перегруженность: «Занятия „Русской мыслью“ совсем лишили меня свободного времени» (письмо к А. А. Измайлову от 19 октября 1910 г. — ф. 115, оп. 3, № 44); «Редакторская работа совсем меня поглотила» (письмо к С. К. Маковскому от 3 апреля 1911 г. — ГПБ, собрание П. Л. Вакселя, № 676). И самое главное, Брюсов убедился, что у него нет даже той доли самостоятельности, которой он пользовался в «Весах».

Струве, властный характер которого все более давал о себе знать, сохранил за собой право контроля не только за содержанием литературно-критического отдела, но и за переговорами Брюсова с сотрудниками, за назначением гонораров, внешним оформлением журнала, даже за ведением конторских дел. Эта, зачастую мелочная, опека, к тому же на значительном расстоянии (Струве жил в Петербурге, а журнал издавался в Москве), тормозила работу и тяготила Брюсова. Руководство журналом из Петербурга породило обширную переписку со Струве. Иногда Брюсов писал Струве дважды в день.

При оценке брюсовских писем к Струве необходимо помнить, что Брюсов был большим дипломатом и далеко не всегда был прямодушен со своим корреспондентом, прибегая к методу лавирования. Можно, например, усомниться в искренности его заявления по адресу Струве «Patriotica» в непубликуемом письме от 1 марта 1911 г., что якобы он, Брюсов, стоит «приблизительно на тех же позициях», какие защищает в ней Струве, таково же и лукавое сочувствие Брюсова (в приписке к письму 19) по поводу ядовитой статьи о Струве А. В. Пешехонова (недаром Струве сердито пишет на этой приписке: «Не требует ответа»). В письме 4 Брюсов рассыпается в комплиментах Мережковским, называя их «исключительно культурными и весьма даровитыми людьми, которых в России заменить нечем», зная, что это приятно Струве, не мыслившему издания журнала без их участия. На самом же деле Брюсову претило религиозное юродство Мережковских, в свою очередь недолюбливавших Брюсова. По свидетельству А. Белого, Брюсов и Мережковские при встречах «осыпали друг друга всегда всегда комплиментами», а «заочно ругали друг друга» (Андрей Белый. Начало века. М. — Л., 1933, стр. 170). Это подтверждается иронической оценкой Мережковских в «Дневниках» Брюсова.

Много волнений доставил Брюсову и Струве временный арест декабрьской книжки «Русской мысли» за 1910 г. из-за повести Брюсова «Последние страницы из дневника женщины», обвиненной в порнографии, и отзывы критики о характере литературного отдела журнала.

Очень не понравилась Струве статья Дня Одинокого (псевдоним Н. Туркина) в газете «Голос Москвы» (1911, № 35, 13 февраля) с резкой критикой беллетристического отдела январской книжки «Русской мысли». В статье содержался разбор трех «бесстыдных» произведений — стихотворения Ф. Сологуба «Пришла опять, желаньем поцелуя...», романа

З. Гиппиус «Чортова кукла» и психодрамы Брюсова «Путник», а в заключение выражалось сожаление по поводу глубокого падения руководителя журнала, П. Б. Струве: «Человек, который стоял в гордой позе Герцена, и вдруг... главный распорядитель на сцене кафе-шантана!».

В неопубликуемых письмах Брюсову пришлось успокаивать Струве и обещать ему «быть еще осторожнее в выборе материала», но, конечно, «истории» с двумя номерами журнала заставили Струве насторожиться и еще меньше доверять редактору литературного отдела. Возможно, тогда же, в феврале 1911 г., появляется у него и мысль о замене Брюсова менее блестящей, но осторожной Л. Я. Гуревич. Но открытой размовки между Брюсовым и Струве еще не было.

Столкновение произошло из-за романа Андрея Белого.

Осенью 1911 г. Струве предложил Белому написать роман для «Русской мысли». Тот согласился и начал писать роман «Петербург» (первоначальное заглавие — «Путники»), который, по авторскому замыслу, должен был стать второй частью трилогии «Восток или Запад» (первой частью этой трилогии являлся роман «Серебряный голубь», напечатанный в 1909 г. в «Весакх»). Брюсов считал этот вопрос окончательно решенным и в письме от 14 октября 1911 г. сообщал Ф. Сологубу, что у «Русской мысли» для 1912 г. есть уже четыре принятых романа, в том числе роман А. Белого. Струве был более «осторожен». 3 ноября он известил Брюсова, готовившего объявление о подписке на 1912 г., что «о романе Белого можно объявить только в „обещаниях“... так как романа Белого еще нет, он принят *лишь условно*».

Роман был написан чрезвычайно быстро — в три месяца, одобрен Брюсовым и передан на рассмотрение Струве. Реакция Струве для автора и для редактора литературного отдела оказалась совершенно неожиданной.

2 февраля 1912 г. Струве писал Брюсову: «Спешу Вас уведомить, что относительно романа Андрея Белого я пришел к совершенно категорическому *отрицательному* решению. Вещь эта абсолютно неприемлема, написана претенциозно и небрежно до последней степени. Я уже уведомил Белого о своем решении (телеграммой и письмом)... Мне лично жаль огорчать Белого, но я считаю, что из расположения к нему следует отговорить его от печатания подобной вещи, в которой проблески крупного таланта утоплены в море настоящей белиберды, невообразимо плохо написанной».

Очевидно, в не дошедшем до нас письме Брюсов возражал Струве, так как 12 февраля последний ответил ему: «Относительно романа Белого я с Вами не согласен: по дружбе следует ему посоветовать вовсе не печатать этого незрелого и прямо уродливого произведения. Дело тут вовсе не в „Русской мысли“ и ее читателях, для которых вполне пригодно все хорошее, а в том, что роман плох до чудовищности. А, конечно, сам Белый — человек талантливый, и если бы он себя взял в руки, из него мог бы получиться очень крупный писатель».

Почему же Струве, не считаясь с мнением Брюсова, так обрушился на роман Белого? Этот «политический вождь буржуазного либерализма» (определение Ленина — Сочинения, т. 31, стр. 53) пришел, конечно, в ярость, увидев в романе резкое осуждение русской государственности, столь ревностно защищаемой им, Струве. Но была и другая причина, вскрытая автором романа. «... только потом стало ясно, — писал А. Белый, — что я, как всегда, нетактично дал маху, попавши не в бровь, а в глаз Струве; у меня в романе изображен рассеянный либеральный деятель, на последнем митинге сказавший радикальную речь и тут же

переметнувшийся вправо; и по виду своему, и по политической ситуации это был живой портрет Струве, который увидел себя, тогда как у меня не было и мысли его задеть; тем больше в него я попал; он был в бешенстве» («Литературное наследство», т. 27—28, стр. 455).

Положение Брюсова, в душе сочувствовавшего Белому, было весьма тяжелым, так как автор обрушил на него свое негодование. Только много лет спустя, уже после смерти Брюсова, Белый сумел лучше разобраться в инциденте со своим романом и самокритично рассказал об этом: «Мы скоро ударились лбами (с Брюсовым, — А. М.), когда под давлением Струве не принял он заказанного мне „Русской мыслью“ романа: я кричал на него; даже сцены устраивал: на заседании „Эстетики“ (Общества свободной эстетики, — А. М.); он же, терпя мои резкости, молча морщился, силясь меня успокоить; он был совершенно бессилён; давил его Струве, который пришел от романа в неистовство, до ультиматума мне, чтобы я вообще не печатал романа нигде.

«Вышел громкий скандал, от которого лишь пострадал он со Струве; я ж переборщил в своей долгой злопамятности, лет двенадцать отказываясь от свидания с ним; я не понял, что „инцидент“ наш — неразбериха игры, от которой он более пострадал» (Андрей Белый. Начало века, стр. 471—472).

В апреле 1912 г. Струве принял решение о перемещении «Русской мысли» из Москвы в Петербург. Брюсов от переезда в Петербург отказался. В письме от 19 апреля Струве предложил Брюсову стать «гласным московским представителем редакции „Русской мысли“, к которому могли бы обращаться все сотрудники, и конечно — заведующим беллетристическим отделом на прежних основаниях». Понимая временный характер предложенной ему должности, Брюсов ищет пристанища в других журналах. В письме к нему от 23 июня 1912 г. Струве выражает недовольство по поводу сообщения Брюсова о том, что его приглашали сотрудничать в «Современнике» и «Заветах». Как истый делец, он грубо напоминает Брюсову о принадлежащем «Русской мысли» праве «предпочтительной покупки» произведений Брюсова как заведующего отделом журнала.

Отношения между Струве и Брюсовым резко ухудшаются. О прежних комплиментах теперь нет и помина. Итог двухгодичной работы Брюсова в редакции «Русской мысли» был оценен Струве как неудовлетворительный. Так, 7 июля 1912 г. он писал Брюсову: «Наша нынешняя беллетристика, судя по отзывам, которые я собираю с разных сторон, и по моему внутреннему чувству была ниже того, чем она должна быть, если не считать романов Вашего и Мережковского. Нужно было бы обсудить и некоторые принципиальные вопросы и практические приемы развития этого отдела (а равно литературно-критического, который, если не считать Ваших заметок, был тоже неудовлетворителен)».

В июльском номере «Русской мысли» Струве поместил объявление от редакции о том, что с 20 августа главная контора и редакция «Русской мысли» переводятся в Петербург, в Москве же остается только отделение конторы, адрес которого сообщался. В августовской книге это объявление было дополнено вставкой: «В. Я. Брюсов по делам литературно-критического отдела будет принимать в Москве (1-ая Мещанская, д. 32, кв. 2) и в Петербурге (в помещении главной редакции). О днях и часах приема будет объявлено особо». Эта вставка была сделана Брюсовым, конечно, на основании цитированного выше письма Струве от 19 апреля 1912 г., в котором ему предлагалась роль «гласного московского представителя редакции». Однако она вызвала взрыв негодования Струве, который 4 сентября раздраженно писал Брюсову: «В августовской книжке оказа-

лось вставленным объявление о Ваших приемных часах в Москве, вопреки данному мною секретарю категорическому запрещению внесения в означенный текст каких-либо изменений и дополнений помимо моего согласия. Я такого согласия не дал бы и не мог бы дать после того как я пришел к прочному убеждению, что сношения лиц, заведующих отделами в журнале, с сотрудниками должны быть делом „внутреннего распорядка“ и должны быть поставлены в рамки, устраняющие всякие недоразумения, которых возникало немало и которые очень трудно устранять, когда они постепенно вьедаются. Посему я означенную вставку из объявления (сентябрьского номера, — А. М.) исключил, о чем и пишу Вам с полной откровенностью». Вот каким языком говорит теперь Струве с Брюсовым.

Струве уже готовит приемника Брюсову. 25 сентября он пишет Л. Я. Гуревич: «В субботу я устраиваю в самом тесном кругу с участием Брюсова обсуждение беллетристики и лит<ературной> критики „Русской мысли“. Приходите *непременно* и обнаружьте хоть некоторое знакомство с содержанием „Русск<ой> мысли“ по этой части». Это было своего рода приглашением Гуревич к атаке на Брюсова (о взаимоотношениях Брюсова с Гуревич см. примечание 14 к письму 4). Вероятно, обсуждение было неблагоприятно для него.

Брюсов принимает решение об уходе из редакции «Русской мысли», но выражает желание остаться постоянным сотрудником журнала. Довольный таким оборотом дела, Струве, ценивший Брюсова как крупное литературное имя, в письме от 22 ноября 1912 г. предложил ему на выбор «две комбинации»:

«1. При сохранении прежнего полистного вознаграждения Вы, на условии предоставления „Русской мысли“ права преимущественного приобретения Ваших произведений, будете получать ежемесячное вознаграждение в сто (100) рублей».

«2. При предоставлении „Русской мысли“ права преимущественного приобретения Ваших произведений, Вы будете получать гонорар за беллетристические произведения в 200 рублей с листа, а за статьи в 100 рублей с листа».

В заключение Струве не удержался от колкого намека на то, что не он, Струве, просил Брюсова остаться постоянным сотрудником «Русской мысли», а сам Брюсов предложил это: «Должен сказать, что я формулируя свои предложения, отправляюсь от Вашего собственного заявления, что Вам „было бы гораздо приятнее по-прежнему помещать свои новые произведения именно в „Русской мысли“». Такое Ваше заявление дало мне право сделать выше сформулированное предложение».

Из двух предложенных «комбинаций» Брюсов выбрал первую — ежемесячное жалованье в сто рублей. Эта постоянная сумма в какой-то степени избавляла его от неуверенности в завтрашнем дне.

Итак, в ноябре 1912 г. «кризис» в редакции «Русской мысли» разрешился. Заведовать литературно-критическим отделом журнала с 1913 г. стала Л. Я. Гуревич, Брюсов же, уйдя из редакции, активно сотрудничал в журнале.

Разразившаяся первая мировая война неблагоприятно отразилась на делах журнала, и расчетливый хозяин Струве прибег к сокращению расходов. 9 сентября 1914 г. он известил Брюсова: «Ввиду совершенно изменившихся условий „Русская мысль“ лишена возможности в ближайшее время выплачивать Вам сверх гонорара ежемесячное жалованье». 12 августа 1915 г. Брюсов писал К. И. Чуковскому: «Сознаюсь без лишнего стыда, что прекращение „Сириня“ (в «Сирине» печаталось полное собрание сочинений Брюсова, которое так и осталось незаконченным, — А. М.)

и одновременно прекращение „жалованья“ (скажем: фикс), которое я получал в „Русской мысли“, чувствительнейшим образом нарушили мой приходо-расход» (К. Чуковский. Репин. Горький. Маяковский. Брюсов, стр. 219).

Участие Брюсова в журнале в 1915—1917 гг. было незначительно. В 1917 г. он напечатал в «Русской мысли» (№ 1) только статью о Верхарне.

В эти годы Брюсов самым активным образом участвует в издательских начинаниях М. Горького: переводит финских и латышских писателей, редактирует сборники их произведений для издательства «Парус», становится сотрудником журнала «Летопись». В письме от 23 февраля 1917 г. Горький высоко оценил труды и незаурядную энергию В. Я. Брюсова: «Очень хочется работать с Вами много и долго. И — это не комплимент, поверьте! — я не знаю в русской литературе человека более деятельного, чем Вы. Превосходный Вы работник!» (М. Горький, Собрание сочинений, т. 29, М., 1955, стр. 380).

Из 94 писем В. Брюсова к П. Б. Струве, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Р. I, оп. 2), в настоящем томе публикуются 35. Остальные или незначительны по содержанию, или частично повторяют публикуемые письма, соседствующие с ними по времени написания, или же перегружены различными комбинациями планов текущих номеров журнала и являются сугубо деловыми документами.

Письма 1—6, 8, 11, 15, 19—20, 22, 30, 32—35 — автографы, остальные — машинопись с собственноручными подписями, пометами, вставками и исправлениями Брюсова. На письмах 2, 4—7, 9—12, 15, 17, 19—25, 29—31 — пометы Струве («Дан ответ», «Не требует ответа» и др.).

На открытых письмах 1, 15, 22 указаны адреса П. Б. Струве и В. Я. Брюсова: Лесной. Большая Спасская 5, кв. 9. Петербург. От В. Я. Брюсова, Москва, Цветной, 24. На письме 35 указан адрес: по Брестской ж. д. Ст. Можайск. Дача Кирилловка, Огневых. От В. Я. Брюсова, Опалиха, Виндавской ж. д.

Письма 1—3 на бланке Общества свободной эстетики.

1

2 июня 1910.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Благодарю Вас за письмо и за подарок. Брошюру о стихосложении прочел с величайшим интересом. Ее автор был из числа тех ученых метриков, которые в начале XIX века создали стройную систему русской метрики.¹ Значительнейшим их представителем был, если не ошибаюсь, Остолопов, автор известного «Словаря поэзии».² Позднее все это учение было забыто. Под влиянием совершенно ложных взглядов на поэтическое творчество стали даже отрицать какое бы то ни было техническое изучение искусства поэзии. Утверждали, что поэт должен уметь писать стихи, не учась тому. Между тем никто не удивлялся, что художники учились писать картины, а музыканты — симфонии. Лишь в наши дни мы начинаем воскрешать забытые методы и правила, целую «дисци-

плину» технических познаний поэта. В Петербурге даже основалась особая «Академия поэзии», где, по мысли учредителей, молодые поэты должны учиться у старших своему ремеслу (поскольку есть в поэзии ремесло). И эту Академию я могу только от всей души приветствовать и надеюсь быть ей полезным: готовлю для нее целый курс о русском стихе и о стихе вообще...³

Очень радуюсь, что Вы нашли интересное для себя в немецких рецензиях на моего «Ангела»...⁴ За последнее время появилось еще несколько, но ничем не примечательных.

Желаю Вам плодотворного и счастливого лета.

Уважающий и преданный

Валерий Брюсов.

¹ Речь идет о работе знаменитого филолога, члена Российской Академии, впоследствии — ординарного академика, Александра Христофоровича Востокова (1781—1864) «Опыт о русском стихосложении», напечатанной впервые в 1812 г. в журнале «С.-Петербургский вестник». Струве подарил Брюсову отдельное издание этого труда (СПб., 1817)

² Остолопов Николай Федорович (1782—1833) — писатель, теоретик русского классицизма. Составил «Словарь древней и новой поэзии» (чч. 1—3, СПб., 1821).

³ Брюсов ошибся: «Академия поэзии» в Петербурге не была основана. Мечта Брюсова об организации специального высшего учебного заведения, где поэты могли бы учиться технике своего дела, осуществилась только после Великой Октябрьской революции, в 1921 г., когда он был назначен заведующим литературными курсами при Дворце искусств. Эти курсы были реорганизованы в Высший литературно-художественный институт, первым ректором его стал В. Брюсов. По смерти поэта институту было присвоено его имя. Свое обещание написать «целый курс о русском стихе и о стихе вообще» Брюсов выполнил, издав две книги: 1) Наука о стихе. Метрика и ритмика. М., 1919; 2) Основы стиховедения. Общее введение. Метрика и ритмика. Чч. 1 и 2. М., 1924.

⁴ Повесть Брюсова «Огненный ангел» была переведена на немецкий язык и издана в Германии (Мюнхен, 1910). По просьбе Струве, Брюсов посылал ему для ознакомления немецкие рецензии на свою книгу.

2

Москва, 9 августа 1910.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Получив Ваше письмо, я сейчас же поехал в Москву, но письма к нам на 15-ый разъезд ходят медленно, и я опоздал: Вас в Москве уже нет. Это мне крайне грустно и досадно, так как тот разговор, который Вы мне обещаете,¹ по разным причинам для меня очень важен. Во всяком случае с сегодняшнего дня я вполне в Вашем распоряжении, так как в де-

ревню этой осенью уже не вернусь. Вам остается только назначить мне день и час, когда Вам удобнее меня видеть, и я буду у Вас со всей точностью. Если это надо, я охотно приеду к Вам в Тверскую губернию, но, вероятно, беседу нашу можно отложить до Вашего возвращения в Москву, так как в редакции «Русской мысли» мне сказали, что Вы вновь будете здесь дней через семь.

Вам преданный
Валерий Брюсов.

Мой адрес: 1-ая Мещанская, д. Баева.

¹ Об участии Брюсова в редакции «Русской мысли».

3

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Как я Вам говорил, я совершенно в Вашем распоряжении. С 3 час. буду сегодня Вас ждать. Что касается того, чтобы «двинуть дело быстро», то я к этому совершенно готов. По счастью, у меня сейчас нет никаких срочных обязательств (кроме обещаний, данных «Русской Мысли» же), и я вполне свободен.

Сердечно уважающий Вас
Валерий Брюсов.

19 авг<уста> 1910.

4

2 сент<ября> 1910. 1-ая Мещанская, 32.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Хочу представить Вам «доклад» обо всем, что мог сделать и что случилось в дни Вашего отсутствия, но прошу позволения писать по-деловому, кратко, даже «за цифрами».

I. Мережковские. Мои письма к ним, так же как и Ваше, вернулись обратно. Но Зин<аида> Ник<олаевна> сама додумалась написать мне. Так я узнал их точный адрес: ст. Лыкошино (Валдайка) Николаевской ж. д., им<ение> Сменцево. По этому адресу я вновь послал Ваше письмо и написал сам уже пять писем. Не меньше получил и в ответ. Все они трое, т. е. Мережковский,¹ Гиппиус,² Философов,³ готовы и хотят работать в «Р<усской> М<ысли>».

1. Д. С. Мережковский уже прислал стихи (3 четверостишия), которые я и хочу непременно поместить в октябре.⁴ Он предлагает свой роман «Александр I и декаб-

ристы»,⁵ первые главы которого будут готовы через полгода. Но дело в том, что, отрывки романа он хочет печатать в «Русс<ком> Слове»,⁶ где за отрывки ему «заплатят втрое больше, чем в „Р<усской> Мысли“ за весь роман». У него есть еще статья в ответ «Аполлону»⁷ (на те же статьи, на какие отвечал я в статье о «речи рабской») ⁸; статьи этой «Русс<кое> Слово» не хочет печатать; я просил прислать ее для «Р<усской> Мысли».⁹

2. З. Н. Гиппиус тоже предлагает роман «Чортова кукла»,¹⁰ по ее словам тахитит в 10 листов, который будет готов в конце этого года. Я думаю, что этот роман, во всяком случае, будет «приятнее», чем все другие, находящиеся у меня на рассмотрении. Еще она предлагает два рассказа, впрочем уже переданные в «Бирж<евые> Вед<омости>»; ¹¹ сомневаюсь, чтобы стоило особенно хлопотать об том, чтобы они были оттуда извлечены. Что до критики, она готова взять на себя разбор романов и повестей, но хочет писать не в форме рецензий, а связанных, небольших статей, как писала в «Нов<ом> Пути»¹² и «Весакх». ¹³ Боюсь, как бы она не столкнулась, в своем желании, с Л. Гуревич.¹⁴ Я просил З<инаиду> Н<иколаевну> сохранить роман для нас, о рассказах ответил неопределенно, о критических статьях отозвался необходимостью снестись с Вами.

3. Д. В. Философова я просил написать о Боборыкине;¹⁵ он еще не дал окончательного ответа. Пока предлагает статью о «Истории русского искусства» Грабаря.¹⁶ Я просил прислать статью. Потом выражал он желание вообще «работать».

Не напишете ли Вы Мережковским еще раз? Я привлечение их к более близкому участию в журнале считаю чрезвычайно важным. Это кружок исключительно культурных и весьма даровитых людей, которых в России заменить некем.

II. Другие. Писал разным людям, приглашая участвовать. Все отвечали благодарностью и согласием. В частности:

1. Бальмонт¹⁷ предлагает стихи, рассказы, статьи. Но в «портфеле» редакции уже есть его стихи и египетский рассказ, который я еще раз очень рекомендую.

2. Андрей Белый¹⁸ очень хочет писать для библиографического отдела. Взял несколько книг, чтобы написать отзывы. Обещал дать для конца этого или начала следующего года статью о «стихе Пушкина, Тютчева и

Баратынского».¹⁹ Статья его о Пшибышевском²⁰ уже не свободна. Вторая часть «Серебряного голубя»²¹ будет готова не раньше конца 1911 г.

3. Борис Садовской²² предлагает историческую повесть из эпохи Екатерины II. Возьму ее для прочтения.

4. Кузмин²³ предлагает для середины 1911 г. небольшую повесть из современной жизни и стихи.

5. Ремизов,²⁴ Гумилев,²⁵ Ауслендер²⁶ и др. тоже обещают рассказы и стихи.

6. Блок и Сологуб²⁷ пока не ответили: их, кажется, нет в Пб.

III. Октябрьская книжка.

1. Стихи я решил поместить свои: «К финскому народу».²⁸ Тема, как видите, соблазнительная, но обратите на них внимание, нет ли каких препятствий печатать их с точки зрения «общественности». Хочу в той же книжке поместить и стихотворение Мережковского.

2. Роман Сергеенко²⁹ длинен и скучен. Очень прошу Ал<ександру> Павл<овну>³⁰ настоять, чтобы отрывок, входящий в окт<ябрьскую> книжку, не превысил 3 листов. Всего в романе будет от 12 до 15 листов, и он будет тянуться через все книжки этого года.

3. Из рассказов печатаю «Лили»³¹ и три маленьких рассказа Вилье де Лиль Адана.³²

4. Библиографию, к сожалению, пришлось поручить «младенцам», главным образом из-за почтовых неудач при переписке с Мережковскими. Но это лишь в одной книжке, и в следующей уже надеюсь передать библиографию в более авторитетные руки. Во всяком случае все заметки октябрьской книжки проредактирую внимательно и строго.

IV. Рукописи, принятые уже и непринятые, читаю и отчаиваюсь. «Гамсуна», как Вы знаете, Абрамович взял обратно.³³ «Роденбаха» удалось еще раз отдать М. Веселовской³⁴ для новых, радикальных переделок; но эту статью все же придется печатать, ибо, принятая, она пролежала в ред<акции> больше двух лет. Некоторые рукописи, как не относящиеся к «беллетристике», пересылаю Вам.

Романа Тэна³⁵ все еще не получил. Роман Cronier*,³⁶ конечно, если у Вас есть подходящая переводчица, следует перевести в Пб. — но мне хотелось бы для правки *последней*

* Кронье (франц.).

корректурой получить обратно оригинал, т. е. французский текст. Стоит ли просить статью у Верхарна (об отношении новой бельгийской поэзии к старой фламандской и голландской живописи, у него есть такая, неизданная)?³⁷

Еще раз извиняюсь за способ изложения. Но мне все же кажется, что я его должен принять в моих «докладах» Вам, чтобы избежать лишних слов и ненужных повторений.

Очень благодарю Вас за сообщение заглавия книги о эдикте Диоклетиана.³⁸ Только что получил издание, которого у меня еще не было, R. Pichon, «Les derniers écrivains profanes», * в ней есть кое-что интересное касательно IV века.³⁹

Преданный Вам

Валерий Брюсов.

¹ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — поэт, беллетрист, драматург, критик и публицист, один из основоположников русского символизма. Мистик и реакционер, боролся с революционно-демократическими традициями русской литературы. Был близок к кадетским кругам. В 1909 г. заведовал отделом беллетристики в «Русской мысли». После Октября — эмигрант.

² Гиппиус Зинаида Николаевна (Антон Крайний, 1869—1945). После Октября — эмигрантка.

³ Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940) — реакционный критик и публицист, друг Гиппиус и Мережковского; как и они, был близок к кадетам. После Октября — эмигрант.

⁴ Напечатаны в «Русской мысли» (1910, № 10).

⁵ Роман Д. С. Мережковского «Александр I» печатался в «Русской мысли» (1911, №№ 5—6, 10—12; 1912, №№ 1, 3—4, 10—12).

⁶ См. письмо 7.

⁷ «Аполлон» (Пб., 1909—1917) — художественный журнал. В литературном его отделе выступали сначала символисты (И. Анненский, Вяч. Иванов, А. Блок, В. Брюсов), потом акмеисты (Н. С. Гумилев и др.).

⁸ В своей статье «О „речи рабской“, в защиту поэзии» («Аполлон», 1910, № 9) Брюсов возражал на статьи Вяч. Иванова «Заветы символизма» и А. Блока «О современном состоянии русского символизма» (там же, № 8). И Блок и Вяч. Иванов говорили об упадке значения поэзии символизма в современной обществу. По словам Блока, это произошло оттого, что символисты «были „пророками“, пожелали стать „поэтами“ и заменили «восторг души — расчетливым обманом и речью рабскою — живой язык богов» (цитата из стихотворения Вл. Соловьева). Брюсов же, возмущаясь определением поэзии как «речи рабской» и напыщенным требованием, чтобы поэт стал «теургом» (жрецом), заявлял: «Неужели после того как искусство заставляли служить науке и общественности, теперь его будут заставлять служить религии! Дайте же ему, наконец, свободу!». В дневнике Брюсова имеется запись начала 1910 г., предшествовавшая полемике в «Аполлоне»: «В Москве был Вяч. Иванов. Сначала мы очень дружили. Потом Вяч. Иванов читал в „Эстетике“ (Обществе свободной эстетики, — А. М.) доклад о символизме. Его основная мысль — искусство

* Р. Пишон, «Последние светские писатели» (франц.).

должно служить религии. Я резко возражал. Отсюда размолвка. За Вяч. Иванова стояли Белый и Эллис. Расстались с Вяч. Ив<ановым> холодно» (В. Брюсов. Дневники. М., 1927, стр. 142).

⁹ Статья Д. С. Мережковского в «Русской мысли» не появлялась.

¹⁰ Напечатан в «Русской мысли» (1911, №№ 1—3).

¹¹ «Биржевые ведомости» (СПб., 1880—1917) — буржуазная газета, с 1905 г. кадетской ориентации.

¹² См. примечание на стр. 111.

¹³ «Весы» (М., 1904—1909) — литературно-художественный и критический журнал, центральный орган русского символизма. Издавался в Москве, под ред. С. А. Полякова. Брюсов был ближайшим сотрудником и редактором «Весов».

¹⁴ Гуревич Любовь Яковлевна (1866—1940) — критик, беллетрист, театровед и переводчик. В 1891—1898 гг. издавала и редактировала журнал «Северный вестник», на страницах которого печатались символисты старшего поколения. Л. Я. Гуревич была очень обижена назначением Брюсова в редакцию «Русской мысли», так как сама претендовала на заведование литературно-критическим отделом. В письме к ней от 23 августа 1910 г. Струве, оправдываясь, рассказывал, почему он пригласил Брюсова: «Сперва о кризисе. У меня, после того как выяснилось, что „Русская мысль“ в издательском и редак<ионном> отношении переходит всецело ко мне, не было другого выхода как тотчас, хотя бы с риском временного характера всей комбинации, организовать беллетристический отдел. В этом положении я решил обратиться к Брюсову, чтобы эту, на мой взгляд, самую ценную в этом отношении силу не только удержать, но и закрепить за журналом. Ведь до начала новой журнальной кампании останется всего один месяц, — месяц, в течение которого необходимо подготовиться к последним книжкам года. Общее редактирование журнала я нарочито оставил за собой; это означает, что во всех делах у меня решающий голос. Ваше положение я нарочито оговорил. Ваши „Заметки о литературе“ остаются, конечно, по-прежнему, и я очень жду их возобновления. Посылайте их теперь по-прежнему мне в Петербург» (ф. 89, № 20097/СХХХVI б. 4). Работу в редакции Брюсов начал с писем поэтам, беллетристам, критикам и искусствоведам, прося всех активно участвовать в «Русской мысли». Не написал он только Л. Я. Гуревич, упорно уклоняясь от этого в течение восьми месяцев, несмотря на неоднократные просьбы Струве сделать это. Первое письмо к ней Брюсова написано только 25 апреля 1911 г. И в дальнейшем их отношения не налаживаются, несмотря на письменные уверения Брюсова: «Мне даже горько, что Вы как-то уменьшили это внимание (к «Русской мысли», — А. М.), с тех пор как я стал близко к редакции журнала, — я, который *воспитался* на руководившемся Вами „Северном вестнике“» (письмо от 21 июня 1911 г. — ф. 89, № 19823/СХХХV б. 3). Гуревич отказывается возобновить в «Русской мысли» свои «Письма о современной литературе». Она то недовольна тем, что Брюсов разделил ее статью «Художественные заветы Толстого» на два номера, то жалуется Струве на Брюсова, который не ответил на ее письмо.

¹⁵ Статья Д. В. Философова «П. Д. Боборыкин. (1860—1910)» напечатана в «Русской мысли» (1910, № 12).

¹⁶ Грабарь Игорь Эммануилович (род. 1871) — художник и искусствовед, ныне действительный член Академии наук СССР и Академии художеств СССР. «История русского искусства» (6 тт., М., 1909—1916) была издана при авторском участии и под редакцией Грабаря. Статья Философова «Самобытность русского зодчества. По поводу „Истории русского

искусства“ Игоря Грабаря» (о первом томе этого издания) напечатана в «Русской мысли» (1910, № 11).

¹⁷ Вальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт-символист, после Октябрьской революции — эмигрант.

¹⁸ Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880—1934) — писатель-символист.

¹⁹ Статья А. Белого о стихе Пушкина, Тютчева и Баратынского в «Русской мысли» не появлялась.

²⁰ Пшибышевский Станислав (1868—1927) — польский писатель-декадент.

²¹ Вторая часть «Серебряного голубя» — роман А. Белого «Петербург».

²² Садовской Борис Александрович (1881—1945) — поэт-символист, беллетрист и критик.

²³ Кузмин Михаил Алексеевич (1875—1936) — писатель-декадент. В 1911—1912 гг., когда Брюсов заведовал литературным отделом «Русской мысли», произведения Кузмина в журнале не появлялись.

²⁴ Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — писатель, близкий кругу символистов; после Октября — эмигрант.

²⁵ Гумилев Николай Степанович (1886—1921) — поэт и критик, один из основоположников акмеизма.

²⁶ Ауслендер Сергей Абрамович (род. 1888) — беллетрист, в своем творчестве испытывавший влияние М. А. Кузмина. После Октябрьской революции — писатель для детей.

²⁷ Сологуб Федор (Федор Кузьмич Тетерников, 1863—1927) — писатель-символист.

²⁸ Стихотворение Брюсова «К финскому народу» напечатано в «Русской мысли» (1910, № 10).

²⁹ Сергеенко Петр Алексеевич (1854—1930) — писатель, толстовец, автор работ о Л. Н. Толстом. Роман его «Андрей Щербина» напечатан в «Русской мысли» (1910, №№ 9—12). В непубликуемых письмах Брюсов затрагивал вопрос о гонораре Сергеенко и сообщал о беседах с ним. 16 октября 1910 г. Брюсов писал Струве о Сергеенко: «Он будет Вам намекать, что Лев Толстой хочет что-то дать „Русс<кой> мысли“. На эту самую приманку он поймал и С. Вл. [Лурье]. Сильно сомневаюсь, чтобы в сообщениях Сергеенки о желании Толстого писать в „Р<усскую> м<ысль>“ (он мне уже говорил об этом) было много правды». 17 октября Брюсов вновь сообщал Струве: «Надо добавить, что расстались мы с Сергеенко, несмотря на жестокий разговор, в отношениях самых лучших. Он говорил мне о том, как он меня любит и чит, о том, что следующее свое произведение отдаст все же в „Русс<кую> мысль“, и о том, что Лев Толстой очень что-то интересуется „Р<усской> мыслью“. В последние слова г. Сергеенки не верю я вовсе. С. В. Лурье говорит, что это, вероятно, Сергеенко рассказывает Толстому о „Р<усской> мысли“, а ему потом стало казаться, что расспрашивал Толстой. Это наилучшее объяснение».

³⁰ Александра Павловна Татаринова — одна из служащих редакции «Русской мысли».

³¹ Рассказ А. В. Тырковой. Напечатан в «Русской мысли» (1910, № 10).

³² Вилье де Лиль Адан (1838—1889) — известный французский писатель-декадент. В октябрьской книжке «Русской мысли» за 1910 г. напечатаны два из его «Необычных рассказов» в переводе Аврелия (один из псевдонимов В. Брюсова).

³³ Речь идет о статье «Кнут Гамсун» Николая Яковлевича Абрамовича (1881—1922), критика и поэта, примыкавшего к модернистам.

³⁴ Роденбах Жорж (1855—1898) — бельгийский писатель-символист. Статья «Жорж Роденбах. Критико-биографические заметки» критика и переводчицы Марии Васильевны Веселовской (род. 1877) напечатана в «Русской мысли» (1911, № 4).

³⁵ «Этьен Меран» — посмертный, незаконченный роман французского историка литературы, создателя так называемого культурно-исторического метода изучения литературы и искусства, Ипполита Тэна (1828—1893), напечатан в переводе свояченицы В. Брюсова, Брониславы Матвеевны Рунт, в «Русской мысли» (1911, №№ 1 и 2). В непубликуемом письме к Струве от 17—18 сентября 1910 г. Брюсов дал высокую оценку роману.

³⁶ Роман французского писателя Гастона Кронье «В маленьком городке» напечатан в переводе З. Н. Журавской в «Русской мысли» (1910, №№ 11 и 12).

³⁷ Верхарн Эмиль (1855—1916) — известный бельгийский поэт. Оказал большое влияние на Брюсова, называвшего Верхарна «Данте современности» (см. статью Брюсова под этим заглавием в его «Избранных сочинениях», т. 2, М., 1955, стр. 237—245). Высоко ценя творчество Верхарна, Брюсов перевел многие его стихотворения и поэмы и написал несколько статей о нем. Статья Верхарна в «Русской мысли» не появлялась.

³⁸ Диоклетиан Гай Аврелий (239—313) — римский император с 284 по 305 г.

³⁹ Брюсов в это время готовился к написанию произведения из римской жизни IV в. (см. следующее письмо).

5

5 сент <ября> <1>910. 1-ая Мещанская, 32.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Предлагаемые Вами «обзоры» — прекрасная вещь. И, конечно, надо их начать с этого года. Но я лично совершенно не могу написать обзора для ноября, да и вообще вряд ли буду иметь возможность их писать. Я хочу дать в ноябре статью о французах,¹ в декабре маленькую повесть,² в январе начать роман из жизни IV в.,³ попутно писать рецензии о стихах. . . Можно ли затеивать еще что-либо! Мне кажется, что эти обзоры всего лучше поручить З. Н. Гиппиус: уверен, что она их сделает хорошо, и попрошу, чтобы она делала их сжато. Сообщите, можно ли ей их предложить. Во всяком случае *первый* из них, ноябрьский, ей предложить следует, хотя бы дальнейшие и остались не за нею.⁴

В общем отношении очень меня огорчила сентябрьская книжка. В ней оказалась рецензия Малахиевой-Мирович о Сологубе,⁵ о которой я не имел понятия. Рецензия достаточно отрицательная, чтобы Сологуб, вообще «обидчивый», обиделся. А я-то в письме извинялся перед ним за прошлые элукубрации г-жи Мирович!⁶ Между тем Сологуб и прекрасный писатель, и одно из немногих наших *имен*. Он нам нужен. Не знаю, что и делать. Не напишете ли ему несколь-

ких слов *Вы*, приглашая его деятельнее участвовать в «Р<усской> М<ысли>»? Это произвело бы свое впечатление. Адрес Сологуба: Разъезжая, 31 (Пб.), Фед. Кузьмичу Тетерникову.

Французское предложение меняться⁷ отдам в понедельник в набор. Но меня смущает Ваше желание упомянуть в нем мое имя. Как упомянуть в объявлении *одно* мое имя? Или надо перечислить ряд имен (как, помнится, Вы и предполагали раньше), но тогда я не знаю каких. Или придется дать мне какой-либо титул, *rédauteur de la section littéraire* * что ли. Но, искренно, я сомневаюсь в полезности этого упоминания. Меня знают в кругах поэтов, отчасти художников, — все таких, где вербовать *подписчиков* вряд ли удастся. А французам вообще что говорит мое имя? Они и своих-то писателей по именам не знают.

Очень рад, что Вам понравились мои стихи «К финскому народу». И я надеюсь, что они понравятся читателям — это важно.

Не думаете ли Вы в объявлениях на будущий год печатать сжатую *программу* журнала? Тогда надо ее составить.⁸

Вам преданный
Валерий Брюсов.

Бальмонт, — *hélas*, ** — прислал статью... о египетской поэзии, с грудой переводов.

¹ Статьи о французах, т. е. обзора «Литературная жизнь Франции», для ноябрьского номера «Русской мысли» Брюсов не написал.

² В «Русской мысли» (1910, № 12) напечатана повесть Брюсова «Последние страницы из дневника женщины».

³ «Алтарь победы. Повесть IV века». Печаталась в «Русской мысли» (1911, №№ 9, 11—12; 1912, №№ 1—6, 8—10).

⁴ В «Русской мысли» (1910, № 11) напечатан обзор Антона Крайнего (псевдоним З. Н. Гиппиус) «О литературной прозе». В дальнейшем в «Русской мысли» неоднократно печатались обзоры Гиппиус, посвященные новейшей русской беллетристике.

⁵ Речь идет о рецензии на восьмой том Собрания сочинений Ф. Сологуба («Шиповник», СПб., 1910). Малахиева-Мирович Варвара Григорьевна (род. 1869) — критик, беллетрист и поэтесса.

⁶ От французского слова *élicubrations* — разглагольствования. «Прошлые элукубрации» — рецензия Малахиевой-Мирович в «Русской мысли» (1910, № 6) на книгу 12 альманаха издательства «Шиповник» с резко отрицательным отзывом о рассказе Ф. Сологуба «Путь в Дамаск».

* Редактор литературного отдела (*франц.*).

** Увы (*франц.*).

⁷ Имеется в виду предложение редакций французских журналов обмениваться с «Русской мыслью» вышедшими номерами.

⁸ В «Русской мысли» (1910, № 12) в объявлении о подписке на 1911 г. был дан краткий проспект содержания журнала.

6

8 сент<ября> 1910. М<о>ск<ва>. 1 Мещанская, 32.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Вами присланные три цикла стихов прочел. Стихи гр<афа> Кутузова¹ за пределами всякой снисходительности. Да будет ему стыдно, — и это все. Стихи Ольги Мертенс — наивно плохи; институтские упражнения, о которых странно было бы говорить дольше.² Софья Волькенштейн-Парнок³ гораздо литературнее. Вами отмеченное ее стихотворение мне не нравится: довольно банальная мысль, а написано плохо. Лучше — третье, «Чья дикая воля», и *против* его напечатания я бы ничего не имел, хотя и особенно *желать* этого причин не вижу. Постараюсь увидеться с автором лично и переговорить.

Кстати, о стихах. Сейчас так многие умеют писать стихи вполне хорошо, что «Р<усской> Мысли» давать стихи посредственные — неприлично. В ноябре я хотел бы напечатать стихи Сологуба. Он мне обещал прислать стихи, но я боюсь, что рецензия Мирович заставит его переменить решение... Для декабря я прочил Блока, но он мне пока ничего не ответил. В январе, может быть, надо будет поместить Бальмонта. Бальмонт сегодня прислал мне негодующее письмо, утверждая, что С. В. Лурье⁴ обещал ему напечатать длинный цикл его стихов еще в августе и что вообще он ждет, что «Р<усская> Мысль» не будет чинить ему затруднений в печатании его стихов и статей, принимая в расчет, что он — эмигрант.⁵ Надеюсь, что мне удастся его дружески и дипломатически успокоить.

Д. В. Философов прислал статью (вероятно, около листа размером) о книге Грабаря «История русс<кого> искусства». Книга Грабаря, вернее его издание (ибо в ней статьи многих авторов), — явление *очень* значительное, и об ней говорить надо. Статья Философова не критич<еский> разбор в прямом смысле слова, а скорее ряд соображений «по поводу». Но все соображения исключительно касаются истории русского искусства, в них много дельного, много эрудиции, и в конце концов о самом издании Грабаря сказано достаточно, т<ак> ч<то> читатель составляет об нем пред-

ставление. Я считаю, что статью Философова напечатать следует (попросив его сделать кое-какие сокращения).⁶ Нужно ли присылать Вам рукопись для просмотра?

Обзоры иностранной литературы (Вами проектированные), мне кажется, надо поручать или иностранцам или лицам, живущим за границей. Живя в России, прямо невысказанно уследить за всей литературой французской, или немецкой, или английской... В обзорах, составленных в России, непременно будут промахи, самые прискорбные... Не позволите ли предложить, как опыт, обзор французской литературы за последние 5—6 месяцев моему приятелю, сотруднику «Аполлона» и бывшему сотруднику «Весов», Ренэ Гилю? Условия: 3—4 страницы, обзор стихов, романов, книг по истории литературы и научных книг, представляющих общий интерес. Гонорар — обычный, т. е. 100 р. с листа или 6 р. страница (перевод с рук<описи> я сделаю бесплатно). Что Гиль напишет дельно, я уверен, а написать *просто*, без вычур и общепонятно я его уговорю. Этот обзор я намечаю на декабрь.⁷ А на январь я предполагаю заказать такой же обзор итальянской литературы<атуры> Дж. Папини.⁸

Статья о Ромэне Роллане⁹ вполне хорошая и интересная. А вот статья Будде о Гоголе¹⁰ — совершенно излишняя. Все это уже сказано и мною,¹¹ и раньше Каллашем¹² и др. Роман Сергеевски¹³ — нестерпим. Мне случилось беседовать с самыми банальными «читателями». Все эти этим романом тяготеют весьма. Вы брались защищать дело «глупого читателя», — кажется, и ему нужна пища поразборчивее. Да и вообще, сколько я мог дознаться (расспрашивая, напр<имер>, библиотекарей в публ<ичных> библиотеках), у «Русс<кой> Мысли» сложилась печальная репутация скучного журнала. Большая публика, читающие дамы, etc. * берут ее неохотно. Не забудьте, что рыночный успех в наши дни имеют Л. Андреев, Арцыбашев,¹⁴ Вербицкая,¹⁵ т. е. вещи *кричащие, пряные, острые*. Ошибочно поэтому думать, что *вкус публики* можно удовлетворить теми *пресными* изделиями, которые получил я в наследие от С. В. Лурье с надписью «принято». (NB. Это не значит, конечно, что я предлагаю давать в «Р<усской> М<ысли>» вместо рассказов пряности; я только обсуждаю вопрос, что спрашивает «глупый читатель»).

Все другие Ваши соображения я принял во внимание и соответственно с ними буду поступать. Ваш

Валерий Брюсов.

* И так далее (лат.).

¹ Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848—1913) — поэт, почетный академик.

² Стихи Ольги Мертенс в «Русской мысли» не напечатаны.

³ Парнок Софья Яковлевна (1885—1933) — поэтесса и переводчица.

⁴ Лурье Семен Владимирович (род. 1867) — философ, журналист, один из постоянных сотрудников «Русской мысли», предшественник Брюсова по заведованию литературным отделом журнала.

⁵ В 1906—1912 гг. Бальмонт жил за границей.

⁶ См. примечание 16 к письму 4.

⁷ Гиль Ренэ (Гильбер Ренэ, 1862—1925) — французский поэт и теоретик искусства, основатель школы так называемой «научной поэзии». В «Русской мысли» (1910, № 12) напечатаны «Синтетические заметки о французской литературе 1910 года» Ренэ Гиля, который стал постоянным сотрудником журнала.

⁸ Папини Джiovанни (род. 1881) — итальянский писатель, бывший сотрудник «Весов». От футуризма, анархизма и атеизма впоследствии перешел к католицизму и фашизму. Работы Папини на страницах «Русской мысли» во время заведования Брюсова литературно-критическим отделом журнала не появлялись.

⁹ Статья Н. Костылева о Ромен Роллане (1866—1944) «Современная Франция в изображении романиста-мыслителя» напечатана в «Русской мысли» (1910, № 10).

¹⁰ Будде Евгений Федорович (1859—1929) — историк литературы и языковед. Статья его «Личность Гоголя в его литературных произведениях и письмах» напечатана в «Русской мысли» (1910, № 10).

¹¹ В. Брюсов. Испепеленный. К характеристике Гоголя. «Скорпион», М., 1909 (2-е изд., М., 1910).

¹² Каллаш Владимир Владимирович (1866—1918) — историк литературы, библиограф. Имеется в виду его работа «Гоголь в воспоминаниях и переписке» (М., 1909).

¹³ См. примечание 29 к письму 4.

¹⁴ Арцыбашев Михаил Петрович (1878—1927) — реакционный писатель. Приобрел скандальную известность своим порнографическим романом «Санин». После Октября — эмигрант.

¹⁵ Вербицкая Анастасия Алексеевна (1861—1928) — писательница, в годы реакции весьма популярная в обывательской среде.

7

12 сентября 1910.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Получил два Ваших письма, от 9 и 11 сентября.

Помещение романа Мережковского в «Русской Мысли» я считаю чрезвычайно важным. Этот роман, без сомнения, будет событием в литературе. Но гонорар в 8—10 000 р. мне кажется непомерно тяжелым для журнала. Сравнительно с наивысшим обычным гонораром за те же 20—25 листов это составляет разницу в 4—5 000 р. Вряд ли помещение романа Мережковского, который к тому же начнется не с № 1, привлечет лишних 500 подписчиков, которые покроют эту сумму.

В «В<опросах> Жизни»,¹ за «Петра»,² М<ережковский> получал значительно меньше; в «Мире Божием»,³ за «Леонардо»,⁴ он получал, если не ошибаюсь, по 250 р. за лист. Кроме того, я, зная довольно хорошо М<ережковского>, не уверен, несмотря на категорический тон его писем, что Сытин⁵ действительно делает ему столь выгодные предложения. В делах коммерческих М<ережковский> любит себя вести по-коммерчески. Я думаю, что «поторговаться» с М<ережковским> не только можно, но и должно. . .

Вероятно, однако, все, что я пишу, уже запоздало, и Вы уже пришли с М<ережковским> к тому или иному соглашению. В таком случае мне кажется необходимым настоять, чтобы никаких отрывков романа М<ережковский> не печатал нигде и чтобы отдельное издание романа появилось не раньше как через 6 мес<яцев> по его окончании в журнале. Притом я считаю полезным, чтобы всякие договоры с М<ережковским> были не только письменными, но вообще юридически правомерными. На моей памяти М<ережковск>ому случилось, не по злой воле, конечно, а в силу его великого презрения к людям, нарушать вполне определенно принятые на себя обязательства. Я предложил бы установить в договоре неустойку за нарушение той или другой стороной условий договора и, при установлении сроков платежа гонорара, часть уплаты назначить через 6 мес<яцев> по напечатании романа в журнале, чтобы гарантировать «Р<усскую> М<ысль>» от появления отдельного изд<ания> романа раньше установленного срока (что случилось с одной статьей М<ережковского>, отданной им на сходных условиях в «Весы»).

На тот случай, если бы Вы с М<ережковским> к определенному соглашению еще не пришли, скажу, что я считаю приемлемым второе предложение М<ережковского>: напечатать в «Р<усской> М<ысли>» лишь несколько глав романа. Разумеется, это уже не будет иметь того литературного значения, как помещение всего романа, но все же это лучше, чем ничего, и может заинтересовать читателей и подписчиков. Для «рекламы» же очень важно, чтобы роман М<ережковского> так или иначе был в «Р<усской> М<ысли>» объявлен.⁶

Само собой разумеется, что многое из того, что я здесь пишу, должно остаться «между нами». Но я не почел возможным скрывать от Вас, в данном случае, некоторых своих «ума холодных наблюдений». . .⁷ Самому М<ережковск>ому я одновременно с этим пишу, но письмо самое общее, безо всяких

определенных предложений, просто убеждая его отнестись к «Р<усской> М<ысли>» как к дружескому журналу.

Из текущих дел имею сообщить Вам следующее.

А. Блок прислал 4 стихотворения. Одно совсем хорошее, три сносных. Блок величина столь значительная и «признанная», что, конечно, его стихи надо напечатать, думаю, в декабре, если Сологуб даст стихи на ноябрь.⁸

В редакции был некто Е. Загорский,⁹ стихи которого были помещены в «Р<усской> М<ысли>» этого г<ода>. Он поляк и писал о польской литературе в «Моск<овском> Ежедельнике»,¹⁰ «Журнале для всех»,¹¹ «Аполлоне». Я предложил ему написать обзор польской литературы за этот год, к январю, не обещая однако статью напечатать.

М. Веселовская свою статью о Роденбахе, принятую два года назад, вновь переделала (уже третий раз!). Теперь надо ее печатать. Думаю, в декабре.¹²

Н. Эфрос,¹³ сотрудник «Русс<ких> Ведом<остей>»¹⁴ и «Речи»¹⁵ (псевдон<им> «Чужой»), предлагает перевод статьи Банга (известного норвежского писателя)¹⁶ о только что скончавшемся венском актере Кайнце.¹⁷ Статья интересная (стр. 16—18), но как злободневная должна быть напечатана не позже ноября. Принимать ли? (Эфроса я знаю, он переводчик хороший).

Южин-Сумбатов,¹⁸ известный артист и давний сотрудник «Р<усской> М<ысли>», обещал статью о театре. Считаю ее очень ценной.

Из «принятого» материала я выбрал для ближайшего будущего рассказ Тардова,¹⁹ недурной. Кроме того, у нас наметен еще рассказ Гутмана.²⁰ Во всем остальном есть две вещи сносные; остальное несносно. Позвольте прислать Вам рассказ «Священье»,²¹ уже набранный и оплаченный гонораром: не знаю, что с ним и делать!

Послал книги З. Н. Гиппиус для рецензий. Философому ответил, что его статья²² пойдет. Пишу А. Н. Бенуа.²³ Напишу г-же Парнок. *Получил роман Тэна, следовало бы его поместить в декабре.*²⁴

В след<ующем> письме напишу о предложениях Элиасберга²⁵ и др.

Ваш

Валерий Брюсов.

¹ См. примечание на стр. 181.

² Третья часть трилогии Мережковского «Христос и Антихрист», роман «Антихрист. Петр и Алексей». Первая половина романа печаталась в «Новом пути» (до закрытия его), вторая — в «Вопросах жизни».

³ «Мир божий» — литературный и научно-популярный журнал. Издавался в Петербурге с 1892 г. В 90-х годах был органом «легальных марксистов». Во время революции 1905 г. в нем сотрудничали меньшевики. В 1906—1918 гг. выходил под новым названием — «Современный мир».

⁴ Вторая часть трилогии Мережковского, роман «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи».

⁵ Сытин Иван Дмитриевич (1851—1934) — крупнейший книгоиздатель дореволюционной России, издатель газеты «Русское слово».

⁶ Роман «Александр I» был напечатан в «Русской мысли» полностью (см. примечание 5 к письму 4), несмотря на то, что в объявлении о подписке на 1911 г. («Русская мысль», 1910, № 12) были обещаны читателям только «отдельные главы» из этого романа. Очевидно, соглашение с Мережковским о печатании всего романа было заключено редакцией позднее.

⁷ Стих 16 из «Евгения Онегина» Пушкина.

⁸ Стихотворения Блока напечатаны в № 11 «Русской мысли» за 1910 г., стихотворения Сологуба — в № 12.

⁹ Загорский Евгений — поэт и критик. Его «Письмо о польской литературе» напечатано в «Русской мысли» (1911, № 9).

¹⁰ «Московский еженедельник» (1906—1910) — орган буржуазно-помещичьей «Партии мирного обновления».

¹¹ См. стр. 65—71.

¹² См. примечание 34 к письму 4.

¹³ Эфрос Николай Ефимович (1867—1923) — критик и переводчик. Предложенный им перевод в «Русской мысли» не появлялся.

¹⁴ «Русские ведомости» (М., 1863—1918) — газета. С 1905 г. стала органом партии кадетов.

¹⁵ «Речь» (СПб., 1906—1917) — газета, главный орган кадетской партии.

¹⁶ Банг Герман (1858—1912) — датский писатель и театральный деятель. Брюсов ошибочно называет его норвежским писателем.

¹⁷ Кайнци Йозеф (1858—1910) — знаменитый австрийский актер.

¹⁸ Южин (Сумбатов) Александр Иванович (1857—1927) — артист и драматург.

¹⁹ Тардов Владимир Геннадиевич (Т. Ардов, род. 1879) — поэт и беллетрист. Рассказ его «В лесу» напечатан в «Русской мысли» (1910, № 12).

²⁰ Рассказ Исаия Гутмана «Обидная вещь» напечатан в «Русской мысли» (1910, № 11).

²¹ Рассказ С. Елеонского (см. примечание 5 к письму 13).

²² См. примечание 16 к письму 4.

²³ Бенуа Александр Николаевич (1870—1953) — художник и искусствовед, идеолог группы художников «Мир искусства».

²⁴ См. примечание 35 к письму 4.

²⁵ Элиасберг Александр Самойлович — критик и переводчик, писал для «Русской мысли» обзоры немецкой литературы.

16 сент <ября> 1910.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Я прочел роман Тэна. Он решительно интересен. Конечно, немного тягуч, это не совсем «легкое» чтение, но и вовсе не «тяжелое». Его без труда прочтут *все*. Переведенный пол-

ностью, он займет листа 4 с чем-нибудь. Поэтому я и думаю перевести его полностью. Переводчик, как я Вам говорил, нашелся бы (если Вы против того ничего не имеете) среди тех юношей и девиц, которые удручают меня просьбами о работе. Я имею в виду одну барышню, переводы которой неоднократно печатались в издательстве «Польза» и которая великолепно (много лучше меня) знает французский язык: русский же стиль я ей исправляю внимательно.¹ Если бы перевод мог быть готов скоро, я даже полагал бы, что лучше напечатать роман Тэна в ноябре, а тот, который находится у Вас, — в декабре. Это — в том соображении, что на Тэна может польститься и какой-либо другой журнал... Впрочем, особенно на этом своем предложении не настаиваю.

Из числа рассказов, находящихся у меня на рассмотрении, я «принял» рассказ г-жи Иван Странник (А. М. Аничковой).² Рассказ вполне литературен, доступен самым широким кругам читателей и неплох (не говорю хорош). К тому же рассказ уже был, так сказать, предопределен к принятию Малахеевой-Мирович и С. В. Лурье. Г-жа Аничкова — автор нескольких небезызвестных французских романов. За последний год один ее русский рассказ был напечатан в «Вестнике Европы». Как человек вполне культурный, очень образованный и талантливый, г-жа Аничкова могла бы быть вообще полезной «Русской Мысли».

А<лександра> П<авловна> сообщила мне, что Вы вынимаете из октябрьского № статьи Герцена.³ Если через это останется несколько свободных страниц, чем их заместить? У меня есть статья Философова о книге Грабаря⁴ и обещанная статья Банга о актере Кайнце.⁵ (Называю вещи злободневные, которые надо поместить вне очереди)... А то есть у нас еще записки из путешествий: Шато⁶ и Греция.⁷

Для библиографического отдела Андрей Белый, как и можно было ожидать, вовремя статей не доставил (он хотел написать о книгах К. Бальмонта и В. В. Розанова).⁸ Доставил две заметки только Н. Останин, давний сотрудник «Весов», — о сборниках рассказов Б. Лазаревского и П. Нилуса. Заметки неплохие и верные, и единственный их недостаток тот, что, будучи резко критическими (особенно по отношению к Лазаревскому), они подписаны малоизвестным именем.⁹ Но, как я Вам писал, произошло это вследствие спешки при подготовке этой книжки, и в дальнейших книжках повторяться не должно. А Б. Лазаревский — такой пошляк, с наклоном к дешевой порнографии, что хлестнуть его не мешает.

Мережковскому я написал длинное и весьма «страстное» письмо на тему: «не о едином хлебе жив будет человек». Не знаю, насколько сия евангельская истина показалась ему убедительной.

Для музыкального отдела предлагает свои статьи Н. Р. Кочетов, сам музыкант, композитор, известный в Москве дирижер летних концертов в Сокольниках. Писать он будет без хитростей, но умело, ибо литератор он опытный. Пока веду с ним переговоры.¹⁰

А. Элиасберг предлагает перевод романа Бер-Гофмана «Der Tod Georgs».* Это *очень* хороший, редкий роман, исключительное явление в литературе. Но, во-первых, он не очень «читабелен» и рассчитан на публику утонченную; во-вторых, он издан десять лет тому назад, в 1900. Я полагал бы поэтому от печатания перевода романа отказаться, а предложить Элиасбергу написать статью вообще о Бер-Гофмане, которого у нас так мало знают, и в частности о его романе.¹¹ Пока я ответил Элиасбергу, что отделом немецкой литературы заведуете непосредственно и всецело Вы (как Вы это и хотели). Не прислать ли Вам все-таки немецкий текст романа Бер-Гофмана, доставленный мне Элиасбергом?

Для ноябрьской книжки я предложил написать рецензии для библиографического отдела: З. Н. Гиппиус — о ряде романов и рассказов;¹² себе — о сб<орнике> стихов Верховского;¹³ Андрею Белому — о книгах Бальмонта и Розанова (что он обещал для октября); о драме Зноско-Боровского (начинающий писатель, секретарь «Аполлона») — Н. Останину;¹⁴ о книге З. Венгеровой «Литературные характеристики», т. III — М. В. Веселовской;¹⁵ и думаю о книге Эл.лиса «Символисты» и Белого «Зеленый луг» предложить Б. Садовскому,¹⁶ но, может быть, для этих двух последних книг у Вас есть в виду другие рецензенты?

Гр<аф> А. Н. Толстой¹⁷ ответил мне и обещал прислать повесть из русской жизни, прося гонорар в 150 р. за лист. Толстой — несомненный талант, писатель-реалист, «восходящая звезда»; в альманахах «Шиповника»¹⁸ ему платят несравненно больше.

Ваш

Валерий Брюсов.

Р. С. В Москве был А. Ремизов. Я возвратил ему «неприятный» рассказ. Он обещал дать другой, более подходящий для

* Смерть Георга (нем.).

«Р<усской> М<ысли>». Взял для передачи автору корректуры очерков Пришвина («Белый арап»),¹⁹ которого лично знает и очень рекомендует.

¹ Брюсов говорит о своей свояченице Б. М. Рунт.

² Иван Странник — псевдоним Аничковой Анны Митрофановны (ум. 1935), русско-французской писательницы и переводчицы. Рассказ ее «Без трудов спасение» напечатан в «Русской мысли» (1911, № 1).

³ Из письма Струве Брюсову от 19 сентября 1910 г. видно, что речь идет о переводе итальянских статей А. И. Герцена. Перевод был исключен Струве из номера «только потому, что в нем оказались погрешности, требовавшие исправления». Во время редакторства Брюсова, в 1910—1912 гг., статьи Герцена в «Русской мысли» не публиковались.

⁴ См. примечание 16 к письму 4.

⁵ См. примечания 16 и 17 к письму 7.

⁶ Записки Антона Любимова (псевдоним А. А. Васильева) «Лето в шато» напечатаны в «Русской мысли» (1911, № 8). В письме от 14 марта 1911 г. Струве сообщил Брюсову о Васильеве: «Автору, сидящему в тюрьме, выдан аванс».

⁷ Путевые записки С. И. Чацкиной «В Греции» напечатаны в «Русской мысли» (1911, №№ 7 и 8).

⁸ А. Белый статьи о книге Бальмонта не написал. Рецензия его на книгу В. В. Розанова «Когда начальство ушло...» (СПб., 1910) напечатана в «Русской мысли» (1910, № 11).

⁹ Рецензия Н. Останина на книгу рассказов Петра Нилуса (М., 1910) напечатана в «Русской мысли» (1910, № 11). Рецензия же на сборник рассказов Б. Лазаревского «Девушки» (СПб., 1910) написана З. Гиппиус и напечатана в том же номере.

¹⁰ В «Русской мысли» (1910, № 12), в объявлении о подписке на 1911 г., Н. Р. Кочетов упомянут среди сотрудников отдела «В России и за границей» (подотдел «Искусство, театр и музыка»). Однако в 1911—1912 гг. ни одной его статьи в «Русской мысли» напечатано не было.

¹¹ Ни перевода романа, ни статьи Элиасберга о немецком беллетристе и драматурге Бер-Гофмане в 1911—1912 гг. в «Русской мысли» не появлялось. Имеются только упоминания о нем в статье Элиасберга «Немецкая литература в 1911 году» («Русская мысль», 1912, № 2).

¹² Статья З. Н. Гиппиус «О литературной прозе» напечатана в «Русской мысли» (1911, № 11).

¹³ Верховский Юрий Никандрович (род. 1878) — поэт-символист, литературовед. Рецензии на его сборник стихов Брюсов не написал.

¹⁴ Зноско-Боровский Евгений Александрович (род. 1884) — критик и драматург. Рецензия на его драму «Крейсер „Алмаз“» (1910), напечатанная в «Русской мысли» (1910, № 11), принадлежит не Н. Останину, а Н. И. Петровской.

¹⁵ Венгерова Зинаида Афанасьевна (род. 1867) — критик и историк западноевропейской литературы. Рецензия М. В. Веселовской на ее книгу напечатана в «Русской мысли» (1910, № 11).

¹⁶ Эллис (Лев Львович Кобылинский) — поэт-символист, критик и теоретик символизма. После Октября — эмигрант. Принял католичество и стал монахом ордена иезуитов. Рецензий Б. Садовского на книги Эллиса и А. Белого в «Русской мысли» напечатано не было.

¹⁷ Толстой Алексей Николаевич (1882—1945).

¹⁸ «Литературно-художественные альманахи „Шиповник“» (СПб., 1907—1917). Всего вышло 26 книг.

¹⁹ «Черный араб. Степные эскизы» М. М. Пришвина (1873—1954) напечатаны в «Русской мысли» (1910, № 11). У Брюсова ошибочно: «Белый араб».

9

21 сентября 1910.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

При верстке библиографического отдела выяснилось, что на него осталось весьма ограниченное число страниц. Не думаете ли Вы, что такое положение дел ненормально? Критике (и неразрывно связанной с ней библиографии) я придаю в журнале очень большое значение. В отделе т<ак> наз<ываемой> беллетристики порой приходится, как мы с Вами говорили, уступать желаниям читателей, ищущих прежде всего «чтения». В критике журнал может быть гораздо более самостоятельным, не идти за читателями, а вести их. Но для того, чтобы критика выполняла свое дело, необходимо, чтобы журнал оценивал все выдающиеся книги, по мере того как они появляются. А для этого в свою очередь нужно место. Никак нельзя давать за месяц отзыв об одной книге (а такие примеры в «Р<усской> М<ысли> бывали!) или даже только о двух. Принимая в расчет статьи Л. Гуревич и З. Гиппиус и предположенные обзоры, я все же думаю, что в каждой книжке придется говорить о 5—6 «беллетристических» произведениях в отделе библиографии, а для этого нужно, как бы ни были кратки рецензии, страниц от 6 до 8. До сих пор я делал все усилия, чтобы расширить отдел библиографии, и щедро раздавал книги для отзыва всем, от кого мог ожидать дельной рецензии. Но в результате у меня оказалось рецензий слишком много, и мне их некуда поместить. Пока я просил А<лександр> П<авлов>, кроме присланных Вами рецензий, включить еще одну: о Бор. Лазаревском¹ (о которой я Вам писал), но в декабрьской книжке я ожидаю гораздо больших затруднений. Совершенно необходимо или поставить библиографический разбор беллетристики более или менее основательно или совсем прекратить рецензии на книги беллетристические (на что, конечно, найдутся свои основания).

Благодарю Вас за все разъяснения. Они, конечно, снимают часть тяжести, лежавшей на ближайших книжках. Но все же еще остается крайне затруднительным сделать их интересными и привлекательными для подписчиков. Прилагаю здесь

проект № 11,² в который включил все указанное Вами. Но не случайно ли Вы пропустили в перечне статью Кизеветтера? Статья Веселовской, разумеется, «залежь», но очень уж жаль автора, который ждет третий год и мужественно переделывает статью третий раз!

Роман Рони,³ по-видимому, кончен. К сожалению, у меня под рукой нет соответственных листов. Сообщу Вам точные сведения завтра, если надо будет — телеграммой.

Ваш

Валерий Брюсов.

Р. S. Жду Вашего решения о «приглашениях» меняться экземплярами к французским и итальянским журналам.⁴ Корректуру Вы, конечно, получили?

¹ См. примечание 9 к письму 8.

² Приложение — «Предполагаемый состав ноябрьской книжки» (не публикуется).

³ Рони Ж. (псевдоним Боэ Жозефа Анри, 1856—1940) — французский писатель. Роман его «Судьба Дерива» в переводе В. Г. Малахеевой-Мирович напечатан в «Русской мысли» (1910, №№ 6—10).

⁴ См. примечание 7 к письму 5.

10

27 сентября 1910.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Я получил две рукописи, на которые возлагал некоторые надежды: рассказ гр<афа> А. Н. Толстого и повесть Бор. Садовского. Обе вещи оказались ниже моих ожиданий, хотя безусловно «приемлемыми». Рассказ г<рафа> Толстого «Родные места» довольно обычный «бытовой» рассказ. Дело происходит в деревне, куда к дьячку приехала его дочь, ставшая в городе артисткой. . . Есть кое-какие интересные сцены и меткие черты в обрисовке характеров, за что можно простить некоторую анекдотичность сюжета. Повесть Садовского «Двуглавый орел», напротив, написана с претензиями. Это — художественная биография Потемкина,¹ в том же роде, как написана Мережковским биография Леонардо да Винчи² в «Воскресших богах» (только гораздо короче: в повести Садовского не больше 5 листов). Написана повесть стильно, языком, который хочет схватить дух языка XVIII века. Некоторые сцены, некоторые типы хороши, но есть и места неудачные. Романтического интереса в повести мало, потому что вымысла почти нет: пересказываются только исторические события (но,

конечно, в картинах, в образах). Биография Потемкина доведена лишь до его возвышения, все остальное сжато в «эпилеге». Во всяком случае, повесть — труд добросовестный, не ремесленное изделие, и отвергнуть такую вещь было бы несправедливо. Я думаю предложить автору кое-что в повести переделать, а затем можно было бы ее и напечатать, но не в ответственных книжках, а так, в марте или апреле.³ И гр<аф> Толстой и Садовской хотят получить за лист по 150 р. Первому из них я предложил бы такой гонорар дать, ибо в альманахах «Шиповника» и других он получает больше, до 400 р., говорят, да и рассказ его невелик (листа полтора). Второй же (Садовской), мне кажется, должен удовлетвориться гонораром в 100 р. или и того меньше, ибо вряд ли кто-либо ему предложит больше. Впрочем, касательно этой стороны дела жду Ваших указаний. Также сообщите, нужно ли Вам переслать эти две рукописи для просмотра. Авторам я пока окончательного ответа не дал.

Перечисляю кстати те беллетристические и полубеллетристические произведения, которые я считаю пригодными для ближайших 5—6 книжек журнала (ноябрь — апрель):

- 1) «Белый арап» Пришвина.⁴
- 2) Рассказ Гутмана.⁵
- 3) » Бальмонта.⁶
- 4) » Ив. Странник.⁷
- 5) » Тардова.⁸ (Принято С. В. Лурье).
- 6) Повесть В. Я. Брюсова.⁹
- 7) «Родные места» гр<афа> А. Н. Толстого.
- 8) «Двуглавый орел» Б. Садовского.
- 9) Повесть З. Н. Гиппиус.¹⁰
- 10) Роман И. Тэна.¹¹
- 11) » Кронье.¹²
- 12) «Лето в шато» Васильева.¹³ (Принято Лурье).
- 13) «В Греции» Чацкиной¹⁴ (тоже).
- 14) «Суд», расск<аз> Романова¹⁵ (тоже).
- 15) «Скрывной», расск<аз> Милицыной¹⁶ (передано мне как принятое А. А. Кизеветтером).

(Последние два рассказа мне *далеко не нравятся*, но кажутся мне лучше других среди всех уже принятых и следовательно рано или поздно подлежащих помещению).

К этому списку надо прибавить *целый ряд* рассказов, значащихся как принятые, и несколько рассказов, уже находящихся в редакции и хотя не принятых официально, но не лишенных *некоторых* достоинств и «приемлемых» (таковы,

напр<имер>, степные очерки Матова,¹⁷ рассказ Киселева¹⁸ и др.). Таким образом запас «средней» беллетристики у нас достаточно велик, и пока нет надобности хлопотать об его увеличении. Напротив, рассказы только «сносные» будут теперь для нас скорее обузой, и нам трудно будет найти для них место. Другое дело рассказы, действительно выдающиеся чем-либо: своими художественными достоинствами, злободневностью своего замысла и т. под. Такими мы далеко не богаты, и такие должно нам разыскивать во что бы то ни стало...

Пока в этом отношении приходится надеяться не на то, что есть, а на то, что может поступить в редакцию... Так я хочу надеяться, что интересным будет роман Миртовой,¹⁹ который я намеренно не назвал в своем перечне. Хочу надеяться на роман Мережковского, если Ваши с ним переговоры придут к желанному результату. На свою задуманную повесть из древней жизни²⁰ (которую мне, к сожалению, решительно некогда писать), на обещанные рассказы Ремизова и Сологуба. Впрочем, Сологуб, после появления последней рецензии Минович, совсем замолчал, и я боюсь, что он обиделся окончательно (и ведь не без основания). Ответил ли он Вам на то Ваше письмо, о котором Вы мне сообщали?

В ноябрьской книжке пока, согласно с Вашим письмом и с Вашими указаниями, переданными нам Д. Е. Жуковским,²¹ сделаны следующие перемены (сравнительно с посланной мной программой): вмещен египетский рассказ Бальмонта (вместо неопределенного «переводного рассказа») и выпущены статьи — Бердяева²² о Белом и неизвестного о химии.²³

Присланную Вами рукопись получил. Буду читать ее, конечно, в очередь. Иначе было бы крайне несправедливо. Ведь нет ни одной посылки, чтобы автор посылаемой рукописи не просил прочитать ее непременно как можно скорее по самым важным причинам.

В связи с выходом октябрьской книжки напишу Вам о своем опыте за месяц.

Ваш
Валерий Брюсов.

¹ Потемкин-Таврический Григорий Александрович, князь (1739—1791) — государственный и военный деятель, фаворит Екатерины II.

² Леонардо да Винчи (1452—1519) — знаменитый итальянский художник, скульптор и ученый эпохи Возрождения, великий гуманист.

³ Повесть Б. Садовского «Двуглавый орел» напечатана в «Русской мысли» (1911, №№ 7 и 8).

⁴ См. примечание 19 к письму 8.

⁵ См. примечание 20 к письму 7.

⁶ «Египетская повесть» в переводе К. Д. Бальмонта (с перевода французского египтолога Гастона Масперо, 1846—1916) напечатана в «Русской мысли» (1910, № 11).

⁷ См. примечание 2 к письму 8.

⁸ См. примечание 19 к письму 7.

⁹ См. примечание 2 к письму 5.

¹⁰ Роман «Чортова кукла» (см. примечание 10 к письму 4).

¹¹ См. примечание 35 к письму 4.

¹² См. примечание 36 к письму 4.

¹³ См. примечание 6 к письму 8.

¹⁴ См. примечание 7 к письму 8.

¹⁵ Романов Пантелеймон Сергеевич (1884—1938) выступил в печати впервые с рассказом «Отец Федор» («Русская мысль», 1911, № 7), рассказ же его «Суд» во время заведования Брюсова литературным отделом журнала напечатан не был.

¹⁶ Милицына Елизавета Митрофановна (1869—1930) — писательница демократического направления. С 1920 г. — член ВКП(б). Рассказ ее «Скрывной» во время редакторства Брюсова, в 1910—1911 гг., в «Русской мысли» не появлялся.

¹⁷ Матов (Сергей Саввич Мамонтов) — журналист, сотрудник «Русского слова» и других периодических изданий. Очерки его в 1910—1912 гг. в «Русской мысли» не появлялись.

¹⁸ Киселев Николай Николаевич (род. 1884) — беллетрист. Рассказ его «Марево» напечатан в «Русской мысли» (1911, № 4).

¹⁹ Миртов О. — псевдоним Котылевой (по второму мужу Розенфельд) Ольги Эммануиловны (род. 1875), беллетриста и драматурга, внучки П. Л. Лаврова. Роман ее «Яблони цветут» напечатан в «Русской мысли» (1911, №№ 4—12).

²⁰ См. примечание 3 к письму 5.

²¹ Жуковский Дмитрий Евгеньевич — журналист, издатель книг по философии, один из ближайших сотрудников «Русской мысли».

²² Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — философ-мистик и публицист, представитель «легального марксизма», кадет, один из ближайших сотрудников «Русской мысли», после Октябрьской революции — эмигрант. Статья его «Русский соблазн. По поводу „Серебряного голубя“ Андрея Белого» была напечатана в «Русской мысли» (1910, № 11).

²³ Статья М. Н. Попова «Из новых течений в области химии. В. Оствальд и возрождение атомизма» напечатана в «Русской мысли» (1910, № 12).

11

<Конец сентября 1910>

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Только что отослал Вам письмо, как получил Ваше. Спешу ответить на Ваши вопросы.

1. О Колтоновской¹ я не забыл, но все ждал, чтобы выяснился характер библиографического отдела. *Пока* ей делать в нем решительно не<че>го. Все книги стихов рецензирую я;

все романы, повести, рассказы — З. Н. Гиппиус; для рецензий по вопросам истории литературы и критики у нас есть Андрей Белый, Бор. Садовской и еще многие; книги по истории новейшей западной литературы может рецензировать М. Веселовская. Места же для рецензий пока очень мало... Конечно, в будущем все может измениться. Напр<имер>, вероятно, З. Н. Гиппиус окажется не под силу разбирать *всю* прозу, места Вы для библиографии беллетристики прибавите, etc.* Вот на это будущее и можно иметь в виду г-жу Колтоновскую, хотя... в остроту ее критического прозрения я не очень верую. Ее письмо, согласно с Вашей надписью, возвращаю Вам.

2. Мережковскому я писал дважды после Вашего предложения. Один раз в общем тоне, вообще о том, что ему следовало бы отдать свой роман нам. Другой раз в ответ на его письмо, в котором он излагал мне Ваши предложения; я старался разъяснить ему некоторые недоразумения, говорил, напр<имер>, что все условия касаются *рукописи*, а никак не творчества, что если роман написан не будет, то никому в голову не придет спрашивать с него за это неустойку, etc.*

3. Даудендея² я, конечно, знаю, но «Asiatische Novellen»** не читал. Во всяком случае знакомить с ним русских читателей следует.³ Только куда вместим мы его рассказы в № 11, который так заполнен, что шелохнуться нельзя? Можно, разумеется, выкинуть египетский рассказ Бальмонта, но очень уж он сетует...

4. З. Н. Гиппиус в письме, полученном мною сегодня, обещает прислать к 1-му свои библиографические заметки, соединенные в одну статейку, под общим заглавием «О литературной прозе». Что с этой статейкой делать? Поставить ее среди «обзоров»? поместить отдельно? напечатать в библиографическом отделе?⁴

5. Вообще относительно библиографического отдела я думаю следующее: значительная часть книг будет у нас разбираться а) в статьях Л. Гуревич, б) в статьях З. Гиппиус, с) в «обзорах». Я свои отзывы о стихах *мог бы* тоже соединять в особые статейки, под заглавием, напр<имер>, «Новые стихи» или что-либо подобное, которые появлялись бы раза 3 в году. Тогда беллетристическая часть библиографического отдела отошла бы исключительно под разные вто-

* И так далее (лат.).

** «Азиатские новеллы» (нем.).

ростепенные издания, переводы, etc.* А преимущественно библиографический отдел был бы посвящен разбору книг научного характера, что имеет свое (или свою) *raison d'être*.** Но, конечно, осуществление этого плана зависит от готовности З. Н. Гиппиус, или кого другого на ее месте, более или менее исчерпывать все новости за месяц. Что касается до мелких библиографических *известий* и заметок, то их, думается мне, можно присоединить к «обзорам», если не придется осуществить проектировавшегося «обозрения иностранных журналов».

6. Романа Крашенинникова⁵ я еще не прочел. Во-первых, потому, что все еще не имел ни времени ни сил одолеть все «залежи» (более 30 объемистых рукописей). Во-вторых, потому, что вопрос о приеме того или другого романа связан с вопросом о судьбе некоторых наших ожиданий. Если у нас будет роман Мережковского, роман Гиппиус, роман Миртовой и моя повесть (не считая повести Садовского, уже имеющейся) — можно будет относиться к другим большим повестям со всей строгостью. Напротив, если не будет романа Мережковского и других и если никто другой не предложит неожиданно хорошего романа, придется к измышлениям г. Крашенинникова и им подобных отнестись более снисходительно... только бы они не доходили до уровня пресловутого Сергеенки!

7. Стихи М. Бескина,⁶ пересланные Вами, весьма обыкновенные стихи, какие все сочиняют, — никому не нужные и не интересные.

На днях буду Вам писать о некоторых общих соображениях о своей работе в «Русск<ой> Мысли» на основании месячного опыта.

Ваш.
Валерий Брюсов.

Датируется по связи с предыдущими письмами (продолжение переговоров о формировании ноябрьского номера «Русской мысли»).

¹ Колтоновская Елена Александровна (1871—1952) — критик.

² Даудендей Макс (1864—1918) — немецкий поэт и беллетрист, импрессионист. У Брюсова здесь и дальше — Даудендей.

³ Две из этих новелл напечатаны в переводе Ф. О. Эльзевич в «Русской мысли» (1911, № 2).

⁴ Напечатана в «Русской мысли» (1910, № 11) среди «обзоров» отдела «В России и за границей».

* И так далее (лат.).

** Обоснование (франц.).

⁵ Крашенинников Николай Александрович (1878—1941) — писатель. Роман его «Барышни» напечатан в «Русской мысли» (1911, №№ 10—12).

⁶ Бескин Михаил Мартынович — редактор «Московской газеты» и журнала «Будильник»

12

8 X <19>10.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

За несколько дней, что я не писал Вам, набралось множество мелких дел. Согласно нашему условию, излагаю их вполне по-деловому, безо всяких «риторических» прикрас.

1) В № непременно нужен рассказ. Пришвин — полубеллетристика. Лучше всего было бы поместить, вместе с Пришвиным, и Гутмана и Бальмонта, — первого для «большой», второго для «малой» публики. Если оба не влезутся в 11 листов (что считаю для первого отдела пределом), выкину Бальмонта. Если, за исключением Бальмонта, немного места останется, думаю поместить крохотный рассказик Элленса,¹ с французского, в 3—4 страницы (переведенный не мною, но под моею редакцией). Следует ли?

2) Сергеенко все тщится выйти за предоставленные ему границы. По просьбе А<лександр> П<авлов> написал ему письмо, указывая, что свыше 48 страниц в № мы никак не можем ему предложить и что роман должен быть закончен в № 12.

3) Начало перевода Кронье получено. Переводчица² прислала мне письмо, где говорит, что Вы ее очень пугали мною. Тут же она спрашивает у меня значение двух весьма обыкновенных французских слов, что меня несколько огорчило. Рукопись перевода Скворцов,³ тотчас по получении, сдал в набор, и я перевода еще не видел.

4) Сданы в набор (на два столбца) и заметки З. Гиппиус. Мне они нравятся, но их недостаток, что читатель мало узнает из них о книгах. Не помню, я ли послал ей книгу Панкратова;⁴ если да, то, конечно, это недосмотр. Впрочем, З. Гиппиус дала позволение все лишнее вычеркивать.

5) Рецензия Белого о Розанове⁵ будет задержана. «Нового Времени»⁶ я, увы, не читаю. Но Розанов вообще «этически» личность крайне сомнительная. В общих чертах Ваши слова Белому передам.

6) Получил рассказ А. Кондратьева «Голова Медузы»,⁷ который хотел бы принять. Рассказ написан хорошо, в очень выдержанном стиле. Но он из числа рассказов «экзотических», и, памятуя о «глупом читателе», надо будет поместить

его в такое время и в таком окружении, чтобы никакого соблазна он не произвел. В этом духе написал Кондратьеву.

7) Очень жду решения Мережковского. По-прежнему полагаю, что, если бы он отказался от предложенных Вами условий, можно было бы взять у него *фрагменты* романа. В объявлениях о подписке они свою роль сыграли бы. Вообще объявить что-нибудь Мережковского нам весьма нужно.

8) Эртеля, как писателя, я всегда уважал, и для «Русской Мысли», где он всегда писал, его вещь⁸ будет очень полезной. Куда лучше посмертный Эртель, чем живой Крашенинников или что-либо подобное.

9) Г-жа Благовещенская⁹ предлагает перевод какого-то романа Амалии Скрам (которой я, к стыду моему, вовсе не ведаю) «Потомок».¹⁰ Я прошу ее сообщить, новая ли вещь этот «Потомок» (есть основания думать, что не новая), и говорю, что переводов старых вещей мы не печатаем принципиально. Если «Потомок» — новый роман, я прошу выслать хотя бы начало перевода для ознакомления с этой вещью.

10) Перевод Марии Непризнанной романа Хальстрема «Старая история»,¹¹ о котором я Вам писал в предыдущем письме,¹² я прочел. История, действительно, «старая», но не лишенная некоторых достоинств. Пожалуй, можно было бы напечатать этот роман в сокращении. К сожалению, перевод совершенно неприемлем: столько в нем неправильных выражений и ошибок против языка. А так как подлинник написан по-шведски, то, вероятно, исправить перевод будет весьма затруднительно. Пишу об этом Непризнанной. Повторяю, что из ее письма следует, что с ней предварительно уже велись переговоры редакцией, но А<лександра> П<авловна> ничего не могла мне об них сообщить.

11) Перевод Тэна делается и будет готов к середине ноября. Боюсь только, что кто-нибудь предупредит нас с переводом этого романа. Как быть тогда с переводчицей?¹³

12) Повесть Е. Грековой,¹⁴ о которой Вы меня спрашиваете, я прочел. Это довольно наивная история, не окончательно плохая, но печатать которую, право, не стоит. Ей место скорее в каком-нибудь детском журнале, хотя и действует в ней политический ссыльный. Сюжет крайне неправдоподобен. Ощущение после чтения повести такое же, как после мармеладной конфеты.

13) Был у меня в редакции Романов, два рассказа которого, «Суд» и «Отец Федор»,¹⁵ были приняты С. В. Лурье.

Романов из числа «однодумов»; он покинул университет, сидит у себя в глуши и думает о «правде жизни». Все, что он написал, — серьезно, но в литературном отношении далеко не важно. Напечатать его, однако, непременно нужно, ибо он очень на том настаивает. К счастью, он дал мне позволение как угодно исправлять его рассказы, и я придам им вполне благопристойную внешность.

14) Прочел я и полупринятый С. В. Лурье рассказ Киселева.¹⁶ Рассказ принять можно (неплохое подражание Льву Толстому), но он также будет в числе только сносных и терпимых.

15) Просмотрели ли Вы «Священье»? (Я просил А<лександр> П<авловну> послать Вам гранки этой вещи). Нельзя ли совсем не печатать сего изделия? Гонорар за него уже выдан, но я взамен доставлю, на условии полной бесплатности, какой-нибудь другой рассказ одного из моих юных протеже. Рассказ, конечно, будет не блистательный, но благообразный и гораздо более литературный, чем это «Священье».¹⁷ Этот рассказ, предлагаемый «взамен», пришлю на утверждение Вам.

16) Вообще я прочел почти все рукописи, оставшиеся от времен С. В. Лурье (точнее, — В. Г. Мирович). Непрочитанными остались только большие романы, — по причинам, о которых я Вам писал. Надо сначала уяснить себе, какими романами более желанных писателей мы будем располагать для будущего года. Если их будет достаточно, можно будет судить других строго; если мало, поневоле придется быть снисходительными.

17) Статья Зелинского,¹⁸ конечно, очень и очень желательна. Я Зелинского знаю лично, а работы его ценю высоко.

18) Отвечать Адрианову на его статью¹⁹ в «В<естнике> Е<вропы>»²⁰ я не вижу особой надобности. На все критики не ответишь. В данном случае дело осложняется тем, что свое возражение Блоку и Вяч. Иванову я намеренно писал в тоне шуток, насмешки, не высказывая своих истинных убеждений. Изъяснять это было бы неудобно. Я надеюсь, что мне удастся написать несколько теоретических статей о поэзии и поэте, которые и будут лучшими возражениями.

19) Впрочем, когда удастся мне эти статьи написать, сказать пока трудно. Выяснилось, что моей работе в редакции не может не быть обратно пропорциональна интенсивность моей работы за письменным столом. До сих пор я еще не имел возможности закончить свою статью о французской

литературе, которая намечена в ноябрьскую книжку. Постараюсь сдать ее к 15 числу (срок, указанный А<лександрой> П<авловной>). Повесть, назначенная в декабрьскую книжку, все еще не обработана. Повесть из древней жизни, которую я прочил в январскую книжку, так и не начата... Устроится ли все это в будущем, не знаю.²¹

20) Сообразно с этим не знаю, как расположить мне свой предполагавшийся приезд в Петербург. До окончания статьи о французской литературе нельзя об нем и думать. Не перенести ли этот приезд на декабрь? ноябрь?

21) Тем более, что письменные сношения идут довольно успешно. От А. Бенуа я получил принципиальное согласие участвовать в «Р<усской> М<ысли>». Он просит только точнее определить, чего именно от него хотят. По своей газетной привычке, он затрудняется писать «от времени до времени», по собственной инициативе. Ему надо сказать определенно, сколько статей хотим мы от него в год и о чем именно, — о выставках, или о художниках, или о «явлениях жизни в связи с искусством». Поручаете ли Вы мне выяснить ему это все, или у Вас есть определенные предложения ему?

22) Повышение подписной цены (о чем Вы мне писали «конфиденциально») кажется мне мерой очень опасной. Цена «Р<усской> М<ысли>» итак считается высокой. Боюсь, что повышение цены на подписке отразится губельно. Сейчас есть некоторое сомнение по отношению к «Р<усской> М<ысли>» и потому сейчас весьма неудобный миг, чтобы предпринимать такую реформу. Может быть, через год, когда нам удастся читателей к «Р<усской> М<ысли>» приохотить более, это станет возможным. Публика боится всяких реформ. Только что примирились с переменой в редакции (уход А. А. Кизеветтера), и вынести после этого новую перемену (цены) будет трудно.

Этого письма у меня остается копия. Для сокращения времени в нашей переписке, Вы можете ссылаться только на число письма и № вопроса. Постараюсь писать в такой форме и дальнейшие письма.

Уважающий Вас
Валерий Брюсов.

(23) P. S. В письме от 3-Х Вы говорите, что отправили мне в тот же день заказное письмо. Кажется, я его не получил, если это не письмо 1-Х.

24. Мне прислал стихи Н. Морозов (шлиссельбуржец),²²

взамен тех, которые мы забраковали. Новые стихи гораздо лучше. 2 стихотворения думаю назначить в декабрь.

¹ Эллес Франц (род. 1881) — бельгийский писатель. Рассказ его в «Русской мысли» не появлялся.

² Журавская Зинаида Николаевна (род. 1867).

³ Н. А. Скворцов, один из служащих редакции «Русской мысли».

⁴ Панкратов Александр Саввич (1872—1922) — журналист. В обзоре З. Н. Гиппиус «О литературной прозе» в «Русской мысли» (1910, № 11) имеется отзыв о его книге «Ищущие бога. (Очерки современных религиозных исканий и настроений)».

⁵ Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — реакционный философ, критик и публицист, известный крайней беспринципностью, одновременно сотрудничавший и в либеральной, и в черносотенной прессе. Рецензия А. Белого на его книгу «Когда начальство ушло...» (СПб., 1910) была все же напечатана в «Русской мысли» (1910, № 11). Очевидно, Белый успел перестроить ее согласно указаниям Струве; она дополнила статью последнего, напечатанную в той же книжке журнала, о чем свидетельствуют обоюдные ссылки, сделанные в обеих работах.

⁶ «Новое время» (1868—1917) — петербургская газета крайне реакционного направления. В 1910 г. (№ 12385, 4 сентября) в ней была напечатана статья В. Розанова «Тьма» с грубыми нападками на русское революционное движение и критиков-демократов — Чернышевского и Писарева.

⁷ Кондратьев Александр Алексеевич (род. 1876) — поэт, беллетрист, историк литературы. Рассказ его «Голова Медузы» напечатан в «Русской мысли» (1911, № 3).

⁸ Эртель Александр Иванович (1855—1908) — писатель демократического направления. Незавершенный роман его «Урожденная Тибыкина» напечатан в «Русской мысли», (1911, №№ 1 и 2). В публикуемом письме от 8 октября 1910 г. В. Брюсов писал Струве об Эртеле: «Это писатель вообще интересный, и его «Смена» и «Гарденины» были вполне хорошие романы».

⁹ Благовещенская Мария Павловна — переводчица скандинавских писателей.

¹⁰ Скрам Амалия (урожд. Альвер, род. 1847) — датско-норвежская писательница. Перевод ее романа «Потомок» в «Русской мысли» не появлялся.

¹¹ Роман шведского писателя Хальстрема в переводе М. Непризнанной в «Русской мысли» не появлялся.

¹² Это письмо по незначительности содержания здесь не публикуется.

¹³ См. примечание 35 к письму 4.

¹⁴ Грекова Елена — беллетристка. Повесть ее в «Русской мысли» не напечатана.

¹⁵ См. примечание 15 к письму 10.

¹⁶ См. примечание 18 к письму 10.

¹⁷ См. примечания 21 к письму 7 и 5 к письму 13.

¹⁸ Зелинский Фаддей Францевич (род. 1859) — исследователь античной литературы, профессор Петербургского университета; после Октября — профессор Варшавского университета и член Краковской Академии наук. Статья его «„Венецианский купец“ и „Кольцо Нибелунга“» напечатана в «Русской мысли» (1911, № 1). Позднее Брюсов написал рецензию «Овидий по-русски» (на книгу: Овидий. Баллады-послания. Перевод, со

вступительными статьями и комментарием Ф. Зелинского. М., 1913) с указанием недочетов перевода Зелинского («Русская мысль», 1913, № 4).

¹⁹ Адрианов Сергей Александрович (1871—1941) — критик буржуазно-либерального направления. Анализируя спор между Вяч. Ивановым и А. Блоком, с одной стороны, и Брюсовым — с другой (см. примечание 8 к письму 4), Адрианов защищает позицию первых, искавших выхода из кризиса символизма в возвеличивании поэта (в их мистическом понимании, поэт — это теург, жрец). Адрианов упрекает Брюсова в снижении роли поэта: «Валерий Брюсов, хочет рассматривать творчество изолированно, вне связи с вопросом о том, что представляет собою творческая индивидуальность в целом. Он хочет видеть в поэзии некоторое специальное занятие, почти ремесло» (С. А. Адрианов. Критические наброски. «Вестник Европы», 1910, № 10, стр. 392). В своих письмах Струве настойчиво советовал Брюсову дать ответ Адрианову на страницах «Русской мысли».

²⁰ «Вестник Европы» (СПб., 1866—1918) — журнал либерально-буржуазного направления.

²¹ См. примечания 1—3 к письму 5.

²² Морозов Николай Александрович (1854—1946) — революционер-народоволец, около 25 лет был узником Шлиссельбургской крепости; поэт и ученый (астроном). В «Русской мысли» (1910, № 12) напечатаны два его стихотворения: «В тени» и «Звездные веянья». В дневнике Брюсова имеется запись, датированная мартом 1910 г., о знакомстве с Н. А. Морозовым

13

20 октября 1910.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

1) На основании опыта двух №№ мне кажется весьма необходимым строго держаться раз составленной программы № и быть очень пунктуальным в сроках приема рукописей. Только при соблюдении этих двух условий работа могла бы иметь ту «планомерность», которая одна обеспечивает правильный выход книжек журнала. Я бы думал, что весь материал, назначенный для данной книжки, должен быть сдан в редакцию к 1 числу месяца. Первое время, конечно, пришлось бы с горестью откладывать на месяц интересные статьи, пришедшие позже, но я уверен, что при неумолимости редакции к такому порядку гг. сотрудники быстро привыкнут. Количество же материала, разумеется, не оскудеет, ибо рукописи, не доставленные к сроку, будут возмещены рукописями, оставшимися от предыдущего №, т. е. опоздавшими в прошлом месяце. Исключение из такого правила, мне кажется, можно было бы делать лишь для самых близких сотрудников и в исключительных случаях. В деле этом трудно только начало: дальше все пойдет само собою. . .

2) Еще мне кажется, что статьи, назначаемые для «Обзоров», должны быть значительно короче. Статьям, дающим

полный обзор какого-либо вопроса, место — в тексте журнала. «Обзоры» должны быть отделом, способным охватить весьма многое на немногих страницах. Программа «Обзоров» столь разнообразна, что, чтобы выполнить ее, авторам входящих в них статей надлежит писать крайне сжато, частью афористически, частью конспективно. Иначе «Обзоры» обратятся в отдельный журнал в журнале. Мне кажется, что авторы «Обзоров» этого № не удовлетворяют данным требованиям.

3) Чтобы возместить несколько отсутствие своей статьи о французской литературе, я написал небольшую статейку для «Обзоров».¹ Это изложение двух статей в двух французских журналах. Я старался в той и другой главным образом передать самую манеру двух авторов, т. е. Честертон² и Руссо.³ Мне хотелось, чтобы мое изложение было не бескровным препаратом (как аналогичные изложения в «La Revue»*), но живой частью некоторого организма. Не знаю, успел ли я в этом.

4) Я думаю дать перевести для одной из ближайших книжек только что появившийся (в «La Revue de Paris»**) неизданный рассказ Жюль Верна.⁴ Рассказ «фантастический», но интересный, серьезный и прекрасно написан.

5) Я много надоедал Вам с рассказом «Священье». Автор его⁵ прислал другой рассказ, вполне приемлемый. Хочу предложить ему напечатать вместо «принятого» «Священья» этот другой рассказ. Это разрешит затруднение с выданным автору авансом.

6) П. Боборыкин, увы! прислал драму...⁶ Я ее еще не читал. Не ответить ли почтенному и маститому, что, к сожалению, в «Русск<ой> Мысли» гонорары так скромны, что мы их не решаемся предложить ему? Не будет ли это лучшим выходом из затруднения?

7) А Д. Философов статью о Боборыкине написал.⁷ Надо ее, по-видимому, вместить в декабрь.

8) Г-жа Эртель за посмертный роман мужа просит 250 р. за лист — Вы это знаете.

9) Не перевести ли нам для будущего года один из романов Шарля Луи Филиппа,⁸ недавно скончавшегося талантливого французского реалиста?

10) Перевод Журавской,⁹ по-видимому, правилен. Во многих местах она ловко выпуталась из затруднения. Кое-что

* «Обозрение» (франц.).

** «Парижское обозрение» (франц.).

я ей исправил. Но *стиль* автора она безнадежно исказила. В данном случае это не имеет особого значения. Но романа стильного я бы не поручил ей переводить... (Конечно, очень прошу ей этого не говорить).

11) В следующем письме посылаю Вам проект проспекта на 1911 г. Вычеркните, пожалуйста, то, что в проспекте лишнее, добавьте, что я пропустил, а также перечень предполагаемых статей общественных и научных. После этого позвольте проспект набрать и вновь прислать Вам на новый просмотр.

Ваш
Валерий Брюсов.

¹ «Из иностранных журналов». Напечатана в «Русской мысли» (1910, № 11).

² Честертон Джильберт Кейт (род. 1874) — английский поэт и критик, автор двух сборников статей, посвященных, по определению Брюсова, «апологии христианства перед критикой современной мысли». Разбор этих сборников был дан в журнале «La Nouvelle Revue Française» (1910, № 20).

³ Руссо Жан Жак (1712—1778) — знаменитый французский писатель, мыслитель и просветитель. В журнале «Mercure de France» (1910, № 320) излагалось содержание забытого трактата Руссо об авиации — «Новый Дедал».

⁴ Верн Жюль (1828—1905) — известный французский писатель. Перевод его рассказа в «Русской мысли» не появился. В письме речь идет, по-видимому, о рассказе Ж. Верна «L'éternel Adam» («Вечный Адам»). Брюсов ценил творчество Ж. Верна за смелую фантастику. «Перед самой войной (1914 г., — А. М.) проскользнуло известие, — писал он, — что один пулковский астроном дал полную теорию снаряда-корабля для междупланетных сообщений. И что же использовал он как двигательную силу? То самое предлагал еще Жюль Верн в своем „Путешествии на луну“: взрывчатую силу ракет. Любопытно будет, если фантазия романиста еще раз предупредит науку» (В. Брюсов, Избранные сочинения, т. 2, М., 1955, стр. 553).

⁵ С. Елеонский (Сергей Николаевич Миловский, 1861—1911) — писатель-народник. Его рассказ «Волшебник» был напечатан в «Русской мысли» уже по смерти автора (1912, № 6).

⁶ Драма Петра Дмитриевича Боборыкина (1836—1921) «Печальница» в «Русской мысли» не появлялась.

⁷ Статья напечатана в «Русской мысли» (1910, № 12).

⁸ Переводы романов Филиппа Шарля Луи (1874—1909) в 1910—1912 гг., когда Брюсов заведовал литературным отделом «Русской мысли», в журнале не появлялись.

⁹ См. примечание 36 к письму 4.

25 октября 1910.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Посылаю Вам «проект проспекта» и жду от Вас исправ-

лений, дополнений, изменений и т. под. В начале ноября, мне думается, проект должен быть уже отпечатан и рассылаем. Его же надо напечатать в декабрьской книжке журнала.

1) Я включил в проект только такие произведения, о которых я вполне уверен, что они будут нам доставлены. Многие, мне только обещанные, но не совсем «наверное», я не упомянул вовсе. Будет ли у нас роман Мережковского, Вам известно лучше, чем мне. Я бы согласился напечатать даже отрывки из него. Но, конечно, решение во многом зависит от отношения самого Мережковского к «Русской Мысли». Печатать ли драму Боборыкина, надо решить Вам. Я пока прочел первое действие; оно не хуже других вещей Боборыкина, даже из числа удачных. Когда дочитаю до конца, сообщу свои впечатления.

2) В перечень включена моя психодрама «Путник». Она совсем написана (белыми стихами), в ней немногим больше полулиста, и ее можно было бы дать в январе.¹ Мне она кажется интересной, и я думаю, что театры ею заинтересуются.

3) Я поручаю разным лицам переводить коротенькие рассказы с французского и немецкого. У меня их сейчас уже три. Уверен, что они пригодятся. Переводчики согласны ждать без срока.

4) В этом (11) № библиография беллетристики все-таки оказалась. Частью остались заметки от прошлого, частью раньше были розданы книги для рецензии. В будущем, при наличии статей А. Крайнего, Л. Гуревич и моих (о новых сборниках стихов), мне этот отдел кажется лишним.

5) Кажется мне очень несправедливым, что многие, довольно близкие сотрудники «Русской Мысли» не получают журнала бесплатно. Так, не получают его А. Элиасберг, К. Бальмонт, А. Ремизов, Ф. Сологуб. Первые три мне на это жаловались. Ремизов, полунищий, заплатил за год журнала 12 р. Думаю, что это расчет ничтожный, а сотрудникам даже необходимо быть знакомыми с духом журнала, с тем, что в нем помещается. Позвольте представить Вам список лиц, которым, по моему мнению, в 1911 г. надо «Р<усскую> М<ысль>» высылать бесплатно.

6) В следующем письме пришлю Вам проект № 12 и проекты №№ 1, 2, 3.

Очень хороша и полезна Ваша статья о Розанове.² Но я мог бы порассказать об нем, в этом отношении, кое-что пожесточе! Вы совершенно правы, говоря, что он «безбожная

натура». Ведь и Бога-то проповедать он начал только по причинам самым личным, из личной выгоды. . .

Ваш
Валерий Брюсов.

¹ Напечатана в «Русской мысли» (1911, № 1).

² Статья П. Б. Струве «Большой писатель с органическим пороком. Несколько слов о В. В. Розанове» («Русская мысль», 1910, № 11) была вызвана появлением книги Розанова «Когда начальство ушло. . .» (М., 1910) с восхвалением освободительного движения и его же черносотенной статьи в газете «Новое время» (см. примечание 6 к письму 12). Кадет Струве, до сих пор охотно печатавший выступления Розанова, теперь говорил, что якобы «никогда не думал, что Розанов так легко от глубочайшей любовной солидарности с самыми крайними течениями освободительного движения перейдет к беспардонному оплевыванию этих течений и даже доведет свой цинизм до того, что будет революцию лобызать и плевать одновременно», и называл Розанова «органически безнравственной и безбожной натурой», себя же оправдывал тем, что якобы «верил, что Розанов падает и исправляется, исправляется и падает», и потому «считал своим долгом не закрывать перед ним» страниц своих изданий. В заключение Струве отмежевался от Розанова, заявляя, что «литературное сотрудничество с ним невозможно для человека, видящего в писателе не „выделительный аппарат“, а цельную и ответственную творческую силу».

15

<13 ноября 1910>

Многоуважаемый П<етр> Б<ернгардович>.

Поездка в Ясную Поляну совершенно сбила с толку мою жизнь, и я не мог написать Вам раньше. Пишу большое письмо, в кот<ором> излагаю все «текущие» дела, которое отправлю завтра. Сейчас спешу сказать о Толстом. Располагаю я лишь двумя вещами: своим отчетом о поездке на похороны ¹ (написанным очень «легко», полуфельетонно, в стиле вступления моей статьи о Верхарне ²) и статьей Макса Волошина «Судьба Толстого». ³ Эта последняя крайне парадоксальна, и я колеблюсь, печатать ли ее, хотя во всяком случае она интересна и не банальна. Ее идея: что Толстой всю жизнь искал и не мог найти несчастья и что в неумолимом житейском благополучии — его трагедия. Не прислать ли статью Вам, хотя бы *в наборе, но не дав автору окончательного ответа?* Еще обращусь к Белому. Когда-то о Гоголе он написал хорошо. Не напишет ли хорошо о Толстом? ⁴ Могу написать и сам. Но допустимо ли давать в одном № мою повесть, мой отчет о поездке и мою статью? ⁵

Ради бога, ответьте, что делать с Боборыкиным. Старик

Ваш
Валерий Брюсов.

Датируется на основании почтового штемпеля.

¹ «На похоронах Толстого. Впечатления и наблюдения». «Русская мысль», 1910, № 12.

² Подразумевается статья Брюсова «Литературная жизнь во Франции. IV. Новые книги Эмиля Верхарна» («Русская мысль», 1910, № 8).

³ Статья М. А. Волошина (1877—1931) «Судьба Льва Толстого» напечатана с сохранением ее основной идеи в «Русской мысли» (1910, № 12).

⁴ Имеется в виду статья А. Белого «Гоголь», напечатанная в «Весах» (1909, № 4). Новая его статья, «Лев Толстой», напечатана в «Русской мысли» (1911, № 1).

⁵ Статьи о Л. Н. Толстом Брюсов не написал. Эту статью отчасти заменил его «отчет» о похоронах Толстого, в котором Брюсов говорил о мировом значении великого писателя, о его горячей любви к родине.

16

21 ноября 1910.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

1) Я не думаю, чтобы мою повесть стали «ругать» именно за порнографию. Дело в том, что Вы «избрали благую часть» и не читаете новейшей русской беллетристики, той, которую мы с Антоном Крайним обречены читать по долгу службы. Все последние романы Арцыбашева, Каменского¹ и всех, иже с ними, а частью также и Куприна,² переполнены такими сценами, перед которыми моя повесть — верх скромности и целомудренности. Поверьте, наша критика за последние годы так притерпелась, что будет бранить меня за что угодно, но не за порнографию. После страниц сборников «Земля»,³ «Любовь»,⁴ «Грех»⁵ и др., мудроно будет ее усмотреть в крайне сдержанных «Последних страницах из дневника женщины». Что до упрека в эскизности, то принимаю его: действительно, можно было разработать тему более вглубь... Но, во-первых, в этой эскизности есть своего рода приятность, во-вторых, она соответствует характерам действующих лиц, которые все столь ничтожны, что не заслуживают более серьезного анализа, и, в-третьих, она (эскизность) вызвана некоторой торопливостью в обработке повести: я с удовольствием поработал бы над ней еще года полтора...

2) Очень извиняюсь, что до сих пор не доставил Вам, как обещал, выработанного нами на «сеансах» в Москве распределения материала в 1911 году. Произошло это потому, что я хотел выслать Вам это распределение вписанным в те специальные листки «предполагаемого содержания №», о которых я говорил Вам. Я своевременно дал образец такого листка А<лександр> П<авловне> и все ожидал, что они

со дня на день будут напечатаны. А <Александра> П <авловна> же полагала почему-то, что печатание этих листков — дело не спешное. Только сегодня маленькое это недоразумение уяснилось. Теперь уже не буду ждать «листков» и вышлю Вам составленное распределение без промедления.

3) Я очень рад, что Вы решили судьбу стихов Сережи Соловьева⁶ в том же духе, как и я. Стихи не очень плохие, но о Толстом позволительно писать стихи только *очень* хорошие. Последнее время я этого Сережу «обижал»: довольно сурово отзывался о его книжках, отклонил несколько предложенных им стихотворений и т. д. Вот почему мне хотелось сделать для него все, что в моих силах, и не брать на одного себя отказ в напечатании его стихов, тем более, что он, по-видимому, весьма надеялся на их помещение. Вообще С. Соловьев не лишен дарования, а главное человек в хорошем смысле слова «культурный», и жаль, что он часто берется не за свое дело.

4) «Дело о Саблине»⁷ я передал Д <митрию> Е <вгеньевичу>, а самому Саблину сообщил о Вашем решении.

5) «За монастырской оградой»,⁸ рассказ, о котором Вы спрашиваете, — вещь крайне наивная: плохая беллетристика, в которой уличают монахов в том, что они пьянствуют и не соблюдают девятой заповеди, а также сообщается несколько других, столь же новых вещей.

6) Прислал свой роман Абельдяев,⁹ помните тот, о котором было особое письмо к А. А. Кизеветтеру.¹⁰ Вероятно, роман нельзя будет принять по причинам внешним. Пока доставлено четыре переплетенных тетради, переписанных на машине, каждая толщиной с год «Нивы»,¹¹ страниц по 500 вероятно, и это еще не конец романа. Что до содержания, то я, конечно, еще не успел с ним ознакомиться: прочел лишь самое начало, — не совсем плохо, кое-что и интересно. (Во всем романе, думаю, будет листов 50).

7) Из массы рукописей, прочитанных мною, пока не мог выбрать ничего подходящего. Но мы ведь и не нуждаемся особенно в материале. Можем ждать чего-либо более удачного.

8) З. Н. Гиппиус прислала «обзор» на январь (о альманахах).

9) Дал статью о Толстом Андрей Белый. Смотря по ее достоинствам и по количеству материала, намечу ее в декабрь или январь.¹² Корректуры ее будут Вам посланы, вероятно, завтра.

10) В библиографический отдел я отдал все рецензии о беллетристике, какие еще оставались, ввиду того, что с января таковые помещаться более не будут.

Ваш
Валерий Брюсов.

¹ Каменский Анатолий Павлович (род. 1876) — писатель, интересовавшийся преимущественно «проблемами пола»; после Октября — эмигрант.

² Имеется в виду повесть А. И. Куприна «Яма» (1909).

³ Сборники «Земля» (М., 1908—1917). Их участники: М. Арцыбашев, В. Винниченко, Ф. Сологуб, А. Куприн и др.

⁴ Альманах «Любовь» (СПб., 1910). Участники его: А. Блок, Б. Лазаревский, С. Городецкий, Г. Чулков, А. Н. Толстой и др.

⁵ Сборник «Грех» (М., 1911). Участники его: В. Муйжель, М. Кузмиц, Н. Гумилев, А. Блок и др.

⁶ Соловьев Сергей Михайлович (1885—1941) — поэт-символист, впоследствии священник; племянник поэта и философа Владимира Соловьева, родственник Блока и друг А. Белого.

⁷ Саблин Владимир Михайлович (1872—1916) — переводчик и издатель. «Дело» о нем заключалось в следующем: в октябрьской книжке «Русской мысли» за 1910 г. была напечатана статья члена Государственной думы В. А. Маклакова «Ф. Н. Плевако». Не дождавшись установленных трех месяцев между появлением статьи в журнале и в отдельном издании, Саблин издал статью Маклакова отдельной брошюрой. Признав свою вину, он выразил Брюсову готовность возместить убытки, которые понесла «Русская мысль» из-за преждевременного появления этой брошюры.

⁸ Рассказ в «Русской мысли» не появлялся.

⁹ Абельдяев Дмитрий Алексеевич (род. 1865) — беллетрист. Роман его «Тень века сего. Записки Абашева» напечатан в «Русской мысли» (1912, №№ 6—12).

¹⁰ Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933) — историк, член 2-й Государственной думы, кадет. В 1907—1910 гг. — соредактор П. Б. Струве по журналу «Русская мысль», постоянный сотрудник журнала до его закрытия в 1918 г.

¹¹ «Нива» (СПб., 1870—1918) — еженедельный иллюстрированный журнал, популярный среди широких кругов читателей.

¹² См. примечание 4 к письму 15.

17

24 ноября 1910.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

1) Я просмотрел роман Матильды Серао¹ и высказываюсь решительно против его приятя. Вы, вероятно, заметили, что я не отягчаю «Русской Мысли» модернизмом и, напротив, предпочитаю «нео-реалистов». Есть, однако, имена, по-моему, совершенно недопустимые в журнале, желающем быть серьезно-литературным. Таково имя Матильды Серао. Для итальянской литературы это нечто вроде того, что для нашей Пота-

пенко.² Я знаю, что романы Серао «читабельны» и что в России их охотно читают, — вернее читали. Но это именно тот дурной вкус, с которым наша прямая обязанность у русских читателей бороться. Мне было бы стыдно смотреть в глаза хорошим людям, если бы при моем содействии «Русская Мысль» после романа Сергеенки украсилась романом Матильды Серао. Притом, как я Вам уже писал, я уже поручил одной переводчице перевести для «Русс<кой> Мысли» (с сокращениями) роман Деларю-Мардрюс,³ который можно будет поместить непосредственно после романа Тэна и который займет не меньше 3 книжек. Загадывать вперед, мне кажется, еще рано, а одновременно с переводом с французского, мне кажется, надо бы печатать, для контраста, перевод с одного из германских языков, с немецкого или английского, если Вы уже не хотите (в чем я Вам сочувствую) скандинавов.

2) Меня огорчил тот лист № 12, где начинаются толстовские статьи. К сожалению, мне этот лист доставили довольно поздно. Я тотчас телефонировал А<лександре> П<авловне>, указывая ей на неудобство загонять эти статьи куда-то в угол, помещая их наряду со статьей о химии, начиная отдел о Толстом даже не с правой страницы. А<лександра> П<авловна> ответила мне, что исправить сделанное уже поздно, что такие поправки замедлят появление № на несколько дней. Я, однако, собрал по этому поводу маленький «военный совет», пригласив на совещание Д<митрия> Е<вгеньевича>. Мы долго судили, как быть, все соглашались, что расположение статей некрасивое и неудобное, но в конце концов на значительную переверстку, ввиду необходимости выйти скорее, не решились. Решили только сделать перед началом толстовских статей общий заголовок «Л. Н. Толстой, род<ился> тогда-то, ум<ер> тогда-то», что до некоторой степени объединит их...

3) Ввиду жалоб некоторых издателей, что они посылают нам множество книг, на которые мы не даем рецензий, я просил Нину Петровскую, автора одной рецензии в № 11, написать небольшой «обзор» переводных романов для марта или февраля.⁴ Я позабочусь, чтобы этот обзор был содержателен и давал читателям нужные сведения о иностранных авторах, которых у нас в таком изобилии переводят.

4) Я имел случай недавно писать Стефану Цвейгу, неизвестному немецкому писателю. Я предложил ему попытаться написать о немецкой литературе для «Русс<кой>

Мысли».⁵ Я предупредил его при этом, что этим отделом заведу не я и что помещение его статьи будет зависеть не от меня. Если она будет получена, тотчас перешлю ее Вам.

5) Элиасберг прислал перевод отрывка из каких-то мемуаров о пребывании Петра Великого в Берлине.⁶ Кажется мне, этот отрывок не дает ничего нового. Я просил рукопись просмотреть А. А. Кизеветтера, тем более что она очень невелика.

Ваш

Валерий Брюсов.

P. S. Распределение материала на <1>911 г. высылаю Вам *завтра*.

¹ Серао Матильда (1856—1927) — итальянская писательница, автор так называемых семейных романов, многие из которых переведены на русский язык. Отзыв Брюсова о ее творчестве очень субъективен.

² Потапенко Игнатий Николаевич (1856—1929) — беллетрист.

³ В письме к Струве от 14 ноября 1910 г. Брюсов писал о романе Люси Деларю-Мардрюс «Шеридан»: «Этот роман, в противоположность роману Рильке, весьма „читабелен“, но вместе с тем литературен в лучшем смысле слова. Тому лицу, которое его мне указало, его рекомендовал лично Анатолий Франс. Это что-нибудь да значит. Перевести его я думаю с сокращениями, как роман Кронье. Всего будет в нем листов 8». Роман в переводе Н. И. Петровской напечатан в «Русской мысли» (1911, №№ 3—7).

⁴ Петровская Нина Ивановна — поэтесса, критик и переводчица, жена поэта Сергея Кречетова (псевдоним С. А. Соколова). В «Русской мысли» (1910, № 11) напечатана ее рецензия на книгу Е. А. Зноско-Боровского «Крейсер „Алмаз“ (Цусима). Сцены из войны» (1910). Обзор переводных романов в «Русской мысли» не появлялся.

⁵ Цвейг Стефан (1881—1942) — известный австрийский писатель. В непубликуемом письме от 9 января 1911 г. Брюсов сообщил Струве: «Ст. Цвейг писать статьи о немецкой литературе отказался, ссылаясь на то, что не любит заниматься журналистикой».

⁶ Перевод упоминаемого Брюсовым отрывка из мемуаров в «Русской мысли» не появлялся.

18

1 декабря 1910.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

1) Неожиданно гр<аф> А. Н. Толстой, рассказ которого «Родные места» назначался у нас на январь, прислал мне письмо с извещением, что этот рассказ войдет во II том его, Толстого, собрания сочинений, выходящий в изд<ательстве> «Шиповник»¹ в феврале 1911 года. Толстой при этом просил или поторопиться с напечатанием рассказа или вернуть ему рукопись. Можно было бы, конечно, оспаривать у Толстого право распоряжаться рассказом, уже уступленным им редак-

ции журнала, и требовать, чтобы он изъяс этот рассказ из II тома своих сочинений (как рано в наши дни издают гг. авторы свои «собрания сочинений»), вот я до сих пор не решился на это дело!). Но, во-первых, Толстой мог и не подчиниться нашим требованиям, а во-вторых (что и более важно), рассказ «Родные места», как я Вам уже сообщал, принадлежит к числу не совсем удавшихся Толстому, автору интересному, бесспорно талантливому, но неровному. Конец «Родных мест» совсем неудачен, я думал уговорить автора исправить его в корректуре, и вообще этот рассказ слабее, чем рассказы того же Толстого, помещенные им в альманахе «Шиповник». Ввиду всего этого я предпочел рассказ Толстому вернуть. Он же обещался взамен его прислать в течение января другой. Будем надеяться, что тот будет лучше.

2) Таким образом, однако, в январском № освободилось место... Я назначил на него рассказ г-жи Ив(ан) Странник (Аничковой, жены Е. В. Аничкова,² автора ряда французских романов и сотрудницы «Вестника Европы»), который у нас был намечен на февраль. Этот рассказ, «Без трудов спасение», вполне «читабельный», с интересными типами и безо всяких «экзотичностей», несколько больше, чем рассказ Толстого. Именно, в рассказе, после моих маленьких сокращений, будет листа 2 с небольшим (2,2 или 2,4).³ Поэтому я не знаю, удастся ли в январь вместить еще и переводный рассказ. Вопрос выяснится, как только будут сверстаны романы Гиппиус и Эртеля.

3) Я послал Вам ту разметку ближайших книжек, которую мы сделали во время московских сеансов. Я сделал в ней кое-какие, очень незначительные перемены, в зависимости от некоторых, вновь выяснившихся обстоятельств. Все они касаются стихов и литературного отдела в «Обзорах». Так, на январь я наметил свою статейку о романтиках,⁴ которая полагалась на февраль. Дело в том, что заметка эта уже написана (я читал ее, в распространенном виде, как доклад в нашем Литературно-Художественном кружке⁵ 30 ноября). Следовательно, я ею не задержу редакцию ни одной минуты, что для № 12 чрезвычайно важно. Кроме того, в декабре, не считая этой заметки, нет ничего о иностранных литературах, о русской же есть заметка Антона Крайнего. Наконец, отложив свою статью о новых сборниках стихов до февраля, я буду иметь возможность написать ее особенно тщательно, что и следует.

4) О романе Абельдяева, я думаю, еще рано постанав­ливать какие-либо решения. Я пока прочел страниц 40, что составляет ничтожнейшую часть целого, ибо в романе никак не менее 600—700 страниц. В той части, которую я прочел, еще никакого романа нет, а есть ряд рассуждений, не лишенных интересности, хотя и не очень новых. Это — смесь «Записок из подполья» Достоевского (вообще автор, видимо, под сильнейшим влиянием Достоевского), Розанова и Мережковского... Все нудно, тяжело, беспощадно, не глупо, но все же не гениально... А я боюсь, что роман в 700 страниц, почти сплошь состоящий из размышлений, переносим лишь в том случае, если он гениален. Повторяю, впрочем, что высказы­вать окончательное решение мне еще рано...

5) Возвращаю Вам письмо Карпова.⁶ Он прислал сходное письмо и мне. Вижу, что человек глубоко несчастный, но как же ему помочь? Я не читал его романа — он ошибается. Не видал еще и тех стихов, о которых он пишет. Если они у Вас, не пришлете ли Вы их мне? Принцип мой в этом случае такой: оказывать кому-либо помощь, печатая заведомо плохую вещь, — *безнравственно*. Этим мы развращаем и автора, который начинает думать, что он пишет хорошо, и читателей, которые доверяются вкусу журнала... Итак, если бы оказалось, что проза и стихи Карпова плохи (я этого боюсь, хотя не знаю, может быть, они и хороши), я предлагаю их все же *не печатать*, несмотря на бедствия автора, а ему помочь другим способом. Во-первых, я не отказываюсь лично, из своих средств, участвовать в подписке в его пользу. Во-вторых, я постараюсь выхлопотать ему пособие из сумм Лит<ературно>-Худож<ественного> кружка, у которого есть для этого различные фонды: чеховский капитал для помощи нуждающимся литераторам, деньги, отпущенные в распоряжение Дирекции для помощи вообще нуждающимся, и т. под. Пришлите же мне его, Карпова, писания и сообщите, какую помощь Вы для него считаете, если не достаточной, то хотя существенной. (В случае обращения к Кружку, хорошо было бы мне вновь получить то письмо, которое я Вам сегодня возвращаю).

6) В декабрьской книжке есть указатель книг, разобранных в библиографическом отделе «Русс<кой> Мысли». В этот указатель не попали книги, разобранные в «Обзорах». Я думаю, что, начиная с январского №, надо в литературных статьях «Обзоров», тотчас после заглавия, перечислять разбираемые в статье книги. Так я хочу сделать уже для обзора А. Крайнего в январской книжке. А в конце года можно

будет поместить два указателя: книг, разобранных в библиографическом отделе, и книг, разобранных в обзорах (русских и иностранных). Можно даже будет в указателе 1911 г. назвать книги, разобранные в обзорах 1910 г.

Ваш
Валерий Брюсов.

¹ «Шиповник» (1906—1918) — петербургское издательство, охотно печатавшее символистов.

² Аничков Евгений Васильевич (1866—1937) — критик и литературовец близкий к кадетским кругам; после Октябрьской революции — эмигрант.

³ См. примечание 2 к письму 8.

⁴ Статья Брюсова «Романтизм и нравы» напечатана в «Русской мысли» (1911. № 1)

⁵ См. примечание на стр. 184.

⁶ Карпов Пимен Иванович (род. 1887) — поэт и беллетрист, писавший на религиозно-сектантские темы

19

5 декабря 1910.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Итак, причина ареста книжки — моя повесть. Мне не приходится Вам писать о том чувстве обиды и бессильного гнева, какое автор испытывает в таких случаях: Вы это хорошо знаете по опыту. Почему какие-то гг. цензоры лучше меня знают, что можно читать русской публике и что не должно! И почему моя повесть, написанная серьезно, строго, иронически — есть преступление против нравственности, тогда как сотни томов, определенно порнографических, мирно продаются в книжных магазинах с одобрения Комитета!¹ Ну, да что об этом всем говорить, — живущим в России «не привыкать-стать»!

Но к чувству этой обиды присоединяется чувство досады на себя и чувство безвинной вины, ибо арест декабрьской книжки есть *минус* в деле издания журнала. Правда, мы успели разослать почти все экземпляры, но часть может быть конфискована на почте, «на местах». Кроме того, библиотеки не будут иметь права выдавать эту книжку, читальни — класть ее на стол и т. д. Все это может повредить подписке, хотя, с другой стороны, огласка ареста послужит и лишней даровой рекламой. Уже теперь ко мне звонят знакомые и незнакомые с просьбой достать им арестованный №, предлагая заплатить за него и вдвое и втрое. С такими же просьбами

обращаются и в ред<акцию> к Анне Вал<ентиновне>. Вообще, учесть сейчас общественное влияние этого ареста еще трудно. Но радоваться ему все же ни в коем случае не приходится.

Мне нечего добавлять, что все внешние следствия этого факта я, конечно, принимаю на себя. Здесь я являюсь виновным дважды: и как автор повести и как редактор, ее принявший. Так что, напр<имер>, я считаю своим долгом взять на себя тот штраф, к<отор>ый может быть наложен на журнал. Точно так же я возьму на себя все предстоящие хлопоты, поскольку мне можно будет их снять с Вас. Жду Ваших указаний, что мне нужно сделать: ехать ли в Комитет, обратиться ли к адвокату etc.*

По-прежнему надеюсь, что Вы приедете в Москву, тем более, что Вы и вообще, помимо этого события, хотели вновь бывать к нам. Устно было бы гораздо легче обо всем договориться. Если надо, я могу немедленно приехать в Петербург, — Вам надо только телеграфировать мне: приезжайте.

Не надо ли немедленно разослать всем нашим подписчикам наш *анонс*, ввиду того, что многие могут не получить декабрьской книжки?

Ваш
Валерий Брюсов.

Post Scriptum.**

Вы, конечно, читали статью Пешехонова в «Русс<ких> Вед<омостях>» о Вас и о Вашей статье о Розанове.² Какая *нехорошая* статья! Помните, я, как только прочел в корректуру Вашу статью о Розанове, тотчас написал Вам, что Вы к Розанову слишком милостивы, что достаточно есть причин, чтобы обойтись с ним вдвое жесточе, и что лично я знаю такие факты, которые опровергают последние доводы, сохраняемые Вами в защиту Розанова... Но если надо выбирать между Пешехоновым и Розановым, я решительно выбираю Розанова и в их споре, поскольку есть здесь спор и между ними, становлюсь на сторону Розанова. Эпиграф Розанова о воронах, летающих прямо, мне показался смешным, — но Пешехонов оправдал его своим примером. По-видимому, он, действительно, ничего в мире не признает и не ценит, кроме вороньего прямого полета. «Лети прямо», и больше ничего не нужно, все эти искания, мучения души, сомнения — все это

* И так далее (*лат.*)

** Приписка (*лат.*)

вздор. Имей мои здравые, либеральные понятия, и простится тебе всякая глупость, тупость и плоскость. А вот уклонение от этой прямой не будет прощено ни даже за гениальность, — разве после смерти.³ Когда появляются такие статьи, становится мне уныло и тошно, и не знаю я, не лучше ли всего взять хорошую бомбу, начиненную каким-нибудь нитроглицерином, и бросить ее и вправо и влево, одинаково.

Ваш душевно
Валерий Брюсов.

¹ Цензурного комитета. Речь идет о повести Брюсова «Последние страницы из дневника женщины».

² Пешехонов Алексей Васильевич (1867—1934) — публицист-народник, впоследствии министр Временного правительства, белоэмигрант. Статья его о В. В. Розанове «Бесстыжее светило, или избалованный двурушник» («Русские ведомости», 1910, № 278, 2 декабря) вызвана появлением статьи П. Б. Струве о Розанове (см. примечание 2 к письму 14) и ответной статьи Розанова. «До сих пор г. Струве, — писал Пешехонов, — „считал своим долгом“ не закрывать перед г. Розановым страниц редактируемых им изданий, но отныне он решительно отказался иметь „литературное сотрудничество“ с этим „выделительным аппаратом“». Прочитывая дальше то место из статьи Струве, где последний пытался оправдать собственную беспринципность («Почему в развитии идей у каждого писателя может быть только один перелом, почему в его идейной линии может быть только прямой подъем в ту или другую сторону и не может быть спуска, — словом, почему его духовная линия не может быть „кривой“?»), Пешехонов иронизировал, намекая на ренегатство бывшего марксиста Струве: «Может быть и кривой... Г. Струве, — повторяю, — это по собственному опыту знает».

³ Эпиграф Розанова к своему ответу на статью Струве: «Разница между „честной прямой линией“ и лукавыми „кривыми“, как эллипсис и парабола, состоит в том, что по первой летают вороны, а по второй движутся все небесные светила» (В. Розанов. Литературные и политические афоризмы. «Новое время», 1910, № 12467, 25 ноября). «Я не знаю, откуда г. Розанов взял приведенное изречение, чтобы поставить его эпиграфом над своим ответом, — язвительно говорил в своей статье Пешехонов. — Возможно, что он взял его из собственных „выделений“ (пользуюсь терминологией «Русской мысли»), но, может быть, он нашел его в „творениях“ г. Струве. Последний тоже ведь движется по „кривой“, и не раз уже ему приходилось аргументировать закономерность такого пути для писателя».

6 января 1911.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

1) Благодарю Вас за установление размеров моего гонорара. Меня смутило то, что Вы увеличили некоторые из предложенных мною норм, но, конечно, если Вы не думаете, что

это обременит «Русскую Мысль», я могу только быть Вам признательным. И все же в одном случае, рискуя впасть в комическое положение, я хотел бы с Вами не согласиться. Это в вопросе о гонораре за стихи. В переговорах с поэтами я решительно (исключение составил один Сологуб) отказывал им в гонораре по 1 р. за стих. Поэтому мне неудобно согласиться на такой гонорар и для себя. Кроме того, этот гонорар, возвышающий цену страницы до 25 р., делает затруднительным помещение сколько-нибудь значительного числа стихов. Позвольте мне и другим поэтам предлагать за стихи гонорар меньший и самому получать меньший. Не такая драгоценность стихи и не так их трудно писать, чтобы ценить их свыше меры.

2) Кстати еще о стихах. Мне казалось неудобным помещать в февральской книжке свои стихи потому, что в ней будет помещена моя статья. Мне и вообще кажется не совсем уместным помещать в одной книжке два произведения одного автора, и в частности не хочется давать слишком много своих вещей, чтобы не сказали, что я пользуюсь своим положением в «Русской Мысли» в ущерб другим. Если же Вам эти соображения кажутся неправильными и если Вы хотите, чтобы в феврале были мои стихи, я могу дать стихотворение «Моисей», написанное недавно и, на мой взгляд, интересное. Но, право, не лучше ли отложить его до одной из следующих книжек?

3) Рассказы прислали сразу двое: и гр<аф> Толстой и Ремизов. Я еще не успел прочесть ни того ни другого (рукописи только что пришли, а я спешу послать это письмо по поезд). Просмотрев наскоро, видел, что рассказ Толстого из современной жизни и, кажется, вполне приемлем. Его, конечно, надо назначить на февраль.¹ Рассказ Ремизова — апокриф на тему о Рождестве Христовом. В манере наивного повествования, рассказывается, как Иосиф и Мария бежали в Египет, как попали в «ясли» и т. под. Не совсем уверен я, что рассказ приемлем. Но если бы было так, не следовало ли бы и его поместить в феврале же? Книжка эта «ответственная», и две вещи как-никак с «именами» в ней были бы очень уместны. Кстати оба рассказа весьма невелики: Толстой немногим больше листа, Ремизов — меньше листа.

4) Я получил запрос от Бальмонта относительно его египетских статей. Случилось ли Вам их рассмотреть и пришли ли Вы к какому-либо решению относительно них? Я в ответ послал ему тоже запрос, прося объяснить мне, на каких

источниках основаны его статьи, особенно статья о египетской литургии.

5) Вы, будучи в Москве, предлагали «Материалы» ставить постоянно на определенное место: именно непосредственно перед «Обзорами».² Следует ли держаться этого правила уже в феврале? Кстати говоря, сегодня в «Речи» хватают «Материалы» январской книжки.³

6) Де ла Барт доставил свою рецензию.⁴ В ней немногим больше страницы. Он тоже просит высылать ему «Русскую Мысль». Не установить ли общие правила о том, кто имеет право на бесплатное получение журнала?

Ваш

Валерий Брюсов.

¹ Рассказ А. Н. Толстого «Туманный день» напечатан в «Русской мысли» (1911, № 2). По поводу этого рассказа Брюсов писал Струве в непубликуемом письме от 25 января 1911 г.: «Рассказ Толстого, конечно, не очень хорош. Но сейчас Толстой самый видный из молодых беллетристов. Нам очень полезно дать его вещь, как подписанную видным именем писателя, о котором много говорят. Кроме того, он уже настолько на примете, что даже его неудачи уже интересны. Разумеется, второй раз я уже не удовольствуюсь каким-либо его рассказом, но буду требовать хорошего. Первый его рассказ («Родные места», — А. М.), взятый им обратно, был еще слабее». Брюсов ценил талант молодого автора. В обзоре «Новые сборники стихов» («Русская мысль», 1911, № 2) он дал высокую оценку книги Толстого «За синими реками».

² Речь идет об отделе «Русской мысли» — «Материалы по истории русской литературы и культуры». «Обзоры» же входили в состав отдела «В России и за границей».

³ См.: «Речь», 1911, № 4, 5 января, «Литературная летопись».

⁴ Де ла Барт Фердинанд Георгиевич (1870—1915) — историк западноевропейской литературы. В «Русской мысли» (1911, № 2) помещена его рецензия на книгу М. Н. Розанова «Ж. Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в.» (т. I, М., 1910).

8 января 1911.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

1. Вот мои соображения о статье о Авсонии.¹ По новому подсчету (А<лександр> П<авловны>), в ней 2 л. 13 пол<иметров>. Надо решить, можно ли ее напечатать целиком или допечатать непременно разделить на две части. Если можно напечатать целиком, ее можно отложить на март (относящиеся же к ней переводы поместить или тоже в марте или в апреле). Если же ее непременно надо разделить на две части, мне кажется, лучше это сделать в феврале и марте,

а не в марте и апреле, по причине существования статьи Марии Веселовской. Статья эта (о Роденбахе), *принятая до меня*, трижды автором по требованию редакции переделываемая и сокращаемая, уже была набрана для декабря, но была вынута, чтобы дать место статьям о Толстом. Мне кажется несправедливым заставлять ждать Веселовскую дольше, чем до апреля, помещать же ее статью о Роденбахе одновременно с моей о Авсонии мне представляется неудобным: все же та и другая — биографии писателей, хотя бы и разделенных пятнадцатью столетиями. Наконец, помещать статью Веселовской вперед мне тоже не хотелось бы, ибо она достаточно бесцветна и шаблонна. Итак, вопрос сводится к тому, можно ли в марте поместить целиком статью почти что в 3 листа.

2. Де ла Барт свою рецензию, как я Вам писал, доставил. Она, кажется, лишена всякого личного характера и к Розанову² относится весьма доброжелательно, хотя кое в чем и критикует его книгу. Во всяком случае, если и есть в рецензии что-либо подлежащее устранению, это легко будет сделать в корректуре, ибо не превысит нескольких слов или строки.

3. Яцимирского³ я знаю по университету. Знаю, что потом случилась с ним прискорбная история: именно (кажется, все это достаточно удостоверено), был он в Болгарии уличен в похищении рукописей из одного музея, судим и приговорен к тюрьме. Разумеется, все это не имеет отношения к достоинству его статей, во-первых, было «заглажено» (пишу в кавычках) впоследствии серьезными работами, во-вторых, и, может быть, было вызвано целями научными, а не корыстными, в-третьих. Сообщаю же я это Вам потому, что Вы пишете: «Яцимирского я не знаю». Что же касается его статей по польской литературе, то я их, хотя и бегло, но просмотрел. Написаны они плохо, весьма мало интересны для читателей и касаются, кроме одной, поэтов, о которых не следовало бы говорить, как о писателях, незаслуженно выдвинутых модернистической критикой. По Вашему указанию, ссылку на Загорского (которому, конечно, не надо придавать больше значения в «Русской Мысли», чем сколько он имеет) я уничтожу и статьи рассмотрю еще раз. Уверен, что они все же окажутся неподходящими.

3.⁴ О материалах для биографии Добролюбова я снесусь с Венгеровым.⁵ Но не совсем понимаю, причем тут Аничков и его предисловие к ним?

4. Г-жа Лепешкина очень просит вернуть ей роман Рильке, который находится у Вас. Его можно прислать в ред<акцию> «Русс<кой> Мысли», так как она живет в том же доме.

5. Вы назначили для февраля статью Штейнберга о немецкой эстетике.⁶ Я ее еще не читал, но буду очень рад, если она хороша. Этот Штейнберг принес в ред<акцию> свои стихи, которые оказались весьма плохими. Поговорив с ним, я узнал, что он занимается философией. Тогда я посоветовал ему лучше писать статьи по своей специальности, чем никому ненужные стихи. Если опыт его окажется удачным, я буду гордиться тем, что хоть одного человека направил на правый путь. Пишу это, между прочим, и затем, чтобы Вам были известны мои отношения к этому Штейнбергу.

6. Сегодня был у меня Умов, переводы которого из Омара Хайама⁷ (сделанные с *подлинника*) были *приняты* Айхенвальдом⁸ или Лурье, не знаю точно кем. Я предложил ему кое-что в этих переводах исправить и думаю назначить их для одной из ближайших книжек: лучше дельные переводные стихи, знакомящие читателей с малоизвестными им поэтами, чем переливание из одного сосуда в другой старого содержимого, чем последние годы занимаются и Блок, и Сологуб, и чуть ли не все наши поэты, не говоря уже о Бальмонте.

7. Г-жа... г-жа... (забыл ее фамилию, сообщу в следующем письме), уже писавшая не раз в «Русской Мысли», прислала ряд маленьких рассказиков, по счастью, не совсем «стихотворений в прозе», но размерами не больше.⁹ Хотя это и не великие создания, но я думаю, что некоторые из них можно напечатать: эту г-жу читают охотно, рассказами ты не очень богаты, а данные все же не плохи.

8. А «апокриф» Ремизова я думаю *не* печатать. Его содержание таково. Иосиф с Марией едут в Вифлеем. Едут в санях. Зима. Сивка спотыкается. Марии пришло время. Ее поместили в конюшне, Иосиф пошел по ближним деревням искать бабу. . . И т. д. Евангельский сюжет, рассказанный как бы русским рассказчиком XVII века. Кажется мне, что это никому не нужно, да и надоела «стилизация», довольно ее! Полагаю, что рассказ был написан Ремизовым для «рождественского» № какой-либо газеты, но там не был принят и потому попал к нам. . . Ремизов скоро будет в Москве, я его увижу и дружественно верну ему рукопись. Пусть даст обещанный «Галстук».

9. Анна Валент<иновна> сообщила мне о перемене в моем редакторском гонораре.¹⁰ Вне всяких фраз, я этим смущен, ибо работа моя пока была весьма скромной. Но очень благодарю Вас за внимание.

Ваш
Валерий Брюсов.

¹ Авсоний (Авзоний) Децим Магнус (ок. 310—395) — римский поэт и ритор. Будучи христианином, в своих произведениях следовал традициям античной языческой культуры. Статья Брюсова «Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония», а также переводы Брюсова «Из стихов Децима Магна Авсония» напечатаны в «Русской мысли» (1911, № 3). В неопубликованном письме от 9 января 1911 г. Брюсов писал Струве: «Не смотря на ученую внешность статьи, на ссылки из латинских авторов, полагаю, что она будет читаться легко и будет интересна самым „широким кругам“. Мне же самому эта статья очень дорога, как результат многолетних работ».

² Розанов Матвей Никанорович (1858—1936) — историк западной литературы, с 1921 г. — академик (см. примечание 4 к письму 20).

³ Яцимирский Александр Иванович (1870—1925) — историк литературы. В 1911—1912 гг., во время заведования Брюсова отделом беллетристики и критики «Русской мысли», статьи Яцимирского в журнале не появлялись.

⁴ В письме по рассеянности цифрой 3 занумерованы два рядом стоящих пункта.

⁵ Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — историк литературы и библиограф.

⁶ Статья А. Штейнберга «Различные течения в новейшей немецкой эстетике» напечатана в «Русской мысли» (1911, № 2).

⁷ Хайям (Хайям Омар, ок. 1040—1123) — иранский поэт, философ и математик, классик также и таджикской литературы. Излюбленная форма его стихотворений — рубаи (четверостишия). Переводы А. Н. Умова напечатаны в «Русской мысли» (1911, № 8). Брюсов писал Струве об Умове в неопубликованном письме от 15 марта 1911 г.: «Близость его переводов к подлиннику засвидетельствована профессором Крымским».

⁸ Айхенвальд Юлий Исаевич (1872—1928) — критик-импрессионист, сотрудник «Русской мысли» и других кадетских изданий; после Октября — эмигрант.

⁹ Толмачева М. Л. Цикл «Светлый лик. Маленькие рассказы» напечатан в «Русской мысли» (1911, № 6).

¹⁰ Струве назначил Брюсову жалованье в сумме 200 руб. в месяц.

Многоуважаемый
Петр Бернгардович!

Сейчас получил Ваше письмо от 7 I и, конечно, приму все во внимание, что Вы пишете. Ремизова, как я Вам писал, я думаю не печатать. А так как расск<аз> Толстого мал,¹ то думаю дать ему в товарищи рассказ Кондратьева «Голова

Медузы»² — вещь тонкую, но немного экзотическую (сюжет — античный миф). Свои стихи также дам. Статьи о украинской лит<ературе> еще не получил.³ Странно, что критики видят в моей повести намеки на Тарновскую (это уже не первый): я лично не признаю никакого сходства!⁴ И. Александровский мой давний неприятель, но критика его, хотя и бранная, не вредная: она скорее возбуждает желание прочесть повесть.

Ваш

Валерий Брюсов.

¹ Рассказ «Туманный день» (см. примечание 1 к письму 20).

² См. примечание 7 к письму 12.

³ Статья «Украинская литература в 1910 г.» напечатана в «Русской мысли» (1911, № 4). Автор ее — Михаил Михайлович Могиланский (1873—1944) — критик, публицист, драматург и переводчик. В письме от 16 марта 1911 г. Брюсов писал Струве: «Статья Могиланского кажется мне весьма мало содержательной; я украинской литературы не знаю, но кажется мне, что статья написана очень партийно и намеренно умалчивает о „новаторах“, как Филянский, Чупринка и др. И крайне бедной оказывается по этой статье украинская литература!».

⁴ В 1910 г. за границей, в Италии, слушалось громкое дело Марии Николаевны Тарновской (урожд. графини О'Рурк). Ее жених, граф Павел Комаровский, застраховавший свою жизнь в полмиллиона франков в пользу Тарновской, был убит любовником последней, юношей Наумовым, вдохновителями же убийства были Тарновская и второй ее любовник, адвокат Донат Прилуков. В повести Брюсова «Последние страницы из дневника женщины» усматривали сходную ситуацию.

⁵ Александровский Измаил Владимирович, журналист.

23

10 января 1911.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Когда я перечитал те свои стихи, о «Моисее», которые хотел дать для февраля «Русской Мысли», меня взяло сомнение, хороши ли они? не слишком ли риторичны? не фразы ли это вместо поэзии? Поэтому посылаю их Вам. Не откажитесь прочесть эти немногие строфы и скажите мне, конечно, вполне откровенно, и даже со всей строгостью, надо ли их печатать.¹ Против обыкновения, я что-то не могу в этом случае быть своим собственным критиком. Иногда мне кажется, что это достойный pendant* к «Моисею» Альфреда де Виньи,² а иногда, что это только подражание «Микель-Анджело»³ Мережковского. Буду ждать Вашего ответа, как суда чита-

* Соответствие (франц.).

теля, и верьте, каков бы он ни был, буду за него весьма благодарен.

Маленькие поправки в стихах я еще намерен сделать, но они, конечно, не изменят общего тона.

Ваш всегда
Валерий Брюсов.

¹ В «Русской мысли» стихотворение Брюсова «Моисей» не появилось. Включено автором в сборник стихотворений «Зеркало теней» («Скорпион», М., 1912).

² Виньи де Альфред (1797—1863) — французский поэт-романтик.

³ Здесь у Брюсова обмолвка. Его стихотворение «Моисей» и стихотворным ритмом, и строфической своей формой, и образом героя напоминает не «Микель-Анджело» Мережковского, а другое стихотворение того же автора — «Леонардо да Винчи» (Д. С. Мережковский. Новые стихотворения. СПб., 1896, стр. 15—16, 28—31).

24

1911. Письмо 5-ое (не считая маленьких).

13 января.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Я решил сделать маленькие перемены в беллетристической части февральской книжки.

1. Рассмотрев ближе рассказ Кондратьева, я нашел его все же слишком «экзотическим» для начала года. Ввиду моего участия в редакции, нам «всякое лыко» в этом отношении поставят в строк. В рассказе бюст Медузы¹ рассказывает герою свою историю, т. е. историю Медузы и ее любви с Посейдоном.² Так как и в рассказе А. Толстого тоже оказался элемент фантастического (герой — на границе помешательства), то мне показалось лучшим заменить рассказ Кондратьева случившимся под рукой рассказом Петровской, совершенно реалистическим (это не тот ее рассказ, который был мною принят раньше, а другой).³ По размерам оба рассказа одинаковы: страниц 7—8.

2. А так как в общей сложности всего беллетристического материала оказалось в февральской книжке меньше 10 листов, я прибавил еще маленький рассказ, переведенный с французского, «Встреча» Т. Ласкариса.⁴ Эта «недостача» произошла потому, что в предварительном подсчете рассказ Толстого предполагался гораздо большим, листа в 2, а также предполагалось, что большими будут и переводы из Даудендея. Рассказ Ласкариса тоже реалистический, место его действия — Батавия, герой — старый моряк, «грубый, но с пре-

красной душой»: тип весьма и весьма не новый, но вновь изображенный тонко и изящно. Как «чтение», рассказ очень хорош, а чтения читатели от нас ждут больше многого другого. Рассказ совершенно новый и взят мною из ноябрьской книжки журнала «La Nouvelle Revue Française».*

Сделал я эти перемены потому, что согласно с Вами считаю февральскую книжку очень ответственной, влияющей на подписку. Да и вообще первые книжки после тех реформ, хотя бы и небольших, которые были произведены, обратят на себя несколько более усиленное внимание, и я считаю нужным при их составлении быть особенно осторожным. Кроме того, в мартовской книжке отдел рассказов уже предreshен, так как обещано Н. Киселеву поместить его рассказ,⁷ который был принят С. В. Лурье с определенным обещанием поместить не позже (кажется) сентября 1910 г.

3. Свою статью о Авсонии я считаю окончательно перенесенной на март и постараюсь одновременно со статьей напечатать и переводы, которые, мне кажется, могут идти не вместе со статьей, а отдельно, в начале книжки, где обычно помещаются стихи. Мне именно хотелось бы, чтобы они были приняты не как иллюстрации к биографии, а как самостоятельные художественные произведения. Но, конечно, говоря об этом, я забегаю вперед.

4. Для февральской книжки я дал давно обещанный разбор новых сборников стихов. Получилась статейка страниц в 6—7. Но ведь в ней разбирается шестнадцать книг и говорится более, чем о двадцати поэтах. И так о многих пришлось говорить всего в двух-трех строках.

5. Я хотел бы для обзоров дать еще две заметки: Дж. Амендолы о Вайлати, о которой я писал Вам,⁶ и свою о новом издании Агриппы.⁷ Вероятно, для второй уже не найдется места. Первая же собственно не относится к моей области. Вайлати был философ, «прагматист до прагматизма», и Амендола, оказывается, именно говорит об нем как о философе. Так как статья невелика (стр. 4—5), то я все же дам ее набрать (рукопись слишком исчерчена моими поправками), и уже в корректурах Вы решите, печатать ли ее.

6. Я еще не получил Вашего ответа относительно своих стихов. Сам я думаю, что лучше «Моисея» не печатать. Вместо него я дал бы в февраль несколько своих переводов из Поля Верлена,⁸ переводов, которыми я горжусь, как некоторого

* «Новое французское обозрение» (франц.).

рода *tour de force*.^{*} Сообщите, пожалуйста, кажется ли Вам это подходящим.

7. Как Вы знаете, арест с декабрьской книжки снят окончательно. Можно ли мне, уместно ли это, стоит ли, написать маленькую защитительную речь в защиту своей повести? Мне все-таки хотелось бы снять с себя обвинение в порнографии, которое я считаю решительно несправедливым и неосновательным. Конечно, эту речь я прислал бы сначала на Ваш просмотр.

8. А. Элиасберг пишет мне, что высылает статью о немецкой литературе.⁹ К. Чуковский обещает к марту доставить статью о Шевченко.¹⁰ Аничкову напишу.

Очень надеюсь, что Ваше нездоровье не помешает Вам работать. Время, как говорится, горячее, подписка идет хоршо, «Русской Мыслью» интересуются, есть все возможности завоевать читателей, и было бы жалко их упустить.

Ваш

Валерий Брюсов.

¹ Медуза — в греческой мифологии одна из трех сестер-горгон, с волосами-змеями, от взгляда которых люди превращались в камень.

² Посейдон — в греческой мифологии бог морей.

³ Ранее принятый рассказ — «Предутренние тени», напечатан в «Русской мысли» (1911, № 9); другой — «На озере» (1911, № 2). В неопубликованном письме к Струве от 25 января 1911 г. Брюсов сообщал: «Неважен и рассказ Петровской, и она сама очень огорчалась, что впервые выступит в „Русской мысли“ с такой вещью. Другой ее рассказ, находящийся в редакции («Предутренние тени» — А. М.), гораздо значительнее и тоньше. Но моя литературная репутация, в связи с указанием наших объявлений, что я „принимаю ближайшее участие“ и т. д., побуждала меня, в первых №№, дать вещи, решительно чуждые всякого „экзотизма“. В другом рассказе Петровской, напр<имер>, говорится о морфинистах, поминаются „залетейские поля“ и т. под. Рассказ Кондратьева — полнейший экзотизм, и будирующие подписчики (есть такие и пишут в редакцию письма) непременно спросили бы: на что нам нужны приключения какой-то там нимфы? Рассказ кстати так мал, что его легко дать в любом №, и я его предлагаю для марта».

⁴ Рассказ Теодора Ласкариса в переводе Б. Р<унт> напечатан в «Русской мысли» (1911, № 2).

⁵ См. примечание 18 к письму 10.

⁶ Амэндола Дживованни (1886—1926) — итальянский философ и переводчик. Вайлати Дживованни (1863—1909) — итальянский философ, социолог, математик, историк наук. Статья о нем Дж. Амэндолы напечатана в «Русской мысли» (1911, № 4). В неопубликованном письме от 9 января 1911 г. Брюсов писал о ней П. Струве: «Статья доставлена мне из Италии (я лично знаю этого Амэндолу) прямо с русским переводом».

* Верхом ловкости (франц.).

⁷ Агриппа Корнелий Генрих Неттесгеймский (1486—1535) — немецкий писатель, врач, философ, ученый, близкий к гуманистам. Занятия его магией вызвали ряд легенд о нем. Личность Агриппы очень интересовала Брюсова, который вывел его в своем романе «Огненный ангел». Статья Брюсова «Агриппа Неттесгеймский», о которой идет речь в письме, напечатана в «Русской мысли» (1911, № 2). Она содержит разбор двух работ: 1-го тома трактата Агриппы «О сокровенной философии» (Париж, 1910), переведенного с немецкого на французский язык, и критико-биографического очерка Жозефа Орсье «Агриппа Неттесгеймский. Знаменитый искатель приключений XVI в.» (из журнала «La Revue des Idées» от 15 сентября 1910 г.). Этот очерк впоследствии был издан в переводе с французского Б. Рунт, под редакцией с введением и примечаниями В. Брюсова, с приложением трех статей редактора (М., 1913).

⁸ Верлен Поль (1844—1896) — французский поэт, один из предшественников символизма. Брюсов был одним из первых переводчиков Верлена на русский язык. В «Русской мысли» (1911, № 2) напечатано семь стихотворений Верлена в переводе Брюсова.

⁹ Статья Элиасберга «Немецкая литература в 1910 году» напечатана в «Русской мысли» (1911, № 3).

¹⁰ Статья «Шевченко» напечатана в «Русской мысли» (1911, №№ 4 и 5).

25

Письмо 7-ое.
18 января 1911.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

1) Как Вы знаете из письма А<лександр> П<авловны>, февральская книжка разрослась непомерно: в ней уже что-то около 30 листов. Необходимо добиться, чтобы авторы писали короче. Конечно, я сам повинен, написав статью в 2 с чем-то листа, но во-первых, это единственная среди многих коротких, а во-вторых, в ней резюмированы суждения целого десятка книг.¹ Между тем статья, напр<имер>, Щепетева (в общем интересная и легкая) могла бы быть чуть не вдвое короче без ущерба для своего содержания;² также и статья Морозова о его летании.³ Особенно же надо добиться, чтобы короче писались статьи, назначенные для «Обзоров»; нельзя в этом отделе печатать такие же статьи, как в отделе общем: тогда они будут отличаться лишь шрифтом. Что до меня, то, ведя переговоры с авторами, я очень строго указываю им предельные размеры статей. Нельзя ли установить для статей «Обзоров»⁴ максимум в 8—10 столбцов (4—5 страниц), допуская, конечно, в важных случаях исключения? Нельзя ли также сокращать статьи в редакции? Я с величайшей охотой делал бы это, и делал бы осторожно, не искажая статьи, только бы было разрешение автора или общее на этот счет правило, которому должны были бы подчиняться все.

2) Помните ли Вы Карпова? Ремизов говорил мне, что имел с ним сношения и вынес самое дурное впечатление. Гр<аф> Толстой даже ставил в связь с посещением его Карповым произведенный у него обыск и свой арест: но, кажется мне, это уже излишнее преувеличение.

3) Я дал А<лександре> П<авловне> свою статью о Агриппе; она — маленькая, но все же я не знаю, как ее пристроить еще в феврале. Она была бы, однако, там уместной, потому что в феврале совсем почти нет статей по иностранной литературе.⁵

4) Следует ли точно следовать указанному Вами порядку верстки? и почему бы не поместить «Материалы» на постоянном месте, перед «Обзорами»? Ведь этому в февральской книжке ничто не препятствует.

5) Я послал Вам отзыв о рассказе Петровской потому, что я с ней в дружеских отношениях и боюсь не быть беспристрастным в своем суждении о ее произведениях. Мне кажется, что она заслуживает поощрения и может стать хорошим писателем, но мне всегда хочется проверить свое суждение — чужим. Рецензия в «Русских Ведомостях» (кажется, ее писал Н. Эфрос) говорила лишь о сюжете рассказа,⁶ весьма обыкновенном, но смысл рассказа в его обработке. Так как уже зашел об этом разговор, посылаю Вам еще один отзыв о том же — из «Русского Слова».⁷ Раньше я принял другой рассказ той же Петровской (которому теперь придется, конечно, дожидаться своей очереди несколько месяцев), который гораздо лучше данного, но и гораздо «экзотичнее», а потому менее пригоден для первых книжек.⁸

6) Мне трудно было бы написать свой ответ на арест книжки за мою повесть еще к февральской книжке. Хотелось бы этот ответ обдумать, чтобы он был не только защитительной речью, но и имел бы общее значение. Может быть, даже мне удалось бы сделать из этого ответа маленькое *profession de foi*, * которое вообще изложило бы мои теперешние взгляды на задачи поэзии и на обязанности писателя, взгляды весьма отличные от тех, которые мне приходилось высказывать раньше. Вот почему я предпочел бы писать этот ответ не торопясь, не ранее как к марту.

7) Рассказ Тырковой получил.⁹ Прочту в ближайшее время.

8) Г-жа Благовещенская прислала перевод рассказа (не

* Изложение убеждений (франц.).

маленького) какого-то скандинава Фалькенберга.¹⁰ Оригинал уже вышел в 1907 году третьим изданием. В этом уже мне видится внешний повод, чтобы перевод отклонить. Все же прочту его и рассмотрю «по существу».

9) Я просил послать Вам первый том предпринятого Саблиным издания «Полного собрания сочинений» Клары Фибих. Почти несомненно он издаст в скорости и перевод романа, намеченного Вами к переводу.¹¹

Ваш
Валерий Брюсов.

¹ Статья Брюсова «Новые сборники стихов» («Русская мысль», 1911, № 2) содержит критический разбор шестнадцати сборников стихотворений разных авторов.

² Статья заграничного корреспондента «Русской мысли» А. Щепетова «Диффузия. Письмо из Франции» («Русская мысль», 1911, № 2). В 1912 г. Щепетов напечатал в «Русской мысли» (№ 8) клеветническую статью «Русские в Париже», вызвавшую возмущение В. И. Ленина. Ленин выступил в «Правде» (5 сентября 1912 г.) с гневной статьей «Единение кадетов и нововременцев», в которой писал: «Вышла 8-ая книжка „Русской мысли“. Этот журнал редактирует кадет Струве, и пишут там кадеты Изгоев, Северянин, Галич и мн. др.

«Г-н А. Щепетов помещает здесь под названием „Русские в Париже“ грязный черносотенный пасквиль на революцию и революционеров» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 296).

³ Статья Н. А. Морозова «Полет на воздушном шаре» («Русская мысль», 1911, № 2).

⁴ В отделе «В России и за границей».

⁵ См. примечание 7 к письму 24.

⁶ В «Русских ведомостях» (1911, № 11, 15 января), в безымянной заметке «Вечер литераторов», дано краткое изложение сюжета рассказа «На озере», прочитанного автором — Н. И. Петровской в Литературно-художественном кружке.

⁷ Заметка Сергея Яблоновского «Зрелище» о том же вечере литераторов с упоминанием о выступлении Петровской: «Очень симпатичное впечатление произвела г-жа Нина Петровская как серьезной простотой передачи, так и серьезной простотой переданного» («Русское слово», 1911, № 12, 16 января).

⁸ Речь идет о рассказе Н. Петровской «Предутренние тени» («Русская мысль», 1911, № 9).

⁹ Повесть Тырковой (в замуж. Борман) Ариадны Владимировны «Оторванный» напечатана в «Русской мысли» (1911, № 3). Брюсов одобрил ее.

¹⁰ Фалькбергер Йухан Петер (род. 1879) — норвежский писатель, выходец из рабочей среды, член норвежской рабочей партии. Перевод его рассказа в «Русской мысли» не появлялся.

¹¹ Клара (1860—1952) — немецкая писательница, разрабатывавшая общественные темы (женская эмансипация, воспитание, классовое расслоение крестьянства и т. д.). В «Русской мысли» (1911, №№ 3—8) был напечатан ее роман «Город надвигается» в переводе Ф. О. Эльяшевич. Собрание сочинений Фибих было издано В. М. Саблиным (М., 1911—1912).

В годы гитлеровской диктатуры сочинения Фибих были запрещены в Германии.

Брюсов писал Струве 15 марта 1911 г.: «Нравится ли Вам роман Деларю-Мардрюс? Мне кажется, что он очень уместен рядом с романом Фибих. Один из них — роман „общественный“, другой — резко субъективный. Один — эпический, другой — лирический. Они как бы дополняют друг друга и вносят в журнал желательное разнообразие».

26

Письмо 8-ое.
30 января 1911.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

1. У меня на столе лежат 27^{1/2} листов февральской книжки уже сверстанных. Ожидается еще не менее двух листов. Итак, всего будет, со вступительным полулистом, 30 листов. Не слишком ли это много? Пересматривая книжку, однако, затрудняюсь сказать, что можно было бы отложить. Разве все тот же злополучный «Ботанический сад», статью очень легкую и приятную в чтении, но, конечно, «терпящую отлагательство».¹ В «Обзорах» лично мне приятно встречать мысли, которые я всецело разделяю: у кн<язя> Трубецкого² и у Изгоева.³ Но думаю, что Гефдинг⁴ и особенно Быстренин⁵ могли быть еще короче. В библиографии я еще смягчил несколько выражений у де ла Барта, после того как у меня был М. Н. Розанов и сообщил, что они с де ла Бартом решительно в дурных отношениях. Впрочем рецензия написана вполне корректно.

2. А. А. Кизеветтер рассмотрел письма Победоносцева и выбрал из них: из писем к брату около 100 стр. (печатных), из писем к матери около 20 стр. и еще около 30 стр., любопытных, но представляющих цензурные затруднения. Кроме того, он предлагает приобрести полностью письма отца Победоносцева, около 120 стр. (печатных), говоря, что то из них, что не будет использовано «Русской Мыслью», он приобретет в свою личную собственность. Письма отца, касающиеся 1812 года, естественно отложить до 1912 года. Остается все же, по моему подсчету (конечно, очень приблизительному), около 120 стр. предлагаемых к приобретению, т. е. свыше 7 листов. Разумеется, «Русская Мысль» не будет иметь возможности использовать все это количество материала. Поэтому, мне кажется, можно гарантировать владельцу писем, Николаеву, тот минимум, на котором он настаивал, кажется 3^{1/2} листа.

3. Надо, наконец, решить что-либо относительно романа Абельдяева (помните ли такой?). Всего в нем будет не менее

пятидесяти печатных листов... Но все дело в том, что в романе много хорошего. Он, бесспорно, уже устарел, так как автор писал его (начало) еще в 90-х, чуть ли не в 80-х годах. В нем те настроения, те «искания», которые характерны для части нашего общества того времени, но теперь кажутся анахронизмом. В нем очень много от Достоевского, из его «Записок из подполья», что было очень остро в 90-х годах, но теперь весьма приелось. В целом роман читается трудно, нудно, в нем почти нет действия, все длинные рассуждения на трудные темы, о христианстве, о красоте, о счастье, о последней цели и т. д., занимающие десятки страниц... И при всем том роман талантлив, роман хорош! Я хочу предложить автору напечатать (в 1912 году!) первую часть романа, с сокращениями и без обязательства печатать дальше. Понравится он читателям и критике, — будем печатать дальше; не понравится, — остановимся на первой части. Что Вы думаете об этом моем плане?⁶

3. С. А. Венгеров был в Москве и предлагал еще раз для «Русской Мысли» материалы из бумаг Добролюбова. Редактором он рекомендует Аничкова, который эти бумаги разобрал и изучил. Он может дать к октябрю (кажется, это — юбилейный месяц) до 4-х листов и желает получить (кажется, в пользу Литературного фонда) по 100 р. с листа.⁷

4. Кстати об Аничкове. Он согласен реферировать ту книгу, о которой Вы говорите,⁸ и просит прислать ее ему (В. О., 6 линия, д. 39).

5. Жду Вашего ответа относительно состава мартовской книжки.

Ваш

Валерий Брюсов.

¹ Статья М. П. Нагибиной «Королевский ботанический сад в Кью» напечатана в «Русской мысли» (1911, № 2).

² Трубецкий Евгений Николаевич (1863—1919) — профессор философии права, один из постоянных сотрудников «Русской мысли». Статья его «Над разбитым корытом» напечатана в журнале (1911, № 2).

³ Статья А. С. Изгоева «Политическая жизнь России» напечатана в «Русской мысли» (1911, № 2).

⁴ Статья В. Ф. Гефлинга «Экономическая жизнь России» напечатана в «Русской мысли» (1911, № 2).

⁵ Быстрин Владимир Порфирьевич (род. 1856) — беллетрист и публицист. Статья его «Отношение деревни к закону 9 ноября» напечатана в «Русской мысли» (1911, № 2).

⁶ См. примечание 9 к письму 16.

⁷ Материалы из бумаг Добролюбова в «Русской мысли» в 1911 — 1912 гг. не публиковались.

⁶ Из письма Струве к Брюсову от 9 января 1911 г. видно, что речь идет о книге немецкого филолога Бруно Барта «Любовь и брак в старо-французском фавлю и в средневерхненемецкой новелле» (Берлин, 1910). Статьи Е. В. Аничкова об этой книге в «Русской мысли» не появлялось

27

14 февраля 1911.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Читали ли Вы бранную статью против «Русской Мысли» в «Голосе Москвы»?¹ Конечно, это одно из тех изданий, с которыми считаются мало, но статья все же дает повод для некоторых соображений. Я увидел из нее, как разумно поступил я, воздерживаясь в первых №№ от сколько-нибудь резких вещей. Если теперь, при всей скромности материала, выбранного мною для «Р<усской> М<ысли>», возможны такие нападки, что же было бы, если бы мы были «смелее»? Если бы вместо помещенного рассказа Петровской, довольно бесцветного, но зато вполне корректного, я предложил еще другой рассказ (находящийся в редакции), гораздо более сильный и гораздо более художественный, но один из героев которого — эфироман?² если бы вместо своей «психодрамы»,³ кажется мне, благопристойной (кстати: она скоро появится по-немецки), но ничем особенно не замечательной, я дал бы свою поэму «Подземное жилище», оставленную мною для «Северных цветов»,⁴ где речь идет обо всех формах «греха»? если бы я отважился рекомендовать Вам присланный мне рассказ Ремизова, за отвержение которого меня недавно зло упрекал Вяч. Иванов,⁵ рассказ, в котором богородица едет в Вифлеем на санях? если бы мы начали год не этими стихами Сологуба,⁶ в которых только целомудрие «Голоса» могло усмотреть непристойность, а другими его стихами, которые ему самому желательно было напечатать, на его излюбленную тему — полусадическую? и т. д., и т. д.? Нет, видно, надо быть еще осторожнее и, что же делать, временно жертвовать даже хорошими вещами, «чтоб гусей не раздразнить».⁷

Я еще не видел Д<митрия> Е<вгеньевича>, вернувшегося из Пб., и жду, что Вы прислали с ним какие-либо поручения. Вчера отдал верстать свою статью о Авсонии, но при всем добром желании почти ничего не мог в ней сократить. Когда Вы ее прочтете, Вы увидите, что все в ней написано «на выдержку», как говорил Пушкин. За пределами статьи осталось еще многое, что хотелось бы сказать о Авсонии, его жизни и его веке. . . Не слишком ли популярно изложены иные

места? Очень трудно было определить, что читатели в этой области знают, что нет. Страшно было подымать вопросы специальные, и страшно было впасть в тон учебника. Не знаю, насколько я нашел желанную среднюю дорогу. Число переводов я увеличил, доведя их ровно до 6 стр. Просмотрите их, пожалуйста, также и сообщите, не усмотрят ли в иных из них также излишнюю античную откровенность, как я ни избегал этого. Тогда я могу некоторые эпиграммы заменить другими. Самому мне судить тоже трудно.

Элиасберга я также сдал в набор. Кажется, его обзор достаточно серьезен и обстоятелен.⁸

Л. Гуревич, как Вы знаете, доставила (через Вас?) половину своей статьи.⁹ В ней по подсчету А<лександр> П<авловны> 1 лист. Думаю, что для книжки этого довольно.

Р. Гиль спрашивает, может ли он доставить 2-ой обзор французской литературы. Кажется, первый был вполне благопристойным. Можно бы 2-ой поместить в мае (если не в апреле).¹⁰

Извиняюсь, что только теперь отсылаю Вам заметку Грифцова о книге Вересаева.

Ваш

Валерий Брюсов.

Р. S. Все упрекают гр<афа> Толстого за то, что он дал нам, в «Р<усскую> М<ысль>», рассказ гораздо худший,¹¹ чем те, какие он же дает в «Шиповник». Следующий раз можно будет быть с ним «взыскательнее».

Р. P. S. Мысль — писать протест против ареста книжки за мою повесть — я совсем оставил. В обзоре литературы за год, в «Русс<ких> Вед<омостях>», С. А. Венгеров решительно говорит, что никаких признаков «порнографии» в повести нет.¹² Защищаться — не значит ли ломиться в открытую дверь?

¹ В газете «Голос Москвы» (1911, № 35, 13 февраля появилась статья Дия Одинокого (псевдоним Н. В. Туркина) «Литературный календарь» с резкой критикой содержания литературного отдела январского номера «Русской мысли». Струве в ней назван «содержателем литературного кафе-шантана», Брюсов — «человеком, лишенным чуткости» как редактор, а сотрудники (Ф. Сологуб, З. Гиппиус и др.) — «людьми, утратившими чувство стыда».

² См. примечания 8 к письму 25 и 3 к письму 24.

³ «Путник. Психодрама в 1 действии». М., 1911.

⁴ «Северные цветы» — один из символистских альманахов, выпускался издательством «Скорпион» в 1901—1903, 1905, 1911 гг. Поэма Брюсова опубликована в пятом альманахе «Северные цветы» (М., 1911).

⁵ Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, критик и переводчик, теоретик символизма. Умер в эмиграции.

⁶ «Пришла опять, желаньем поцелуя...». Напечатано в «Русской мысли» (1911, № 1).

⁷ Цитата из басни Крылова «Гуси».

⁸ См. примечание 9 к письму 24.

⁹ Статья Л. Гуревич «Художественные заветы Толстого» напечатана в «Русской мысли» (1911, №№ 3 и 4).

¹⁰ Обзор Ренэ Гиля «Французские театры» напечатан в «Русской мысли» (1911, № 6).

¹¹ Рассказ «Туманный день» (см. примечание 1 к письму 20).

¹² Статья С. А. Венгерова «Литературные настроения 1910 года» напечатана в «Русских ведомостях» (1911, № 14, 19 января).

28

17 февраля 1911.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Статья «Голоса Москвы», в связи с Вашим последним письмом, наводит меня на мысль, не надо ли дать читателям объяснение по поводу стихов Сологуба в январской книжке. Я никак не могу признать их «некрофильскими», как, по-видимому, склонны думать и Вы. Считаю это решительным заблуждением. Я набросал проект «Письма в редакцию», которое и представляю на Ваше усмотрение.¹ Хотите, напечатайте его, хотите, переделайте его, хотите, оставьте это дело втуне и предоставьте «собакам лаять». «Полают и отстанут». Во всяком случае «Голос Москвы» не такое издание, с которым считаются, и «Дий Одинокый», подписавший статью, один из наиболее сомнительных представителей современной журналистики (Туркин²). Прискорбнее всего то, что эти стихи Сологуба, как Вы припомните, не предназначались для ближайших книжек «Р<усской> М<ысли>», а может быть, и вовсе не были бы в ней напечатаны, если бы не его неосмотрительность, с какой он их напечатал в своем «Собрании сочинений». Но я с Вами совершенно согласен, что теперь надо быть еще осторожнее в выборе материала, как я о том уже писал Вам. Приму это во внимание.

Ваш

Валерий Брюсов.

<Приложение>

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Не откажите поместить на страницах «Русской Мысли» это мое маленькое объяснение, которое я считаю необходимым дать читателям, как «принимающий ближайшее участие в литературно-критическом отделе» журнала.

В некоторых органах печати появились упреки по адресу «Русской Мысли» в том, что она начала новый год будто бы «некрофильским» стихотворением Ф. Сологуба. Мои личные литературные убеждения говорят мне, что все, что только существует в сем мире, вне нас и в глубинах нашей души, может и должно стать объектом художественного творчества. Дело художника — найти в себе такое отношение к самым прискорбным явлениям действительности, которое воплощение их в пластических образах, в стихах или в музыке, направляло бы не к торжеству низкого в человеке, но к конечному торжеству вечных идеалов «Люви, Добра и Красоты». Но я хорошо сознаю, что при выборе произведений для журнала с такой обширной аудиторией, как «Русская Мысль», неуместно было бы руководствоваться одним эстетическим принципом: журнал не книга, он не может *ждать* своих читателей и должен давать то, к чему в данную минуту подготовлена его аудитория.

Возвращаясь, однако, к стихам Сологуба, я никак не могу согласиться с тем их толкованием, какое дают им враждебные поэту критики. Поэт изображает себя умершим, лежащим в гробу, *в час похорон*. Вокруг — вся жизнь, светлая, счастливая. Сыпятся цветы, «незлобно» восходит синий, кадильный дым, и дьякон, «молодожен», весь полон радости жить. К умершему подходит, заплаканной, его возлюбленная, может быть, его жена, и прощается с ним «румяным поцелуем». И умерший счастлив, потому что он сознает, что и после смерти он «любим». Любовь торжествует над смертью — вот мысль стихотворения. Напрасно «злые люди» думают, что смерть обрывает нити любви: она не в силах совершить это. И умерший обращает из глубины гроба свой завет к любимой:

Пускай вокруг смеются злые люди, —
Засмейся и сама!

Засмейся, потому что ты знаешь бессмертие связующего нас чувства! И я решительно отказываюсь усмотреть в этих стихах, славящих торжество идеальной любви, — проповедь чего-то безнравственного. Для этого надо уметь все в мире видеть с какой-то особой дурной стороны, иметь то, что французы называют «*esprit mal tourné*».*

Мне остается добавить то, что Вам хорошо известно, но что не может быть известно читателям «Русской Мысли»:

* Ум, склонный к превратному толкованию всего» (франц.).

именно, что первоначально для первой книжки «Русской Мысли» этого года предполагались совершенно другие стихи Сологуба; по какому-то недоразумению эти стихи были, ранее выхода в свет книжки журнала, напечатаны в X томе «Собрания сочинений» Ф. Сологуба, что и побудило редакцию перепечатать первую страницу книжки и заменить помещенные там стихи — другими.

Примите уверения в моем глубоком уважении.

Валерий Брюсов.

¹ Проект письма Брюсова не был напечатан в журнале.

² Туркин Никандр Васильевич (Дий Одинокый, 1863—1919) — журналист.

24 февраля 1911.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

На этот раз я совершенно не согласен с Вами. Для меня не только не «совершенно ясно», что «необходимо отложить французский роман»,¹ но и кажется очень это спорным. Представляю Вам свои соображения:

1) Всего в марте у нас предполагалось 12½ листов беллетристики. Откладывая из них 2½, Вы оставляете лишь 10, что крайне мало и не согласно с обычаями «Русс<кой> Мысли». Хорошая половина публики прежде всего ищет в журнале беллетристики, «чтения». Это критики и литераторы заняты статьями, а публика признает лишь романы. В «Русс<кой> Мысли» всегда было в книжке около 12 листов беллетристики, а часто и больше: уменьшение беллетристики до весьма небольшого размера 10 листов, наверное, произведет дурное впечатление на читателей и подписчиков.

2) Переводная беллетристика — самый дешевый материал журнала. Преобладанием переводов определяется сравнительная стоимость той или другой книжки. Предыдущие книжки стоили дорого потому, что в них было мало переводов. Выкидывая теперь из мартовской книжки 2½ листа переводов и, следовательно, фактически заменяя их 2½ листами статей (которые могли быть выкинуты или отложены вместо французского романа), Вы делаете и мартовскую книжку столь же дорогой, как предыдущие. Через это все те опасения, о которых я и Д<митрий> Е<вгеньевич>, мы говорили Вам, остаются в полной силе.

3) Весь план распределения материала за год, как мы его с Вами обсуждали, разрушается. Придется пересмотреть все

распределение романов по книжкам. Если мы будем давать беллетристику вообще по 10 листов, мы не будем иметь физической возможности напечатать романы, принятые к печати, потому что имелось в виду по 12 листов ежемесячно, отведенных на беллетристику. Не говорю уже о рассказах, ждущих своей очереди по 2 и по 3 года... Придется пересмотреть и всю смету, так как она составлена на предположении, что ежемесячно будет помещаться около 6 листов переводов. В этой книжке $\frac{1}{2}$ листа пришлось пожертвовать в пользу оригинальной беллетристики (т. е. назначить $5\frac{1}{2}$ листов переводов вместо 6), а теперь Вы откидываете еще $2\frac{1}{2}$ листа. Всего это составляет разницу в 3 листа на книжку или в 30 листов на оставшиеся 10 книжек, или разницу в 2100 рубл. в год (так как 30 листов переводов стоят 900 р., а 30 листов статей 3000 р.).

4) Думать, что эта мера (откладывание французского романа) вызвана случайным скоплением материала в мартовской книжке, было бы ошибочно. Для апреля у нас намечено никак не меньше материала: правда, там не будет моей статьи о Авсонии, но там надо будет дать место, наконец, злощастной статье о Роденбахе М. Веселовской, ждущей 3-й год, и рассказу Киселева,² о судьбах которого Вы знаете и который (рассказ) уже оплачен гонораром. В апрельской книжке будет точно такая же теснота, как в марте, и, по аналогии, придется опять отложить французский роман. И т. д., потому что уменьшения количества материалов решительно не предвидится...

5) Отложив французский роман, мы нарушаем, если так можно выразиться, «психологический план беллетристики» этого №. Этот «французский роман» — единственное «легкое» чтение во всей книжке. Повесть Тырковой для многих — окажется слишком серьезной, роман Фибих³ — тоже, повесть Гиппиус, как Вы знаете, «на любителя»... Не говорю уже о «экзотическом» рассказе Кондратьева!⁴ Только роман Деларю-Мардрюс подошел бы на все вкусы. Без него мартовская книжка будет слишком сухой, слишком серьезной, мы ею запугаем читателей, особенно провинциальных.

6) Наконец, я считаю откладывание романа крайне несправедливым по отношению к переводчице.⁵ Я ее постоянно торопил, побуждал поспеть к определенному сроку, и, ради этой работы, она отказалась от ряда других. Она будет вполне права, если потребует оплаты сделанной ею работы, которая была заказана ей к сроку (и я должен был на таком сроке

настаивать!). Между тем Вы сами всегда осуждали систему всяких «авансов».

Подводя итоги всем этим соображениям, скажу: я считаю нерациональным делать сокращения именно в дешевом материале; без французского романа у нас будет слишком мало беллетристики и совсем не будет беллетристики «легкой»; отложив французский роман до апреля, мы только перенесем то затруднение, какое встретили в марте, на апрель, увеличив стоимость мартовской книжки.

С своей стороны я предлагаю следующее. Если уже Вы решаетесь на такую, опасную по моему мнению, меру, как уменьшение в книжке числа переводов, нет надобности выкидывать *полностью* весь французский роман: можно отложить его *по* л о в и н у, напечатав в марте листа 1½ или 1 л. 10 стр. (это как раз то количество, какое сейчас его набрано). Затем можно отложить еще раз рассказ Кондратьева и отложить некоторые обзоры из числа тех, которые я указал в прошлом письме. Обзоров, безо всякого сомнения, намечено для марта слишком много. Таким образом можно выгадать: на французском романе 1 лист, на Кондратьеве 8 стр., на обзорах около 1 листа. Этого вполне достаточно, чтобы привести № к «норме» 25 + 1½ листа.

Разумеется, Ваше решение есть *suprema lex*,* и я, при наших переговорах, говорил Вам, что буду подчиняться ему беспрекословно, но мне кажется, что мои соображения не лишены убедительности. И я очень просил бы Вас, если они сколько-нибудь убедили Вас, еще раз телеграфировать мне в такой, например, форме: «Часть французского романа можно дать». Я же пока скажу отложить его на самый конец беллетристического отдела, и так как он уже набран (1 л. 10 стр.), то это не поведет ни к каким затруднениям. На тот же случай, если Вы совсем со мной не согласитесь, сообщите мне, пожалуйста: 1) считать ли 10 листов вообще нормою для беллетристического отдела в книжке? 2) можно ли за сделанную часть перевода романа Д<еларю>-Мардрюс уплатить гонорар?

О других делах напишу в следующем письме. Пока сообщаю только, что Николаев (письма Победоносцева) принял предложенные Вами условия и получил задаток.

Ваш

Валерий Брюсов.

* Верховный закон (лат.).

Р. S. А<лександра> П<авловна> сейчас сообщила мне по телефону, что Вы хотите также отложить статьи Некрасова⁶ и Тверского.⁷ Но в таком случае у нас книжка будет *меньше* нормы, или мы должны будем дать до 5 листов «Обзоров», что вряд ли желательно. Позвольте сверстать 1½ листа французского романа и дать их в том случае, если это позволят общие размеры книжки после сделанных Вами сокращений.

¹ См. примечание 3 к письму 17.

² См. примечание 18 к письму 10.

³ См. примечание 11 к письму 25.

⁴ См. примечание 7 к письму 12.

⁵ Н. И. Петровская.

⁶ Некрасов Николай Васильевич — публицист, кадет, член Государственной думы, впоследствии — министр во Временном правительстве. Статья его «Письма о национальностях и областях. Сибирь» напечатана в «Русской мысли» (1911, № 4).

⁷ Тверской П. А. (псевдоним Дементьева Петра Алексеевича, 1850—1923) — журналист, заграничный корреспондент «Русской мысли». Его «Письмо из Америки» напечатано в «Русской мысли» (1911, № 4).

30

10 марта 1911.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Я писал Вам,¹ что рассказ Ремизова «Чертыханец», по моему, приемлем. Разумеется, он не без «ремизовщины», но в допустимой мере. Изображена семья, вернее, целый род, Версеновых, пропадаящий в своей усадьбе от какой-то, как всегда у Ремизова, беспричинной и дикой одури. Сам Версенов к каждому слову прибавляет «че-ерт», откуда и название рассказа. Его отец перед смертью мучился видениями чертей, «настоящих», бесхвостых. Версенов, когда семья оставляет его одного и уезжает в Москву, доходит до полубезумия и, тоже замученный видениями, тонет по весне в пруду. Нелепость жизни, иррациональность человеческой психологии — в этом содержание рассказа, как и всего, что пишет Ремизов. *Написано* все очень хорошо. Ничего, особо шокирующего вкус читателей, нет (кроме одного *слова*, которое я вычеркнул).

Я предложил бы напечатать рассказ в *майской* книжке.² В рассказе — лист с небольшим. Ремизов хочет получить 250 р. с листа. Так как он пишет мало, то это гонорар для него необходимый. Так как Вы соглашались на такой (и даже больший) гонорар для Б. Зайцева, я надеюсь, Вы найдете

возможность сделать исключение и для Ремизова. Во всяком случае сейчас Ремизов хорошее «имя». Если хотите, я вышлю Вам рассказ на просмотр. Пока я не отвечал Ремизову ничего.

Прислал еще рассказ Пришвин: я еще не успел его прочитать.

Беллетристика апреля, в конце концов, распределилась так: стихи — 2 стр., Миртова — 2 л. 4 стр., Киселев — 1 л. 8 стр., французский ром<ан> — 1 л. 13 стр., немецкий ром<ан> — 2 л. 12 стр., Б. Садовской — 1 л. 9 стр. = 10 листов. Но как быть, если в 1 л. 9 стр. не вместится ровно столько-то глав романа Садовского? Можно ли прибавить 2 стр. к 10 листам? Впрочем, буду надеяться, что этого не случится.

Просмотрели ли Вы статью Дж. Амендола (как философскую) и можно ли ее дать?

Статья о украинской литературе³ написана ужасным языком, полурусским, полуукраинским; по мере сил исправляю ее.

Статьи Бальмонта получены, благодарю Вас. Я послал их по назначению. Бальмонт отвержением их, конечно, обижен.⁴ Но он всегда в обиде.

Для библиографии апреля я хочу дать рецензию на книгу К. Федерн: «Данте и его время».⁵ Данте я занимался много и в этом вопросе компетентен.

В заключение личный вопрос.

За дни своей болезни (я хворал дней пять) я, неожиданно для самого себя, написал лирическую трагедию с хорами, в стихах (ямбическим диметром), «Лаодамия и Протесилай», на тему утраченной трагедии Еврипида,⁶ а также на тему, которой уже воспользовался в свое время Выспянский,⁷ а совсем недавно И. Анненский⁸ и Федор Сологуб («Дар мудрых пчел»). Сам я считаю эту вещь в числе наиболее значительных своих вещей. Но я хорошо понимаю, что трагедия в стихах, причем на античный, мифологический сюжет, вещь для журнала громоздкая, тяжелая. Поэтому не без смущения предлагаю ее «Русской Мысли». Однако я считаю, что, во всяком случае, обязан предоставить «Русской Мысли» то, что называется «право первого отказа». Если Вы принципиально думаете, что такого рода вещам в «Русской Мысли» не место, так прямо мне и сообщите, и мы не будем больше говорить об ней. Если же допускаете возможность появления ее в «Русской Мысли», я доставляю Вам свою трагедию, как только

докончу ее отделку и переписку «набело». Поместить ее можно было бы, конечно, только в осенние месяцы, в августе или сентябре (в трагедии будет около 3 листов). Но знать Ваш ответ мне было бы важно раньше. Так как, в случае непригодности «Лаодамии» для «Русской Мысли», я бы отдал ее в осенний альманах «Шиповника».

Ваш
Валерий Брюсов.

¹ В непубликуемом письме от 8 марта 1911 г.

² Напечатан в «Русской мысли» (1911, № 4).

³ См. примечание 3 к письму 22.

⁴ Речь идет об очерках Бальмонта о Египте. В письме от 12 декабря 1910 г. Брюсов писал Струве: «Содержание очерков: весьма вольный перевод научных данных и впечатлений от путешествий».

⁵ Рецензия Брюсова на книгу немецкого писателя Карла Федерна «Данте и его время» (в переводе В. М. Спасской, под редакцией М. Н. Розанова, М., 1911) напечатана в «Русской мысли» (1911, № 4).

⁶ Речь идет о трагедии Еврипида «Протесилай».

⁷ Выспянский Станислав (1869—1907) — польский драматург и художник. Его драма по мотивам греческой мифологии «Протезилас и Лаодамия» в 1911 г. была переведена на русский язык Т. Л. Щепкиной-Куперник.

⁸ Анненский Иннокентий Федорович (1855—1909) — поэт-символист, критик, переводчик античных писателей. Ему принадлежит лирическая трагедия «Лаодамия».

31

13 марта 1911.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Я только что получил телеграмму от Д. С. Мережковского: «На днях высылаю роман».

О том, чтобы поместить этот роман, т. е. его начало, в апрельской книжке, конечно, нечего и думать: понятие «на днях» довольно растяжимо, и может случиться, что рукопись и через неделю еще не будет у нас. Между тем время не ждст, и сегодня уже 13 число. Но в мае, кажется мне, начать роман Мережковского надо.¹

Тут, однако, возникают затруднения. В апреле мы хотели начать два романа: Миртовой² и Садовского, которые должны продлиться несколько книжек. Начинать в мае, одновременно с ними, третий, разумеется, неудобно. Поэтому надо или 1) отменить помещение начала повести Садовского в апреле и дать вместо него какой-либо рассказ, или 2) начав повесть Садовского в апреле, потом ее прервать и, отложив ее продолжение до «подходящего случая», поместить в мае начало романа Мережковского. Оба исхода имеют свои неудобства.

О втором не говорю, — его неудобства само собой очевидны. Неудобство же первого состоит в том, что сейчас нет под рукой ничего подходящего, чем можно было бы заменить повесть Садовского.

Все же я склоняюсь к этому «первому» решению и думаю, что, ввиду телеграммы Мережковского, начинать повести Садовского в апреле не должно.³ Взамен ее можно поместить одну из следующих вещей:

а) «Птичье кладбище» — «сельские очерки» М. Пришвина.⁴ Я их прочел. Это интересная и хорошо написанная полубеллетристика, полуэтнография, чуть-чуть с примесью «ремизовщины» (но вполне невинной). Неудобство этих очерков лишь в том, что они велики; в них, думается мне, листа 2 с чем-нибудь: их пришлось бы разделить на две книжки, дать в апреле начало и окончание в мае.

б) «Свете тихий»⁵ — маленькие рассказы Толмачевой, уже писавшей в «Русской Мысли». Рассказы недурные, но немного слишком «дамские», приторно умилительные. Их, может быть, не совсем удобно соединять с повестью Миртовой, у которой тоже есть, хотя и в меньшей степени, те же недостатки. Но рассказы Толмачевой можно поместить все в одной книжке.

в) Рассказ А. Герцык.⁶ Его недостаток в том, что он не «для легкого чтения». Это скорее статья на полуфилологическую тему, чем рассказ в собственном смысле.

г) Рассказ Ремизова. Но Вы хотели сначала рассмотреть его сами (высылаю его с этой же почтой), и я боюсь, что помешать его в апрельскую книжку будет уже поздно.⁷

Все остальные рассказы, имеющиеся «в распоряжении редакции», менее подходящи. Таковы: д) рассказ Н. Петровской, другой рассказ которой был напечатан недавно (февраль),⁸ е) рассказ г-жи *** (переданный через С. Венгерова) из деревенской жизни, довольно незначительный,⁹ ж) «Трагедия плоскогория Судан» Грина,¹⁰ вещь, которую я оставил в редакции «условно», предупредив, что она может пойти, а может и не пойти, вещь красивая, но слишком «экзотическая» и к тому же большая (в ней больше 2 листов), з) рассказ Первухина из итальянской жизни,¹¹ принятый С. В. Лурье, достоинства обычных фельетонных рассказов, читабельный, но невысокой художественной пробы, и) разные другие рассказы, принятые С. В. Лурье, большую часть довольно слабые, среди них путевые очерки Чацкого¹² «В Греции» и Вершинина¹³ «Лето в шато».

Мне хотелось бы, чтобы в этом случае Вы определенно указали мне, как должно поступить. Лично я, отложив повесть Садовского, поместил бы рассказ Ремизова или, так как он подлежит Вашему рассмотрению, очерки Пришвина (половину). Если же то и другое неудобно, поместил бы маленькие рассказы Толмачевой. Не сообщите ли Вы мне свое решение телеграммой (что делать, приходится прибегать к ним!), в самых кратких словах, «Печатайте Садовского» или «Печатайте того-то (Ремизова, Пришвина, Толмачеву)». Возможно, конечно, напечатать Пришвина и целиком, это прибавит к установленным 10 листам $\frac{1}{2}$ листа или $\frac{3}{4}$ листа, не более. Кстати сказать, письмом он просит гонорар в 150 р. с листа.

Все Ваши указания об «Обзорах» я принял во внимание. Статью о украинской литературе сдам завтра в набор. Статья Амендолы¹⁴ послана Вам А<лександрой> П<авлов-на>ой. Помещать ли в «Материалах» тот документ о Толстом, который (один) оказался ненапечатанным?¹⁵

Ваш
Валерий Брюсов.

¹ См. примечание 5 к письму 4.

² См. примечание 19 к письму 10.

³ См. примечание 3 к письму 10.

⁴ Напечатаны в «Русской мысли» (1911, № 7).

⁵ «Светлый лик. Маленькие рассказы» (см. примечание 9 к письму 21).

⁶ Рассказ Герцык Аделаиды К. «О том, чего не было» напечатан в «Русской мысли» (1911, № 5).

⁷ Рассказ «Чертыханец» (см. примечание 2 к письму 30).

⁸ См. примечания 8 к письму 25 и 3 к письму 24.

⁹ Речь идет о рассказах Н. И. Перевощиковой. Напечатаны в «Русской мысли» (1912, № 2) под общим заголовком «Современная деревня».

¹⁰ Повесть Александра Грина (Гриневский Александр Степанович, 1880—1932) «Трагедия плоскогорья Суан» (у Брюсова ошибочно — Судан) напечатана в «Русской мысли» (1912, № 7).

¹¹ Очерк Первухина Михаила Константиновича (род. 1870) «Когда луна красна, как кровь... Из итальянских впечатлений» напечатан в «Русской мысли» (1912, № 8).

¹² Автор очерков «В Греции» не Чацкий, а Чацкина (см. примечание 7 к письму 8).

¹³ Брюсов в письмах иногда называет автора записок «Лето в шато» Вершининым. Однако Антон Любимов — псевдоним А. А. Васильева.

¹⁴ См. примечание 6 к письму 24.

¹⁵ В «Русской мысли» (1911, № 4), в отделе «Материалы по истории русской литературы и культуры», напечатана справка о занесении имени малолетнего Л. Н. Толстого в Дворянскую родословную книгу Тульских губ.

16 апреля 1911.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

К удивлению моему, мне не удалось разыскать № «Русского Слова» с романом Мережковского.¹ Высылаю Вам сохранившийся у меня и извиняюсь, что он измят и изорван (в него, увы! что-то завертывали, — участь всего, печатаемого в газетах). Но в ред<акции> «Русское Слово» получается, и завтра я вышлю Вам свежий №; если же он не сохранился, — возьму в самой ред<акции> газеты.

Не вспомню, писал ли я Вам, что разговаривал с И. Э. Грабарем, и он определенно обещал свое сотрудничество «Р<усской> Мысли». Между нами говоря, его заметки о выставках будут и интереснее, и — главное — авторитетнее, чем суждения нашего приятеля Макса Волошина. Но это, конечно, уже в будущем сезоне. Пока Грабарь обещал написать о художественном отделе выставки в Риме, куда едет.²

Садовского обрадую сообщением о его стихах. Думаю только дать им место не в мае, где очень тесно, а в июне,³ где кроме него предполагал бы дать переводы из Р. М. Рильке,⁴ очень удачные и хорошо характеризующие его своеобразную поэзию.

Посылаемую Вами беллетристическую вещь прочту. Но еще и еще раз буду напоминать Вам, что в беллетристическом отделе у нас *до конца года* нет места. Я не представляю даже, как разместим мы рукописи, которые безусловно должны быть вмещены: романы Садовского и Крашенинникова, рассказ (хотя бы один из двух принятых Лурье) Романова, etc., etc.*

В связи с этим стоит письмо Пришвина, который пишет, что его вещь он может предоставить нам для печатания лишь в мае, июне, июле и «самое крайнее» августе. Как я писал Вам, это полурассказ, полузэтнография, вещь, не лишенная интересности и художественности, хотя отнюдь не что-либо исключительно. По размерам она вряд ли уместится в одной книжке (значительно больше 2 листов). *Можно ли принять условия Пришвина и взять на себя обязательство напечатать его рассказ до августа или должно «с глубоким сожалением» вернуть ему рукопись?*⁵

Я выпустил отдельной брошюрой «Путника», помещенного в январской книжке «Р<усской> М<ысли>», так как уста-

* И так далее, и так далее (лат.).

новленных 3 месяца миновало, то, кажется, я не провинился перед журналом. К тому же брошюра не очень рассчитывает на покупателей: я издал ее ввиду предположения некоторых театров поставить мою психодраму на сцене. Издал я отдельно и Авсония. Это уже было бы прямым нарушением трехмесячного срока, но оттиски *не назначаются* для продажи вовсе: их всего 100, и я разошлю их некоторым интересующимся моими писаниями и древним миром. Обе брошюры (только что сброшюрованные), разумеется, высылаю Вам и очень прошу принять.

Благодарю Вас за «Patriotica»: * перечитываю Ваши статьи ⁶ с большим интересом. Многие, будучи связаны в одно целое, приобретают совершенно новый смысл. Вы знаете, что я (хотя и не вникаю особенно тщательно в вопросы государственные и политические) стою приблизительно на тех же позициях, какие защищаете Вы. Поэтому меня очень интересуется, что будут говорить Ваши критики («слева», конечно) и как будут они опровергать то, что мне кажется совершенно явным и неопровержимым.

Издание стихов Верлена, сделанное в Германии, о котором Вы пишете, я знаю: его сделал молодой французский поэт, лично мне знакомый, Georges Fourquoux,** живущий в Лилле.

Как только возобновится работа в типографиях и редакции, напишу Вам подробнее.

Ваш
Валерий Брюсов.

¹ Речь идет о № 82 «Русского слова» от 10 апреля 1911 г. с первым отрывком из романа «Александр I» Мережковского.

² Статья Игоря Грабаря на эту тему в «Русской мысли» не появлялась.

³ Стихотворения Б. Садовского напечатаны в «Русской мысли» (1911, № 9).

⁴ Стихотворения Райнера Мария Рильке (1875—1926) в переводе Александра Биска напечатаны в «Русской мысли» (1911, № 6). В письме к Струве от 15 марта 1911 г. Брюсов называет Рильке как «одного из лучших современных немецких поэтов».

⁵ См. примечание 4 к письму 31.

⁶ П. Б. Струве Patriotica. СПб., 1911.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Сколько я помню (я сейчас не могу найти Вашего соответ-

* «На патриотические темы» (лат.).

** Жорж Фурну (франц.).

ствующего письма), Вы писали, что статья Л. Я. Гуревич не помещает чисто-библиографическому упоминанию о книге Лазурского в статье Эфроса, посвященной вообще книгам о Толстом, — целому их ряду, среди которых книга Лазурского занимает у него незначительное место. Можно, если Вы находите это нужным, особенно сократить все, что говорит Эфрос о Лазурском, и сделать ссылку, что подробнее его книга будет разобрана Л. Я. Гуревич.¹ Можно, конечно, и вовсе вычеркнуть у Э<фроса> все, касающее<ся> Лазурского. Так как заметку Эфроса, по-видимому, придется перенести в июньскую книжку,² — вопросы эти еще будет время решить. Кстати, это даст мне повод написать Л<юбови> Я<ковлев>не, что я Вам давно обещал и что не исполнил до сих пор, главным образом потому, что у меня не было никакого непосредственного повода для письма.

А<лександра> П<авловна> писала Вам о размерах майской книжки, и Вы знаете, что некоторые статьи, намечавшиеся Вами к исключению, могут войти в нее. Это довольно важно, п<отому> ч<то> есть ряд статей, давно ждущих своей очереди. Так, М. О. Гершензон очень хлопочет о своей «Русской женщине».³ Есть затем статья о художественных замыслах Эртеля, заслуживающая помещения.⁴ Есть интересная статья о латышской литературе⁵ — вообще. Издавна ждет своей судьбы статья (вернее, окончание статьи) Каренина о Жорж Занд,⁶ впрочем, очень скучная.

Я думал написать Вам сегодня о предполагаемом составе июньской книжки. Но, ввиду Вашего приезда в Москву 28 апр<еля>, думаю, что лучше обсуждение ее состава отложить до личной встречи. I отдел, приблизительно, предрешен: 1) стихи Рильке в переводе Биска, 2) ром<ан> Мережковского, 3) ром<ан> Миртовой, 4) ром<ан> Фибих, 5) ром<ан> Д<еларю>-Мардрюс, 6) рассказ, — я бы предложил 1/2 очерков Пришвина, или миниатюры Толмачевой, или, наконец, переводной рассказ (у меня есть недурной, перевод с английского).

Роман Миртовой пугает меня своей длиннотой и своими длиннотами. Она еще не настолько опытный писатель, чтобы печатать свою вещь, не написав ее до конца. Я бы очень настаивал в другой раз просить ее доставлять рукопись целиком. Многочисленные исправления, какие она делает в корректурах, доказывают, что она сама сознает несовершенства своего рассказа.

Очень извиняюсь, что письмо, о котором я говорил,⁷ я дей-

ствительно забыл приложить. Прилагаю его теперь. Но оно — незначительно, и особой важности, кажется, моя забывчивость не имела.

Что до статей Грифцова, то я и не хотел утруждать Вас чтением рукописи. Одна его заметка, бóльшая, мною тщательно исправлена (правду сказать, переделана заново), т<ак> ч<то> она, вероятно, вполне пригодна. Вторая же так мала, что ее можно было набрать, даже не предвещая вопроса о ее принятии.⁸

Ваш
Валерий Брюсов.

Датируется в связи с содержанием: письмо написано непосредственно после непубликуемого письма от 23 апреля 1911 г., но не позднее 25 апреля, когда Брюсов написал Л. Я. Гуревич и просил ее дать рецензию на книгу В. Лазурского о Толстом (см. письмо Брюсова к Гуревич от 25 апреля 1911 г. — ф. 89, № 19823, СХХХVб. 3).

¹ Л. Я. Гуревич о книге Лазурского для «Русской мысли» не написала, характеристика этой книги вошла в статью Н. Эфроса.

² Статья Н. Эфроса «Книги о Толстом» напечатана в «Русской мысли» (1911, №№ 7, 12).

³ Подразумеваются письма писательницы Елены Андреевны Ган (урожд. Фадеева, псевдоним Зенеида Р-ва, 1814—1842), озаглавленные М. О. Гершензоном «Русская женщина 30-х годов». Опубликовано, с предисловием Гершензона, в «Русской мысли» (1911, № 12).

⁴ Статья Н. Л. Бродского «Из литературных проектов А. И. Эртеля. По неизданным материалам» напечатана в «Русской мысли» (1911, № 9). Брюсов писал Струве 6 марта 1911 г.: «Из новых поступлений отмечу статью некоего Бродского о „литературных проектах А. И. Эртеля“. Статья составлена на основании архива Эртеля, его бумаг, излагает несколько ненаписанных его романов, от которых сохранились планы и наброски, и по-моему заслуживает напечатания».

⁵ Статья писателя Виктора Эглита (Эглитса) о латышской литературе, получившая положительную оценку Брюсова в непубликуемом письме к Струве от 27 марта 1911 г., во время работы Брюсова в «Русской мысли» в журнале не появлялась.

⁶ Каренин Владимир — псевдоним Варвары Дмитриевны Комаровой (урожд. Стасова, 1862—1941 или 1942). Статья ее «Гейне и Жорж Санд» напечатана в «Русской мысли» (1911, № 7).

⁷ Речь идет о письме, присланном в редакцию «Русской мысли».

⁸ Исправленная Брюсовым рецензия Б. А. Грифцова (1885—1850) на книгу А. Белого «Символизм» (М., 1910), «Луг зеленый» (М., 1910) и «Арабески» (М., 1911) опубликована в «Русской мысли» (1911, № 5); там же напечатана рецензия на книгу С. Шамбинаго «Трилогия романтизма (Н. Гоголь)» (М., 1911).

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

Я расхворался довольно серьезно, лежу пятой день в постели и пишу Вам лежа.

Поэтому от «текущих» дел редакции я несколько отстал. Но мне хочется поговорить с Вами о некоторых более общих делах.

Во-первых, я все еще не знаю (и А<лександра> П<авловна> не могла мне этого сказать), что мы даем в «Материалах» июньской книжки. Письма Кавелина? ¹ Победоносцева? ² еще что? Надо бы это решить окончательно. Если письма Кавелина скучны, я бы охотно дал что-либо из своего собрания, чтобы несколько скрасить материалы книжки.

Затем я получил драму А. Ремизова «Действие о Георгии Храбром». ³ «Действие» написано очень искусно, и из драматических апокрифов Ремизова это — едва ли не самый удачный. Но «принять» его затрудняюсь по трем соображениям. 1) Все же это вещь «на любителя»; не всякому интересна хитрая стилизация Ремизова, а многим она и несносна. 2) Ремизов настаивает на помещении своего «Действия» в августовской книжке, т<ак> к<ак> оно входит в том его Сочинений, выходящий в январе <1>912 г., а у нас места в беллетристическом отделе менее чем мало. 3) Я не знаю, насколько приемлемы условия гонорара, требуемые Ремизовым: 250 р. с листа, — а в «Действии» что-то около 3 листов! Жду Ваших указаний.

Потом мне писал Анатолий Каменский, предлагая свой новый рассказ. ⁴ Я ответил ему, что не могу сказать ничего, не имея его рукописи. Сомневаюсь, зная вообще писания Каменского, чтобы рассказ его стоило печатать. Будет, вероятно, как всегда у него, безвкусная и бесстыльная порнография. Между прочим, он просит выслать ему, как *аванс*, а в (рассказе всего будет 1¼ лист), 300 р. Я сообщил ему; что обычные размеры нашего гонорара ниже, но что о его желаниях я извещу Вас.

Тревожит меня далее судьба «Аянта» Зелинского. ⁵ Я писал ему, в ответ на его письмо, что «Р<усская> М<ысль>» не может обязаться напечатать его перевод в течение 1911 г., но что подробнее ему напишете Вы, с которым он вел предварительные переговоры.

По свойственному людям эгоизму, я думаю при этом о судьбе моей трагедии «Лаодамия», о которой я Вам писал. ⁶ У меня есть одна особая причина желать ее скорейшего напечатания. Как Вы, вероятно, знаете, издательство Сабашникова предприняло издание Библиотеки классиков ⁷ в русс<ком> переводе. (Я в этом издании участвую переводом «Энеиды».) ⁸ Войдут в Библиотеку и греческие трагики. Но

перевод их предполагается *пятистопным ямбом*. Я считаю своим *долгом*, литературным долгом, всячески протестовать против этого. Перевод античных трагиков должен быть исполнен тем же стихом, каким писали они: *ямбическим триметром*. А для этого необходимо доказать, что ямбический триметр в русской литературе существует. Повторяется то же, что было перед переводом Гнедича «Илиады»,⁹ к <отор>ый, как известно, начал свой перевод рифмованными александрийскими стихами. В дни Гнедича надо было «отвязать русский гекзаметр от позорного столба, к которому его привязал Тредьяковский своей „Тилемахидой“». ¹⁰ В наши дни надо отвязать ямбический триметр от позорного столба, к которому его привязал Вяч. Иванов своим «Танталом» (драмой замечательной, но «неудобочитаемой»).¹¹ Это и должна сделать моя «Лаодамия», написанная ямбическим триметром. Вот почему мне бы очень хотелось напечатать ее скоро. А для того хотелось бы выяснит, найдется ли ей место в «Русской Мысли» 1911 г.¹² Если нет, я отдам ее в «Альманах» Шиповника.

Простите безобразие моего почерка. Повторяю, что пишу лежа и крайне утомился писанием.

Ваш всегда
Валерий Брюсов.

17 мая <1>911. 1 Мещанская 32. Москва.

¹ Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885) — буржуазно-либеральный публицист, юрист, историк, представитель правого крыла так называемых западников. Письма его публиковались в «Русской мысли» в течение нескольких лет. При Брюсове — в 1911 (№№ 6—8) и 1912 гг. (№ 9).

² Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — реакционный государственный деятель, пользовавшийся огромным влиянием в царствование Александра III. Письма его были предложены в журнал Николаевым. Вопреки желанию Брюсова, письма Кавелина и Победоносцева были опубликованы Струве в «Русской мысли».

³ Драма А. Ремизова в «Русской мысли» не напечатана.

⁴ Рассказ А. Каменского не был принят «Русской мыслью».

⁵ «Аянт-биченосец», трагедия Софокла в переводе Ф. Ф. Зелинского, напечатана в «Русской мысли» (1912, № 5).

⁶ См. письмо 30.

⁷ Серия «Памятники мировой литературы».

⁸ Брюсов еще в юности задумал перевести «Энеиду» (В. Брюсов. Из моей жизни. М., 1927, стр. 70, 118). Позднее в каталоге издательства «Скорпион» на 1902 г. среди книг, подготовляемых к печати, значилась «Энеида» в переводе с латинского гекзаметрами Валерия Брюсова. Однако этот перевод был почти закончен Брюсовым лишь незадолго до Октябрьской революции. Опубликован посмертно (Вергилий. Энеида. Перевод Валерия Брюсова и Сергея Соловьева. Редакция, вступительная статья и комментарии Н. Ф. Дератани. «Academia», М., 1933).

⁹ Гнедич Николай Иванович (1784—1833) — поэт и переводчик, член Российской Академии. Перевел «Илиаду» Гомера размером подлинника.

¹⁰ Неточная цитата из предисловия Н. Гнедича к «Илиаде» Гомера (СПб., 1829, стр. XI). Третьяковский Василий Кириллович (1703—1769) — поэт и теоретик литературы, перевел стихами роман Ф. Фенелона «Похождения Телемака», создал русский гекзаметр.

¹¹ Трагедия Вяч. Иванова «Тантал» была напечатана в альманахе «Северные цветы ассирийские» (М., 1905). 12 марта 1911 г. Брюсов писал К. И. Чуковскому: «Последние дни хворал и потому написал трагедию „Лаодамия“ ямбическим триметром, попытаюсь „отвязать“ этот размер от позорной колесницы, к которой приковал его Вяч. Иванов своим „Танталом“». (К. Чуковский. Репин. Горький. Маяковский. Брюсов. Воспоминания. М., 1940, стр. 213).

¹² Напечатана под заглавием «Протесилай умерший, трагедия в пяти сценах с хором» в «Русской мысли» (1913, № 9).

35

Опалиха, 20 июня 1911.

Многоуважаемый Петр Бернгардович!

1. Я прочел письма Тургенева. Много в них, как всегда у Тургенева, пустяков: длинные рассуждения о своих болезнях, о домашних, семейных делах и т. под. Но есть несколько писем интересных и важных: любопытные отзывы о Ренане,¹ Флобере, Наполеоне III,² императрице Евгении,³ о разных артистах. Письма я передам в ред<акцию> для пересылки Вам.⁴

2. Я нашел хороший французский рассказ — Анри Бордо.⁵ Рассказ из современной жизни, простой, без особых утонченностей и безо всяких экстравагантностей, весьма «читательный», по вкусу «самых широких кругов». Притом все-таки *хороший*, т. е. интересно задуманный и недурно написанный. Я дам его перевести (в нем около листа). Если хотите, можно его дать в августе (чтобы избежать двух переводов с немецкого) или в сентябре.

3. Для июля я дал, вместо Умова, стихи Н. Гумилева (хорошие), Парнок (пора их дать) и, на случай, если бы осталась пустая страница, С. Кречетова (давно принятые).⁶ Стихи Садовского (Вы их читали), думаю, лучше дать в той книжке, где не будет его повести.

Ваш
Валерий Брюсов.

¹ Ренан Эрнест (1823—1892) — французский буржуазный историк, филолог и философ-идеалист, близкий знакомый Тургенева.

² Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт, 1808—1873) — французский император, племянник Наполеона I; в 1870 г. низложен с престола.

³ Евгения (урожд. графиня Монтихо, 1826—1920) — французская императрица, жена Наполеона III; в 1870 г. низложена с престола.

⁴ Письма Тургенева к Полине Виардо в переводе с французского И. Д. Гальперина-Каминского (перевод под редакцией Валерия Брюсова) опубликованы в «Русской мысли» (1912, № 1).

⁵ Бордо Анри (род. 1870) — французский критик и беллетрист. Рассказ его «Вечерние огни» в переводе Б. Рунт напечатан в «Русской мысли» (1911, № 9).

⁶ Кречетов С. (см. примечание на стр. 158).

А. С. СЕРАФИМОВИЧ

А. С. СЕРАФИМОВИЧ

ПИСЬМА к В. П. КРАНИХФЕЛЬДУ

(1912—1914)

Владимир Павлович Кранихфельд (1865—1918) — критик и общественный деятель. Принимал участие в освободительном движении с юношеских лет, неоднократно подвергался арестам. Литературная критика Кранихфельда не отличалась революционной последовательностью, он призывал к меньшевистскому лагерю критиков. Кранихфельд печатался в «Мире божьем», «Образовании», «Киевской мысли». В «Современном мире» вел отдел «Литературные отклики». В своих статьях Кранихфельд обличал декадентскую и мещанскую упадническую литературу. Основные работы Кранихфельда — о Некрасове, Л. Толстом, М. Салтыкове-Щедрине собраны в сборниках: В мире идей и образов, тт. I—III. СПб., 1912—1917.

Письма Серафимовича публикуются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 528, № 324).

1

19³⁰_{IV}12

Новочеркасск, Атаманская, 44

Многоуважаемый Владимир Павлович!

Будьте добры сообщить в контору,¹ чтобы выдали из следующего мне гонорара за «Город в степи»² 25 руб. Варваре Александровне Редько,³ а остальное перевести мне по телеграфу.

Уважающий Вас А. С. Попов.

<На конверте>

Заказное
С.-Петербург,
Надеждинская, 31,
ред<акция> «Современного Мира»,
Е<го> В<ысоко> б<лагородню> Владимиру Павловичу
Кранихфельду.
От А. С. Попова, Атаманская 44.

¹ Имеется в виду контора журнала «Современный мир».

² Роман Серафимовича «Город в степи» опубликован в «Современном мире» (1912, №№ 1—5). Кроме «Города в степи», в «Современном мире» были напечатаны рассказы Серафимовича «Живая тюрьма» («Стена») — 1907, № 1, «Слепой круг» (последнейшее названия «Яшка Беспалов», «Отрезанный ломоть») — 1908, № 6, «У холодного моря» — 1909, № 5, «Две ночи» — 1913, № 12, и повесть «Малаша» («Фетисов курень») — 1916, № 7—8.

³ В. А. Редько — жена Петра Мефодиевича Редько, инженера-путейца, брата Александра Мефодиевича Редько (1866—1933), в свое время известного критика и публициста «Русского богатства».

В. А. Редько и ее муж, по свидетельству дочери А. М. Редько Евгении Александровны, не были близки к литературным кругам. Знакомство Серафимовича с Варварой Александровной состоялось, видимо, в иной среде. В конце 80 — начале 90-х годов В. А. Редько проживала с мужем, отбывавшим политическую ссылку, в Архангельской губ. В 1887—1890 гг. Серафимович, будучи в ссылке в Архангельской губ., мог с нею там познакомиться.

2

$\frac{17}{\Pi} <19> 14$ Москва, Домниковская ул., гостин<ица>
«Москва».

Дорогой Владимир Павлович.

Посылаю Вам «Город в степи» и мой новый V-й том.¹ Очень бы просил отозваться.

Странная судьба моя писательская: меня охотно печатают, знаю, читают, и странно обо мне молчат.²

Я часто с болью задавал себе вопрос: а может быть, мой удельный вес, как писателя так ничтожен, что обо мне и сказать-то нечего. Неужели так? Право, что-то во мне живет, что не дает мне добровольно издохнуть, как художнику.

В Москве тихо. Изредка футурист, проснувшись, прокукарекает, и опять тихо. На днях Сергей Глаголь в Литературно-художественном кружке читал лекцию.³ Вваливается целая толпа футуристов с раскрашенными мордами, в красных, желтых кофтах, просят слова и начинают нести ахинею. Подымается футурист другого толка и говорит: «Дураки в красном говорят, а дураки в черном слушают». Поднялось невообразимое. Дирекция отдала распоряжение вывести из зала тех и других. Они упираются; их просят честью.⁴

А потом опять тихо.

Не собираетесь ли к нам в Москву? Приезжайте; все-таки город хороший.

Дружески жму руку.

А. С. Попов.

17
II 14.

Москва Доминиковская ул. кустин. "Москва"

Дорогой Владимир Павлович

— Посылано Вам "Горю в степи" и мой
новый "X" том. Очень бы просил отозваться.

Странная судьба моя писательская:
мне и охотно печатают, знают, читают, и
странно обо мне молчат.

Я часто о больно задавал себе вопрос: а мо-
жет быть, моя удивительная, как пишется
так митрофан, что обо мне и скажут что не-
чего. Неужели так? Право, что-то во мне
живет, что не дает мне добровольно
издохнуть, как жидовнику.

В Москву тихо. Изрядная футуристы,
проснувшись транжирекают, и видят тихо.
На днях Сергей Ткачев в Литературно-бу-
дарственный кружок читал лекцию. Вла-
дывается целая толпа футуристов с распе-
шенными мордами в красные, желтые
кофты, просят слова и начинают вслепую
ахмеево. Поднимается футурист другого толпа
и говорит: "Дураки в красном говорят, а дураки
в черном слушают". Поднялось невообра-

¹ В библиотеке Института русской литературы (Пушкинского Дома) хранится книга из архива В. П. Кранихфельда: А. Серафимович, Сочинения, том VI. Город в степи. Роман. «Шиповник», СПб., 1913, 228 стр., с автографом Серафимовича: «Москва ¹⁷ II. 14 Владимиру Павловичу Кранихфельду искренне уважающий автор».

«Мой новый V-й том» — по-видимому, речь идет об издании: А. С. Серафимович. Рассказы, т. V. «Книгоиздательство писателей в Москве», М., 1913, 261 стр.

² Дореволюционная критика мало писала о Серафимовиче. Рецензии на книги, упоминаемые в комментируемом письме, появились в «Русском богатстве» (1913, №№ 6 и 12). Рецензент писал о «Городе в степи»: «То обстоятельство, что это произведение прошло почти незамеченным в критике, а около вещей несравненно менее талантливых был даже некоторый шум, характерно для современных вкусов, но не убийственно для романа А. Серафимовича» (№ 6, стр. 347).

Просьба Серафимовича была выполнена лишь в конце 1915 г. По-видимому, ответом на нее следует считать статью Ал. Ожигова в «Современном мире» (1915, № 12). Сам В. П. Кранихфельд в 1915 г. был арестован и почти не принимал участия в журнале. В статье Ожигова благоприятно, но поверхностно обозрены произведения, напечатанные в собрании сочинений А. С. Серафимовича, выпущенном «Книгоиздательством писателей в Москве». По некоторым общим мыслям статья Ожигова близка наброску о Серафимовиче, найденному нами в архиве Кранихфельда среди литературно-критических заготовок о творчестве других писателей.

В наброске, датированном 1914 г., Кранихфельд писал о Серафимовиче в связи с изданием пятого тома его «Рассказов»: «Наблюдательный, чуткий, красочный, постоянно ищущий художник, чаще всего останавливает свой взгляд на <улав. . .> утомленных и измученных жизнью людей. Он, пожалуй, лелеет мечту о счастье, но это *мечта*, а жизнь сама рисуется им каким-то безысходным, бессмысленным процессом. Этот взгляд на жизнь придает его рассказам однообразный, тягучий характер» (ф. 528, № 65).

³ Сергей Глаголь (Сергей Сергеевич Голоушев, 1855—1920) — врач, художник, журналист, художественный критик, член кружка «Среда». Выступал с критикой антиреалистических направлений в искусстве (список работ С. Глаголя приведен в некрологе Н. В. Некрасова — «Художественная жизнь», 1920, № 4/5, май — октябрь, стр. 37). Серафимович разделял отрицательное отношение Глаголя к футуристам и декадентам. Будучи членом Литературно-художественного кружка (см. примечание на стр. 184) он прочел в нем 13 марта 1909 г. лекцию «Литература и литераторы», с которой ранее выступал в провинции. В лекции он беспощадно критиковал декадентов (А. С. Серафимович. Исследования. Воспоминания. Материалы. Письма. М.—Л., 1950, стр. 288—303).

13 февраля 1914 г. Сергей Глаголь произнес вступительное слово на вечере «Общества свободной эстетики». Желая дать психологическое объяснение оригинальничанью художников модернистских направлений, Глаголь повел речь о болезненности, своего рода ненормальности абстрактных экспериментов в области художественной формы. Его поддержал доктор А. Н. Берштейн (статья С. Глаголя об этом вечере опубликована в «Столичной молве», 1914, № 354, 17 февраля). Репортер «Русского слова» (1914, № 37, 14 февраля) писал, что «Глаголь... назвал ку-

бистов, футуристов, лучистов и так называемых „всёков“ психопатами. Футуристы, конечно, не остались в долгу».

⁴ «Просят слова и начинают нести ахиною» — эти слова Серафимовича, видимо, относятся к Д. Бурлюку. В полемике с Глаголем Бурлюк сравнил все прежнее искусство с лоханью, в которой плавают огрызки огурцов и арбузные корки, то есть все те, «кого принято считать великими» («Русское слово», 1914, № 37, 14 февраля). Затем Сергею Глаголю начал возражать В. Маяковский. Но не успел он произнести нескольких фраз, как в зал ворвался «с братией» М. Ф. Ларионов. Встав в позу, г. Ларионов обратился к Маяковскому: — Брось! Не стоит. Публика смеялась. Г. Ларионов продолжал, уже обращаясь к публике: — Смотрите! Дурак в красном (жест в сторону г. Маяковского) и дураки в черном! (жест в сторону президиума). И тот и другие ничего не стоят (там же).

Михаил Федорович Ларионов (род. 1881) — художник, с именем которого связано одно из крайне абстрактных течений в футуризме — «лучизм», то есть изображение не самого предмета, а исходящих от него лучей. Ларионов известен также как застрельщик и организатор футуристических групп художников «Бубновый валет», «Ослиный хвост» и некоторых других. Жил во Франции и оказал влияние на французскую театральную живопись. Иллюстрировал некоторые произведения Маяковского (см.: Э. Эганбюри. Наталия Гончарова. Михаил Ларионов. М., 1913, 103 стр.; «Литературное наследство», 1932, т. 2, стр. 138, 156—158).

Выпад Ларионова против Маяковского вызван был их различным отношением к приехавшему в Россию пророку западного футуризма Ф. Маринетти. Ларионов явился на вечер «Общества свободной эстетики» вслед за Маяковским и Д. Бурлюком прямо со встречи и диспута с Маринетти, состоявшемся в соседнем помещении «Литературно-художественного кружка». На этом диспуте Маяковский отстаивал право русских футуристов вести полемику на родном языке. «В „Свободной эстетике“, — заявил он, — свободен лишь выбор кушаний по карточке, ибо здесь на русский футуризм надели намордник» («Русское слово», 1914, № 37, 14 февраля).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ¹

- А. Л. см. Лурья А. П.
 А.-ловъ см. Шепкалов А. П.
 Абельдяев Д. А. 303, 304, 308, 324.
 Абрамович Н. Я. 270, 273.
 Авенариус Р. 111.
 Аверьянов М. В. 232, 233, 242, 243.
 Аверьянова М. В. 236.
 Авсоний 313, 316, 319, 326, 331, 339.
 Агриппа 319, 321, 322.
 Адрианов С. А. 294, 297.
 Айхенвальд Ю. И. 258, 259, 315, 316.
 Александр Иванович см. Иванчин-Писарев А. И.
 Александра Павловна см. Татаринова А. П.
 Александров 41.
 Александровский И. В. 317.
 Алексеевский А. П. 103, 104.
 Алексей Максимович см. Горький М.
 Алексин А. Н. 56, 77.
 Алибегова Е. 150.
 Allegro см. Соловьева П. С.
 «Алтай» 237.
 «Алтайское дело» 237.
 Альбинов Д. 114, 115.
 Амендола Дж. 260, 319, 320, 334, 337.
 Амфитеатров А. В. 168, 170, 204.
 Андреев А. Н. 92.
 Андреев В. Л. 101, 102.
 Андреев В. Н. 92.
 Андреев Д. Л. 81.
 Андреев Л. Н. 5, 51—62, 65—118, 128, 131, 137—139, 142, 204, 248, 249, 277, 363, 364.
 Андреев Н. И. 99, 101.
 Андреев П. Н. 92.
 Андреева А. А. см. Полякова А. А.
 Андреева А. М. 53, 54, 58, 59, 61, 62, 91—93, 95, 98, 99, 101, 105, 115, 116.
 Андреева А. Н. 59, 92, 114.
 Андреева Е. А. см. Бальмонт Е. А.
 Андреева З. Н. 92.
 Андреева Р. Н. 92, 104.
 Андрияшев А. 67, 69.
 Андрусон Л. И. 158, 159.
 Аничков Е. В. 260, 307, 309, 320, 325, 326.
 Аничкова А. М. (Иван Странник) 282, 284, 287, 307.
 Анна Валентиновна (сотрудница редакции «Русской мысли») 310, 316.
 Анна Михайловна (переписчица) 35.
 Анна Николаевна см. Бунина А. Н.
 Анненский И. Ф. 271, 334, 335.
 Анненский Н. Ф. 44, 46.
 Антон Крайний см. Гиппиус З. Н.
 Антоний, митрополит 197.
 Анучин В. И. 230, 232, 240.
 «Аполлон» 269, 271, 277, 280, 283.
 Арапов П. П. 122.
 Арапова (жена Арапова П. П.) 122.

¹ В указатель включены фамилии лиц, упоминаемых в публикуемых письмах и в комментариях к ним, а также названия журналов, издательств и Обществ — из текстов писем как публикуемых, так и приводимых в комментариях. (Составила Г. В. Степанова).

- Ардов Т. см. Тардов В. Г.
 Арефин С. 193, 207.
 Арцыбашев М. П. 71, 225, 277, 278, 302, 304.
 Ауслендер С. А. 270, 273.
 Ашешов Н. П. 72.
- Баев** 268.
 Баитов Г. Б. 228—230.
 Байрон Дж. 168.
 Балтрушайтис Ю. К. 147, 150, 157.
 Балухатый С. Д. 56, 57.
 Бальмонт В. Н. 146.
 Бальмонт Е. А. 146, 147, 151, 158, 163, 167, 168.
 Бальмонт К. Д. 5, 69, 142—173, 175, 258, 269, 273, 275, 276, 282, 284, 287, 289, 290, 292, 300, 312, 315, 334, 335, 363, 364.
 Бальмонт Н. К., 146, 151.
 Банг Г. 280—282.
 Баратынский Е. А. 270, 273.
 Барт Б. 326.
 Батулин 36.
 Батюшков Ф. Д. 126, 127.
 Бахман Г. Г. 143, 154.
 Бахметьев Вл. М. 191, 232, 234, 239, 245, 247, 251.
 Башкин В. 67.
 Белинский В. Г. 44.
 Белоусов И. А. 54, 69, 88, 106.
 Белый Андрей (Бугаев Б. Н.) 109, 214, 262—264, 269, 272, 273, 282—284, 288, 290, 292, 296, 297, 301—303.
 Бенуа А. Н. 280, 281, 295.
 Бер-Гофман 283, 284.
 Бердяев Н. А. 182, 258, 288, 289.
 Берне К.-Л. 14.
 Бернштейн Е. Л. 102.
 Берштейн А. Н. 351.
 Бескин М. М. 291.
 «Биржевые ведомости» 76, 77, 269, 272.
 Биск А. 339, 340.
 Благовещенская М. П. 293, 296, 322.
 Благосветлов Г. Е. 227.
 Блок А. А. 182, 183, 260, 270, 271, 276, 280, 281, 294, 297, 304, 315, 363, 364.
 Блэк 166.
 Боанэ А. 150.
 Боборыкин П. Д. 80, 81, 258, 269, 272, 298—301.
- Богданов А. см. Малиновский А. А.
 Богданов А. А. 135.
 Богданович А. И. 137, 139.
 Богданович Л. 195.
 Боголюбова О. 150.
 Богомолец А. А. 122, 123.
 Бодлер Ш. 166.
 Борис Маркович (сотрудник редакции «Русского богатства») 20.
 Бостром А. 102.
 Боткин М. П. 293.
 Брешко-Брешковская Е. К. 210, 211.
 Бритиков А. Ф. 5, 364.
 Бродский Н. Л. 341.
 Брук В. А. 42.
 Бруни Н. К. 146.
 Брюсов В. Я. 5, 130, 143, 167, 172—185, 257—345, 363, 364.
 Брюсов Я. К. 185.
 Брюсова И. М. 176, 260.
 Бугаев Б. Н. см. Белый Андрей.
 Будде Е. Ф. 277, 278.
 Булгаков С. Н. 70, 182.
 Булгаков Ф. И. 154.
 Бунин И. А. 5, 88, 97, 118, 128—141, 172, 210, 221, 238, 250, 363, 364.
 Бунин Ю. А. 128, 136.
 Бунина А. Н. 132, 134.
 Буренин В. П. 102, 103.
 Бурлаков 89.
 Бурлюк Д. 352.
 Быстренин В. П. 324, 325.
- В. В.** см. Воронцов В. П.
 Вайлати Дж. 319, 320.
 Васильев А. А. (Антон Любимов) 284, 287, 337.
 Васнецов В. М. 77.
 Ващук 159.
 Вейнберг Б. П. 227, 239.
 Велигорская А. М. см. Андреева А. М.
 Венгеров С. А. 88, 166, 168, 314, 316, 325, 327, 328, 336.
 Венгерова З. А. 283, 284.
 Венцовский 39.
 Вера Леонидовна см. Говорова В. Л.
 Вербицкая А. А. 277, 278.
 Вережников А. 234.
 Вересаев В. (Смидович В. В.) 46, 53, 67, 69, 70, 88, 97, 100, 101, 106—109, 113, 116, 128, 131, 191, 260, 327.

- Вержбицкий 96.
 Верлен П. 173, 319, 321, 339.
 Верн Ж. 298, 299.
 Верхарн Э. 174, 178—183, 260, 266, 271, 274, 301.
 Верховский Ю. Н. 283, 284.
 Вершинин см. Васильев А. А.
 Веселовская М. В. 270, 274, 280, 284, 286, 290, 314, 331.
 «Вестник воспитания» 139, 141.
 «Вестник Европы» 18, 171, 236, 294, 307.
 «Весы» 257, 259, 269, 272, 276, 282.
 Виардо П. 345.
 Вилье де Лиля Адан Ф.-О. 270.
 Вилькина-Минская Л. Н. 143.
 Винниченко В. 191.
 Виньи де А. 317, 318.
 Виссарионов 208.
 Витте С. Ю. 26, 29.
 Воинов В. 193, 206.
 Войнич Э.-Л. 204.
 Волжский (Глинка А. С.) 68—70, 106—108, 111, 113, 128.
 «Волжский Вестник» 26, 42.
 Волконский Д. А. 151, 152.
 Воложанин В. Б. 232.
 Волошин М. (Кириенко М. А.) 178, 179, 183, 199, 258, 301, 302, 338.
 Вольнов И. Е. 204, 250.
 Вольф Е. М. 24, 25, 32, 36, 39, 40.
 Вольф М. О. 25.
 Воынский А. (Флексер А. Л.) 248, 249.
 «Воля народа» 251.
 «Вопросы жизни» 181, 182, 279.
 Воронцов В. П. (В. В.) 11, 28, 29.
 Востоков А. Х. 266, 267.
 Выспанский С. 334, 335.
 Вяткин Г. 234, 239.
 Вяткин П. М. 226.
 Гаврилов П. 191.
 Галина Г. А. 119.
 Галич Л. 323.
 Гальперин-Каминский И. Д. 345.
 Гамсун К. 126.
 Ган Е. А. (Зенеида Р-ва) 341.
 Гарин-Михайловский Н. К. 5, 9—50, 363, 364.
 Гвоздев А. 218.
 Гвоздева 59, 97, 98.
 Гегель 13, 14.
 Гейне Г. 14, 166.
 Генике Д. 65.
 Георг И. 60, 61.
 Георгиевская 78, 85.
 Герцен А. И. 282, 284.
 Герцк А. К., 183, 336, 337.
 Гершензон М. О. 261, 340, 341.
 Гете И.-В. 37, 38, 166.
 Гефлинг В.-Ф. 324, 325.
 Гиль Рене 260, 276, 278, 327, 328.
 Гиппиус З. Н. (Антон Крайний) 69, 109, 111, 142, 257, 258, 262, 263, 268, 269, 274, 275, 280, 283—285, 287, 290—292, 300, 302, 303, 307, 308, 327, 331.
 Гладков Ф. В. 232, 234.
 Глеб-Кошанский 73, 74.
 Глинка А. С. см. Волжский.
 Глуховский 22.
 Гнедич Н. И. 343, 344.
 Говорова В. Л. 252, 253.
 Гоголь Н. В. 44, 277, 301.
 Голенищев-Кутузов А. А. 276, 278.
 Голицын А. Б. 36.
 «Голос Москвы» 328.
 Голоушев С. С. (Сергей Глаголь) 84, 350—352.
 Гольдберг И. 232, 234.
 Гольдмарк К. 354.
 Гольцев В. А. 88, 132, 135.
 Голяховский П. В. 66.
 Городецкий С. 304.
 Горький М. 5, 12, 50, 53, 55—57, 60, 66—72, 75—78, 82, 84—90, 92, 94, 95, 100—102, 104—111, 113, 115, 118, 122, 131, 132, 143, 166—170, 193, 194, 201, 203, 216, 217, 221, 222, 227, 231, 232, 237, 241, 245, 248—250, 260, 266.
 Горюшин С. А. 135.
 Грабарь И. Э. 269, 270, 272, 276, 282, 338, 339.
 Гребенщиков Г. Д. 229—232, 234—236, 238, 239, 242, 244, 247.
 Грекова Е. 293, 296.
 «Грех» 302, 304.
 Гречнев В. Я. 5, 364.
 Гржебин З. И. 116, 117, 252.
 Грин А. (Гриневский А. С.) 204, 336.

- «Гриф» 157, 158.
 Грифцов Б. А. 327, 341.
 Грюнберг П. 79.
 Гумилев Н. С. 260, 270, 271, 273, 304.
 Гуревич Л. Я. 258, 263, 265, 269, 272, 285, 290, 300, 327, 328, 340, 341.
 Гусев-Оренбургский С. 131, 143, 238, 241.
 Гутман И. 280, 281, 287, 292.
- Давыдов В. Н. 222, 224.
 Давыдова А. А. 119, 124.
 Давыдова М. К. см. Куприна-Иорданская М. К.
 «Далекая окраина» 238.
 Даманская А. Ф. 251, 252.
 Даутендей М. 290, 291, 318.
 Де ла Барт Ф. Г. 313, 314, 324.
 Деларю-Мардюс Л. 305, 306, 324, 331, 340.
 «Дело народа» 251.
 Дементьев П. А. см. Тверской П. А.
 Дерман А. Б. 193, 202, 203, 206, 207, 209, 211, 216.
 Джемс Линч см. Андреев Л. Н.
 Дий Одинокий см. Туркин Н. В.
 Диоклетиан 271, 274.
 Дмитриев М. П. 100, 101.
 Дмитриева В. 69.
 Дмитрий Евгеньевич (сотрудник редакции «Русской мысли») 303, 305, 326, 330.
 Добров Ф. А. 81.
 Доброва Е. М. 80—82.
 Добролюбов Н. А. 44, 314, 325.
 «Донская жизнь» 194, 197, 209.
 «Донская речь» 192—194, 196.
 Достоевский Ф. М. 68, 308, 325.
 Драверт П. 232.
- Ева Галактионовна см. Короленко Е. Г.
 Евгения императрица, жена Наполеона III 344.
 «Ежемесячный журнал» 209, 210, 213—216, 218, 224, 233, 236—238, 240, 241, 243, 245, 250, 251.
 Екатерина Алексеевна см. Бальмонт Е. А.
 Елеонский С. (Миловский С. Н.) 281, 298, 299.
- Елизаветинская 60, 61.
 Елпатьевский С. Я. 46, 50, 121, 122.
 Ермолаев М. С. 135.
 Есенин С. А. 191, 251.
- Желтова Н. И. 5, 364.
 «Жизнь» 76, 131, 132, 136—138.
 «Жизнь Алтая» 237, 239.
 «Жизнь и искусство» 120, 121.
 Жилияков А. 234.
 Жихарева К. М. 228, 250—252.
 Жуков В. Н. 22.
 Жуковский В. А. 177.
 Жуковский Д. Е. 288, 289.
 Журавская З. Н. 274, 296, 298.
 «Журнал для всех», 57, 65—67, 69, 72—74, 82—86, 90, 91, 94—96, 98, 99, 103—110, 112, 115, 116, 120, 122, 124, 127, 134, 136—138, 140, 153—155, 157, 159, 160, 162—167, 170, 173, 175—182, 185, 189, 193, 196, 204, 280.
- «Забайкальская новь» 238.
 «Заветы» 199, 201—203, 205, 214, 215, 229, 230, 232, 233, 237.
 Загорский Е. 280, 281, 314.
 Зайцев Б. К. 87, 88, 333.
 Замятин Е. 206, 215, 236, 242.
 Зверев Н. 96.
 Златовратский Н. Н. (Н. Оранский) 140, 141.
 Зелинский Ф. Ф. 294, 296, 297, 342, 343.
 «Земля» 302, 304.
 Зинаида Николаевна см. Гиппиус З. Н.
 «Знание» 53, 60, 61, 85, 86, 90, 111, 166, 167, 177, 178, 180, 229, 241.
 Зноско-Боровский Е. А. 283, 284, 306.
 Зубашев Е. Л. 228, 230.
- «Известия Московского литературно-художественного кружка» 184.
 Изгоев А. С. 258, 323, 324.
 Иванов Вс. 232.
 Иванов Вяч. 182, 271, 272, 294, 325, 328, 343, 344.
 Иванов-Разумник Р. В. 190, 198, 199, 202, 213, 214, 227, 228, 251.

- Иван Странник см. Аничкова А. М.
Иванчин-Писарев А. И. 9—50, 56,
213, 214, 227—229, 231, 241, 364.
Иванчина-Писарева Л. В. 24, 25, 32,
33, 35, 36, 40, 41, 50.
Игнатов 103.
Измайлов А. А. 94, 201, 202, 206,
221, 224, 265.
- Каблиц И. И. см. Юзов.
Кавелин К. Д. 342, 343.
Казмичов П. П. 214, 221.
Кайнц И. 280—282.
Каллаш В. В. 277.
Каллиотов Ф. 70.
Кальдерон дела Барка П. 147, 151,
154, 155, 156.
Каменский А. П. 302, 303, 342,
343.
Кант И. 13, 14.
Каренин Владимир (Комарова-
Стасова В. Д.) 340, 341.
Карич см. Яковлева Е. Ф.
Карпов П. И. 308, 309, 322
Карышев Н. И. 11, 26—29
Катя см. Бальмонт Е. А.
Келлерман Б. 204, 253.
«Киевская мысль» 209.
«Киевское слово» 120.
Кизеветтер А. А. 258, 259, 261, 286,
287, 295, 303, 304, 306, 324.
Киселев Н. И. 288, 289, 294, 319,
331, 334.
Клименков 159.
Клярнер 229, 231.
Книппер-Чехова О. Л. 86, 103, 160.
Кобылинский Л. Л. см. Эллис.
Ковалевский М. М. 171.
Козленко Н. В. 97.
Коковцов В. Н. 210, 211.
Колпинский А. Е. 137.
Колтоновская Е. А. 262, 289—291.
Комарова-Стасова В. Д. см. Каре-
нин Владимир.
Комаровский П. 317.
Кондратьев А. А. 292, 293, 296, 316,
319, 320, 331, 332.
Кони А. Ф. 258.
Конский П. 129.
Королев 77.
Короленко В. Г. 10, 14, 28, 44—46,
66, 68, 70—73, 202, 241.
Короленко Е. В. 35.
Костылев Н. 278.
- Котылева О. Э. см. Миртов О.
Кочетов Н. Р. 283, 284
Кранихфельд В. П. 349—352, 363,
364.
«Красное знамя» 169, 170.
Крашенинников Н. А. 291—293, 338.
Кречетов Сергей см. Соколов С. А.
Кривенко С. Н. 9.
Кристенсен Д. 154, 155.
Кронье Г. 270, 274, 287, 292, 306.
Крутовский В. М. 241, 242.
Крылов И. А. 328.
Ксения Михайловна см. Жихаре-
ва К. М.
Кузмин М. А. 260, 270, 273, 304.
Кузьмин Н. М. 236.
Куприн А. И. 5, 10, 44, 46, 118—127,
143, 170, 302, 304, 363, 364.
Куприна Л. А. см. Леонтьева Л. А.
Куприна-Иорданская М. К. 119, 122,
124.
«Курьер» 55, 72, 74—76, 80, 82, 84—
87, 89, 91, 94, 100, 104, 112.
Кутузов см. Голищев-Куту-
зов А. А.
Куш 211.
- Лазаревский Б. А. 216, 282, 284, 285.
Лазурский В. 340, 341.
Ларионов М. Ф. 352.
Ласкарич Г. 318, 320.
Лахостский П. 200.
Лебедев (цензор) 67.
Леонтьева Л. А. 126, 127.
Ленау Н. 166, 172.
Ленин В. И. 10, 11, 30, 131, 139, 170,
197, 205, 232, 258, 259, 263, 323.
Леонардо да Винчи 286, 288.
Леонов А. П. 197.
Лепешкина 314.
Лермонтов М. Ю. 132, 134.
Лесьмян Б. 171.
«Летопись» 249, 250, 266.
Лидия Валериановна см. Иванчина-
Писарева Л. В.
Листопадов А. М. 195.
Литвин Э. С. 143, 174, 182.
Ломоносов М. В. 344.
Лондон Д. 204.
Лосский Н. 181.
Лохвицкая М. А. 163, 164.
Лукьянов А. 174, 178, 180.
Луначарский А. В. 200.
Лурия А. П. 205, 207, 208.

- Турье С В 259, 260, 273, 276, 277, 282, 287, 293, 294, 315, 319, 336, 338
 Любимов Антон см Васильев А
 Любинова А 61
 «Любовь» 302, 304
 Ляцкий Е А 258
- Магнитский Г 251**
 Маклаков В А 304
 Макс Ли см Хренникова О Н
 Максимов Д Е 176
 Макушин П И 230, 240, 241, 246, 247
 Малахиева-Мирович В Г 259, 261, 274—276, 282, 288, 294
 Малиновский А А (Богданов А) 68
 Малиновский И А 228, 230
 Маянгович П Н 73, 77
 Мамин-Сибиряк Д Н 10, 14, 21, 22, 28, 132, 134, 258
 Мамонтов С С (Матов) 288, 289
 Маркс Карл 12
 Мардарьев 194
 Маринетти Ф 352
 Марло К 147
 Мархлевский и К° 59
 Маслов 22
 Масперо Г 289
 Матвеев Н 234
 Матов см Мамонтов С С
 Мах Э 111
 Мачтет Г 241
 Маяковский В В 352
 Мельников И 191
 Мельшин Л, П Я см Якубович П Ф
 Меньшиков М О 137, 139
 Мережковские см Гиппиус З Н и Мережковский Д С
 Мережковская см Гиппиус З Н
 Мережковский Д С 69, 109—111, 119, 142, 153, 257—259, 262, 264, 268, 270—272, 278—283, 286, 288, 290, 292, 300, 308, 317, 318, 335, 336, 338, 340
 Мертенс О 276, 278
 Метерлинк М 173
 Милицына Е М 287, 289
 Миловский С Н см Елеонский С
 Минский Н М 143
 «Мир божий» 44, 94, 279, 281
 Мирот см Миролюбов В С 65 128
- Мирович см Малахиева-Мирович В Г
 Миролюбов В С 5, 55, 56, 65—253, 363, 364
 Мирский В (Соловьев Е А) 102
 Миртов О (Котылева) 289, 291 334, 335, 340
 Митрохин Д И 239
 Михайлов Н Н 203—205
 Михайлов 139, 141
 Михайлова А Н 5, 364
 Михайловская Н В 9, 13, 21, 26, 30—33, 35—38, 40, 47, 49
 Михайловский К Я 22, 23
 Михайловский Н К 5, 9, 10, 13—17, 19, 20, 23—26, 28, 32—34, 39, 42—48, 50—62, 90—95, 195, 202, 217, 363, 364
 Миша (служащий в редакции «Русского богатства») 35
 Могилянский М М 317
 Мордовцев Д Л 78
 Морозов Н А 295, 297, 321, 323
 «Московские ведомости» 257
 «Московский вестник» 74
 «Московский еженедельник» 280, 281
 Московский литературно художественный кружок 81, 183, 184, 307, 308, 350, 351
 Мстиславский С 228
 Муйжель В 215, 304
 Муратов А Б 5, 364
 Муратова К Д 5, 364
 Муромцева-Бунина В Н 128
 Муханов С 18
 Мягков 45
- Набоков В Д 258**
 Нагибина М П 325
 Надя см Михайловская Н В
 Найденос С А 88
 Наполеон III 344
 «Народная весть» 71
 «Народный путь» 117
 Наумов Н 241
 Наумов 317
 «Наша жизнь» 257
 Неведомский М 218
 Незлобин К Н 222
 Некрасов Н А 227, 349
 Некрасов Н В 333, 351
 Нексе М-А 253
 Немирович-Данченко Вас И 78

- Непризнанная М 293, 296
 «Нива» 136, 137, 303
 Николаев 324, 332
 Николай II 151
 Николай Константинович см Ми
 хайловский Н К
 «Нижегородский листок» 90
 Нилус П 284
 «Новая жизнь» 238
 Новик И Д 73, 100
 Новиков М 191
 «Новое время» 152, 153, 292, 296
 Новоембергский Н Я 242
 Новоселов А 234
 Новоселов Н 232
 «Новый журнал иностранной лите-
 ратуры» 153, 154
 «Новый путь» 109—111, 176, 258, 269
 Нолькен К С 229, 231
 Норкин Н Х 194
- Оболенский** кн 26
 Оболенский Л Е 9.
 Общество для содействия русской
 промышленности и торговле 22,
 23
 Общество промышленности 22
 Общество свободной эстетики 271,
 352
 Общество союза писателей 48
 Овсянко Куликовскии Д Н 129
 Ожигов Ал 351
 Окулов А 234
 «Омский вестник» 237
 Оранский Н см Златовратский Н Н
 Орлов В Н 145
 Орлов К А 232
 Ососков И А 35
 Останин Н 282—284
 Остолопов Н Ф 266, 267
 Островский Андреи Н 26, 29
- Павловская** К Е 119
 Панкратов А С 292, 296
 Панова С Д 93
 Панченко Н Т 5, 364
 Папини Дж 277, 278
 Парамонов Н Е 202
 Парнок С Я 276, 278, 280, 344
 «Парус» 266
 Паустовский К Г 211
 Первухин М К 336, 337
 Перевощикова Н И 337
 Перельман 92
- Перцов П П 178, 257, 259
 Перцовы 22
 Петерсен В 26, 28, 29
 Петр I 306
 Петрищев А 211
 Петров Г С 197, 198, 200, 205
 Петров С Г см Скиталец
 Петровский А 251
 Пешехонов А В 262, 310, 311
 Пешкова Е П 50
 Писарев Д И 296
 Пишон Р 271
 Платков 39
 Плеве В К 109 111
 Плеханов Г В 200
 По Э 151, 173, 174
 Победоносцев К П 324, 332, 342,
 343
 Подкольскии В В 119
 Подруц 22
 Подъячев С 238, 250
 Поляков С А 147, 155, 156
 Поляков Я А 146 147
 Полякова А А 147
 Попов А С см Серафимович А
 Попов И И 184
 Попов М Н 289
 Попова О Н 137
 Пороховщиков А А 33
 «Посредник» 30
 Поссе В А 66, 131, 135, 168
 Постников С П 190, 200—202, 227,
 230, 231, 235
 Потанин Г Н 227, 230, 239, 241,
 244, 245, 247, 249
 Потапенко И Н 304, 306
 Потемкин-Таврический Г А кн 286,
 287, 288
 Потресов А Н 248, 249
 «Правда» 109, 111, 141
 Прилуков Д 317
 Пришвин М М 202, 203, 251, 284,
 285, 287, 292, 334, 336—338, 340
 «Прометей» 203, 204, 206
 Протопопов М 52, 53
 Протопопов С 102
 Пуришкевич В М 24С
 Пушешникова С Н 131
 Пушкин А С 44, 129, 148, 269, 273,
 281, 326
 Пшибышевскии С 270, 273
 Пятницкий К П 53 56, 59, 60, 75,
 85, 88, 90, 95, 100, 105, 166, 167,
 169, 231

- Р-ва Зенеида** см. Ган Е. А.
Редько А. М. 350.
Редько В. А. 349, 350.
Редько П. Ф. 350.
Рейснер М. А. 170.
Религиозно-философские собрания 68, 152, 153.
Ремизов А. М. 199, 201, 210, 214, 233, 238, 242—244, 260, 270, 273, 283, 288, 300, 312, 315, 316, 326, 333, 334, 336, 337, 342, 343.
Ренан Э.-Ж. 344.
Ренье А. де 173.
«Речь» 280, 281.
Рильке Р.-М. 306, 314, 338—340.
Рихтер 36.
Робе 36.
Роденбах Ж. 274, 280, 314, 331.
Рожков Н. 129.
Розанов В. В. 109, 119, 258, 282, 283, 292, 296, 300, 301, 308, 310, 311.
Розанов М. Н. 314, 316, 324.
Розенфельд О. Э. см. Миртов О.
Роллан Р. 168, 253, 277, 278.
Романов П. С. 287, 289, 293, 294, 338.
Рони Ж. (Боз Жозеф Анри) 286.
Рооп Х. Х. 26, 29.
Ропшин В. (Савинков Б.) 201, 214.
Рунеберг В. 127.
Рунеберг И. Л. 126, 127.
Рунт Б. М. 274, 284, 320.
«Русская высшая школа общественных наук! (Париж)» 155, 156.
«Русская жизнь» 24—26.
«Русская молва» 207.
«Русская мысль» 18, 37, 45, 52, 203, 207, 208, 236—266, 268, 269, 272—280, 284—286, 293, 294, 300, 304—306, 308, 309, 311, 312, 314, 315, 317—320, 324—330, 334—336, 338, 342, 343.
«Русские ведомости» 57, 103, 198, 259, 280, 281, 322.
«Русское богатство» 9, 11, 14, 17, 18, 20, 21, 25, 26, 39, 42, 44—49, 51, 52, 56, 58, 60, 96, 215.
«Русское обозрение» 103.
Русское общество пароходства и торговли 122, 123.
«Русское слово» 237, 238, 260, 322, 338.
Русское техническое общество 22, 23.
Руссо Ж.-Ж. 298, 299.
«Русь» 178, 179.
Сабашников М. В. 150, 151.
Саблин В. М. 303, 304, 323.
Савинков Б. см. Ропшин В.
Савич Г. 58, 59.
Садовский Б. А. 260, 270, 273, 283, 284, 286—288, 290, 334—338, 344.
Сазонов Е. 109, 111.
Салиас де Турнемир Е. А. 78.
Салтыков-Щедрин М. Е. 349.
Салтыковский В. И. 220, 221.
«Самарская газета» 26.
«Самарский вестник» 43.
Санд Жорж 340.
Санин 54.
«Саратовский листок» 199.
Сарду В. 351.
Свербеев 22.
Свирский А. (Донской) 193.
«Северные записки» 215.
«Северные цветы» 132, 137, 326, 327.
«Северный вестник» 272.
Северянин А. (Быков А. Н.) 323.
Серао М. 304—306.
Серафимович А. (Попов А. С.) 68, 69, 88, 97, 107, 110, 112, 113, 128, 131, 143, 193, 194, 202, 210, 258, 349—352, 363, 364.
Сергеев Я. 193.
Сергеев-Ценский С. 210.
Сергеенко П. А. 259, 270, 273, 277, 291, 292, 305.
«Сибирская жизнь» 228—230, 233, 237, 240—243.
«Сибирская неделя» 237.
«Сибирские вопросы» 229, 231.
«Сибирь» 237.
Синегуб Е. С. 211, 212.
«Сирин» 214, 265.
Скворцов Н. А. 292, 296.
Скиталец (Петров С. Г.) 77, 95, 110, 131.
«Скорпион» 110, 137, 139.
Скрам А. 293, 296.
«Слово» 215.
Случевский К. К. 78.

- Смидович В. В. см. Вересаев В.
 Снежко (инженер) 36.
 Соболев М. Н. 228, 231.
 «Современный мир» 349.
 Соколов С. А. (Кречетов Сергей)
 157—159, 306, 344.
 Соколов (цензор) 198.
 Соловьев Вл. С. 88, 271.
 Соловьев Е. А. см. Мирский В.
 Соловьев С. М. 303, 304.
 Соловьева П. С. (Allegro) 150.
 Сологуб Ф. (Тетерников Ф. К. 214,
 258, 260, 263, 270, 273—276, 280,
 288, 312, 315, 326—330, 334.
 Сорокин А. 234.
 «Среда» 54, 88, 112, 113, 135.
 Средин Л. В. 77.
 Станюкович К. М. 10, 14, 45, 48, 66,
 241.
 Стасюлевич М. М. 136, 171.
 Стромилев Н. С. 37.
 Струве П. Б. 30, 31, 34, 257—345,
 364.
 Суворин А. С. 153, 179.
 Сумбатов А. И. см. Южин (Сум-
 батов) А. И.
 Сумцов Н. 129.
 Сургучев И. Д. 192, 199, 201.
 Суханов Н. 200.
 Сытин И. Д. 60, 85, 237, 279, 281.
 Таловский А. П. 228—231, 241, 242.
 Тальников Д. (Шпитальников Д. Л.)
 221, 222, 250.
 Гардов В. Г. (Ардов Т.) 280, 281,
 287.
 Гарновская М. Н. 317.
 Татарина А. П. 270, 273, 282, 285,
 292—295, 302, 305, 313, 321, 322,
 327, 333, 337, 340, 342.
 Тачалов И. 232.
 Тверской П. А. (Дементьев П. А.)
 333.
 Тейтель Я. Л. 35.
 Телешов Н. Д. 52, 54, 79, 84, 88,
 134—136.
 Теннисон А. 166.
 Терехов 134.
 Терещенко А. С. 121, 122.
 Тернавцев В. А. 153.
 Тёрнквист О. 126.
 Тимковский Н. И. 83—86, 88, 89.
 Тихонович С. В. 195.
 Ткаченко М. И. 245.
 Ткаченко Н. И. 245.
 Толмачева М. Л. 316, 336, 337, 340.
 Толстая С. А. 102, 103.
 Толстой А. Н. 102, 210, 260, 261, 283,
 284, 286, 287, 304, 306, 307, 312,
 313, 316, 318, 322.
 Толстой Л. Н. 44, 90, 100, 102, 215,
 273, 294, 301—303, 337, 340, 341,
 349.
 Третьяков В. К. 343, 344.
 Тренев В. К. 208, 209.
 Тренев К. А. 5, 189—225, 363, 364.
 Тренев Н. А. 220.
 Трубецкой Е. Н. 324, 325.
 «Трудовой путь» 71, 183, 196, 197.
 Тургенев И. С. 44, 344, 345.
 Туркин Н. В. (Дий Одинокий) 262,
 327, 328, 330.
 Тыркова А. В. 273, 322, 323, 331.
 Тэн И. 270, 274, 280—282, 293,
 305.
 Тютчев Ф. И. 176, 177, 269, 273.
 Уайльд О. 158, 159.
 Уитмен У. 166.
 Украинский К. А. см. Тренев К. А.
 Ульдрих Е. 79.
 Умов А. Н. 315, 316, 344.
 Успенский Г. И. 349.
 «Утро» 257.
 «Утро Сибири» 237.
 Фалькбергет И. 323.
 Фатов Н. Н. 257.
 Федерн К. 334, 335.
 Федоров А. М. 123.
 Федоров И. (Омулевский) 241
 Фейгин Я. А. 82, 83, 132, 135.
 Фенелон Ф. 344.
 Фибих К. 323, 324, 331, 340.
 Филипп Ш.-Л. 298, 299.
 Филиппов А. Ф. 103, 104.
 Философов Д. В. 111, 248, 249, 258,
 268, 269, 271, 272, 276, 280, 282,
 298, 299.
 Флексер А. Л. см. Волынский А.
 Флобер Г. 344.
 Фомин С. 251.
 Форш О. Д. 191.
 Франс А. 67, 306.
 Фурну Ж. 339.
 Хазов 162.
 Хайам Омар 315, 316.

- Хальстрем 293, 296.
Харьковский К. см. Тренев К. А.
Хренникова О. Н. (Макс Ли) 82, 83.
- Цакни А. Н.** см. Бунина А. Н.
Цвейг С. 260, 305, 306.
Цветковская Е. К. 167, 168.
Цехновицер О. В. 159.
- Чапыгин А. П.** 71, 191, 215.
Чацкина С. И. 284, 287, 336.
Черинов, проф. 84.
Чернов В. М. 202, 227.
Чернышевский Н. Г. 296.
Честертон Д.-К. 298, 299.
Чехов А. П. 45, 49, 50, 55, 56, 66, 77, 85, 86, 88, 90, 101, 103, 112, 119, 131, 134, 155, 159, 160, 177, 178, 184, 216, 250.
Чириков Е. Н. 46, 110, 111, 131, 248—250.
Чуковский К. И. 260, 262, 320, 344.
Чулков Г. И. 111, 304.
- Шаляпин Ф. И.** 53.
Шамбинаго С. 341.
Шевченко Т. Г. 320.
Шекспир В. 148, 155, 168.
Шелли П.-Б. 147, 151—154, 157, 166, 169.
Шепкалов А. П. 194, 195, 210, 217—221.
Шеппинг 165.
Шиллер Ф. 59.
«Шиповник» 116, 283, 287, 307.
Ширмаков П. П. 5, 364.
Шишков В. Я. 5, 190, 191, 222, 226—253, 363, 364.
Шляпки И. А. 407.
- Шмелев И. С. 215.
Шпитальников Д. Л. см. Тальников Д.
Штейнберг А. 315, 316.
Штейниц Г. 59.
Шульц П. А. 26, 29.
Шулятиков В. 90.
Шура см. Андреева А. М.
Шустов 104.
- Щепетев А.** 321, 323.
- Эглит В. 341.
Элиасберг А. С. 280, 281, 283, 284, 300, 306, 320, 321, 327.
Элленс Ф. 292, 296.
Эллис (Кобылинский Л. Л.) 272, 283, 284.
Эльяшевич Ф. О. 323.
Энгельгардт М. 114, 115.
Эртель А. И. 66, 293, 296, 307, 340, 341.
Эртель, жена Эртеля А. И.
Эфрос Н. Е. 280, 281, 322, 340, 341.
- Юдин А. С.** 173.
Южаков С. Н. 11, 28, 30.
Южин (Сумбатов) А. И. 280, 281.
«Южные ведомости» 205, 209.
Юзов (Каблиц И. И.) 28, 30.
Юшкевич С. С. 123, 143.
- Яблонский С.** 323.
Яковлева Е. Ф. (Карич) 137, 139.
Якубович П. Ф. (Мельшин Л., П. Я.) 66.
Ясинский И. И. 77, 78.
Яцимирский А. И. 314, 316.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ¹

Письмо Н. Гарина к Н. Михайловскому от 17 декабря 1892 г.	15
Письмо Л. Андреева к Н. Михайловскому от августа 1902 г.	56—57
Письмо А. Куприна к В. Миролубову от 9 июня 1904 г.	125
Письмо И. Бунина к В. Миролубову от 1 июня 1901 г.	133
Письмо К. Бальмонта к В. Миролубову от 12 августа 1899 г.	149
Письмо В. Брюсова к В. Миролубову от 5 марта 1906 г.	184—185
Письмо К. Тренева к В. Миролубову от 10 марта 1916 г.	223
Письмо В. Шишкова к В. Миролубову от 12 сентября 1913 г.	232—233
Письмо А. Серафимовича к В. Кранихфельду от 17 февраля 1914 г.	350—351

¹ Все указанные автографы хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
«РУССКОЕ БОГАТСТВО»	
Н. Г. Гарин-Михайловский. Письма к Н. К. Михайловскому и А. И. Иванчину-Писареву (подготовлено В. Я. Гречневым)	9
Л. Н. Андреев. Письма к Н. К. Михайловскому (подготовлено Н. И. Желтовой)	51
«ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ»	
Л. Н. Андреев. Письма к В. С. Миролюбову (подготовлено К. Д. Муратовой)	65
А. И. Куприн. Письма к В. С. Миролюбову (подготовлено П. П. Ширмаковым)	118
И. А. Бунин. Письма к В. С. Миролюбову (подготовлено П. П. Ширмаковым)	128
К. Д. Бальмонт. Письма к В. С. Миролюбову (подготовлено А. Б. Муратовым)	142
В. Я. Брюсов. Письма к В. С. Миролюбову (подготовлено А. Б. Муратовым)	172
«Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л »	
К. А. Тренев. Письма к В. С. Миролюбову (подготовлено А. Ф. Бритиковым)	189
В. Я. Шишков. Письма к В. С. Миролюбову (подготовлено Н. Т. Панченко)	226
«РУССКАЯ МЫСЛЬ»	
В. Я. Брюсов. Письма к П. Б. Струве (подготовлено А. Н. Михайловой)	257
А. С. С Е Р А Ф И М О В И Ч	
Письма к В. П. Кранихфельду (подготовлено А. Ф. Бритиковым)	349
Указатель имен и названий	353
Список иллюстраций	363

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ, вып. V

*

Утверждено к печати

Институтом русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР

*

Редактор Издательства П. П. Быстров. Технический редактор В. Т. Боचेвер.
Корректоры Н. И. Журавлева, А. И. Кац и И. А. Кириллова.

*

Сдано в набор 7/X 1959 г. Подписано к печати 27/II 1960 г. РИСО АН СССР № 59^а—97В. Формат бумаги 60 × 92¹/₁₆. Бум. л. 11³/₈. Печ. л. 22³/₄ = 22²/₄ усл. печ. л. + 4 вкл. Уч.-изд. л. 22,91 + 4 вкл. (0,53 уч.-изд. л.). Изд. № 949. Тип. зак. № 641. М-32049. Тираж 2500. Цена 15 р. 70 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР. Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1.

2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР.
Ленинград, 2-я Советская, 7.